

СЪВЕРНЫЕ
ЦВѢТЫ

на 1825 годъ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

Приложено къ Русскому Архиву.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

**СЪВЕРНЫЕ
Ц В Ъ Т Ы**

на 1825 годъ,

СОБРАНИЕ

Барономъ Дельвигомъ.

ИЗДАНЫ

Иваномъ Сленинымъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Августа 9 дня, 1824 года.

Цензоръ Александръ Вируковъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

П Р О З А .

	<i>Стр.</i>
Письмо къ графинѣ С. П. С. о Русскихъ постахъ.....	5
Прогулка въ селѣ Кусковѣ.....	81
Исторія кокетства.....	109
Аеонская гора. <i>Отрывокъ изъ путеше- ствія по Греціи въ 1820 году.....</i>	119
Извѣстіе о Греческихъ и Латинскихъ рукописяхъ въ Серальской Библиотекѣ	162
Древніе замки (письмо VI къ другу)...	166
Отрывки писемъ изъ Италіи.....	172
Неузнанная.....	245

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.....	253
Привидѣніе.....	257
Таинственный посѣтитель.....	258
Муха и пчела (басня).....	261

IV

	<i>Стр.</i>
Молодой пѣвецъ.....	262
Оправданіе.....	263
Сонетъ.....	265
Греческія простонародныя пѣсни.....	266
(Good night.—Добрая ночь.....	269
Псаломъ. (Подражаніе).....	273
Измѣна.....	274
Демонъ.....	275
Пѣсня.....	276
Море и земля (съ Греческаго 1820) ...	278
Въ альбомъ Н. Н. Б-ой.....	279
Отрывки изъ Евгенія Овѣгина, Поэмы Александра Пушкина.....	280
Черепъ.....	282
Богачъ и Поэтъ (басня).....	283
Прихожанинъ (басня).....	284
Ночь.....	286
На смерть Н. Н.....	287
Недовольный.....	287
Элегія.....	289
Къ Журнальнымъ близнецамъ.....	289
Левъ состарѣвшійся.....	290
Альбомъ.....	291
Три поцѣлуя.....	292
Прозерпина.....	293
Русскія пѣсни.....	295

	<i>Стр.</i>
Простосердечный отвѣтъ.....	297
Черта мѣстности	298
Желаніе Бога (изъ ис. 41.).....	299
А. Н. С—вой.....	301
Сонъ невѣсты. (Баллада).....	302
Цвѣты, выбранныя изъ Греческой Анео- логіи.....	305
Звѣздочка.....	313
Кіевъ.....	314
Къ***.....	316
Къ Княжнѣ*** при посылкѣ ей монхъ пѣсень.....	317
Ирландская пѣсня (изъ Мура).....	318
Моя любовь (1824.).....	319
Лисица и Осель (басня).....	321
Къ невѣрной	322
Весенній гимнъ Вседержителю (во время перваго грома).....	323
Царь Оулескій (изъ Гёте).....	325
Перчатка (изъ Шиллера).....	326
Къ Кн. М. А. Г., урожденной К. С....	329
Сербскія пѣсни.....	331
Видѣніе въ лунѣ.....	338
Къ И. И. Козлову.....	339
Романсъ.....	340
Два червяка (басня).....	341

VI

Стр.

Котъ и бѣлка (басня).....	343
Розлука.....	344
С Д. П. (въ день ея ангела).....	315
Ей же (въ день ея рождѣнія).....	346
Купальницы (Идиллія).....	346
Мотылекъ и цвѣты.....	357

П Р О З А.

**ПИСЬМО КЪ ГРАФИНѢ С. И. С. О РУС-
СКИХЪ ПОЭТАХЪ.**

Объщать, да не исполнить: по-моему, значить остаться въ долгу. Давно я должникъ вашъ, графиня! Спѣшу расплатиться. Вы обвиняли меня въ пристрастїи къ русскимъ поэтамъ. Вы даже подозрѣвали насъ, русскихъ литераторовъ, что мы умышленно грѣшимъ, пропуская безъ вниманїя лучшія произведенїя французской поэзіи. Наконецъ, по вашему мнѣнію, трудно указать, кто бы изъ нашихъ поэтовъ замѣнилъ вамъ то удовольствіе, которое чувствуете вы, читая любимаго

своего Ламартина. Я во всемъ осмѣлился вамъ противорѣчить. Я вызвался доказывать вамъ, что едва ли вы не пристрастиѣ меня. Вы позволили мнѣ письменно защищаться, говорить откровенно, даже долго. Кто бы на моемъ мѣстѣ не воспользовался такимъ позволеніемъ? Но вы не испугайтесь, графиня! Я не употреблю во зло вашего снисхожденія. Непростительно было бы мучить васъ убѣжденіями, что я безпристрастный человекъ, что мы всѣ равно любимъ французскую поэзію, какъ и вы. Мнѣ только надобно будетъ доказать, что есть много русскихъ поэтовъ, которые удовлетворяютъ самому разборчивому вкусу образованнаго и безпристрастнаго человека. Если я успѣю въ своемъ намѣреніи, кажется, другія ваши сомнѣнія разрѣшатся сами собою.

Но можно ли, начиная говорить о поэтахъ, не сказать чего нибудь пре-

жде о поэзіи? Она знакома сердцу каждаго чловѣка. Мы всѣ чувствуемъ ее, какъ наслажденіе, какъ желаніе счастья. Вся разность ея происходитъ отъ силы души, отъ направленія страстей и отъ обстоятельствъ жизни, наиболѣе рѣшающихъ судьбу чловѣка. Кто жилъ нѣсколько часовъ, отдавшись благороднымъ, лучшимъ своимъ желаніямъ; кто въ это время былъ совершенно свободенъ отъ ничтожныхъ потребностей бѣдной жизни нашей и чуждъ волненія земныхъ страстей: тотъ испыталъ это чувство, которое называю я поэзіей. Трудно, почти невозможно быть всегда поэтомъ, равно какъ невозможно быть всегда счастливымъ. Есть однако же способъ воскрешать сіи быстрыя наслажденія и сообщать имъ неизмѣнное бытіе, ежели не въ сердцѣ, по крайней мѣрѣ въ памяти. Я говорю объ искусствѣ поэзіи. Наружныя совершенства произведеній въ

каждомъ искусствѣ составляютъ условное дѣло. Лучшій скульпторъ безъ хорошаго рѣзца и чистаго мрамора не въ состояніи сдѣлать превосходной статуи. Равно и поэтъ: онъ не можетъ во всемъ стихотвореніи своемъ сохранить одинаковой гармоніи, точности, ясности, если языкъ его не совсѣмъ обработанъ, не вездѣ опредѣленъ и не принялъ видоизмѣненій для оттѣнковъ каждой мысли. И сколько еще безчисленныхъ обстоятельствъ, которыя должно принять въ уваженіе, чтобы судить объ одной наружности произведенія! Самое чувство поэзіи, какъ я замѣтилъ выше, подвластно обстоятельствамъ жизни. По крайней мѣрѣ можно, говоря о немъ, быть строже. Оно больше принадлежитъ собственно поэту, нежели языкъ его, который только тогда надобно осуждать, когда онъ ниже своего времени.

Вы, графиня, любите поэзію. Итакъ

вы любите читать исторію лучшей жизни человѣческаго сердца: его прекрасныя желанія, тихія надежды, благородныя порывы и самыя мученія (въ которыхъ есть что-то лучшее бездѣйственаго состоянія души, потому что они вызываютъ насъ на славныя подвиги). Но можетъ ли вкусъ, эта способность души, столько же разборчивая и нѣжная въ выборѣ наслажденій, сколько и жадная къ разнообразію оныхъ, ограничиться одною французскою поэзіей? Ея лучшее время было временемъ политической расчетливости, свѣтской учтивости и придворнаго остроумія. Этотъ вѣкъ наложилъ крѣпко печать свою на всю поэзію, тѣмъ болѣе, что она сосредоточивалась въ Парижѣ. Самое вѣрное поэтическое чувство, самое лучшее его движеніе не смѣло тамъ явиться въ прелестной простотѣ своей. Оно говорило въ полголоса и то жеманнымъ языкомъ.

Прекрасная природа показала бы грубою въ этихъ обществахъ, въ которыхъ все было искусствомъ: движенія, голосъ, мысли и чувствованіе. Что невольно зарождалось въ пламенномъ сердцѣ, то передавалъ холоднымъ языкомъ своимъ услужливый умъ. Нѣтъ правила безъ исключенія. Но я говорю о большемъ числѣ французскихъ поэтовъ тогдашняго времени. Трудно было преемникамъ ихъ сообщить новый характеръ стихотвореніямъ. Невольно увлекались они своими образцами. Только ближайшее знакомство съ поэтами Англій и Германіи могло вывести ихъ изъ заблужденія, будто они все совершили. И вотъ гдѣ почерпнулъ Ламартинъ то, что васъ въ немъ болѣе всего плѣняетъ: чувства, картины и мечтательность. Между тѣмъ, какъ еще онъ однообразенъ, въ сравненіи съ другими романтическими поэтами! Какъ онъ примѣтно охлаж-

дается въ новѣйшихъ своихъ стихотвореніяхъ! Славу его поддерживаетъ не поэзія, но этотъ всемірный языкъ, которымъ всѣ говорятъ, прежде нежели начинаютъ мыслить. О французской поэзіи можно тоже сказать, что и о французскомъ языкѣ: ее особенно любить не потому, что она лучше другихъ, но потому что ее больше знаютъ. Но почему больше? Это не литературный вопросъ, а политическій.

Холодныя правила и мелочныя условія общежительной възлпвости не имѣли и не могли имѣть никакого вліянія на русскую поэзію. Она образовалась прежде, нежели укоренились у насъ французскіе законы свѣтскаго обращенія. Первымъ вдохновеніемъ Ломоносова было чувство патріотизма. Онъ написалъ первую оду свою, бывши въ Германіи. Когда въ лучшихъ нашихъ обществахъ утвердился нынѣшній вкусъ, поэзія еще менѣе прежняго

могла заразиться изысканностію и сдѣлаться игрушкою дѣтскаго остроумія. Ее спасъ французскій языкъ. Затѣйливые угодники не слишкомъ взыскательныхъ нашихъ красавицъ лепетали имъ за новостъ старыя французскія мадригалы, а русскіе стихи писались только отъ избытка чувствъ, въ домашней тишинѣ, которую такъ любить вдохновеніе, читались только въ тѣсномъ кругу друзей, отъ которыхъ не похвалы ждуть, а участія и суда. Кажется, можно еще тоже сказать и о нынѣшнемъ состояніи русской поэзіи. Вошла ли она въ число любимыхъ занятій, такъ называемаго, лучшаго круга людей? Утвердились ли въ нашихъ обществахъ голоса въ пользу истинныхъ поэтовъ? Пожилые говорятъ только о Ломоносовѣ, Сумароковѣ и Херасковѣ, какъ будто бы все это одно и тоже. Молодые раздѣлены въ своихъ мнѣніяхъ по разнымъ причинамъ. Кто

же слѣдуетъ за нашей поэзіей? Кто безпристрастно говоритъ о ней? Малое число лучшихъ литераторовъ, которые, къ сожалѣнію своему, принуждены быть въ одно время и подсудимыми, и судіями.

Всѣ сіи обстоятельства произвели важныя послѣдствія. Повсемѣстное употребленіе въ лучшихъ обществахъ французскаго языка остановило у насъ усовершенствованіе драматической поэзіи, которая замѣтуетъ лучшіе свои обороты изъ лучшаго только разговора. Отъ бѣдности разговорнаго языка все возвышенное въ трагедіи кажется у насъ напыщеннымъ, а все простое въ комедіи становится низкимъ. Озеровъ только тамъ истинно хорошъ въ своихъ трагедіяхъ, гдѣ предметъ позволяетъ ему говорить плп языкомъ поэмы, или языкомъ лирической поэзіи. Но въ тѣхъ родахъ, которые менѣе драматической поэзіи зависятъ отъ раз-

говорнаго языка, мы безъ всякаго сомнѣнія опередили вѣкъ нашей образованности. Если бы искусная рука составила русскую антологию, т. е. собрала въ одну книгу все лучшее изъ нашей поэзіи: то рѣшительно должно сказать, что эта книга по своему поэтическому достоинству равнялась бы съ анлогіею классической древности. Чувства глубокиа и вѣрныя, краски яркіа и чистыя, мысли новыя и сильныя, языкъ благозвучный, выразительный и способный ко всѣмъ звукопаденіямъ: вотъ особенныя преимущества русскихъ поэтовъ передъ французскими.

Я не пишу для васъ, графиня, систематическаго обзорѣнія нашихъ поэтовъ, а еще менѣе ученой критики. Въ противномъ случаѣ мое письмо превратилось бы въ учебную книгу русской литературы. Я ограничусь въ моемъ исчисленіи только тѣми поэтами,

которые, по моему мнѣнію, скорѣе могутъ для васъ сдѣлаться занимательными. Художникъ любитъ разсматривать всѣ древнія и новыя произведенія искусствъ. Но любитель художествъ останавливаетъ свое вниманіе только на томъ, что ближе подходитъ къ совершенству, по его образу мыслей. У насъ есть превосходные поэты по главнымъ чувствамъ, или по отдѣлкѣ нѣкоторыхъ частей, или по особенной легкости языка. Я утомилъ бы любопытство ваше, если бы рѣшился занимать васъ такими подраздѣленіями. Довольно, кажется, назвать тѣхъ, которые соединяютъ въ себѣ болѣе другихъ внутренняго совершенства съ наружными совершенствами поэзіи. *Одни* изъ нихъ издали уже собранія своихъ произведеній, *другіе* дарятъ насъ ими только изрядка, въ повременныхъ изданіяхъ. Вотъ одно раздѣленіе, которое мнѣ показалось необходимымъ! Приступаю къ *первому* разряду,

Всѣхъ выше, вдохновеннѣе, разнообразнѣе, оригинальнѣе между поэтами нашими *Державинъ*. Онъ больше всѣхъ оправдалъ собою мнѣніе древнихъ, что *поэтами рождаются*. Его гений открылъ себѣ собственное поприще, обнялъ на немъ все поэтическое, создалъ свой языкъ, и никому не передалъ тайны своего искусства, какъ будто по тому, что самъ ни отъ кого ея не заимствовалъ. Читая его, чувствуешь себя перенесеннымъ въ какую-то страну особенную и въ какой-то особенный вѣкъ. Тамъ нѣтъ ничего мечтательнаго и неяснаго. Это поэтическая Россія во времена Екатерины. Художники и бытописатели въ Державинѣ должны искать того, что оживить ихъ произведенія: но кто знаетъ, черезъ сто лѣтъ не сочтутъ ли сихъ временъ мифологическими: такъ онъ плѣняетъ воображеніе наше самую истиною! Его не надобно сравнивать съ

тѣми стихотворцами, которые въ другихъ земляхъ сообщали своему времени названіе *золотаго вѣка* словесности; потому что онъ оставилъ намъ не образцы языка, но образцы превосходной поэзіи. Онъ не сочинялъ, а творилъ. Онъ писалъ, какъ вдохновенный художникъ, который, увлекаясь однимъ чувствомъ, не смотритъ, карандашемъ ли онъ чертитъ, или кистію, на полотнѣ, или на стѣнѣ. Геній былъ ему вмѣсто вкуса. Онъ передъ другими поэтами точно тоже, что герои Омера передъ героями нашихъ временъ. Вотъ его ода: *На кончину Г. Орлова.*

Что слышу я? Орелъ изъ стая той высокой,
Котора въ воздухъ плыла
Впреди Минервы свѣтлоюкой,
Когда она съ Олимпа шла,
Орелъ, который надъ Чесмою
Предъ флотомъ Россіянъ леталъ,
Внезапно роковой стрѣлою
Сраженный, съ высоты упалъ!

Увы, гдѣ, гдѣ его подѣ солнцемъ днесь па-
ренье?

Гдѣ по морямъ его слѣды?
Гдѣ бурно громовъ устремленье
И пламенны межъ тучъ бразды?
Гдѣ быстрыя всезящи очи
И грудь, отважности полна?
Все, все сокрылъ мракъ вѣчной ночи:
Осталась слава лишь одна!

Здѣсь поэтъ летитъ, подобно орлу.
Въ шестнадцати стихахъ онъ успѣлъ
все сказать, что представлялъ ему ве-
личайшій предметъ. Покрывало алле-
горіи ничего не скрываетъ отъ глазъ
вашихъ. Вы узнаете и Минерву, и стаю
орловъ ея. Нѣтъ ни одной черты не-
доконченной, и ни одной лишней. Мо-
жетъ быть, вы пожелали бы видѣть
нѣсколько размысленій: но они сами
наполняютъ душу съ послѣдними двумя
стихами оды. Величайшіе писатели
тѣмъ и отличаются отъ обыкновен-
ныхъ, что они заставляютъ думать, а

послѣдніе наводятъ скуку своею говорливостью. Между тѣмъ, какъ все оживлено въ этой одѣ! Нѣтъ ни одного стиха, который бы не заключалъ въ себѣ движенія. Таковъ и долженъ быть языкъ лирической поэзіи, какъ языкъ чувствъ, а не размышленія. Теперь представьте себѣ поэта, каковъ Державинъ, излагающаго возвышенныя мысли, увлекаемаго славою отечества, жертвующаго цвѣтами своими нѣжнымъ Граціямъ и всегда равнаго по вдохновенію своему на каждомъ поприщѣ: кто жъ изъ французскихъ поэтовъ не говорю замѣнитъ его, но хотя нѣсколько приблизится къ нему? Самъ Лагарпъ, говоря о Жанъ-Батистъ-Руссо, лучшемъ ихъ лирикѣ, признается, что у него только хорошіе стихи. Судя по этому, не только Державинъ, но *Ломоносовъ* и *Петровъ* гораздо выше Руссо: потому что ихъ оды, исполненныя лирическаго восторга, разнообразія

картинъ, сильныхъ чувствованій и прекрасныхъ мыслей, восхищаютъ читателя не отдѣлкою стиховъ, но истинною поэзіей.

Ниже Державина, по силѣ дарованій, *Капнистъ* часто превосходитъ его чистотою и легкостію стиховъ. Его Муза болѣе подражательная, нежели оригинальная, остановила вниманіе свое на превосходномъ образцѣ. Гораций былъ его учителемъ: и никто, удачнѣе Капниста, не напоминалъ намъ звуковъ пѣвца Августова. Но Капнистъ не хотѣлъ остаться только переводчикомъ. Онъ главныя чувства Горация облекалъ въ свои формы, наводилъ на нихъ свои краски и оживлялъ ихъ національною мѣстностію. Его искусство произвело такое очарованіе, что мы, читая оды его, забываемъ оригиналь, и въ подражаніи видимъ что-то собственное. Скромный въ желаніяхъ, иногда мечтатель, пѣвецъ сердечной грусти,

нѣжный другъ, онъ плечетъ къ себѣ
тишиною души и ясностію своей по-
эзіи. Можно ли, напримѣръ, безъ уча-
стія прочитатъ его оду: *Другу сердца?*

Я знаю, другъ мой, что за мною
На край бы свѣта ты летѣлъ;
Со мной безтрепетной ногою
Гиркански дебри ты бѣ прошелъ;
И ссылочной Сибири холодъ,
И средь песковъ Ливійскихъ зной,
Межъ лютыхъ Кафровъ жажду, голодъ,
Охотно бѣ претерпѣлъ со мной.

Но дай Богъ, чтобъ на брегѣ Песла,
Гдѣ липы мнѣ шалашъ плетутъ,
Въ тѣни зеленаго раздола,
Быль старости моей приютъ!
Дай Богъ, чтобъ счастье тамъ прильнуло
Къ груди, усталой отъ заботъ,
И томно сердце отдохнуло
Отъ бурныхъ жизни непогодъ!

Но ежели свирѣпствомъ рока
Удѣла милаго лишусь,
На берегъ тучный Альмска тока,
Въ Тавриду древню преселюсь,

Гдѣ овцы, пеленой обвиты,
Красу сребристыхъ нѣжать рунъ,
Отколь, въ кумирахъ знаменитый,
Владиміромъ сраженъ Перунъ.

Земли тотъ уголокъ счастливый
Всѣхъ болѣе мѣсть манить мой взоръ:
Средь лѣса зрѣютъ тамъ оливы,
Медь каплетъ изъ ущелья горъ;
Тамъ долго вѣтръ весенній вѣетъ.
Гнететъ недолго зимній хладъ;
На холмахъ, какъ янтарь, желтѣетъ
Токайскаго сладкаго винограда.

Вотъ тамъ-то, въ рощицѣ гѣнистой,
Устланной мягкой муравой,
Близъ тока, изъ скалы кремнистой
Жемчужной льющагося струей,
Мы сядемъ отдохнуть съ тобою
И дружны соединимъ сердца.
Тамъ теплой росишь слезою
Прахъ милаго тебѣ пѣвца.

Прелесть языка и прелесть картинъ
увлекаютъ читателя. Итъ мѣста, ко-
торого бы поэтъ не оживилъ чѣмъ ни-
будь плѣнительнымъ. Но сколько вид-

но вкуса въ выборѣ подробностей! Что значать всё однообразныя мечтанія Ламартина передъ этою ясностію сердца и блескомъ роскошной природы? Одни возбуждаютъ какое-то темное желаніе, но легкое, скоропреходящее; другіе мирятъ насъ съ судьбою и украшаютъ жизнь новыми цвѣтами.

Но я забываю, графиня, что вы обязаны Ламартину также пріятнѣйшими минутами. Я не буду больше говорить противъ него. Зачѣмъ намъ раздѣлять прекрасное, наше оно, или чужое: произведенія изящныхъ искусствъ принадлежатъ равно всему роду человѣческому. Я буду только поддерживать свое мнѣніе, что и у насъ много прекраснаго. Въ самой драматической поэзіи, хотя она и отстала отъ другихъ родовъ (какъ я уже сказалъ), есть у насъ много удовлетворительнаго для сердца, особенно въ трагедіяхъ *Озерова*. Есть сочиненія, противъ ко-

торыхъ критика не вправѣ сказать ничего: между тѣмъ внутреннее убѣжденіе чего-то еще отъ нихъ требуетъ. Таковы, осмѣлюсь сказать, французскія трагедіи. Конечно онѣ были образцами Озерова; но его глубокая чувствительность много сообщила имъ собственнаго, не похожаго на образцы. Онѣ стоятъ ниже ихъ по всему, чего требуютъ правила трагедіи, но часто выше по убѣдительности поэзіи. Впрочемъ это мнѣніе, можетъ быть, только мое, и я чувствую, что мнѣ трудно защитить его предъ вами.

Русская поэзія не чужда и того легкаго, игриваго языка, который такъ плѣнителенъ въ Лафонтенѣ. Онѣ еще тѣмъ у насъ чувствительнѣе, что мы для названія многихъ предметовъ имѣемъ по два слова, которыя употребляются различно, смотря по роду сочиненія. Это разнообразіе слога придаетъ произведеніямъ нашей поэзіи

особенныя краски, которыхъ Французы почти ничѣмъ отгѣнить не могутъ. Подлѣ приведенныхъ мною стихотвореній поставьте какое нибудь мѣсто изъ Душеньки *Богдановича*, или басню *Хемницера*: и вы увидите, что это совсѣмъ другой языкъ, новая область наслажденій вкуса. Удивительнѣе всего, что ꙗко два поэта, впервые покусившись у насъ говорить языкомъ неподражаемаго Лафонтена, образца въ своемъ родѣ для всѣхъ вѣковъ, часто равнялись съ нимъ, а иногда и побѣждали его: я говорю *впервые*, потому что Хемницеръ ничего не могъ занять и ничего не занялъ въ языкѣ басней *Сумарокова*, а Богдановичъ для разсказа своего рѣшительно ничего не имѣлъ, кромѣ собственнаго гениа. Между тѣмъ, какъ у Французовъ никто изъ подражателей Лафонтена не только не сравнился съ нимъ, но и не приближился къ нему, мы видимъ у себя

трехъ баснописцевъ классическихъ, изъ которыхъ каждый имѣеть собственное, неоспоримое право на всеобщее уваженіе. Незыблемое простодушіе Хемницера, очищенность и легкость *Дмитріева*, оригинальность, глубокомысліе, соединенное съ простосердечіемъ, и народность разсказа *Крылова*: вотъ красоты нашей апологической поэзіи. Я приведу примѣръ только изъ послѣдняго, тѣмъ болѣе, что онъ чаще другихъ созидаетъ для себя и предметъ басни, и разсказъ ея. *Орелъ и Пчела*.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь почтенъ и тотъ, кто въ низости
сокрытой,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
Какъ ты, бѣдняжка, миѣ жалка
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!
Вась въ улиѣ тысячи все лѣто лѣпятъ соты;
Да кто же послѣ разберѣтъ
И отличить твои работы?
Я право не пойму охоты
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что жъ имѣть въ
виду?
Безвѣстной умереть со всеми на ряду.
Какая разниа межъ нами!
Когда, разширися шумящими крылами,
Пошуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатые подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ ста-
дахъ;
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться.
Пчела отвѣтствуетъ: тебѣ хвала и честь!
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты;
А я, родаясь труды для общей пользы несть,
Не отличать нищу свои работы,
Но утѣшаюся тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

**

Предметъ приведенной мною басни есть одно изъ самыхъ утѣшительныхъ и высокихъ чувствованій человѣческаго сердца. Поэтъ видѣлъ, что изложеніе сей басни должно быть достойно своего предмета. Онъ избралъ для сего языкъ благородный, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышенный. Въ самомъ понятіи объ орлѣ и пчелѣ нѣтъ ничего комическаго или забавнаго, потому что одинъ служитъ изображеніемъ могущества, а другая трудолюбія. Такимъ образомъ все употреблено, чтобы оставить въ душѣ читателя чувство, располагающее болѣе къ задумчивости, нежели къ удовольствію. Красоты поэзіи разительны. Изображеніе страха, который наводитъ орелъ полетомъ своимъ на другихъ животныхъ, вѣрно и живописно. Если бы я привелъ теперь басни Крылова въ другомъ родѣ, какъ-вы, на примѣръ: *Демьянова Уха*, *Любопытный* и проч., которыя сдѣлались

народными; если бы я сравнилъ ихъ съ тѣми, въ которыхъ онъ, какъ живописецъ, рисуеть современныя событія: то не знаю, графиня, согласились ли бы вы отдать преимущество Лафонтену передъ этимъ Протеемъ апологической поэзіи.

Дмитріевъ, кромѣ басень, писалъ во многихъ другихъ родахъ, какъ то: лирическія стихотворенія, посланія, сатиры, сказки, пѣсни и проч. У него все ознаменовано печатью самаго нѣжнаго вкуса. *Ермакъ* его служитъ украшеніемъ нашей лирической поэзіи; а въ сказкахъ онъ до сихъ поръ остается неподражаемымъ. Но я приведу вамъ изъ него такое стихотвореніе, которое болѣе носитъ на себѣ признаковъ собственно русской поэзіи. Во всѣхъ земляхъ древнѣйшими стихотвореніями бываютъ народныя пѣсни. Онѣ даютъ понятіе о народномъ характерѣ. Многіе изъ новѣйшихъ писателей, заимъ

ствуя существенныя красоты изъ этой первобытной поэзіи, составляютъ по ея образцу собственныя пѣсни, которыя тѣмъ болѣе насъ плѣняютъ, чѣмъ ближе подходятъ къ своимъ оригиналамъ. Вотъ одна изъ нихъ:

Ахъ, когда бъ я прежде знала,
Что любовь родить бѣды:
Веселась бы не встрѣчала
Полунощныя звѣзды;
Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой
Золотаго я кольца,
Не была бъ въ надеждѣ сладкой
Видѣть милаго льстеца!

Къ удаленію удара,
Въ лютой, злой моей судьбѣ.
Я слила бъ изъ всска яра
Легки крылышки себѣ,
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нѣжно, нѣжно бы ваглянула
Хоть однажды на него;

А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы сѣла.
На дорогѣ я большой,
Возрыдала бѣ, возопила:
Добры люди, какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила:
Научите не любить!

Можно ли найти что нибудь равное этому между всѣми французскими пѣснями? Тамъ, вмѣсто изображенія чувствованій, только играютъ словами, какъ будто истинная страсть способна къ шуткамъ. Здѣсь говорить прямо сердце безыскусственнымъ, трогательнымъ языкомъ своимъ, который потому и труденъ, что слишкомъ простъ. Вы находите въ каждой строфѣ особенное дѣйствіе, составляющее прелестную картину. Черты народности схвачены удивительно.

Говоря о пѣсняхъ, я не могу, графиня, пропустить здѣсь *Нелединскаго*,

хотя онъ, къ величайшему сожалѣнiю любителей вдохновенной поэзи, никогда не издавалъ полнаго собранiя своихъ стихотворенiй. Ко второму разряду, по раздѣленiю моему, онъ не можетъ идти; потому что давно перемѣнилъ поприще литератора на важнѣйшее поприще государственнаго человека. Его пѣсни, исполненныя глубочайшихъ чувствъ, пламенныхъ порывовъ души, удивительнаго объема и раздробленiя каждой страсти, неподражаемой простоты и силы выраженiй, составляютъ верхъ совершенства въ своемъ родѣ. Напримѣръ:

Полно льститься мнѣ слезами
Непреклонный рокъ тронуть:
Строгими навѣкъ судьбами
Загражденъ мнѣ къ счастью путь!
Безъ надежды, безъ отрады,
Томну жизнь влача въ бѣдахъ,
Отъ небесъ не жду пощады;
Гнѣвъ ихъ въ милыхъ зрю глазахъ.

Смерть, прибѣжище несчастныхъ,
Чась послѣдній, мидый часъ!
Ты отъ бремя зодъ ужасныхъ
Не спѣшишь забавить насъ.
Ты средь счастья жизнь отъемлешь,
Средь надеждъ, средь благъ разишь;
Стоишь несчастливыхъ не внемлешь:
Смерть, и ты отъ нихъ бѣжишь!

Издыхая, услаждуся,
Вспомни взоръ, Темира, твой!
Съ свѣтомъ, съ жизнью разлучуся.
Лишь не съ милой мнѣ мечтой.
Пламень, что въ себѣ вмѣщаю,
Онъ душа, онъ жизнь моя:
Имъ я вѣчность постигаю,
Имъ безсмертенъ буду я.

Въ безвечальное селенье
Съ жаромъ страсти преселясь.
Обнаружу упоенье,
Коиимъ жить, тобой илѣнясь.
Въ царствѣ тѣнѣй ту прославлю
Живни кто была милѣй,
И подземный міръ заставаю
Бога чтить души моей.

Истинная страсть сообщает без-
предѣльную силу душѣ. Поэтъ, увле-
каясь ею, въ цѣлой вселенной видитъ
только одинъ предметъ. Но языкъ его,
картины и порывы сердца доступны
каждому чувствительному человѣку.
Онъ смѣло объемлетъ двѣ жизни, и мы
понимаемъ его вдохновеніе. Это отчая-
ніе любви подобно бурѣ, которая не-
бо преклоняетъ до земли. Такова ист-
инная у насъ поэзія: она не льститъ
одному слуху, но колеблетъ всѣ пру-
жинны сердца и рождаетъ величествен-
ную, если смѣю сказать, музыку для
души. Наблюдательный слухъ замѣча-
етъ въ ней всѣ лучшіе звуки. Одно
случайное отчужденіе отъ языка пре-
пятствуетъ намъ проникнуть въ совер-
шенства его произведеній, которыя со
временемъ должны поразить любопыт-
ство наше.

Я перехожу къ новому періоду на-
шей поэзіи. Представляя вамъ *Жуков-*

скаго, я начинаю говорить о такомъ поэтѣ, который далъ совсѣмъ другое направленіе своему искусству. Соединяя превосходный даръ съ образованнѣйшимъ вкусомъ, глубочайшее чувство поэзіи съ совершеннымъ познаніемъ таинствъ языка нашего, всѣ правила стихотворства со всѣми его видоизмѣненіями и отступленіями отъ условій мѣста и времени, онъ далъ намъ почувствовать, что поэзія, кромѣ вдохновенія, должна покоряться труднѣйшему искусству: не употреблять въ стихъ ни одного слова слабаго или неравносильнаго мысли, ни одного звука непріятнаго или разногласнаго съ своимъ понятіемъ, ни одного украшенія переувеличеннаго или принужденнаго, ни одного оборота труднаго или изысканнаго. Онъ подчинилъ свое искусство тѣмъ условіямъ, которыя придаютъ блескъ и языку, и поэзіи. Однимъ словомъ: это первый поэтъ *злато-*

тако вѣка нашей словесности (если непременно надобно, чтобы каждая словесность имѣла свой золотой вѣкъ). Онъ сдѣлалъ поэзію самымъ легкимъ и вмѣстѣ самымъ труднымъ искусствомъ. Прекрасныя поэтическія формы готовы для всѣхъ родовъ, и всякій можетъ написать теперь нѣсколько легкихъ, благозвучныхъ, даже сильныхъ стиховъ; но кто будетъ ими доволенъ, сравнивъ цѣлое произведеніе съ образцомъ всѣхъ нашихъ новѣйшихъ поэтовъ? Въ характерѣ его поэзіи еще болѣе, кажется, плѣнительнаго, нежели въ самыхъ стихахъ. Представьте себѣ душу, которая полна вѣры въ совершенное счастье! Но жизнь бѣдна тѣми чистыми наслажденіями, какихъ она повсюду ищетъ. Ее оживляетъ надежда, потому что мы никогда не перестаемъ вѣрить тому, что истинно любимъ. Тогда всякое чувство облекается какою-то мечтательностію, ко-

торая преображаетъ землю, смотритъ далѣе, видитъ больше, созидаетъ иначе, нежели простое воображеніе. Для такой души нѣтъ ни одной картины въ природѣ, ни одного мѣста во вселенной, куда бы она не переносила своего чувства, изъ котораго бы она не созидала цѣлаго, новаго міра. Вотъ примѣръ: *Весеннее чувство*.

Легкій, легкій вѣтерокъ!
Что такъ сладко, тихо вѣешь?
Что играешь, что свѣтлѣешь,
Очарованный потокъ?
Чѣмъ опять душа полна?
Что опять въ ней пробудилось?
Что съ тобой къ ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса:
Облака, летя сіяютъ,
И, сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.

Иль опять отъ вышины
Вѣсть знакомая несется?

Или снова раздается
Милый голос старины?
Или тамъ, куда летить
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный
Край желаннаго сокрытъ?
Кто жь къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ, найдется ль, кто мнѣ скажетъ
Очарованное тамъ?

Самая веселая картина весны, хотя легкая, живая, но яркая и вѣрная, между тѣмъ располагаетъ уже насъ къ задумчивости, даже къ нѣкоторому унынію. Поэтъ умѣлъ овладѣть нашею душою, потому что онъ самъ глубоко чувствуетъ предметъ свой. Плѣняя всѣ наши чувства, онъ не забываетъ сердца, которое не можетъ наслаждаться настоящимъ, не вспоминая прошедшаго: а въ прошедшемъ всегда больше для насъ прелести, нежели въ настоящемъ. Наконецъ онъ доставляетъ пріятную пищу самому воображенію, на-

кидывая покрывало на свой мечтательный міръ. Онъ настраиваетъ всѣ способности души къ одному стремленію: изъ нихъ, какъ изъ струнъ арфы, составляется гармонія. Вотъ въ чемъ заключена тайна романтической поэзіи! Она основывается на познаніи поэтическаго искусства и природы человѣка. Съ такимъ направленіемъ поэзіи Жуковскій соединяетъ высочайшее искусство живописи всѣхъ картинъ природы, въ которыхъ каждая черта проникнута, освѣщена его душою. И вотъ чего, кажется мнѣ, не достаетъ Ламартину! Онъ только понялъ приемы романтической поэзіи, примѣнился къ ея краскамъ и увлекся направленіемъ. Между тѣмъ у Жуковскаго она созрѣла въ душѣ: и отъ того онъ съ такою же легкостію и вѣрностію передаетъ намъ чувствованія Шиллера, Байрона, какъ и свои собственныя.

Батюшковъ стоитъ на особенномъ, но равно прекрасномъ поприщѣ. Онъ создалъ для насъ ту элегію, которая Тибулла и Проперція сдѣлала истолкователями языка Грацій. У него каждый стихъ дышетъ чувствомъ. Его геній въ сердцѣ. Оно внушило ему свой языкъ, который нѣженъ и сладокъ, какъ чистая любовь. Игривость Парни и задумчивость Мильвуа, выражаемыя какими-то *Итальянскими* звуками, даютъ только понятіе объ искусствѣ Батюшкова. Онъ въ одно время и убѣждаетъ умъ, и плѣняетъ сердце. и рисуетъ воображенію. *Мой геній.*

О память сердца! Ты слышишь
Разсудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣнишь дальней.
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубія,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власовъ;
Моей пастушки несравненной

Я помню весь нарядъ простой:
И образъ милый незабвенной
Повсюду странствуетъ со мной.
Хранитель-геній мой, любовью
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ;
Засну ль: приникнетъ къ изголовью
И усладитъ печальный сонъ.

Я считаю излишнимъ говорить о совершенствѣ языка. Но сколько прелести во всей этой картинѣ! Какая простота и легкость въ отдѣлкѣ! И какое искусное окончаніе! Оно одно показываетъ величайшаго знатока поэзіи. Оно останавливаетъ все вниманіе читателя: и вамъ трудно разстаться съ этимъ милымъ изображеніемъ. Между тѣмъ, какое участіе рождается въ сердцѣ! Здѣсь заключена истина, ему только понятная. Такъ часто едва приметное движеніе въ лицѣ обнаруживаетъ всю душу человѣка наблюдательному взору.

Оканчивая здѣсь исчисленіе поэтовъ,

издавшихъ уже свои стихотворенія, признаюсь, графиня, что оно неполно и слишкомъ бѣгло. Приводя наудачу образцы ихъ поэзіи, я больше думалъ о сохраненіи краткости въ письмѣ, нежели о строгости выбора. Если ваше любопытство хотя слегка возбуждено, то вы, руководствуясь собственнымъ вкусомъ и пользуясь первымъ свободнымъ временемъ, сами убѣдитесь въ моихъ истинахъ, и конечно сильнѣе, нежели я убѣдилъ васъ. Окруживъ себя полными собраніями сихъ стихотвореній, вы удивлены будете ихъ разнообразіемъ и совершенствомъ. Это знакомство усилитъ ваше вниманіе къ русской поэзіи. Я почти увѣренъ, что вы тогда сами пожелаете, для дополненія этой галлерей, узнать тѣ лица, не менѣе занимательныя, которыя мною оставлены единственно для того, чтобы не обременить вашего снисхожденія.

Но вы можете справедливо противорѣчить мнѣ, что прошедшее не должно быть всегдашнюю замѣною настоящаго. Я говорилъ единственно о томъ, что намъ самимъ давно извѣстно. Въ поэзіи, какъ и во всѣхъ изящныхъ искусствахъ, каждый вѣкъ долженъ производить что нибудь собственное. Французы успѣли уже составить прекрасное собраніе произведеній поэтовъ своихъ XIX столѣтія, хотя его прошло еще только двадцать три года. Въ этомъ случаѣ вы справедливы; но мы неправы только потому, что у насъ стихотворенія нынѣшняго собственно столѣтія не собраны надлежащимъ образомъ въ одномъ изданіи, а разсѣяны болышею частію по разнымъ періодическимъ листкамъ, гдѣ съ трудомъ отыщеть ихъ самый ревностный любитель поэзіи. Вы конечно не рѣшитесь блуждать со мною по этому темному лабиринту. Однакожь я отва-

жусь испусить еще ваше терпѣніе и представить нѣсколько новыхъ лицъ, которыя, по моему мнѣнію, могутъ оправдать первоначальную мысль мою. Въ ожиданіи полного собранія ихъ произведеній, которое можетъ ускорить одинъ нетерпѣливый вкусъ публики, я упомяну о нихъ для того, чтобы вы удостоивали иногда заглядывать въ журналы наши. Трудъ, конечно, для васъ скучный; но онъ доставитъ вамъ случай повѣрять мое мнѣніе, если оно покажется довольно основательнымъ.

Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ *Пушкинъ* обогатилъ новѣйшую словесность нашу тремя поэмами, которыя доставили бы ему славу не только во Франціи, но и въ Англій. Я не смѣю сравнивать его ни съ кѣмъ изъ нынѣшнихъ французскихъ стихотворцевъ; потому что онъ столько же выше ихъ, сколько у насъ Ломоносовъ былъ выше всѣхъ своихъ современ-

никовъ-литераторовъ. Его гений съ такою же легкостью переносится въ область вымысловъ, какъ и срисовываетъ великолѣпныя картины природы. Сравните красоты *Руслана и Людмилы* съ неизъяснимою прелестью *Кавказскаго пльнника*, или *Бахчисарайскаго фонтана*; и вы конечно останетесь въ недоумѣннн, чему отдать преимущество: созданію ли его воображенія, или поэтическому взгляду. Но этотъ игривый и разнообразный умъ, эта живая и своенравная душа исполнена въ тоже время самыхъ нѣжныхъ, самыхъ глубокихъ движеній чувствительности. Пробѣгите рядъ всѣхъ трогательныхъ мѣстъ въ его поэмахъ, соберите его небольшія стихотворенія, сіи быстрыя наліянія кратковременной задумчивости или внезапной грусти: въ нихъ поразятъ васъ и звуки, и краски, и чувства своею точностію, естественностію, простотою и силою. Онъ нѣ-

сколькими стихами собереть къ душѣ
вашей все, что жизнь даетъ прекрас-
наго, очаруетъ васъ, и вмгъ отниметъ
все ужаснымъ разувѣреніемъ, что это
быстро исчезаетъ. Такую власть надъ
душою, такую силу надъ сердцемъ я
почитаю совершеннѣйшею поэзіей. Вы
можете сами судить о томъ по слѣду-
ющей его *Элегіи*:

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной нѣжной красотой!
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой.
Увянетъ... жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей;
Недолго радовать собою
Счастливымъ кругъ семьи своей;
Безпечной, милой остротою
Бесѣды наши оживлять,
И тихой, ясною душою
Страдальца душу улаждать.
Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,

Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей:
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

Не говорю вамъ о *Гнѣдичѣ*, какъ о переводчикѣ *Иліады*. Въ этомъ отношеніи много бы мнѣ надобно было представить доказательствъ, какъ Русскіе лучше Французовъ понимаютъ всѣ поэтическія стороны классическихъ писателей. Иностранцы, узнавши со временемъ русскую литературу, изумлены будутъ совершенствами нашего языка и безсмертнымъ трудомъ *Гнѣдича*. Его собственныя произведенія представляютъ образецъ истинной поэзіи. *Рыбаки*, его идиллія, выше всего, что у насъ произвела буколическая поэзія. Какъ *Теокритъ*, онъ извлекъ изъ своего предмета все поэтическое. Напрасно предположили бы

вы, что ни наша природа, ни наши рыбаки не могут плѣнить воображенія. Природа, отъ одного полюса до другаго, столько же прекрасна, сколько и разнообразна. Въ одномъ мѣстѣ она плѣняетъ своею роскошью, а въ другомъ дикою суровостію. Въ произведеніи изящнаго искусства обѣ картины должны показаться прекрасными. Равнымъ образомъ и люди. Надобно только всмотрѣться въ ихъ жизнь и уловить въ ней то, что составляетъ ея поэзію. Такъ образовалась въ душѣ Гяндича эта народная идиллія, которая можетъ быть счастливымъ началомъ собственно-русской буколической поэзіи. Желая представить вамъ примѣръ его слога, приведу отвѣтъ его *Крылову на приглашеніе въ чужіе края*. Вы увидите, какъ говорить чувство, облекаясь счастливѣйшею выдумкою воображенія.

Надежды юности, о милая мечта!
Напрасно васъ въ милой груди лелѣялъ!
Вы не сбылись: какъ лѣтніе цвѣты,
Осенній вѣтеръ васъ развѣялъ.
Свершень предѣлъ моихъ цвѣтущихъ лѣтъ:
Итъ болѣе очарованій!

Глижу на тотъ же свѣтъ:
Душа моя безъ чувствъ, и сердце безъ желаній.
Куда жь, о другъ, летѣть, и гдѣ опять найти.
Что годы съ юностью у сердца похищаютъ?
Желанья пылкія, крылатыя мечты,
Съ весною дней умчась, назадъ не прилетаютъ.
Другъ, ни за тридцать земель
Вновь не найти весны сердечной,
Ни ты, ни я не *Аріель*,
Энца легкой сынъ, весны любимецъ вѣчный.
Отъ неизбежнаго удѣла для живыхъ
Онъ на землѣ одинъ уходитъ;
Утраченныхъ, летучихъ благъ земныхъ,
Счастливецъ, онъ замѣну вновь находитъ
Удѣлъ прекраснѣйшій судьба ему дала.
Завидное существованье:
Какъ златокрылая пчела
Кружится *Аріель* весны въ благоуханьѣ;
Онъ пьетъ амброзію цвѣтовъ,

Перловыя Авроры слезы;
Онъ въ зной полуденныхъ часовъ
Прильнетъ и спитъ на лонѣ юной розы.
Но лишь приблизится ночей осеннихъ тьма,
Но лишь дохнетъ угрюмая зима:
Онъ съ первой ласточкой за лѣтомъ улетаетъ,
Садится радостный на крылышко ея,
Летитъ онъ въ новые счастливые края:
Весну, цвѣты и жизнь все новымъ замѣняетъ.
О, какъ его судьба завидна мнѣ!
По намъ ея въ какой искать странѣ?
Въ какой землѣ найти утраченную младость?
Гдѣ жизнью мы снова разцвѣтемъ?
О другъ, отцвѣтшихъ дней послѣднюю мы
радость
Погубимъ, можетъ быть, въ краю чужомъ.
За счастьемъ бѣжа подъ небо мы чужое,
Бросаемъ дома то, чему замѣны нѣтъ:
Святую дружбу, жизни лучшей цвѣтъ
И счастье душъ прямое.

Напрасно подумали бы вы, граф-
ня, что въ русской поэзіи нѣтъ того
блестящаго остроумія, котораго образ-
цы чаще встрѣчаются во француз-
скихъ стихахъ. Оно впрочемъ не долж-

но быть душою всей поэзии, такъ какъ шутливость усилеиъ цѣлой жизни. Веселость тогда только доставляетъ истинное удовольствіе, когда она непринужденна и обнаруживаетъ естественное чувство. Подобный характеръ поэзіи встрѣчается у насъ въ стихотвореніяхъ *Давыдова* и *Князя Вяземскаго*. Первый составилъ, такъ сказать, особый родъ военныхъ пѣсней, въ которыхъ языкъ и краски ему одному принадлежать. Неистощимый въ благородныхъ шуткахъ, въ живомъ представленіи своихъ предметовъ, онъ плѣняетъ какою-то небрежностію и вмѣстѣ точностію выражений. Это русскій Анакреонъ, но только въ лагерѣ. Князь Вяземскій сблизилъ игру простонароднаго языка съ языкомъ лучшаго общества. Онъ не заимствуетъ изъ книгъ ни своихъ остротъ, ни своихъ шутокъ. Наблюдательный умъ его находитъ все вокругъ себя. Какъ поэтъ-фило-

*

софъ, онъ не пренебрегаетъ ничѣмъ въ общежитіи; онъ все обращаетъ въ свою пользу. И потому самую остроумную мысль Француза онъ легко замѣнитъ столь же сильною и столь же острою мыслию русскаго простолюдина. Но, разбирая внимательнѣе произведенія его поэзіи, вы увидите, какъ чувство проглядываетъ сквозь этотъ шуточный покровъ свой. И оно-то даетъ ему верхъ надъ французскими остроумцами. Вы сами въ томъ увѣряться можете по слѣдующему его стихотворенію: *Мои желанія*.

Пусть все идетъ своимъ порядкомъ.
Иль безпорядкомъ: все равно!
На свѣтѣ, въ этомъ зданіи шаткомъ,
Жить смирно, значить жить умно.
Устройся ты какъ можно тише,
Чтобъ зависти не разбудить:
Безъ нужды не взбирайся выше,
Чтобъ послѣ шеи не сломить.

Пусть будутъ во владѣннхъ скромномъ
Цвѣтникъ, при ручейкѣ древа,
Алтарь любви въ придѣлѣ темномъ,
Для дружбы стулъ, а много два;
За трапезой хлѣбъ-соль простая
Съ приправой ласкъ молодой жены;
Въ подвалѣ гость съ холмовъ Токая,
Душистый вѣстникъ старины.

Двѣ-три картины не на славу,
Пріютъ мечтанию, камелекъ,
И про домашнюю забаву
Не позолоченный гудокъ;
Книгъ дюжина, хоть не въ сафьянѣ:
Не рукъ, разсудна торжество;
И деньга лишняя въ карманѣ
Про нищету и сиротство.

Вотъ все, чего бы въ скромну хату
Отъ неба я просить дерзалъ!
Тогда бѣ къ хранителю-пенату
Съ такой молитвою предсталъ:
„Я не прошу о благѣ новомъ;
Мое мнѣ только сохрани,
И отъ злословца будь покровомъ,
И отъ глупца оборони!“

Стихотворенія *Глинки* представля-
ють рядъ аллегорическихъ картинъ.

Проходя эту галерею вымысловъ, въ съ любопытствомъ остановитесь передъ каждымъ изображеніемъ, чтобы полюбоваться красками живописца и потомъ раскрыть счастливую мысль, которую онъ таитъ въ своей аллегоріи. Этотъ родъ поэзіи особенно увлекаетъ воображеніе. Онъ вдыхаетъ жизнь во все; бездушное заставляетъ чувствовать, безплотному сообщаетъ тѣло. Истины сердца можно также предлагать въ загадкахъ, какъ истины ума. Глинка, изображая вамъ какое нибудь поэтическое чувствованіе, называетъ его именемъ другаго предмета, который похожъ на него въ нѣкоторомъ отношеніи. Онъ доставляетъ вамъ удовольствіе слѣдовать за его сравненіемъ, выборомъ признаковъ, вѣряться обману поэзіи, перемѣнять свое мнѣніе, задумываться, искать разрѣшенія загадки въ собственномъ сердцѣ, однимъ словомъ: онъ погру-

жаеть васъ въ самихъ себя. Его міръ
есть только человѣкъ, а все прочее
мысли его и чувствованія. *Перелетная
птичка.*

Скрывалось за горы
Роскошное солнце,
И долгій день лѣтній
Угаснулъ; и вечеръ
Насталъ съ тишиною;
И въ воздухѣ душно.
Зарница играла
По нивамъ волнистымъ;
И сизая туча
Вдали загоралась;
Далекое эхо
Въ горахъ рокотало.
Я въ рощѣ тѣнистой
Дышалъ ароматомъ
Цвѣтущаго луга.
Вдругъ птичка слетѣла
(Не знаю откуда)
И, зыблясь на вѣткѣ,
Запѣла уныло,
Уныло.. и сладко.
Я весь сталъ вниманье,
И весь упоенье:

Душа разрывала съ
Отъ пѣсни унылой;
Душа восхищалась
Унылою пѣснью...
И отзывъ далекій
Друзей отлученныхъ,
И память о прошломъ,
О дняхъ невозвратныхъ
Бывалаго счастья,
И стоны разлуки,
И шопотъ предчувствій,
Грядущаго тайны;
Все, все выражала
Волшебная пѣсня
Чудесной пѣвицы...
Мнѣ видѣлось: мѣсяцъ
Стоялъ недвижимо,
И звѣзды, внимая
Горѣли ясне,
И грохотъ нагорный
Затихъ... И въ забвеннѣи
Сидѣлъ я до утра,
Мечтая о небѣ.
Пѣвица все пѣла,
Но виѣстѣ съ росю,
Подъемясь все выше,
Какъ искра угасла,
Въ лучахъ утонула...

Откуда ты, птичка,
Небесная радость?
Гдѣ край тотъ далекій,
Въ которомъ ты, прелесть,
Гостишь неотлетно?
И странникъ печальный
Въ семь міръ мятежномъ,
По сердцу мнѣ чуждомъ,
Услышу ль опять я
Въ безмолвіи ночи,
Залетная гостя,
Твой голосъ чудесный?
Иль разъ только въ жизни
Онъ смертному слышенъ?

Рыльскъ избралъ для себя прекрасное поприще. Онъ представляетъ намъ поэтическія явленія изъ отечественной исторіи. Его, такъ называемыя, *Думы* содержатъ лирическій рассказъ какого нибудь событія. Не восходя до оды, которая больше требуетъ восторга чувствованій и быстроты изложенія, онѣ отличаются благородною простотою истины и поэзіею самаго происшествія.

Чистый и легкій языкъ, наставительныя истины, прекрасныя чувствованія, картины природы: вотъ что удовлетворяетъ въ нихъ любопытному вкусу. Я приведу здѣсь одну изъ нихъ, *Смерть Ермака*.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безперерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы,
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали близъ дубравы.
„О спите, спите, мнили герои,
Друзья, подъ бурю ревущей;
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу, иль на смерть зовущій!

Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій сонъ
И въ бурю храбрыхъ успокоить;
Въ мечтахъ напомнить славу онъ
И силы ратниковъ удвоить.
Кто жизни не щадилъ своей,
Въ разбояхъ злата добывая;
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смывъ
Всѣ преступленья буйной жизни
И за побѣды заслуживъ
Благословенія отчизны...
Намъ смерть не можетъ быть страшна;
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы не праздно въ мирѣ жили“.

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ,
И съ сожалѣнiемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.
Ревѣла буря; дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молнiи летали;
Безперерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Пртышь кипѣль въ крутыхъ брегахъ,
Вдымались сѣдыя волны;
И рассыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ козачьи чолны.
Съ вождемъ покой въ объятяхъ сна
Дружина храбрая вкушала:
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала.

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный.
Мечи свергнули въ ихъ рукахъ,
И окровавилась долина;
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина.

Ермакъ восприялъ ото сна
И, гибель зря, стремится въ волны;
Душа отвагою полна,
Но далеко отъ берега чолны.
Пртышь волнуется сильнѣй;
Ермакъ все силы напрягаетъ,
И мощною рукой своей
Валы сѣдые расѣкаетъ,

Плыветъ... ужъ близко челнока!
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.
Лишивши силъ богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь, даръ царя,
Сталь гибели его виною.

Рсвѣла буря... вдругъ луной
Иртышь кипящій осребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ брояѣ мѣдной озарился.
Носились тучи, дождь шумѣлъ,
И молніи еще сверкали,
И громъ въ дали еще гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Вы конечно согласитесь, графиня,
какъ много находите разнообразія въ
произведеніяхъ поэтовъ, приводимыхъ
мною! И между тѣмъ каждое стихо-
твореніе въ своемъ родѣ совершенно.
Такое стремленіе прекрасныхъ даро-
ваній, ознаменованныхъ порознь соб-
ственнымъ вкусомъ и въ выборѣ пред-

метовъ, и въ ихъ изложеніи, общаетъ еще блистательнѣйшіе успѣхи нашей поэзіи. Но если бы соединить только и то, что уже издано сими поэтами: уже ли подобное собраніе (въ которомъ поэзія сердца и поэзія воображенія равнялись бы поэзіи ума) не могло бы замѣнить стихотвореній французскихъ поэтовъ XIX вѣка?

Въ моемъ продолженіи встрѣтите вы еще другія особенности русской поэзіи. Оставляя общія на этотъ предметъ замѣчанія, буду говорить о томъ частно при каждомъ поэтѣ. *Баронъ Дельвинъ*

.....
.....

Вотъ его стихотвореніе: *Къ Дорида*.

Дорида, Дорида! Любовью все дышетъ,
Все пѣть наслажденье съ притекшей весной:
Чуть зефиръ, струяся, березу колышетъ.
И съ берега лебедь понесся волной

ксандра). Мы знаемъ только малое число его стихотвореній, написанныхъ предъ симъ года за три. Любители поэзиі съ перваго раза примѣтили въ нихъ истинныя чувства, оригинальный слогъ и вѣрный вкусъ. Съ тѣхъ поръ не встрѣчается нигдѣ его стихотвореній. Можетъ быть, одна жизнь сдѣлалась для него лучшею поэзіей. Но тѣмъ не менѣе я почитаю обязанностію познакомить васъ съ его музою. Пріятно было бы вызвать ее на прежнее поприще. Всякая прекрасная новость въ поэзиі чѣмъ-то радуется любителя изящныхъ искусствъ. Крыловъ отличается особеннымъ мужествомъ языка. Въ немъ нѣтъ тѣхъ блестящихъ украшеній, которыя замѣтны въ первыхъ опытахъ подражателей, заимствующихъ оныя отъ первоклассныхъ поэтовъ. Онъ идетъ собственною дорогою, что еще болѣе ручается за истину его дарованія. Можно даже сказать, что

его стихи много бы потеряли, если бы их одѣть въ сіи временныя, скоро-преходящія украшенія, которыя прекрасны только въ одномъ мѣстѣ, то есть, у оригинальнаго поэта. *Недовѣрчивость.*

Не спрашивай, зачѣмъ я такъ унылъ!
Ты знать должна вину моей печали:
Мой взоръ тебѣ давно ее открылъ,
Когда о ней уста мои молчали.
Мнѣ суждено по гробъ тебя любить.
Но, знать, любви внушить я не умѣю.
Нѣтъ; счастье тобой любимымъ быть
Не для меня: я ждать его не смѣю.
Изъ жалости одной къ моимъ слезамъ
Ты мнѣ твердишь любовныя обѣты;
Не вѣрю я плѣнительнымъ словамъ:
Я не видалъ въ тебѣ любви примѣты.
Стою ль въ дали съ безмолвною тоской:
Твой взоръ меня въ толпѣ не отличаетъ;
Иль робкою коснусь къ тебѣ рукой:
Твоя рука моей не отвѣчаетъ.
Спокойна ты, встрѣчашь ли меня,
Или даришь мнѣ поцѣлуй небрежный:
Въ глазахъ твоихъ нѣтъ пылкаго огня

И на щекахъ румянца страсти нѣжной.
Когда я шель вчера, простясь съ тобой,
Не для меня ты у окна стояла:
И тусклаго стекла не отирала,
Чтобы взглянуть украдкой вслѣдъ за мной.
Досель я жилъ отрадой упованья;
Я самъ себя обманывать хотѣлъ,
И наяву коварныя мечтанья
Любовь твою сулили мнѣ въ удѣлъ.
Но ты меня лишила наслажденья:
Мечты мои разсѣялись, какъ дымъ,
Упала съ глазъ повязка заблужденья,
И опытъ мнѣ сказалъ: ты не любимъ.
Жестокая, ты хочешь быть мнѣ другомъ!
Любви твоей, любви желаю я:
Когда меня ты назовешь супругомъ,
Безъ сердца мнѣ на что рука твоя?
Гдѣ для меня цвѣли блаженства розы,
Тамъ буду я лишь тернiя встрѣчать;
Въ твоихъ глазахъ я долженъ видѣть слезы
И на лицѣ унынія печать.
Я, можетъ быть, подстерегу случайно
Твой тяжкій вздохъ въ безмолвіи nocturno,
И близъ меня, забывшись тихимъ сномъ,
Промолвишь ты признанье въ страсти тайной,
Огонь любви заблещетъ на челѣ,
И не супругъ, другой тебѣ приснится,

Ты будешь днемъ, потупя взоръ къ землѣ.
Передо мной мечты своей стыдиться.
О милый другъ, прости моимъ словамъ,
Забудь любви слѣпыхъ подозрѣнья!
Я имъ теперь еще не вѣрю самъ,
Но въ будущемъ ищу себѣ мученья.
Пускай меня утѣшитъ голосъ твой,
Пусть нѣжный взоръ тоску души разсѣетъ.
И грудь мою надежды лучъ согрѣетъ.
Когда же нѣтъ въ тебѣ любви прямой,
Когда я ждалъ несчастія не даромъ:
Цѣпей моихъ изъ жалости не рви,
Но обмани меня притворнымъ жаромъ
И дружбѣ дай названіе любви!

Поэзія, какъ характеры людей, какъ фizioноміи лицъ, до безконечности можетъ быть разнообразна. Между тѣмъ, какъ мы воображали, что языкъ чувствъ уже не можетъ у насъ сдѣлать новыхъ опытовъ въ своемъ искусствѣ, явился такой поэтъ, который разрушилъ нашу увѣренность. Я говорю о *Баратынскомъ*. Въ элегическомъ родѣ онъ идетъ новою, своею дорогой.

Соединяя въ стихахъ своихъ истину чувствъ съ удивительною точностію мыслей, онъ показалъ опыты прямо классической поэзіи. Составъ его стихотвореній, правильность и прелесть языка, ходъ мыслей и сила движеній сердца выше всякой критики. Онъ ясенъ, живъ и глубокъ. Во всемъ отчетъ составляетъ отличительность его стиховъ. Нѣтъ слова, нѣтъ оборота, нѣтъ картины, гдѣ бы вы не чувствовали ума и вдохновенія. Разбирайте строго каждый его стихъ, слѣдуйте за нимъ внимательно до конца стихотворенія: и вы признаетесь, что онъ извлекъ все лучшее изъ своего предмета, отбросилъ все излишнее и не забылъ ничего необходимаго. Но сколько разнообразія во всѣхъ его самыхъ легкихъ произведеніяхъ! Игривое и важное, глубокое и легкое, истинное и воображаемое: все онъ постигнулъ

и выразилъ. Разсмотрите его элегію:
Разувереніе.

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей!
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней.
Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужъ я не вѣрую въ любовь:
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ.
Слѣпой тоски моей не множь;
Не заводи о прежнемъ слова,
Другъ попечительный больного,
Въ его дремотѣ не тревожь!
Я сплю, мнѣ сладко усыпленье;
Забудь бывалыя мечты:
Въ душѣ моей одно волненье.
А не любовь пробудишь ты.

Юный, вдохновенный пѣвецъ отечественныхъ доблестей, *Языковъ*, какъ веселая надежда, пробуждаетъ въ сердцѣ вашемъ прекрасныя помыслы. Онъ исполненъ поэтическаго огня и смѣлыхъ картинъ. Слогъ его отсвѣчиваетъ красотами первоклассныхъ поэтовъ.

Его дарованіе быстро идетъ блистательнымъ путемъ своимъ. Онъ сжатъ, ровенъ и силенъ. Чистота души и ясность мыслей плѣнительны въ его стихахъ. Я привожу его *Пѣснь Барда во время владычества Татаръ въ Россіи.*

Гдѣ вы, краса минувшихъ лѣтъ,
Баяновъ струны золотыя,
Пѣвицы вольности, и славы, и побѣды,
Народу русскому родныя?

Бывало: ратники лежатъ вокругъ огней
По берегу свѣтлаго Дуная,
Когда тревога боевая
Молчитъ до утреннихъ лучей:
Вдали, туманомъ покровенный,
Станъ Грековъ, и надъ нимъ грозна,
Какъ щитъ, въ бою окровавленный,
Восходитъ полная луна.
И тихій сонъ во вражьемъ станѣ.
Но тамъ, гдѣ вы, сыны снѣговъ,
Тамъ вдохновенный на курганѣ
Поетъ дѣянья праотцовъ,

И персты вѣщіе летаютъ
По звонкимъ пламеннымъ струнамъ,
И взоры воиновъ сверкаютъ,
И рвутся длани ихъ къ мечамъ.

Наутро, солнце лишь возстало,
Проснулся дерзостный булатъ;
Валяются Греки, рядъ на рядъ,
И ихъ полковъ, какъ не бывало!

И вы сокрылися, вѣка полночной славы,
Побѣдъ и вольности вѣка!
Такъ сокрывается ликъ солнца величавый
За громовыя облака.
Назавтра солнце вновь возстанетъ.
А мы.... намъ долго цѣпи влечь;
Столѣтъя протекутъ, и русскій мечъ не
грянетъ

Тиранства гордаго о мечъ.
Неутомимыя страданья
Погубятъ память объ отцахъ,
И геній рабскаго молчанья
Возседеть вѣчный на гробахъ.
Теперь вотще младый Баянъ
На голосъ предковъ напѣваетъ:
Жестокихъ бѣдствій ураганъ
Рабовъ полмертвыхъ оглушаетъ;

И онъ, дрожащею рукой
Поднявъ холодныя желѣвы,
Молчитъ, смотря на нихъ сквозь слезы
Съ неисцѣлимою тоской.

Отважные приемы въ изображеніи сильныхъ чувствованій, новость картинъ, созидаемыхъ живымъ воображеніемъ, отличаютъ стихотворенія *Кюхельбекера*. Вѣрность вкуса, легкость стихосложенія, благородныя движенія души и тихая мечтательность составляютъ характеръ поэзіи *Дмитріева (Михаила)*. Стихи *Писарева* узнаете вы по гармоническому языку и по тѣмъ пріятнымъ картинамъ природы, которыя плѣняютъ воображеніе и питаютъ чувствительность. *Туманскій (Василій)*, изображая легкія, но утѣшительныя мечты свои, говоритъ сердцу. Онъ часто наводитъ васъ на такую мысль, которая новостію своею изумляетъ вашу душу. Произведенія сихъ поэтовъ не столько еще много-

численны, чтобы можно было рѣшительно отдѣлить характеры ихъ поэзіи. Но вѣрные слѣды вкуса какъ въ языкѣ, такъ и въ поэтическихъ приемахъ, заставляютъ уже любить ихъ поэзію. Я привожу здѣсь одно стихотвореніе Туманскаго: *Къ ней*.

Не цвѣта небснаго очи твои,
Не розы уста твои, дѣва!
Не лиліи перси и плечи:
Но чтобъ за весна въ сторонѣ той была,
Гдѣ бы розы такія, такія лиліи
Цвѣли на зеленыхъ лугахъ,
И небо, и все, что подъ небомъ,
Блестало, какъ очи твои голубыя!

Мнѣ трудно было бы кончить письмо свое, графиня, если бы я рѣшился говорить о *всѣхъ* нашихъ поэтахъ и столько, сколько чувствую удовольствія, сравнивая ихъ счастливые успѣхи въ прекраснѣйшемъ, благороднѣйшемъ искусствѣ, ихъ разнообразіе му-

жественныхъ дарованій, и наконецъ примѣчая то всеобщее, истинное направление, которое они, не смотря на господствующій французскій вкусъ въ большей части судей своихъ, сообщаютъ русской поэзіи. Между тѣмъ, въ заключеніе не могу вамъ не сказать, хотя нѣсколько словъ, о такомъ поэтѣ, у котораго судьба все почти отняла въ жизни, кромѣ поэзіи. Онъ не можетъ ходить и не можетъ видѣть: только вдохновеніе движетъ его, и смотритъ онъ однимъ воображеніемъ. Но тѣмъ живѣе чувствуетъ онъ, тѣмъ яснѣе передаетъ свои созданія. *Козловъ* соединяетъ въ своей поэзіи гармонію языка, прелесть поэтическихъ движеній, живость картинъ и ясность мыслей. Онъ такъ быстро отгадалъ всѣ тайны поэтическаго слога, что рѣшительно приближается къ разряду первоклассныхъ стихотворцевъ нашихъ. Желая васъ познакомить съ его пре-

краснымъ дарованіемъ, привожу отрывокъ изъ его поэмы: *Чернецъ*:

Ахъ, что сбылось съ моей душою,
Когда, въ святой красѣ своей,
Вдругъ видъ открылся предо мною
Родимыхъ Кіевскихъ полей!
Они какъ прежде зеленѣли,
Волнами также Днѣпръ шумѣлъ,
Все тотъ же лѣсъ вдали темнѣлъ,
На нивахъ тѣже пѣсни пѣли,
И также все въ странѣ родной:
И нѣтъ лишь тамъ ея одной!
Вездѣ знакомыя долины:
Ручьи, пригорки и равнины
Въ прелестной милой тишинѣ
Со всѣхъ сторонъ являлись мнѣ
Съ моими свѣтлыми годами.
Но я, съ отравленной душой,
На родинѣ пришлецъ чужой,
Я ихъ привѣтствовалъ слезами
И безотрадною тоской.
Я шелъ; день къ вечеру склонялся,
И скоро сельскій Божій храмъ
Предсталъ испуганнымъ очамъ;
И внѣ себя я приближался

Къ могилѣ той, гдѣ сынъ, жена,
Вся жизнь моя погребена.
Я чуть ступалъ, какъ бы страшился
Прервать ихъ непробудный сонъ;
Въ груди стѣснялъ мой тяжкій стонъ,
Чтобъ ихъ покой не возмутился,
Страстямъ встревоженнымъ своимъ
Не смѣлъ вдаваться духъ унылой.
Казалось мнѣ, надъ ихъ могилой
Дышалъ я воздухомъ святымъ.
Творилось дивное со мною,
И я съ надеждой неземною
Колѣна тихо преклонилъ,
Молился, плакалъ и любилъ.
Вдругъ слышу шорохъ за кустами;
Гляжу: что жъ взоръ встрѣчаетъ мой?
Женеца съ подругой молодой
И возъ, наскладенный снопами.
И вижу я: между сноповъ
Сидитъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ
Младенецъ съ алыми щемами.
Невольно я затрепеталъ:
„Я все имѣлъ, все потерялъ;
„Не дали жить намъ другъ для друга;
„Въ сырой землѣ моя подруга,
„И не въ цвѣтахъ младенецъ мой:
„Его червь точить гробовой“.

Тогда въ слезахъ къ нимъ на могилу
Безъ памяти бросаюсь я.
Горѣло сердце у меня;
Тоска души убила силу.
Цѣлуя дернъ, я разрывалъ
Руками жадными моими
Ту землю, гдѣ я легъ бы съ ними.
Въ безумствѣ дикомъ я ропталъ;
Мнѣ что-то странное мечталось;
Едва дышалъ я, въ мутной тьмѣ
Сливалось все, какъ въ тяжкомъ снѣ.
Ужъ чувство жизни пресѣкалось,
И я лежалъ между гробовъ
Мертвѣй ихъ хладныхъ мертвецовъ.
Но свѣжій воздухъ, влажность ночи
Страдальца вновь животворятъ:
Вдохнула грудь, открылись очи.
Кругомъ бродилъ мой томный взглядъ.
Все было тихо, скрыто мглою;
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть свѣтилъ,
И лишь могильною травою
Полночный вѣтеръ шевелилъ.

Вотъ, графиня, отвѣтъ мой и мое
оправданіе! Теперь вы можете скорѣе
обвинять меня въ жалокомъ невѣже-
ствѣ, нежели въ умышенномъ при-

страсти. Но я радъ, что свободенъ отъ своего долга. Можетъ быть, вамъ угодно будетъ сдѣлать мнѣ новыя возраженія. Позвольте ихъ предупредить, потому что я и самъ уже вижу слабыя стороны письма своего. „Почему не раздѣлилъ стихотворцевъ нашихъ по родамъ поэзіи, чтобы прямо указать, кто, судя по роду своему, скорѣе можетъ вамъ замѣнить Ламартина?“ Я думалъ, что истинная поэзія во всѣхъ родахъ равно прекрасна. Ламартинъ (казалось мнѣ) нравится вамъ не потому, что онъ пишетъ *поэтическія размышленія*, но потому, что онъ питаетъ вашу душу: то поражаетъ умъ, плѣняетъ сердце, то оживляетъ воображеніе. Все это можно чувствовать, читая каждое вдохновенное произведеніе поэзіи, въ какомъ бы оно родѣ ни было. „Зачѣмъ я приводилъ, въ доказательство мнѣнія своего о стихотворцахъ, цѣлое, но одно стихотво-

реніе, вмѣсто того, чтобы ссылаться на разныя мѣста, которыя бы точнѣе изображали разнообразіе и силу дарованія? Можно привести по нѣсколь- ку прекрасныхъ стиховъ изъ разныхъ сочиненій какого нибудь поэта, хотя у него не будетъ ни одного совершеннаго стихотворенія. Труднѣе написать шестнадцать стиховъ, сряду прекрасныхъ, нежели шестьдесятъ, въ коихъ было бы перемѣшано тридцать прекрасныхъ съ тридцатью дурными. „Отчего много примѣтно сходства въ тѣхъ чертахъ, которыми старался я отличать характеры нашихъ поэтовъ? Въ каждомъ стихотвореніи есть двоякаго рода предметы для наблюденія: одни, въ которыхъ можно дать отчетъ другому человѣку, и другіе, въ которыхъ мы даже себѣ не въ состояніи дать удовлетворительнаго отчета, хотя внутреннее чувство наше постигаетъ ихъ. Къ первымъ отношу я всѣ совершен-

ства языка и мыслей; ко вторымъ какія-то особенности слога (не отъ правилъ зависящія, но отъ привычки, или природы, какъ походка), потомъ какое-то выраженіе души, не въ каждой порознь мысли, но во всемъ произведеніи, какъ часто отражается оно въ цѣлой фizioноміи чelовѣка. Я не могъ много и опредѣлительно говорить о предметахъ втораго рода и принужденъ былъ чаще упоминать о предметахъ перваго рода. Но у лучшихъ писателей, безъ всякаго сомнѣнія, строго соблюдаются всѣ условныя совершенства языка и мыслей, что и произвело нѣкоторое сходство между моими отбѣнками. „Уже ли въ произведеніяхъ поэтовъ, приведенныхъ мною, нѣтъ никакихъ недостатковъ; потому что я ихъ только хвалилъ?“ Недостатки находятъ и въ Омерѣ. Я о нихъ не говорилъ потому, что они совсѣмъ не противорѣчатъ моимъ мнѣніямъ. Если

бы они происходили отъ бѣдности дарованія, или отъ ложнаго направленія вкуса, или отъ незнанія искусства, или наконецъ отъ злоупотребленій языка: то я бы сказалъ о нихъ, или лучше, не приводилъ бы совсѣмъ такого писателя, у котораго бы встрѣтилъ хотя одинъ изъ упомянутыхъ мною недостатковъ. Наша литература еще молода. Ей надобно открывать теперь больше видовъ къ прекрасному. Пока дерево цвѣтетъ, вокругъ него очищаютъ только пространство; а подвизываютъ его вѣтви тогда, когда плоды созрѣютъ. „Отчего я больше приводилъ такихъ поэтовъ, которые только начинаютъ еще писать, нежели окончившихъ свое поприще?“ Последнiе вамъ конечно извѣстнѣе первыхъ. Притомъ же, окончивъ труды свои, они успокоили ваше любопытство. Первые ближе къ главному предмету нашего разговора. Они настоящiе пред-

ставители моего мнѣнія. Наконецъ, признаюсь, я не могъ равнодушно пропустить столько занимательныхъ лицъ, столько безкорыстнаго усилія прекрасныхъ дарованій въ такое время, когда самыя лучшіе стихи считаютъ вообще игрушкою ума, а Русскіе стихи читаетъ меньшее число людей, нежели пишетъ ихъ.

Плетневъ.

ПРОГУЛНА ВЪ СЕЛѢ КУСКОВѢ.

Село Кусково, гдѣ бояринъ жилъ большой,
Любившій Русское лѣтъ старыхъ хлѣбосоль-
ство,
Народны праздники и по трудахъ спокойство.

Однажды лѣтомъ въ 1811 году родственникъ мой Н. М. Ч. прислалъ звать меня на вечеръ. Пріѣхавъ къ нему, я нашелъ человѣкъ десять родныхъ и близкихъ пріятелей вокругъ чайнаго столика, за которымъ радушная хозяйка разливала чай. Въ углу стоялъ большой столъ съ плодами, лимонадомъ и конфектами. Въ гостинной молодежь танцевала подъ фортепіано. „Васъ только дожидались“, съ улыбкою сказала мнѣ привѣтливая хозяйка: „мы

собираемся въ будущее Воскресенье провести цѣлый день въ селѣ Кусковѣ. Хотите ли быть нашимъ товарищемъ?“ — „Съ величайшимъ удовольствіемъ.“ „А вы? А вы?“ спрашивала она, обращаясь попеременно къ почтеннымъ старичкамъ и старушкамъ, сидѣвшимъ на софѣ. — „Очень рады!“ Былъ единогласный отвѣтъ. „Я живу ближе всѣхъ отъ Рогожской заставы, въ которую выѣзжать намъ; и такъ не угодно ли у меня собраться въ 10 часовъ утра? Позавтракаемъ и пустимся въ дорогу.“ Между тѣмъ какъ сей разговоръ продолжался, гости отпили чай, корзинки, ложки, чашки прибраны, скатерть снята, и на мѣсто всей этой рухлой скудели, подали чернильницу и бумагу. Хозяйка изрѣзала одинъ листъ на ровные лоскутки и, подложивъ ихъ ко мнѣ, велѣла писать на нихъ подъ ея диктовкою. № 1, обѣдъ; № 2, плоды; № 3, конфекты; № 4, пи-

рожное; № 5, мороженое; № 6, дюжина Бургонскаго; № 7, дюжина Сотерну; № 8, дюжина Шампанскаго; № 9, чай; № 10, полдникъ; № 11-й, оршадъ, лимонадъ, пиво, портеръ и проч., № 12, квартира; № 13, мелочныя издержки и проч. и проч. Билеты написаны, скатаны, положены въ ридикюль, розданы большою ея дочерью гостямъ по старшинству и разобраны. Тогда начались толки объ экипажахъ. „Чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше можно выбирать“, сказалъ князь В. — „Если погода будетъ хороша: то поѣдемъ въ коляскахъ, открытыхъ каретахъ и дрожкахъ. Если пойдетъ дождь, или вечеръ сдѣлается холоднѣе: то найдемъ убѣжище въ каретахъ, которыя на всякой случай поѣдутъ за нами въ аррьергардъ.“ Сказано, сдѣлано!

Въ Воскресенье, въ назначенный часъ, всѣ съѣхались въ 12 часовъ. Подали завтракъ; въ часъ пополудни

мы уже за заставою. Большая дорога изрядная; но съ поворота начались выбоины и колеи. Широкая алея, ведущая къ селу Кускову, перерыта и загорожена рогатками. Насъ везли по оврагамъ и рытвинамъ, въ бродъ чрезъ рѣчки и большей частію по сыпучему песку; наконецъ, мы въ Кусковѣ, у крыльца маленькаго, свѣтлаго домика, нанятаго для насъ К. К. Б., однимъ изъ товарищей нашихъ. Вошли, оправились и подъ предводительствомъ услужливаго чичерона, который съ утра насъ дожидался, пошли къ главному дому или, говоря по лифляндски, къ замку основателя, графа Петра Борисовича Шереметева.

Но здѣсь его ужь нѣтъ;
Померкъ красота волшебныхъ свѣтъ,
Все тьмой покрылось, заустѣло;
Все въ прахъ упало, помертвѣло.

Онъ скончался въ Москвѣ 30 Ноября 1788 года, и тѣло его погребено

въ Новоспасскомъ монастырѣ. Село Кусково не есть родовое имѣніе Шереметевыхъ: оно дошло къ графу Петру Борисовичу по приданому за его супругою, отъ князя Черкаскаго; лежитъ между Владимірскою и Рязанскою большими дорогами, разстояніемъ отъ Москвы въ 7 верстахъ.

Домъ невеликъ, въ два этажа съ мезониною и балконами. Онъ построенъ по плану французскаго архитектора Валли. Все дышетъ роскошью и великолѣпіемъ: стѣны обиты шелковыми обоями Гобеленовой фабрики; зеркала огромны; вездѣ мраморы, антики; бронзы, плафоны, превосходно разрисованные. Въ одной комнатѣ стѣны, двери, потолокъ и полъ зеркальные; въ другой столы изъ малакита; въ третьей разставлены на столахъ фарфоровыя изображенія звѣрей и животныхъ въ маленькомъ видѣ; въ четвертой антики изъ Геркуланума. Въ библиотекѣ съ

*

любопытствомъ разматривали мы перламутромъ украшенную модель Иерусалимскаго храма и Виолиема; также восковые бюсты *Вольтера*, *Ж. Ж. Руссо*, *Франклина* и другихъ великихъ людей. Въ оружейной нашли мы рѣдкое собраніе древняго и новаго оружія; Англійскія, Французскія, Гишпанскія, Черкесскія, Греческія и Китайскія ружья; Дамасскія сабли, оправленныя въ золото и осыпанныя драгоцѣнными камнями. Между конскими приборами находится сокровище: сѣдло Карла XII, доставшееся вмѣстѣ съ его верховою лошадью знаменитому сподвижнику преобразителя Россіи, фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву, въ сраженіи подѣ Полтавою.

Истинное же великолѣпіе сихъ чертоговъ составляютъ картины знаменитѣйшихъ живописцевъ. Назову слѣдующія: св. Апостоль Андрей *Ванъ-Дика*; смерть св. Франциска — *Доминикина*;

Богоматерь, держащая на рукахъ младенца Иисуса — *Корреджіо*; Рождество Христово — *Павла Веронеза*; Рождество же Христово *Рембрандта*; Вирсавія въ купальнѣ — *Гвидо Рени*; Превращеніе Дафниса — *Доминикина* и нѣкоторыя другія.

Передъ домомъ возвышается мраморный обелискъ; на немъ прочитали мы надпись: „*ЕКАТЕРИНА II пожаловала графу Петру Борисовичу Шереметеву въ 1785 году, во время бытности его Губернскимъ Предводителемъ Московскаго Дворянства*“

Недалеко отъ него, на мраморномъ столпѣ, служащемъ ей подножіемъ, стоитъ Минерва изъ бѣлаго мрамора, съ надписью: *ЕКАТЕРИНА Великая, Всемилостивѣйшая Государыня, удивившая весь свѣтъ славными своими надъ Оттоманскою Портою побѣдами и давъ торжествовать своимъ вѣрно-подданнымъ престолезный миръ, Всеми-*

лостивѣйше соизволили *Марта 22 и Августа 23, 1775 года, посылить своимъ присутствіемъ здѣшняго дома козьяна, графа Петра Борисовича Шереметева. Въ память чю благодарности сей монументъ изъ пожалованнаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ мрамора соорудила.*

Съ другой стороны дома длинныя алеи столѣтнихъ переселенцевъ изъ благословенныхъ краевъ Юга: поморанцевыя, лимонныя, апельсинныя, лавровыя, миртовыя, кипарисныя, вѣчнозеленыя деревья съ цвѣтами и плодами, бѣломраморныя статуи боговъ и богинь, очаровываютъ взоры и переносятъ насъ подъ высокое небо Италіи.

Я знаю, что желалъ вкусъ строгій изъ
садовъ

Изгнать Авзоніи и Греціи боговъ.
Напрасно! Юность мы и дѣтство проводили
Въ Афинахъ, въ Римѣ; тамъ боговъ сихъ
полюбили.

И не стрegli ли они сады и огородъ?
Почто же заграждать въ твои сады имъ
входъ?
И смѣютъ ли цвѣты твои разцвѣсть безъ
Флоры?
Пусть боги Греція обворожаютъ взоры.
Изящныя, они творцы изящныхъ чувствъ:
Баснь и теперь еще Религія Искусствъ!

Самъ Шатобрианъ, строгій и набожный, позволяетъ языческимъ богамъ населять сады и чертоги. „Не хочу“ говоритъ онъ,

„Тритоновъ выгонять
Изъ водъ прохладныхъ въ степи жарки;
Свирѣль у бога стадь отнять
И ножницы у Парян.“

Обширный регулярный садъ съ зелеными бесѣдками, свѣтлыми храмами, легкими мостами, шумными фонтанами, яшмовыми урнами, огромными оранжеями, зеркальными прудами, каналами, цвѣтниками — напомнили мнѣ стихи Деллия:

Искусству покорять дозволимъ мы природу;
Но похититель сей, отнявъ ея свободу,
Подъ блескомъ пышности обяванъ власть
сокрыть,
Великостію дѣлъ прощенье заслужить.

Любуясь разнообразными предмета-
ми, нечувствительно подошли мы къ
церкви, гдѣ старецъ священникъ ожи-
далъ насъ, сидя на паперти; у ногъ
его двухлѣтній внукъ съ свѣтлыми ку-
дрями, съ большими черными глазами,
прелестный какъ Грѣзовъ Амуръ или
Ангель Рафаэлевъ, игралъ съ цвѣта-
ми, растущими вокругъ надгробнаго
камня, разломленнаго и до половины
вросшаго въ землю.

Каменная церковь не огромна и не
отличной архитектуры. Въ ней рѣз-
ной иконостасъ вызолоченъ; старин-
ные мѣстные образа въ золотыхъ окла-
дахъ, унизаны жемчугомъ и алмазами;
богатая ризница. За алтаремъ стоитъ

большая картина: Благовѣщеніе, лучшее произведеніе живописца *Гершеня*.

Семидесятилѣтній священникъ помнитъ основателя села Кускова, графа Петра Борисовича, истиннаго Русскаго боярина. Въ Екатерининъ вѣкъ вельможи, истоща на службѣ силы свои, доживали въ Москвѣ преклонные дни свои. Орловъ - Чесменскій, Долгорукой - Крымскій, Еропкинь, Шереметевъ, сохраняя довѣренность Императрицы и вліяніе на важныя дѣла государственныя, старались, праздниками для народа и хлѣбосольствомъ для дворянъ, заслужить ихъ любовь и благословеніе *). Священникъ съ слезами на глазахъ разсказалъ намъ, что при жизни графа Петра Борисовича, лѣ-

*) Въ доказательство того, не лишнимъ прочитаемъ приложить здѣсь письмо Кагульскаго героя къ главнокомандовавшему въ Москвѣ генералу Еропкину:

томъ, въ селѣ Кусковѣ, каждый Четвертокъ и Воскресенье, было гулянье: домъ, бесѣдки, сады, пристань, яхты освѣщались. Музыка гремѣла, раздавались пѣсни гребцовъ и пѣвчихъ; на театрѣ представляли комедіи, оперы и балеты; великолѣпный ужинъ для мно-

Милостивый государь мой

Петръ Дмитриевичъ!

Что я скажу вамъ, что было бы достаточно изъяснить ту чувствительность и благодарность, какими душа моя преисполнена за ваше обо мнѣ напамятованіе, въ письмѣ отъ 3 прошедшаго Сентября, и кои только ощутительны, а изречены быть не могутъ?

В. Пр. увѣрительно увѣдомлены были, или по ходячему слуху свѣдали о томъ, такъ сказать, разслабленномъ состояніи, до коего меня мои тяжкія болѣзани довели и меня задержали здѣсь.

Я ищу себѣ помогать; но, по мнѣнію врачей, мнѣ остается только одна помощь отъ

гочисленныхъ гостей хозяина и потѣшныя огни для народа заключали сіи праздники.

ЕКАТЕРИНА II и Римскій императоръ Іосифъ II удостоили графа Петра Борисовича своимъ посѣщеніемъ.

Отъ священника узнали мы, что въ одномъ изъ трехъ здѣшнихъ прудовъ,

цѣлительныхъ водъ, куда однакожъ надо добѣхать и что не такъ близко. Впрочемъ отъ нихъ я не возставилъ своего здоровья и сдѣлался вовсе неспособнымъ къ службѣ; теперь мое желаніе непосредственно есть, чтобъ водвориться подъ вашимъ покровомъ, въ матери градовъ, гдѣ всѣ мнѣ подобныя, по многимъ странствіямъ ихъ, покой обрѣтаютъ.

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Г. Румяицовъ-Задунайскій.

16 Октября 1789 года.
Стенка близъ Яссъ.

Прим. Изд.

Не ручаюсь за то, что это подлинникъ.

называемых *зеркалами*, найдено нѣсколько настоящихъ жемчужныхъ раковинъ и изъ одной, осенью 1786 года, вынута жемчужина, которая и хранится здѣсь въ кабинетъ рѣдкостей. Мы ее увидимъ.

Часы доложили намъ, что у насъ оставалось мало времени до обѣда; облака растопились, жаръ становился несносенъ, и мы рѣшились, заглянувъ въ Италіянскій каменный двухъ этажный домикъ, съ прилегающимъ къ нему садомъ въ Италіянскомъ же вкусѣ, возвратиться въ нашу квартиру, отобѣдать, отдохнуть и въ семь часовъ собраться на берегу большаго озера, въ Голландскомъ домикѣ.

Въ Италіянскомъ нашли мы нѣсколько славнѣйшихъ картинъ: Іоаннъ Креститель—*Рафаеля*; Св. Великомученица Екатерина—*Каріони*; Прометей—*Сальватора Розы*; множество картинъ и столовъ изъ мозаики. Въ саду

того же имени множество фонтановъ и статуй; аллеи подстрижены, кустарники округлены вазами, пирамидами, четверугольниками. Тутъ же театръ изъ зелени лѣтомъ, во время пребывания здѣсь хозяина, представляли на немъ маленькія оперы.

Голландскій домикъ есть двухэтажное зданіе. Онъ убранъ въ Голландскомъ вкусѣ: стѣны, вмѣсто обоевъ, окладены блестящими изразцами и увѣшаны картинами Фламандской школы. Между ними съ удовольствіемъ разсматривали мы портретъ *Ванъ-Дика* имъ самимъ писанный; портреты кисти *Рембрандта*; также картины, писанныя *Моллиеромъ*. Въ кухнѣ шкафы наполнены настоящею Японскою, Китайскою и Саксонскою фарфоровою посудю и Венеціанскимъ хрусталемъ. Въ огородахъ чистота необыкновенная, а въ ближнихъ цвѣтникахъ разноцвѣтныя гвоздики и тюльпаны съ такими рѣдкими

пятнами и до того красками испещренные, что могли бы возродить зависть въ самыхъ Гарлемцахъ.

Черезъ березовую рощу прошли мы въ Эрмитажъ, къ которому ведутъ шесть дорожекъ съ шести разныхъ сторонъ. Въ верхній этажъ гостей поднимаютъ на софѣ: тамъ находится столъ на 16 приборовъ. Каждая тарелка по желанію опускается внизъ и поднимается съ новымъ кушаньемъ.

Въ той же рощѣ карусель, качели, кегли и разныя другія сельскія игры и потѣхи.

Нашъ чичеронъ вывелъ насъ на пристань обширнаго яснаго озера. Посрединѣ его стоитъ на якорѣ раззолоченная шестипушечная яхта: у берега качаются шлюпки, челноки и ботики. Зеленый островъ, зеленныя купы лиственницъ, кедровъ, рѣдкихъ красотою кустарниковъ и домики, живописно разбросанные по берегамъ его, прелестны:

на нихъ отдыхаетъ взоръ, утомлен-
ный равниною водъ, которыхъ синій
цвѣтъ, непримѣтно сливаясь съ сине-
тою низкаго берега и лазурью неба,
показываетъ ее безпредѣльною.

Вообще, Кусково богато прудами,
каналами, каскадами и рѣчками. Кромѣ
озера, о которомъ мы выше говорили,
есть другое не столь обширное. Изъ
него съ шумомъ и быстротою выте-
каетъ рѣчка и, извиваясь и раздѣля-
ясь, образуетъ нѣсколько острововъ.
На одномъ изъ нихъ рыбацїй домикъ
предлагаетъ вамъ, для забавы, сѣти и
уды; тутъ развѣшенъ неводъ, связан-
ный изъ травы и выписанный изъ
Парижа.

Здѣсь отъ зноя палищаго
Тѣни ветель прохладныя,
Водъ съ роскошною свѣжестью,
Предлагають убѣжище,
И на берегѣ скатистомъ
Рыболовъ недвижимъ сидитъ,
**

Молча, съ удой дрожащею,
И слѣдить ее взорами.
Наклонился онъ на воды;
Глазъ недвижный зрить весело
Поплавокъ утопающій
И пруть длинный, погнувшійся.
Ахъ, кто сей неопасливый,
Неразумный сей житель водъ,
На крючкѣ повисъ гибельномъ?
То карась ли серебряный,
Или карпъ позолоченый,
Или лещъ съ красной жаброю,
Или угорь извивистый,
Или щука отважная,
Робкимъ рыбамаъ ужасная?

На другомъ островѣ Китайская бесѣдка, освѣщенная высокими кедрями. Черезъ рукава рѣчки перегибаются смѣлые мосты съ раззолоченными рѣшетками и рѣзными перилами. Одинъ изъ нихъ ведетъ въ глубину рощи — къ такъ называемому *убъжищу философовъ*, гдѣ цѣлый кустъ бѣлыхъ корольковъ на каминѣ достоинъ, чтобъ

посѣтитель взглянулъ на него. Другой
прилегаеть къ густому лѣсу....

Вотъ сумрачный вертепъ: онъ тайнъ души
хранитель,
Прохлады и любви и тишины обитель.
Окаменѣлостей чудесный рядъ,
Улитокъ, раковинъ, коралловъ,
И разноцвѣтный блескъ кристалловъ
Намъ ослѣпляютъ взглядъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вошедъ въ пещеру,
убранную мадрепорами, кристаллами
и рѣдкими камнями, воображаешь быть
въ гостяхъ у феи Морганы или на
островѣ Антипаросѣ. Въ сей пещерѣ
лежитъ левъ, покоящійся на лаврахъ,
съ надписью: *Non furit, sed indomitus.*
Вокругъ пещеры, какъ сладкая музы-
ка, журчатъ невидимые ключи живой
воды, тайно подъ землю проведенные.
Здѣсь же хранится огромная каменная
плита съ окаменѣлыми морскими ра-
ковинами, найденная въ дачахъ села

Кускова. Другая пещера унизана разнообразными раковинами, красными и бѣлыми корольками.

Ровный, какъ разостланная на столѣ скатерть, лугъ, переливающійся отъ солнечныхъ лучей, какъ темнозеленый бархатъ, показался намъ еще мягче, еще нѣжнѣе, еще муравчатѣе, по выходѣ изъ холодныхъ пещеръ, ослѣпляющихъ зрѣніе.

Сколько славныхъ и горестныхъ воспоминаній въ портретной галлерей царей и царицъ Европы, современниковъ ЕКАТЕРИНЫ Великой! Они изображены во весь ростъ и отъ того кажутся, какъ будто живые, какъ будто глядятъ на входящихъ посѣтителей. Вотъ Фридрихъ Великій! Вотъ Іосифъ II, благонамѣренный, но нетерпѣливый: онъ все началъ—и ничего не кончилъ; все насадилъ, но ничего не укоренилъ; все перемѣнилъ, но не улучшилъ въ разновѣрныхъ, разнона-

родныхъ и разнохарактерныхъ своихъ владѣнiяхъ. Вотъ Христіанъ VII! Передъ симъ монархомъ Вольтеръ бросился на колѣна и именемъ человѣческаго рода благодарилъ его за уваженіе къ правамъ и достоинству чело-вѣка. Это не портреты обыкновенныхъ, частныхъ людей, на которые глядимъ мы равнодушно; это величественные образы смертныхъ безсмертныхъ. Первое чувство при видѣ ихъ есть благоговѣніе; второе—горестъ объ ихъ потерѣ, горестъ, тихо переходящая въ сладостную задумчивость. И сіи движенія сердца не имѣли ничего общаго съ корыстью и тщеславіемъ, обожающими могущество; они были должною данью чистѣйшей благодарности. Сіи владыки-благодѣтели оставили своимъ преемникамъ великое имя, великій примѣръ и великіе уроки!

Я отворотился отъ развратнаго вольнодумца, регента Франціи: онъ погу-

билъ ее! Взглянулъ съ негодованіемъ на холоднаго себялюбца Людовика XV, и съ тихою грустью остановился передъ портретами царственныхъ мучениковъ, Людовика XVI и Маріи Антуанетты. Мнѣ казалось, что предомною окровавленная тѣнь сего царя говорить ослѣпленному народу:

„Что, дѣти, что народъ мой славный,
„Что вамъ такое сдѣлалъ я?
„Вы скиптръ вручили мнѣ державный.
„Чѣмъ посрамилась власть моя?
„Вы имя мнѣ Благаго дали:
„Вы благости мои вкушали.

* * *

„Желали вы имѣть свободу,
„Чтобы законы написать?
„Я отдалъ все права народу
„И всю мою вамъ царску власть.
„Желали, чтобъ я, снявъ корону,
„Со всеми вами равенъ былъ?
„Ни слезъ не испустивъ, ни стону,
„Я съ вами гражданиномъ слылъ.
„Желали вы, чтобъ я судился:
„И я предъ вами правъ явился.“—

Въ сосѣдственной комнатѣ мы поклонились усерднымъ слугамъ отечества и ПЕТРА Великаго на гражданскомъ поприщѣ: вотъ Остерманъ, Шафировъ, Писаревъ, Ромодановскій.

И ты, другъ правды, Долгоруковъ!

Вотъ его храбрые сослуживцы, его товарищи подъ Лѣснымъ, подъ Прутомъ, подъ Дербентомъ!

Хвала вамъ, славные сподвижники Петровы,
Блестящій Меншиковъ, великостью заслугъ
Пробившій путь къ честямъ и славѣ, царскій

другъ,

Сынъ избалованный Фортуны и побѣды.
Вождь Шереметевъ — стражъ отчизны крѣпкій
былъ:

Онъ въ Астрахани бунтъ опасный усмирилъ;
Подъ Нарвой, подъ Лѣснымъ, подъ Ригой,
подъ Полтавой

Покрылся вѣчною, невянущею славой.
Голицынъ освѣтилъ пожарами Стокгольмъ
И, въ сердце Швеціи бросая мстящій громъ.
Смирять вельможъ ся и гордую царицу,
И миротворную ей простиралъ десницу.

Грустно расстались мы съ славными монархами Европейскими и съ боярами Русскими, приготовившими блестящій вѣкъ ЕКАТЕРИНЫ и АЛЕКСАНДРА. Мимоходомъ заглядывали въ пустыя лѣтомъ оранжереи, въ Индiйскiй пагодъ, въ лабиринтъ, въ поля Елисейскiя. Въ бельведерѣ, имѣющемъ видъ башни, съ верхней площадки котораго видны всѣ окрестности, любовались мы очаровательными видами вокругъ Кускова. Прекрасныя картины! Передъ глазами готическiя церкви съ высокими колокольнями, загородные дома, деревни, большая дорога, рощи, луга, пруды, рѣчки, поля, стада пестрѣлись въ неизмѣримой дали, и пылающее солнце, какъ торжествователь, сходило съ небесъ голубыхъ и безоблачныхъ. Душа не вмѣщала всѣхъ тѣснившихся въ нее впечатлѣнiй; взоръ скользилъ съ предмета на предметъ, съ картины на картину, и языкъ не находилъ словъ

для изъясненія всего великолѣпія, разнообразія и прелести природы.

Все прекрасно, удивительно, богато; но, признаюсь, утомляетъ душу. Наконецъ

Мы вырвались изъ пышныхъ тѣхъ садовъ.

Гдѣ равнодушное искусство.

Къ природѣ заглуша врожденное въ насъ
чувство.

Верхи кустовъ, сучки древесъ

Безжалостно срубаетъ;

Гдѣ нѣтъ свободы для ручьевъ,

Гдѣ цвѣтнику цвѣтникъ, храмъ храму отвѣ-
чаетъ;

Гдѣ противъ луга лугъ и противъ лѣса лѣсъ.

Гдѣ мѣста нѣтъ надеждъ:

Глазъ все угадываетъ прежде,

И жадный все обнять,

Въ одно мгновенье

Успѣлъ все видѣть, все узнать,

И все исчерпать наслажденье.

Мы вскричали отъ радости, когда
вошли подъ дремлющія сѣни Англій-
скаго сада, ступили на узорчатые ковры

лужаекъ, увидѣли своенравную рѣчку, текущую по своей прихоти между независимыми деревьями, безопасно разметающимися густыя вѣтви свои.

Здѣсь листомъ шевелить свободный вѣтерокъ. Свергаетъ и гремитъ по камешкамъ потокъ. Опутанъ корнями, плющемъ и повиликой.

Онъ освѣжаетъ лѣсъ сей дикой.

Вотъ здѣсь тропинки разошлись,
Вотъ перепутались, и вотъ опять слились;
Вездѣ видъ рѣзвости, небрежности, свободы:
Искусство здѣсь въ подданствѣ у Природы.

Жаль, что звѣринецъ необитаемъ: прежде жили въ немъ Американскіе, Нѣмецкіе, Архангельскіе и Сибирскіе олени, дикія козы, серны, сайгаки; также пѣгіе и черные волки. Въ немъ все дико, мрачно и сурово. Это дебрь непроходимая: кажется, будто человѣческая нога никогда не топтала здѣшней травы — такъ высока она; будто никогда топоръ ни звучалъ въ сихъ лѣсахъ, старыхъ, какъ мѣръ и темныхъ,

какъ ночь. Листья шуршатъ подъ ногами, древа скрипятъ, гнутся, трещать и падаютъ. Въ сладкой задумчивости я далеко отсталъ отъ своихъ товарищей; неслышно стало шороху шаговъ ихъ; я былъ одинъ въ непроходимой чащѣ лѣса; тѣни становились чернѣе и чернѣе; что-то вздыхало и шептало вокругъ меня; темная рѣчка извивалась передо мною. Сердце мое крѣпко билось, кровь волновалась, я чувствовалъ какое-то пріятное безпокойство, какой-то сладостный трепеть; душа моя расширялась. Я съѣлъ на пень бурею сломленнаго дерева, котораго полуистлѣвшій трупъ занималъ большое пространство съ своею прежде столь величавою вершиною, своими раскинутыми сучьями, и ждалъ чего-то безвѣстнаго, необыкновеннаго. Я былъ одинъ; но дикій лѣсъ не былъ для меня пустынею: Господь Богъ населялъ его безконечность. Мнѣ казался

Каждый холмъ—алтарь
И храмъ каждая сѣнистая дубрава,
Гдѣ, мнится, въ тайной мглѣ сокрытъ при
роды царь
И вѣютъ въ вѣтергахъ душистыхъ Серафимы.

Я взглянулъ на небо и увидѣлъ, что
полный мѣсяцъ стоитъ надъ моею го-
ловою и осыпаетъ лѣсъ золотомъ и
рѣку искрами. Удвоенными шагами
догналъ я свое общество, которое въ
одинъ голосъ вскричало: „Пора домой!“
Кое-какъ добрались мы до своего ноч-
лега, гдѣ ожидалъ насъ холодный ужинъ.

Били утреннюю зорю, когда мы въѣз-
жали въ Москву бѣлокаменную.

Воейновъ.

ИСТОРИЯ КОКЕТСТВА.

Венера почитается матерью богини кокетства. Отцемъ ея называютъ и Меркурія, и Аполлона, и Марса, и даже Вулкана. Говорятъ, что передъ ея рожденіемъ, непостоянная Киприда была въ равно короткой связи со всѣми ими и, разрывившись отъ бремени, каждая поздравила на ухо счастливымъ отцемъ поворожденной богини.

Малютка въ самомъ дѣлѣ съ каждымъ имѣла нѣкоторое сходство. Вообще была она подобіемъ своей матери: но въ глазахъ ея, не смотря на ихъ нѣжность и томность, было что-то лукавое, принадлежащее Меркурію. Тонкимъ вкусомъ и живымъ воображеніемъ казалась она обязанною Аполлону. Мар-

су нравились ея свободныя движенія, доказывающія, по словамъ его, что отецъ ея былъ человекъ военный; добрый же Вулканъ не обнаруживалъ своихъ замѣчаній, но ласкалъ малютку съ истинно-родительскою нѣжностію.

Всѣ они имѣли одинакое право принимать нѣкоторое участіе въ будущей судьбѣ новой богини, съ равнымъ усердіемъ старались о ея воспитаніи. Жители Олимпа удивлялись быстрымъ ея успѣхамъ и превозносили необыкновенныя ея дарованія. Одна Паллада усмѣхалась имъ подозрительно; да иногда Амуръ поглядывалъ на молодую богиню съ видомъ безпокойства и недоувѣрчивости.

Многіе недостатки были въ ней замѣтны, особенно непомѣрное тщеславіе. Она болѣе любила выказывать свои знанія, нежели любила самыя науки; въ угодительномъ ея обхожденіи съ богами было болѣе желанія казать-

ся любезною, нежели истиннаго благоуравія. Ко всему имѣла она нѣкоторое расположеніе, ни къ чему настоящей склонности, и потому никѣмъ и ничѣмъ не могла заниматься долго. Непостоянство ея, можетъ быть, происходило отъ ея Генеалогіи, но усовершенствовалось своевольнымъ ея воспитаніемъ. „Наставники ея недалъновидны“, говорила иногда Паллада, (которая кстати и не кстати любила такъ похвастать своимъ глубокомысліемъ и мѣрною прозою произносить торжественныя изрѣченія), наставники ея недалъновидны: поверхностное обо всемъ понятіе составить удивительный хаосъ въ головѣ ея. Они стараются усовершенствовать ея дарованія, образовать вкусъ и развить воображеніе, но некому просвѣтить ея разума и наставить сердца. По моему, она не доставитъ особенной чести Олимпу.“

Давно уже достигнувъ совершенно-

лѣтія, пресытись однообразными похвалами боговъ ея остроумію, красотѣ и любезности, можетъ быть нѣсколько завидуя Граціямъ, помраченнымъ ею сначала, но которымъ мало-по-малу стали отдавать справедливость.—новая богиня упала къ ногамъ Юпитера и выпросила себѣ дозволеніе переселиться на землю.

Въ послѣдній день ея пребыванія на Олимпѣ, пригласила она боговъ на прощальное ширшество. Привѣтливость ея при угощеніи, соединенная съ нѣкоторою задумчивостію, тронула безсмертныхъ: всѣ оставили ее съ нѣкоторою грустію; правда, каждому изъ нихъ дала она почувствовать, что одна разлука съ нимъ заставляетъ ее жалѣть объ Олимпѣ.

Богиня сначала поселилась въ Греціи; однакожъ не имѣла въ ней храмовъ. Народы, принявшіе ее за любезность, поздно замѣтили свою ошибку

и стали подозрѣвать существованіе новой богини. Въ обхожденіи нѣкоторыхъ прелестницъ, въ блестящихъ, но неосновательныхъ сочиненіяхъ многихъ софистовъ, ощутительно стало ея вліяніе. Раздоры, возгорѣвшіеся между наслѣдниками Александра Македонскаго, раздоры, наполнившіе Грецію ужасомъ и кровію, отвлекли ихъ вниманіе и самую богиню принудили искать другаго убѣжища: она переселилась въ Римъ.

Худо ее приняли въ Римѣ. Изнѣженность ея нрава и слишкомъ вольное обращеніе не полюбилось строгимъ республиканцамъ. При тріумвирахъ было ей лучше, но немногимъ: *буйный развратъ* столько же противорѣчилъ ея свойству, сколько чрезмѣрно строгіе обычаи.

Дикія племена, завоевавшіе Римъ, изгнали ее изъ сей столицы вселенной. Здѣсь исторія ее становится тем-

ною: иные говорятъ, что, до самаго ея возвращенія въ Европу, странствовала она по Азїи и Африкѣ; другіе, что она провела это время въ уединенїи, придумывая способы для будущаго своего величія.

Какъ бы то ни было, но въ XVIII вѣкѣ торжественно явилась она въ Италиі и во Франціи, съ молодою, прелестною дочерью, неуступающею своей матери въ непостоянствѣ, своенравїи и проворствѣ: дочь ея была Мода. Подобно Юпитеру, отцу Паллады, богиня зачала ее въ головѣ своей, и также счастливо разрѣшилась отъ бремени. Народы приняли ее съ восторгомъ. Воздвиглись храмы и воскурились жертвы. Обрадованная усердіемъ Галловъ, богиня основала свое пребываніе между ними.

На берегахъ Сены, посреди великолѣпнаго сада, возвышается столичный храмъ ея. Витыя золотыя колонны под-

держиваютъ его куполь. На барельефахъ изображены разныя двусмысленныя аллегоріи, понинѣ еще не разгаданныя, напримѣръ: въ одномъ мѣстѣ представлена она подающею руку Амуру, вмѣсто дурачества, которому грозить пальцемъ, чтобъ оно молчало; въ другомъ — побѣждающею богиню красоты; въ третьемъ наряжающею Граціи и проч. Многіе приняли ея аллегоріи въ выгодномъ значеніи для богини, другіе совершенно напротивъ. Кто-вѣсть, говорили они, какой путешитель выигрываетъ для Амура: дурачество увлекало его силою, кокетство увлекаетъ обманомъ. Что лучше? Искусство превышаетъ природу! Жаль, ежели это правда! Наряженныя Граціи похожи на прелестницъ, и тому подобное. Внутри храма, въ зеркальной, освѣщенной канделями залѣ, таится непонятная богиня. Мечты блестящія, но почти неизмѣющія образа (такъ быстро

онъ переходятъ изъ одного въ другой) вьются, волнуются передъ нею. Мусикійскія орудія, отличительные знаки всѣхъ искусствъ, разные игрушки, выдуманныя прихотью, небрежно около ся разбросаны. Тутъ-то проводитъ она время, примѣряя наряды, вымышленные ея дочерью, и приучая лицо свое къ разнаго рода выраженіямъ. Въ извѣстные дни принимаетъ она своихъ обожателей и издаетъ свои прорицанія; ласковость ея обхожденія привлекаетъ каждаго; разнообразныя дарованія, подученныя ею отъ Олимпійскихъ ея наставниковъ, заслужили ей уваженіе людей всякаго состоянія, всякихъ понятій, всякаго права: даже два великіе, хотя разнородные, генія послѣдняго времени, Фридрихъ II и Вольтеръ. не пренебрегали ея совѣтами. Не говорю уже о женщинахъ: кокетство можно назвать политикою прекраснаго пола.

Но прошествіи нѣкотораго времени,

богиня замѣтила однакожь разительное охлажденіе въ мужской половинѣ своихъ поклонниковъ. Ужась объялъ ея сердце; но умъ ея, богатый вымыслами, скоро внушилъ ей способъ оживить ихъ усердіе. Она удвоила свою привѣтливость, даже казалась нѣжною наединѣ со многими. Новаго рода надежда закралась въ ихъ сердца и совершенно его взволновала, когда въ пріемной залѣ богини увидѣли посѣтители нѣсколько новыхъ картинъ довольно замѣчательнаго содержанія. На нихъ изображены были нѣкоторыя приключенія жителей Олимпа, гдѣ они являлись довольно благосклонными къ бѣднымъ смертнымъ: Діана, посѣщающая Эндиміона; Киприда, ласкающая Адониса, и пр. Внизу надписано было: *Для любви не существуетъ разницы между смертными и богами.* Хитрость сія удалась богинѣ; охлажденные поклонники превратились въ пламенныхъ ис-

кателей; и хотя никому еще не сдержала она нѣжнаго своего обѣщанія, но всѣ надѣются, что она сдержитъ его нѣкогда, и храмъ ея никогда не бываетъ празденъ.

Ученый антикварій, собравшій матеріалы для сей достовѣрной исторіи, собралъ ихъ прежде Французской революціи и, содѣлавшись жертвою ея, не могъ продолжать занимательнаго труда своего. Если вѣрить слухамъ, то ужасы возмущенія сильно и благотѣтельно подѣйствовали на сердце богини; говорятъ, что она отеклась отъ божества своего и даже сама сдѣлалась набожною. Живетъ уединенно, читаетъ полезныя книги и вздыхаетъ о прежнихъ своихъ заблужденіяхъ. Время покажетъ, справедливы ли сіи слухи и чистосердечно ли ея обращеніе.

Е. Баратынскій.

АЭОНСКАЯ ГОРА.

Отрывокъ изъ путешествія по Греции.
въ 1820 году.

Ввечеру, 3 Юля, мы оставили островъ *Скопело* и повертели къ западной сторонѣ *Святой горы*. Всю ночь сильно дулъ попутный вѣтеръ, но къ разсвѣту стало тише, и корабль медленно подвигался къ пристани. Густой туманъ скрывалъ отъ насъ прекрасные виды окрестныхъ береговъ и море, усѣянное вдали островами. Около полудня поднялся легкій *имбатъ* (вѣтеръ съ моря) и въ нѣсколько минутъ очистилъ воздухъ. Гигантъ Аѳонскій явился намъ во всемъ величїи: мы вдругъ, какъ бы по мановенїю волшебнаго жезла, уви-

дѣли обнаженную его вершину; утесистые бока, одѣтые зеленымъ лѣсомъ, главы церквей и большіе монастыри. построенные на крутомъ берегу, высоко надъ пѣнищимися волнами. Мы бросили якорь въ открытомъ заливѣ, среди подводныхъ камней: убѣжище, опасное для судовъ въ осеннія и зимнія бури! Надъ головами у насъ бѣлѣлись стѣны обители *Ксиропотамской*; мы вышли на песчаный берегъ и сѣли въ рыбацкой хижинѣ, ожидая монастырскихъ лошаковъ для перевозки чемодановъ. Корабль долженъ былъ оставаться въ сей пристани до нашего возвращенія.

Дорога вверхъ самая трудная; я задыхался и едва могъ идти за караваномъ. У воротъ обители насъ встрѣтилъ игуменъ и повелъ, по обычаю, прямо въ церковь, гдѣ братія собиралась къ вечернѣ. Тутъ въ первый разъ, съ самаго выѣзда изъ Одессы, увидѣлъ

и красивый храмъ, большіе колокола и все благодѣніе нашихъ обрядовъ. Напрасно выхваляютъ терпимость Турецкаго правительства: гораздо справедливѣе назвать ее невозможностію истребить цѣлый народъ, который гнушается отступничествомъ и въ рабствѣ готовъ погибнуть за вѣру. Христіанское богослуженіе стѣснено вездѣ, гдѣ живутъ мусульмане; вездѣ видны обрушающіяся церкви, и малѣйшая постройка вмѣняется въ тяжкую вину Грекамъ, если они цѣною золота не купили снисхожденія. Не грамоты Омара, Мурада и Могаммеда, не благоразумная политика султановъ, но корыстолюбіе Порты и областныхъ правителей спасло отъ разоренія святыя мѣста въ Иерусалимѣ и монастыри Аѳонскіе.

Не теряя времени, мы отправились изъ *Ксиропотама* въ *Карію*, мѣстопребываніе Турецкаго аги и духовнаго Собора. Мнѣ надлежало предъяви

*

первому *буйрумди* (приказъ) Салоникскаго паши Селима, а монахамъ грамоту Константинопольскаго Патріарха, непосредственнаго главы *царскихъ и патріаршихъ монастырей Святогорскихъ* *). Сперва дорога была ровная; засѣянные поля въ просѣкахъ густаго каштановаго лѣса, пасущіеся стада и кой-гдѣ маленькія хижины придавали симъ мѣстамъ сельскую прелесть. Но скоро виды совсѣмъ перемѣнились: мы стали спускаться и подниматься, съ крутизны въ ущелье, изъ ущелья на крутизну, по широкимъ, наклоннымъ ступенямъ, высѣченнымъ

*) Епархіальный архіерей (Герисонскій) пользуется нѣкоторыми почестями въ Аеонскихъ обителяхъ, но не можетъ вступаться въ ихъ управленіе. Всѣ важныя монастырскія сдѣлки подтверждаются исключительно Вселенскимъ патріархомъ.

въ камнѣ. Съ горъ низвергались ручьи и, сливаясь въ долинахъ, составляли быстрые потоки, на коихъ наведены были очень ненадежные мосты для переправы. Я удивлялся проворству и твердому шагу нашихъ лошаковъ; часто долженъ былъ опускать поводъ и отдаваться на волю умнаго, привычнаго животнаго, дабы не скатиться вмѣстѣ съ нимъ въ неизмѣримую бездну. Наконецъ, отѣхавъ около 8 верстъ (1½ часа), мы увидѣли подъ ногами мѣстечко *Карію*, средоточіе полуострова.

Иностранцы, посѣщавшіе гору Аѳонскую, говорили о живописныхъ ея видахъ, о церквахъ и иконахъ, но мало обращали вниманія на внутреннее устройство монастырей и на любопытныя ихъ сношенія съ патріархомъ и Турками. Немногимъ въ Европѣ было извѣстно существованіе *духовной республики* въ самой срединѣ имперіи

Оттоманской *). Съ твердостью и съ удивительнымъ искусствомъ Святогорскіе отшельники обуздывали властолюбіе сосѣдственныхъ пашей, защищали въ Константинополѣ и Салоникѣ свою независимость, не жалѣя пожертвованій. Взаимная зависть и частыя между обитателями распри не мѣшали имъ дѣйствовать единодушно въ общихъ нуждахъ. Расскажу одинъ случай изъ многихъ. Въ *Карии* завелась ярмонка, приносящая большой доходъ монахамъ; купцы изъ окрестныхъ городовъ пріѣзжали мѣнять товары на ихъ издѣлія. Паша Салоникскій захо-

*) Такъ было до войны Греческой. Въ концѣ 1821 года свирѣпый Абулубудъ-паша, питомецъ Джеззара, занялъ обманомъ Афонскую гору, собралъ съ монастырей до 400 т. левовъ выкупа и потомъ ихъ ограбилъ, разставилъ вездѣ охранное войско и увелъ въ залогъ многихъ начальныхъ монаховъ, кои въ послѣдствіи были лишены жизни.

тѣлъ симъ воспользоваться, и прислалъ своихъ чиновниковъ для пристра. Но осторожные Греки пресѣкли зло въ самомъ началѣ: отказались добровольно отъ выгодъ ярмонки, отмѣнили съѣздъ купцовъ и не дали Турнямъ повода къ утѣсненію.

Длину полуострова отъ перешейка до крайняго юговосточнаго мыса (*Монте-Санто*, древн. *Нимфейскій*) полагають отъ 80 до 100, а ширину въ иныхъ мѣстахъ около 20 верстъ, минуя вершину Аѳона *). Все сіе пространство раздѣлено на двадцать неравныхъ участковъ, по числу монастырей. Вотъ названія оныхъ: на западной сторонѣ, *Зографы*

*) Першеескъ, соединяющій Аѳонскую гору съ твердою землею, очень узокъ и легко можетъ быть укрѣпленъ. Продоль (VII, 22) полагаеть его въ 12 стадій и рассказываетъ подробно, какимъ образомъ оный былъ перекопанъ для прохода кораблей Ксерксовыхъ.

(Славеноболгарскій), *Констамонити*, *Дохиарь*, *Русико* (прежній Русскій, Св. Пантелеймона), *Ксенофонта*, *Ксиропотамскій*, *Симонстра* (Σίμων πέτρα), *Григорія*, *Діонисія*, *Павла*; на восточной: *Лавра Св. Афанасія*, *Каракала*, *Филовея*, *Ивирскій*, *Котломусь*, *Ставроники ты*, *Пантократора*, *Ватопедскій*, *Есфимено* и *Хилиндарь* (Славеносербскій). Сверхъ того, на Святой горѣ есть множество особыхъ келій и 15 скитовъ, изъ коихъ каждый зависитъ отъ той обители, на чьей землѣ построены. платя ей условленную подать.

Для общественнаго управленія, монастыри Аѳонскіе раздѣлены на пять разрядовъ ^{*)}, посылающихъ ежегодно, каждый въ свою очередь, депутатовъ

^{*)} Мы оставляемъ сіе описаніе въ первобытномъ его видѣ. Пусть оно сохранитъ слѣды прежняго устройства Святой горы, можетъ быть навсегда разрушеннаго!

на Соборъ въ *Карю*. Скиты не имѣютъ на ономъ голоса. Симъ уполномоченнымъ (*Назырямъ*) ввѣрены всѣ внѣшнія сношенія: они ведутъ переписку съ Константинополемъ и Салоникомъ, рѣшаютъ частныя ссоры между обителями и раскладываютъ по соразмѣрности доходовъ дани, требуемая Турками; въ важныхъ случаяхъ собираютъ на совѣтъ выборныхъ старцевъ отъ всѣхъ разрядовъ. Власть Аги, назначаемаго *Бестанджи-Башю* *), совершенно ничтожна. Онъ знаетъ, что монахамъ не трудно смѣнить его при малѣйшемъ неудовольствіи, и потому живетъ смиренно, не выходя изъ *Карю*, на ихъ со-

*) Такъ называется начальникъ *Бостан-жей* (садовниковъ), составляющихъ внѣшнюю Султанскую стражу. Его приемуру поручены берега Востора, отъ столицы до Чернаго моря; онъ править рулемъ Императорской лодки въ прогулкахъ по проливу.

держаніи. Святые Отцы не позволяютъ ему имѣть Харема: ибо ни одна женщина не можетъ ступить ногою въ сей рай цѣломудрія. Бѣдному Агѣ, охотнику до *юрта* (простокваши), хотѣлось имѣть корову, но его умѣли отучить и отъ сей прихоти. „Онъ не послушался насъ, говорили мнѣ при немъ Назыри, но предсказаніе наше сбылось—корова издохла на самой границѣ.“—Исключая сего Аги и двухъ его приставовъ, нѣтъ ни одного Турки на всемъ полуостровѣ.

Законныя подати умѣренны: *харачъ* (подушныя или, лучше сказать, *выкупныя* деньги) положенъ только за 7 тыс. душъ, хотя монаховъ считается до 8 тыс., сверхъ послушниковъ и служекъ. Но здѣсь, какъ и во всѣхъ владѣніяхъ Оттоманскихъ, вынужденные дары и насильственные сборы несравненно болѣе законныхъ. Аѳонская гора платитъ ежегодно до 350 тысячъ левовъ (около

235 тыс. рублей), кромѣ обычной десятины съ принадлежащихъ ей монастырей и земель внѣ полуострова, въ Румелии, въ Княжествахъ Молдавскомъ и Валахскомъ, въ Греціи и въ Архипелагѣ: дань тягостная, но цѣна свободы и покоя.

Во всѣхъ внутреннихъ распоряженіяхъ, обители не зависятъ одна отъ другой и даже не всегда исполняютъ въ точности повелѣнія Патріаршія, ссылаясь на грамоты древнихъ Императоровъ, своихъ основателей. Сами Игумены мало имѣютъ власти въ монастыряхъ *симоуставныхъ*: тамъ управляютъ всѣми общественными дѣлами Соборные старцы *), избираемые по

*) Въ числѣ соборныхъ старцевъ бываютъ *Промумены* (бывшіе настоятели) и *Кавиумены*, или настоятели почетные: сіе званіе даетъ первенство въ монастырскомъ совѣтѣ и въ церквѣ.—Игумены (*Епитропы*) обыкно-

смерть изъ монаховъ, кои оказали услуги обители и неоднократно собирали для нея богатую милостыню. Они подписываютъ важныя бумаги и въ отличіе носятъ мантии въ церкви; вся братія предъ ними раболѣпствуетъ.

По образу жизни иноковъ, монастыри суть или *самоуставные* (ιδιόρυθμα) или *общежительные* (κοινούβια). Въ первыхъ одни простые монахи подчинены правилу и ѣдятъ за общею трапезою: начальники и всякой, кто имѣетъ достатокъ, дѣлаютъ что хотятъ въ келіяхъ. Многіе очень богаты: незадолго до нашего пріѣзда умеръ въ Лаврѣ одинъ старецъ, у коего подъ изголовьемъ нашли болѣе 300 тыс. левовъ; обитель ими воспользовалась. Есть на

венно избираются на годъ; но могутъ оставаться въ должности нѣсколько лѣтъ сряду, отдавая старцамъ ежегодный отчетъ въ своемъ управленіи.

Аеонской горѣ пришлецы, духовные и міряне, убѣгающіе отъ мучительства Турокъ — часто и отъ справедливой мести законовъ за преступленіи. Они нанимаютъ особья келіи, внутри и внѣ ограды, или *калвы* (келіи безъ земли и безъ церкви), покидаютъ ихъ по произволу и могутъ доставать за деньги все нужное для пищи. Есть и отшельники, посвятившіе остатокъ дней своихъ молитвѣ и покаянію, и живущіе уединенно на неприступныхъ утесахъ: сіи приходятъ въ обитель только за хлѣбомъ, или для причащенія; видѣ чловѣка имъ несносенъ; они строго хранятъ обѣтъ безмолвія и умираютъ, забытые всѣми.

Монастырей общежительныхъ семь. Они меньше и бѣднѣе прочихъ, но зато ближе къ древнимъ образцамъ иноческой жизни. Тамъ больше порядка, больше истиннаго благочестія; нѣтъ отличій, нѣтъ частной собственности.

Игумены уважаемы; монахи кормятся трудами рукъ своихъ и прилѣжище къ земледѣлію. Довольствуясь небольшими доходами, они принимаютъ съ благодарностію приносимую къ нимъ поклонниками милостыню, сами же никуда не ходятъ собирать ее. Въ наше время Патріархъ Григорій былъ намѣренъ обратить мало-по-малу и другіе монастыри въ общежительные; но богатые монахи уже готовились къ сильному отпору, и благомыслицій Первосвятитель едва ли бы успѣлъ въ своемъ предпріятіи.

Любопытные найдутъ подробное описаніе церквей Афонскихъ и всѣхъ духовныхъ обрядовъ въ путешествіи многогорѣчиваго *Василія Барскаго*; послѣ него перемѣнъ было мало. Обстоятельства не позволили намъ провести на Святой горѣ болѣе 10 дней, и мы спѣшили осмотрѣть только знатнѣйшіе монастыри, тѣ, въ коихъ надѣялись оты-

скать достойныя вниманія рукописей о Греческой и Латинской Словесности, о сношеніяхъ Константинопольской Церкви съ нашею, и Грузинскую Библію. Мы знали, что въ иныхъ обителяхъ, кромѣ общаго книгохранилища, есть другое, тайное, для спасенія драгоценныхъ остатковъ древности отъ хищности путешественниковъ: ибо многіе, замѣтивъ рѣдкую рукопись, подкупали Ризничихъ и Библіотекарей, или даже, для полученія оной, употребляли во зло вліяніе Европейскихъ Посланниковъ при Портѣ. Тщетно положено было проклятіе на продающихъ принадлежащія монастырямъ книги. Патріархъ увѣрилъ въ своей грамотѣ Святогорскихъ начальниковъ, что насъ бояться нечего, и что въ случаѣ какой-либо счастливой находки, будутъ присланы каллиграфы для снятія вѣрныхъ списковъ. Сія грамота прочтена была на Соборѣ въ *Каріи*, и Назыри немедленно сооб-

**

щили ее, чрезъ нарочныхъ, всѣмъ Игуменамъ, съ извѣстіемъ о скоромъ нашемъ посѣщеніи.

Карія или *Протатонъ* (главное, первенствующе мѣсто) есть общее владѣніе всѣхъ монастырей; каждый имѣетъ свое подворье съ малою церковью. Тамъ издавна была столица Аѳонская. по свидѣтельству Хрисовулы Императора Мануила и старинной Синодальной грамоты (на кожѣ пребольшаго козла) съ начертаніемъ древнихъ уставовъ и обычаевъ Святой горы. Соборъ, во имя Успенія Богородицы *), построенъ, какъ увѣряютъ, Константиномъ Великимъ; нынѣ обветшалъ, и деревянная кровля, безъ купола, напомнила намъ убогій видъ Патріаршаго храма въ

*) По преданіямъ Греческихъ монаховъ, Богоматерь посѣщала Аѳонскую гору. Почти всѣ чудотворныя иконы тамъ изображаютъ ликъ Ея.

Царь-градъ. Здѣсь каждому Игумену назначено особое мѣсто (ѳронъ), по старшинству монастырей: первое Лаврскому, потомъ Ватопедскому, Ивирскому, Хилиндарскому, Діонисійскому, и т. д. Порядокъ сей не всегда былъ одинаковъ и давалъ поводъ ко многимъ спорамъ: честолюбіе не оставляетъ насъ и у дверей гроба!

Въ *Карѣ* много лавокъ; монахи сходятся туда по субботамъ на торгъ изъ всѣхъ концовъ полуострова.

Осмотрѣвъ лучшія подворья и протаясь съ Назырями, мы пошли пѣшкомъ въ ближній монастырь *Котломусъ*, небольшой, но красиво отстроенный и на пріятномъ мѣстѣ. Тамъ обѣдали у **скаго Архіепископа, удалившагося изъ своей Епархіи по случаю возмущенія славнаго Али-Паши. Отъ него узнали о первыхъ успѣхахъ оружія Оттоманскаго, около Лариссы и въ Ливадіи, и получили списокъ съ любоньт-

наго воззванія къ Грекамъ Солеймана-Паши Трикальскаго *). Архіерей принялъ насъ въ открытомъ *кіоскѣ*, на высокомъ холмѣ, съ коего видна прекрасная равнина съ виноградниками и пло-

*) Въ семъ воззваніи Солейманъ живо описалъ насилія и злодѣйства Намѣстниковъ Порты и воспламенялъ угнетенныхъ къ отмщенію. „Мы видимъ и слышимъ ежедневно—говорилъ онъ—слезы, стenanія и душевныя искушенія *бѣдныхъ изъ бѣднѣйшихъ Раіевъ* (иноувѣрныхъ подданныхъ); видимъ, какъ иной требуетъ отъ нихъ по человѣку съ дома, лошаковъ и коней; иной телѣгъ, воловъ и буй-воловъ; тотъ строеваго лѣса, а сей извести, кольевъ и земли для укрѣпленій; требуютъ и того, о чемъ ухо человѣческое не слыхало и умъ не помышлялъ. Видимъ тяжкое мучительство, немилосердые побои, безстыдныя озлобленія: многихъ, увы! связавъ разбойнически, уводятъ въ страны отдаленныя.. Вооружитесь всѣ отъ мала до велика, мушкеты ружьями, жены топорами и дреколіемъ, дѣти пращами; будьте готовы разить, убивать, *пить кровь* проходящихъ въ дома ваши и есла, грозя-

неважныхъ Хрисовуль Греческихъ Императоровъ и Господарей Валахскихъ.

Отъ *Котломуса* до *Ивира* мы ѣхали не болѣе часа, но гористой и скучной дорогѣ. Сія обитель (названная *Ивирскою*, потому что основана тремя иноками изъ рода Царей Грузинскихъ) построена на низкомъ мѣстѣ, у самаго моря: стѣны высокія и крѣпкія, съ двумя или тремя пушками для защиты отъ разбойниковъ, нападавшихъ неоднократно на прибрежные монастыри Аѳонскіе. Келій множество. Соборный храмъ Успенія очень хорошъ; столбы и помость мраморныя; даже стѣны одѣты снизу бѣлымъ мраморомъ, а сверху покрыты узорчатыми изразцами. Въ другой церкви, близъ воротъ, украшенной Іоанномъ Кантакузномъ, стоитъ въ богатомъ окладѣ образъ Богородицы *Вратарницы* (Иверской), съ коего списокъ находится въ Москвѣ. На Ея лицѣ видна рана отъ руки невѣр-

наго, по имени *Варвара*, въ послѣдствіи покаявшагося и умершаго святымъ отшельникомъ: онъ представленъ на стѣнѣ, въ открытыхъ сѣняхъ, вмѣстѣ съ Солономъ, Фукидидомъ, Платономъ, Аристотелемъ и другими философами, кои (судя по надписямъ) предузнали воплощеніе Спасителя.

Мы нашли подобное сему преданіе въ *Ватопедѣ*, ибо на Святой горѣ почти каждая обитель имѣетъ свой чудотворный образъ, свои легенды. И тамъ неистовый монахъ вонзилъ ножъ въ ланиту Богоматери, а потомъ цѣлые три года, не сходя съ мѣста, оплакивалъ свое преступленіе; изсохшую руку его донынѣ показываютъ поклонникамъ. Другая икона возвѣстила молящемуся Игумену о приближеніи разбойниковъ: Предвѣчный Младенецъ, хотѣвшій наказать инокъ, поднялъ руку, но не успѣлъ заградить спасительнаго гласа въ устахъ Матери; не смот-

ря на дурную живопись, гнѣвное лице Христова и движеніе тѣла выразительны. Въ *Лавръ* явилась Марія уснувшему во храмѣ Іоанну *Кукузелу*, благочестивому бѣглецу изъ Двора Византійскаго, и наградила его за пѣніе червонцемъ. Въ придѣлѣ той же церкви, у гроба Аѳанасія Аѳонскаго, хранится желѣзный посохъ, коимъ онъ источилъ изъ камня прекрасный ключъ на берегу моря. Въ *Пантократоръ* стоитъ образъ Богородицы *Герондиссы* (старицы), прозванный такъ по слѣдующему случаю: схимникъ, предчувствуя близкій конецъ свой, пришелъ въ монастырь и тщетно убѣждалъ священника служить скорѣе обѣдню; гласъ отъ иконы повелѣлъ исполнить его просьбу, и старецъ успѣлъ прежде смерти причаститься.

Ризница Иверская наполнена дарами, присланными изъ Россіи; самый иконостасъ писанъ въ Москвѣ и слы-

веть лучшимъ по всему Аѳону. Монахи сей обители, бывая безпрестанно въ сношеніи съ нашими, подражаютъ имъ въ обычаяхъ: живутъ свободнѣе, а Проигумены и Соборные одѣваются лучше другихъ Сятагорцевъ. Они приняли меня, какъ Русскаго, съ большою радостію и спѣшили показать свою жалованную грамоту на монастырь Никольскій, въ Москвѣ. Я видѣлъ еще нѣсколько Хрисовулъ Византійскихъ и двѣ грамоты, одну Грузинскую, а другую Сербскую (по Греч. 1306) съ подписью: *Стефанъ во Христѣ Безъ вѣрный Царь и Самодержецъ Сербіи и Романіи.*

Библіотека въ безпорядкѣ; есть каталоги, но многія книги, въ нихъ означенныя, пропали — вѣроятно проданы за безцѣнокъ путешественникамъ, особливо Англичанамъ. Въ числѣ печатныхъ есть рѣдкія изданія и нѣсколько *Емъзвировъ*. Мы нашли желаемую Гру-

зинскую Библию въ кипѣ рукописей на семь языкъ, по старинному оглавленію, сочипенному какимъ-то пріѣзжимъ монахомъ Лаврентіемъ; однако не могли воспользоваться немедленно своею находкою, не сыскавъ на Святой горѣ Грузинскаго переписчика: въ монастырѣ Ивирскомъ давно живутъ одни Греки. Другая рукопись обратила на себя наше вниманіе: то былъ Греческій переводъ книги *Станислава Рсйтнера* (на Лат. печат. въ Вѣнѣ, 1698): „Объ успѣхахъ и возрастаніи Московскаго Царства со временъ Иоанна Васильевича *Грознаго* до Петра Алексѣевича“. Добродушный переводчикъ поставилъ себѣ долгомъ извѣстить читателей, въ краткомъ предисловіи на заглавномъ листѣ, что предпринялъ сей трудъ противъ воли, единственно изъ монашескаго послушанія, и просить, чтобы не вѣрили клеветамъ сочинителя на православный народъ Рос-

сійскій. Такъ глубоко были укоренены въ сердцахъ каждаго Грека чувства почтенія и любви къ имени Русскому!

Обитель Ивирская богата собираемою милостынею, *метожами* (хуторами) и другими владѣніями внѣ полуострова; но окружность ея земли очень не велика.

Отсюда до *Лавры* сухимъ путемъ 6 $\frac{1}{2}$ часовъ (около 33 верстѣ). Мы рѣшились ѣхать водою и сѣли въ монастырскую лодку на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда выплылъ брошенный въ море образъ Богоматери *Вратарницы*. День былъ прекрасный: вечеръ еще лучше. Высокій и утесистый берегъ напоминалъ о бѣдствіи Даріевой армады, утратившей въ бурю 300 судовъ и 20 тысячъ человекъ у скалъ *Аеонскихъ* (Ирод. VI. 44). Влѣвъ сплывлись острова *Фасосъ* и *Лимна*. между коими въ послѣднюю войну Турецкій флотъ по-

бѣжденъ Россійскимъ *); вправѣ, за излучинами берега, то показывались, то скрывались обитатели *Филовея*, на пріятной равнинѣ, и *Каракала*, на возвышеніи. Вдали мелькали корабли подъ парусами; около насъ рыбаки закидывали сѣти; проворные ловцы ныряли въ глубину за Грецкими губками. Наконецъ, солнце закатилось за верхъ *Аэона*, и огромная, черная тѣнь легла на воды до самого *Лимна* **). Уже смерк-

*) Имя Вице-Адмирала Сенявина доньяѣ славно въ Архипелагѣ.

**) По сказанію Плинія (Hist. Nat. lib. IV. cap. 23), тѣнь отъ *Аэона* доходила до какого-то истукана, стоящаго среди площади въ городѣ *Миринъ*, на *Лимнѣ*. Вышину горы полагаетъ *Деламбръ* въ 4278 футовъ. Вотъ описаніе *Стравоново* (VII, 331): „На *Аэонѣ* пять „городовъ: *Діонъ*, *Клеоны*, *Фиссоъ*, *Олофисъ*, *Акровой*... *Аэонъ* есть гора сосцеобразная, островерхая, высокая; живущіе на „вершинѣ видятъ восхожденіе солнца тремя „часами прежде обитающихъ на восточномъ „берегу моря“.

лось, когда мы подъѣхали къ пристани Лаврской; монастырь на горѣ, въ 1½ верстѣ отъ моря.

Вообще положеніе обителей живописно, на крутизнахъ, на покатости холмовъ, въ долинахъ подъ тѣнью густыхъ рощей, или на ужасныхъ скалахъ, нависшихъ надъ волнами; но всѣхъ прекраснѣе положеніе Лавры, на краю полуострова, у подошвы Аѳона. Видъ обширный: кругомъ луга, обильные источники, плодovitыя деревья, виноградники, мельницы и все строеніе, нужное для сельскаго хозяйства. Стѣны недавно поправлены и очень высоки; для защиты оныхъ, внутри монастыря было 6 пушекъ и множество ружей.

Соборный храмъ, основанный во имя Благовѣщенія Преп. Аѳанасіемъ Аѳонскимъ, а нынѣ ему самому посвященный, украшенъ 37-ю мраморными столбами и дорогимъ помостомъ: но темень,

какъ и всѣ почти Святогорскія церкви, отъ многихъ притворовъ и малости оконъ. У входа, на дворѣ, большая водосвятительница, страннаго вкуса. но хорошо отдѣланная, съ разными изваяніями. Неподалеку оттуда намъ показали комнаты, гдѣ жилъ добродѣтельный и несчастный Патріархъ Григорій, во время двукратной ссылки. Восходя въ третій разъ на престолъ Первосвятительскій, онъ зналъ, что мѣняетъ мирную келію на новыя гоненія: не предвидѣлъ, увы! мученической смерти, его ожидавшей въ Апрель 1821 года; не предвидѣлъ, что трупъ его, поруганный людьми, но прославленный Небомъ, лишенный въ отчизнѣ могилы, найдетъ послѣднее убѣжище въ нѣдрахъ земли единовѣрной!

Лавра нѣкогда славилась своею бібліотекою. Увѣряютъ, что Турки продавали изъ нея на вѣсъ рукописи Венеціанамъ; жадность монаховъ довер-

шла расхищеніе сихъ драгоцѣнныхъ остатковъ древности. Насъ привели въ большую залу, гдѣ хранилось нѣсколько новѣйшихъ книгъ, печатныхъ и письменныхъ; проводники наши, Игуменъ и Ризничій, твердили, что во всемъ монастырѣ нѣтъ другой библіотеки. Къ счастью, мой спутникъ, ученый молодой Грекъ (Ліотатосъ) *Захарія*, вывѣдалъ за тайну отъ какого-то добросовѣстнаго старца, что на внутреннемъ дворѣ есть подвалъ, набитый книгами, и святые отцы, боясь Патріаршаго гнѣва, рѣшились наконецъ пустить насъ въ оный. Тамъ были въ самомъ дѣлѣ навалены грудами рукописи разной величины, покрытыя пылью и полусгнившія, къ коимъ повидимому издавна никто не прикасался. Мы бросились разбирать ихъ, и въ два утра пересмотрѣли отъ двухсотъ пятидесяти до трехсотъ требниковъ, молитвенниковъ, богослов-

скихъ трактатовъ, патериковъ и неважныхъ хронографовъ. Любопытство наше осталось неудовлетвореннымъ; но монахи, стыдясь своей нерадивости, дали намъ слово заняться составленіемъ полнаго каталога и прислать оный въ Константинополь *).—Собраніе грамотъ невелико: въ числѣ ихъ есть двѣ Хрисовулы Императоровъ Константина Дуки и Никифора Фоки, перваго Ктитора Лавры.

Сія обитель почитается главою Святой горы и превосходитъ всѣ прочія въ церковномъ устройствѣ и порядкѣ управленія. Мы съ удовольствіемъ посѣтили больницу, домъ призрѣнія дряхлыхъ и *Архондарики*, гдѣ пришельцы всѣхъ состояній угощаются три дня, по обычаю Аѳонскому, на счетъ монастырскій. За то доходы отъ поклон-

*) Несчастныя событія въ послѣдующемъ году не позволили мнѣ воспользоваться симъ обѣщаніемъ.

никовъ и собираемая милостыня очень велики. Вообще Лавра богатѣе другихъ обитателей: владѣетъ обширною землею, отъ Ивира до Св. Павла, и многими *метолами* вѣтъ полуострова. Ими управляетъ знатнѣйшій изъ старцевъ, подъ именемъ *Сквофилакса*; въ его рукахъ казна и дѣла вѣщнія. Игумень, или Епитропъ, распоряжаетъ только внутреннимъ хозяйствомъ и сельскими работами, употребляя на оныя простыхъ монаховъ и служекъ. Изъ Соборныхъ старцевъ набираются: *Дохіарій*, коего надзору ввѣрены келіи отсутствующихъ; *Парикономъ* или Дворецкій, *Вематаръ* или Ризничій, и *Триезаръ*.— Со времени Царя Алексѣя Михайловича, монастырь получаетъ отъ Россіи небольшую пенсію (150 рублей), по примѣру Ивира, Св. Пантелеймона и другихъ.

Дорога отъ Лавры къ вершинѣ Аѳона лежитъ на скитъ *Красію* (Черешне-

вый), откуда еще должно всходить три часа по голому камню, часто покрытому облаками. На самомъ верху стоялъ нѣкогда кумирь Аполлоновъ, а нынѣ построена маленькая церковь Преображенія, гдѣ монахи служатъ обѣдню однажды въ годъ, 6 Августа. Увѣряютъ, что въ ясное утро видны оттуда высоты Салоникскія, весь Архипелагъ и Мраморное море. Съ восточной стороны покатошь Аэона гораздо красивѣе и плодоноснѣе, нежели съ западной. Смотри на сію величественную гору, я воображалъ себѣ изваянный изъ нея истуканъ Александровъ, по предположенію зодчаго Динократа *), съ двумя

*) Вотъ что говоритъ Стравонъ (XIV, 641) о семъ Динократѣ, обновителѣ храма Артемиды въ Ефесѣ: „Онъ обѣщаль Александру изваять изъ Аэона ликъ его, какъ бы „творящій изліяніе изъ нѣкоего сосуда въ „чашу, и построить два города, по правую „сторону горы и по лѣвую, надъ рѣкою, отъ „одного къ другому текущую“.

по сторонамъ городами и текущею отъ одного къ другому рѣкою: мысль, коей исполненіе едва ли не было выше силъ человѣческихъ, но достойная героя!

Вдали отъ родины, влеченіе ко всему отечественному обыкновенно усиливается въ нашемъ сердце. Возвращаясь изъ Лавры водою, вдоль берега, къ сѣверному концу полуострова, я нетерпѣливо желалъ скорѣе быть въ *Пантократоръ*, скорѣе видѣть поселившихся тамъ Русскихъ иноковъ. Въ самомъ монастырѣ ихъ очень немного; почти всѣ живутъ особо, въ скитѣ *Святаго Ильи*, подъ управленіемъ своего настоятеля.

Обитель *Пантократора* стоитъ на высокому холмѣ, вдавшемся въ море: бѣдна, худо отстроена и ничѣмъ не привлекаетъ любопытнаго путешественника. Мы осмотрѣли ее съ вечера, и на другой день, въ Воскресенье, поѣхали рано въ *Русскій скитъ*, къ обѣд-

нѣ. Тамъ вся служба по нашему; на ектеніяхъ поминають Императорскій Домъ и *Архієпископа* Константинопольскаго послѣ Святѣйшаго Синода. Вездѣ порядокъ и благочиніе: церковь украшена просто, но со вкусомъ; иконостасъ писанъ въ Россіи, иждивеніемъ Донскаго войска. Отслушавъ литургію, пошли въ келію почтеннаго архимандрита Герасима, который угостилъ насъ съ истинно-русскимъ хлѣбосоольствомъ; онъ и добрые его монахи (по большей части изъ Черкаска и Малороссіи) обошлись съ нами по-братски, откровенно говорили о своихъ нуждахъ и жаловались на притѣненія Пантикраторскихъ начальниковъ, не позволявшихъ имъ даже покрыть оловомъ церковь, для защиты отъ сильнаго юговосточнаго вѣтра. Намъ удалось помирить ихъ съ Грєками и выпросить желаемое право.

Кругомъ скита видны были слѣды

неутомимаго прилежанія. Тридцать бѣд-ныхъ пноковъ и десять послушниковъ построили спокойную обитель, преобразили каменистый холмъ въ тучныя поля и виноградники, насадили плодovitыя деревья и привили дикія маслины, оставляемыя въ небреженіи другими святогорцами. Русскіе отшельники подавали Грекамъ, Болгарамъ и Сербамъ примѣръ трудолюбія, умѣренности и мирной, благочестивой жизни.

Отъ Пантократора въ 10 верстахъ славный и древній монастырь *Ватопедскій*, основанный святымъ Константиномъ во имя Благовѣщенія и обновленный Θεодосіемъ Великимъ*). Мѣсто-

*) Пишутъ, что юный сынъ Θεодосіевъ. Аркадій, былъ чудесно избавленъ отъ кораблекрушенія близъ Афонской горы и найденъ подъ кустомъ у стѣнъ Ватопедскихъ; разоренныхъ императоромъ Юліаномъ. Отъ сего преданія нынѣшнее имя обители: Ватопайди (βάτος кустъ, παῖς дитя).

положеніе красивое, на берегу морскомъ, у подошвы горы, покрытой густымъ лѣсомъ. Все строеніе отмѣнно хорошо. Соборный храмъ, по обычаю крестообразный, поддерживаемъ 4-мя большими столбами изъ порфира, и вымощенъ мраморомъ. Въ ризницѣ хранится богатая утварь, дорогіе рѣзные камни и многія мощи: между прочими поясъ Богородицы, повидимому власяный, пальца въ два шириною; часть онаго была отправлена въ Кандію, для спасенія острова отъ свирѣпствовавшей тамъ моровой язвы.

Библіотека заключаетъ въ себѣ до двухъ тысячъ печатныхъ книгъ и рукописей, но все церковныхъ. Особливо замѣчательны два толкованія на Евангеліе св. Іоанна Златоуста, писанные очень четко, на пергаментѣ, Императоромъ Іоанномъ Каптакузиномъ. Намъ показывали нѣсколько Хрисовулъ Византійскихъ и грамоту Славенскую, съ

подписью: *Роксандра Домна Хмьльницкая. Господарыня земель Молдавскихъ.* Грамоты, данныя монастырю Россійскими Царями, были отосланы зачѣмъ-то въ Валахію.

У входа въ пристань Ватопедскую стоитъ обрушающеся пилѣ зданіе, древняя школа, гдѣ былъ учителемъ краснорѣчивый архіепископъ *Евскій Булари*, недавно умершій въ Россіи. Вообще иноки сей обители славилсь ученостью: и въ наше время святогорцы говорили съ почтеніемъ о тамошнемъ *Даскаль*, знаменитомъ Богословѣ. Въ разговорѣ со мною, сей важный, маститый старецъ съ жаромъ защищалъ истину любезнаго вѣтмъ Грекамъ пророчества *Алавангелова* *) и.

*) Монахъ *Иеронимъ Алавангелъ* (если вѣрить Греческому предисловію) написалъ въ 1279 году видѣнное имъ въ Мессинѣ откровеніе, которое потомъ было напечатано въ Миланѣ, 1555. Въ немъ предсказана судьба всей

подкрѣпляя оное доводами изъ Апокалипса, предсказывалъ скорое избавленіе Православной церкви отъ ига. Онъ надѣялся не на людей, а на предвѣчныя судьбы Промысла, коихъ исполненія ни ускорить, ни замедлить не можно: *fata volentem ducunt, nolentem trahunt*. Съ нимъ былъ молодой монахъ, совершенно противоположнаго нрава, жившій долго въ Германіи, страстный почитатель Шиллера и Гёте, который твердилъ мнѣ наизусть Бюр-

Европы, плѣнь и освобожденіе Царя-града; оно утѣшало въ рабствѣ Грековъ и, вѣроятно, донинѣ ободряетъ ихъ на трудномъ поприщѣ. Рукопись, подаренная мнѣ въ Кипрѣ, почерка стариннаго и содержитъ слѣдующія слова, относимыя къ гибельному для Наполеона походу въ Россію: „И се, онъ нарушитъ договоры и насильственно возьметъ достояніе „чуждое. Но куда спѣшите, о Галлы? Новый „(или юный, νεός) Царь ведетъ васъ на закланіе, и вы, какъ малодушныя жертвы, какъ „волки, голодомъ томимые, на холодныхъ горахъ

герою *Леонору* и радовался, слыша, что она прекрасно переведена по-русски.

Внѣ ограды есть небольшая церковь гдѣ, слѣдуя общему Святогорскому закону, собраны кости умершихъ monks. Спусти 3 или 4 года послѣ погребенія тѣла, ихъ вынимаютъ изъ могилы, моютъ виномъ и, отлуживъ панихиду, складываютъ въ кучу за рѣшоткою, подѣ помостомъ храма. Сие неожиданное зрѣлище меня поразило:

„лишитеъ жизни.“ Время событія еще точнѣе опредѣлено въ главѣ V, гдѣ слагатель пророчества именуетъ Петра I и его преемниковъ. говоритъ о женахъ вѣнценосныхъ и потомъ восклицаетъ: „*Четвертый Петръ* начнетъ „дѣла славныя; но *пятый* распуститъ въ Византии побѣдоносное знамя Христова и сокрушитъ силу Исмаелитявъ.“

Странно, что Турки имѣютъ свои древнія предсказанія о паденіи Оттоманской державы въ Европѣ отъ Россіи, и даже, по какому-то вычисленію, полагали бѣдственнымъ для себя годомъ 1819-й.

здѣсь смѣшаны бранные остатки людей, рожденныхъ въ разныхъ странахъ. съ различными свойствами, желаніями, чувствами; они всё дышали для счастья, гонялись за мечтами, были игрою страстей, наконецъ, утомленные жизнью. искали покоя въ уединеніи и увѣ! многіе ли нашли его? Здѣсь, въ обители смерти и тѣна, высокія нравственныя истины понятіе чловѣку. . . .

Монастыри *Хилиндарскій* и *Зографъ* прилегаютъ къ сѣверной границѣ Аѳонской. Первый основанъ Царемъ Сербскимъ Стефаномъ, постригшимся тамъ въ монахи и причтеннымъ къ лику святыхъ; величиною уступаетъ только Лавръ и Ватопеду, и довольно богатъ. Соборная церковь Введенія свѣтла и великолѣпна. Почти вся братія изъ Сербовъ: есть однако между ними нѣсколько Русскихъ и Болгаръ: служба отправляется на языкъ Славенскомъ. Книгъ и рукописей нѣтъ, кромѣ треб-

никовъ; но много Хрисовуль отъ Царей и Воеводъ Сербскихъ. Изъ Россійскихъ грамотъ примѣчательны двѣ: Іоанна Васильевича II на пожалованное сему монастырю, въ *вѣчный поминокъ*, по дворянъ въ *Новомъ Китай-городѣ* 1571 года (подтверждена Борисомъ Годуновымъ, см. Исторію Государ. Росс. т. XI, прим. 113) и Алексѣя Михайловича, 1658, о пропускѣ въ Москву единожды въ семь лѣтъ прѣзжающихъ за милостынею старцевъ. Такое же право даровано Зографскимъ монахамъ грамотою Михаила Ѳеодоровича, 1641, съ убавленіемъ положеннаго срока до пяти лѣтъ.

Время отъѣзда нашего въ Смирну наступало, и мы, поторопясь на корабль, не успѣли быть ни въ *Зографѣ*, ни въ древней Русской обители свят. Пантелеймона (*Русико*), принадлежащей нынѣ Грекамъ. Преданіе (называемое ими клеветою) повѣтствуетъ.

что за два передъ симъ вѣка они овладѣли насильственно достояніемъ нашихъ соотечественниковъ. Трудно доказать сіе обвиненіе, тѣмъ болѣе, что иноки Русскіе и Болгары жили тамъ до 1735 года.

Мы возвратились въ *Ксиропон* амь. мицуя глубокій оврагъ, отъ коего монастырь получилъ свое имя, и на досугъ осмотрѣли все строеніе. Соборный храмъ недавно обновленъ, свѣтелъ и украшенъ изрядною живописью. Тамъ хранятся дары знаменитой Пулхеріи, сестры Θεодосія Младшаго: въ богатомъ крестѣ большая часть Животворящаго Древа, какой нѣтъ и въ Іерусалимѣ, и мелкая чаша въ ладонѣ, изъ цѣльнаго безоара, на коемъ искусно вырѣзаны Ангелы, несущіе потиры, диски и кадила. Греки называютъ сію драгоценную чашу *Панскери* и пьютъ изъ нея воду для исцѣленія отъ болѣзней.

15 Июля, простясь съ провожавшими насъ монахами и поблагодаривъ ихъ отъ всего сердца за гостепріимство, мы перебрались на корабль, въ ожиданіи попутнаго вѣтра. На другой день, когда я вышелъ на палубу, мы уже были въ открытомъ морѣ: берегъ слился съ водою, стѣны монастырскія терялись изъ вида; но вершина Аѳона до самаго вечера синѣлась на небосклонѣ. Безпечные пловцы спали подъ брызгами волнъ; лишь кормчій бодрствовалъ у рули, напѣвая унылую пѣсню о подвигахъ и смерти одного изъ витязей Сулліи. Быстро мчались мы по тѣмъ самымъ мѣстамъ, на коихъ за шесть мѣсяцевъ столько страдали отъ бурь и противныхъ вѣтровъ. . .

17 Июля бросили якорь на рейдѣ Смирнской.

* *

ИЗВѢСТІЕ

о Греческихъ и Латинскихъ рукописяхъ
въ Серальской Библиотекѣ.

Многіе ученые писали о библиотекѣ Серальской; но ихъ мнѣнія, основанныя на сказаніяхъ путешественниковъ, противорѣчатъ одно другому. Въ семъ неприступномъ для христіанъ сокровищѣ посланные папою Николаемъ V на Востокъ за рукописями, надѣялись найти Еврейскій подлинникъ Евангелія св. Матѳея; а *Делла Валле* полного Тита-Ливія и другія неизвѣстныя намъ творенія древнихъ. *Тодерини* издалъ въ свѣтъ мнимую опись хранящимся въ Сералѣ книгамъ; напротивъ того, *Сс-*

винъ утвердительно говоритъ, что всѣ бывшія тамъ Греческія и Латинскія рукописи сожжены къ XVI вѣкѣ, по повелѣнію Мурада III.

Слѣдующее извѣстіе, почерпнутое въ Константинополѣ изъ достовѣрнаго источника, покажетъ, въ какомъ состояніи находится нынѣ сія славная бібліотека.

Султанъ Мустафа III, отецъ несчастнаго Селима, царствовавшій съ 1757 по 1774 годъ, думалъ, что тайнымъ врагамъ удалось отравить его. Сія мысль, вѣроятно ложная, веда его медленно ко гробу, и старанія лучшихъ въ Константинополѣ врачей оставались тщетными.

Въ то время былъ у него въ особенной милости *Скарлатъ Хариджа*, дѣдъ бѣжавшаго въ 1818 году изъ Валахіи господаря, отличавшійся отъ другихъ бояръ Греческихъ умомъ и ревностью къ наукамъ. Давно желая имѣть точное

свѣдѣніе о султанской библиотекѣ, онъ сказалъ Мустафѣ, что сынъ его Георгій, возвратившійся изъ Голландіи, прилѣжалъ тамъ къ медицинѣ и, можетъ быть, въ состояніи спасти драгоценные дни его величества, но притомъ просилъ дозволенія осмотрѣть хранимыя въ Серальѣ рукописи, для отысканія записокъ о лекарствахъ противъ яда, извѣстныхъ древнимъ. Сими тайными средствами (по его словамъ) Императоры Византійскіе, часто угрожаемые отравою, умѣли всегда отвращать пагубныя дѣйствія оной.

Султанъ слушалъ съ жадностію и тотчасъ позволилъ ему, вмѣстѣ съ сыномъ, входить свободно въ Серальское книгохранилище и разсматривать всё на-досугъ. Тогда, пользуясь случаемъ единственнымъ, Караджа увѣрился, что всё находящіяся тамъ рукописи, Греческія и Латинскія, состоятъ изъ Библий и другихъ книгъ церковныхъ, и

что въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного сочиненія древняго, которое не было бы уже извѣстно.

За то въ Сералѣ много любопытныхъ рукописей, Арабскихъ и Персидскихъ. Тамъ, по свидѣтельству *Мураджи д'Оссона* (*Tableau de l'Empire Othoman*, t. I, p. 412), между рѣдкостями собранными Селимомъ I, при завоеваніи Египта, хранится славная книга *Джефръ-Китаби*. Въ семъ таинственномъ твореніи, думаютъ Турецкіе ученые, изображены цифрами или волшебными знаками имена и судьба всѣхъ Оттоманскихъ государей и будущихъ властителей Египта, до скончанія міра.

* *

ДРЕВНІЕ ЗАМКИ.

(ПИСЬМО VI, КЪ ДРУГУ)*).

Знаешь ли ты время, когда Европа, покрытая длиннымъ протяженіемъ лѣсовъ, безъ взаимныхъ сношеній, безъ просвѣщенія, безъ торговли и промышленности, была странюю уединенною. полудикою? Мало было городовъ; селенія, такъ сказать, утопали во глубинѣ лѣсовъ дремучихъ.

Бѣлый парусъ рѣдко мелькалъ на пустынной синевѣ полно-водныхъ рѣкъ. Внутреннія озера дремали въ одино-

*) Сей отрывокъ почерпнуть изъ *новаго изданія Писемъ Русскаго офинера*. Письма сія вновь пересматриваются авторомъ и, если обстоятельства поблагоприятствуютъ, вскорѣ могутъ быть напечатаны.

чествъ и, подобно народамъ того времени, не имѣли никакого между собою сообщенія. Длинные караваны робко и медленно тянулись по горнымъ или степнымъ дорогамъ въ отдаленные города, на шумныя ярманки, отличавшіяся пестротой товаровъ и торгующихъ. Древніе монастыри, съ своими величественными зданіями, были въ особенномъ уваженіи у людей, коихъ суровая необразованность смягчалась непритворнымъ благочестіемъ. Замки, какъ вооруженные исполины, гордо возвышались на остріяхъ скалъ. Съ высоты ихъ башенъ, изъ теремовъ уединенныхъ, сквозь расписныя рѣшетчатыя окна, уныло глядѣли красавицы: не появятся ли знакомые рыцари на долинь, не зайдетъ ли трубадуръ прохожій съ своею сладко-звучной цитрою? Ты угадываешь, что я говорю о *среднихъ вѣкахъ*. Народъ, по преданіямъ, называетъ ихъ *добрымъ ста-*

рымъ временемъ. И въ самомъ дѣлѣ тогда было много хорошаго! Въ природѣ и въ людяхъ было болѣе свѣжести: души были полнѣе, тѣла крѣпче. Но *гражданственность* тогда не была еще вовсе развернута. Законы зависѣли отъ произвола лицъ, и судьба слабыхъ была въ рукахъ сильнѣйшихъ. Не было *третьяго состоянiя*. Тогда были только господа и рабы.

Первые владѣли замками, завоевывали и раздавали земли, набирали войска, производили судъ на своей землѣ и пользовались даже правомъ на *жизнь и смерть*. Изрѣдка проѣзжали королевскіе прокуроры для пересмотра уголовныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ *феодалами* (господами замковъ); но большею частью имущества и самая жизнь *вассаловъ* отнимались по собственнымъ видамъ и страстямъ владѣтелей. Крестовые походы измѣнили нѣсколько видъ сего владычества и рабства. Вѣра

стала святою посредницею между угнетенными и угнетителями. Существовало повѣрье, что земля, лежащая подъ стѣнами монастырскими, есть *земля Божія*, и всякой дерзавшей присвоить ее себѣ, или обижать живущихъ на ней, подвергался отрѣченію отъ Церкви. Такимъ образомъ, подъ стѣною святаго Креста, нашлось мѣсто для жизни свободной. Бѣдные люди, уклоняясь толпами отъ нестерпимой власти феодаловъ, селились подъ стѣнами монастырскими. Хлѣбопашество составляло тогда единственный источникъ богатства. Мечъ и плугъ были двумя главными орудіями тогдашняго человѣчества: одни завоевывали земли, другіе ихъ обрабатывали. У тѣхъ же, кои поселились близъ монастырей, не было *земли для пашни*, но у нихъ были *руки и силы*. Провидѣніе открыло имъ новую тайну пропитанія и богатства: въ трудѣ и работѣ нашли они

**

то и другое. Вотъ начало ручныхъ издѣлій, фабрикъ и богатства мануфактурнаго.—Скоро монастырскія селенія превзошли богатствомъ все прочія. Избытокъ труда породилъ торговлю; мѣна произведеній сопровождалась мѣною понятій, и просвѣщеніе расширилось вмѣстѣ съ благоденствіемъ. Новыя свободныя селенія искупили земли, огородили себя стѣнами и получили названіе *городовъ*. Государя, всегда недовольные мятежнымъ духомъ сильныхъ феодаловъ, приняли сторону городовъ, щедро надѣлили ихъ *правами* и поколебали чрезъ то могущество непокорныхъ владѣтелей. Тогда *знатность, сила, богатство* и *право* явно раздѣлились: первыя оставались у рыцарей, а послѣднія у купцовъ, или городскихъ обывателей.

Съ тѣхъ поръ менѣе уже стали строить уединенныхъ замковъ; ибо движеніе веселой дѣятельности манило

въ города. Учредилсь почты; явилсь векселя; монета приняла круговое обращеніе и, съ уваженіемъ къ законамъ, возрасло уваженіе къ челоѳчеству. Новый порядокъ пробудилъ новыя страсти. Уединенныя феодалы поѳхали въ столицы проживать сокровища своихъ предковъ и выслуживаться въ чины и почести. Такимъ образомъ владѣльцы теряли преимущества, силу и гордость свою, и древніе замки ихъ пустѣли.

Въ Польшѣ много видно старинныхъ замковъ, обнесенныхъ зубчатыми башнями, или окопанныхъ валами. Еще недавно укрывались въ нихъ, во время движенія народнаго, при шумныхъ конфедераціяхъ, или отъ нашествія Турокъ, а чаще всего отъ набѣговъ быстрогоконныхъ Крымскихъ Татаръ и страшныхъ набѣдниковъ бывшей *Запорожской Сѣчи*.

В. Глинка.

ОТРЫВКИ ПИСЕМЪ ИЗЪ ИТАЛІИ *).

15 Сентября, 1823 года.

Я былъ въ Венеціи, Веронѣ, еще въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи, и наконецъ теперь пишу тебѣ изъ Флоренціи. Въ Карльсбадѣ навязался на меня спутникъ, Французъ, да еще и Парижанинъ, жившій долго въ Англіи и вывезшій оттуда родъ сплина; онъ

*) Письма сіи писаны не для публики, безъ всякаго старанія, плана и такимъ человѣкомъ, который не только никогда не думалъ быть Русскимъ авторомъ, но болѣе привыкъ писать по-Французски, нежели по-Русски. Но онѣ написаны такъ умно и такимъ пріятнымъ слогомъ, что мы рѣшились напечатать нѣкоторые ихъ отрывки, и увѣрены, что читатели наши поблагодарятъ насъ за доставленное имъ удовольствіе.

страждетъ разлитіемъ желчи, которую самъ изливаетъ на все и на всѣхъ. Этотъ товарищъ, своей критикой или неумѣстнымъ энтузіазмомъ, испортилъ мнѣ почти весь Тироль. Прекраснѣйшія долины, водопады, ущелья, которыми столь богаты Тирольскія горы, не всѣ заслужили его одобреніе; вездѣ находилъ онъ какое-нибудь несовершенство, порочилъ восхожденіе солнца, свѣтъ луны, и только весьма изрѣдка восклицалъ: ah! tenez, ceci est vraiment beau, on en feroit une belle décoration au grand opéra! Своимъ нравомъ и обхожденіемъ вселилъ онъ какой-то страхъ въ мою неробкую душу. Боясь упрековъ, не смѣлъ я съ нимъ разстаться; привлекательнѣйшія для меня мѣста проѣзжали мы вскачь; останавливались тамъ, гдѣ ему было угодно; я любовался только украдкою.—Такимъ образомъ довезъ онъ меня до Флоренціи, куда мнѣ и само-

му хотѣлось пріѣхать скорѣе для писемъ, которыхъ давно не получалъ изъ Россіи.—Теперь предлагаетъ онъ мнѣ ѣхать въ Миланъ и на Баромеевы острова; но я отговариваюсь, хочу спастись отъ его силна хотя этотъ клочокъ Италіи, и отложилъ свою поѣздку до другаго времени.

Венеція не столько удивила меня, какъ я ожидалъ; она совершенно омертвѣла. Еще нѣсколько лѣтъ, и этотъ городъ совершенно исчезнетъ; сосѣдство Триэста, которому сохранены преимущества торговли, отнятыя у Венеціи, тому причиною. Скоро перейдетъ туда и масленица; Венеціи останутся площадь Св. Марка, Левъ, Св. Феодоръ верхомъ на крокодилѣ и развалины великолѣпныхъ дворцовъ. Прочитай 4-й томъ Казановы; онъ, между прочимъ, съ большею точностью описываетъ темницы, *les plombs du Palais Ducal*, и свой оттуда побѣгъ. Теперь онъ пусты.

и входъ въ нихъ свободенъ для всякаго любопытнаго; я ихъ видѣлъ: въ сравненіи съ ними, твой Шильонской подвалъ *est un salon riant*. Я и гробъ желалъ бы себѣ просторнѣе и свѣтлѣе. Когда Французы, въ 1797 году, именемъ свободы ограбили Венеціанскій Арсеналь и проч. и открыли тюрьмы, то въ одной изъ тѣхъ, которыя я осматривалъ, нашли старика, содержащагося въ ней 23 года. Никто и самъ онъ не вѣдалъ причины заточенія; не смотря на то, старикъ и теперь еще жалѣеть о прошедшемъ времени, *le bon temps*; охотно вѣрю ему! — Венеція такъ скучна, что, не смотря на повизну, и выѣхалъ оттуда съ удовольствіемъ, пробывъ только 4 дня.

Верона замѣчательна (какъ ты уже и самъ знаешь), Конгрессомъ, древнимъ Амфитеатромъ, который сохраненъ въ совершенной цѣлости: я справлялся въ нѣсколькихъ книгахъ о вре-

мени построения великолѣпнаго сего зданія, и хотя на этотъ счетъ Антикваріи имѣютъ различныя мнѣнія, но согласны въ томъ, что онъ построенъ не Австрійцами.

Окрестности Флоренціи могутъ, во всей силѣ слова, называться садомъ; но садъ долженъ наскучить скоро: виноградъ, фиги и тому подобное плѣнительны только для тощаго желудка. Здѣсь природа сдѣлала одну почву, а рука человѣческая усадила ее деревьями разнаго рода; но съ самой высокой горы, изъ окружающихъ Флоренцію, не увидишь ни одного дерева, которое бѣ было посажено только для тѣни: все имѣетъ цѣлью пользу, все покрыто фруктовыми, оливковыми и шелковичными деревьями. Такой видъ даетъ понятіе о богатствѣ земли, но слишкомъ единообразенъ. Отдохнувъ, хочу пуститься въ горы, искать дикой природы.

5 Февраля 1824.

Съ 14 столѣтія существуетъ во Флоренці богоугодное, чловѣчеству полезное сословіе, безъ клятвъ и безъ обѣтовъ, свято хранящее свои постановленія; почетивѣйшіе граждане и сами герцоги Тосканскіе всегда поставляли себѣ за честь принадлежать сему обществу. Убогій, страдающій болѣзнію никогда не прибѣгалъ вотще къ *братьямъ милосердія*. Сословіе ихъ не есть духовное, они не собираются ни днемъ, ни ночью въ условленные часы, для молитвы; но днемъ и ночью, какъ истинные братья, помогаютъ бѣдному и больному и деньгами, и лекарствами; умершему безъ призранія, безъ ближнихъ, безъ родныхъ, отдають послѣдній долгъ. Свѣтскій юноша и свѣтскій старецъ принадлежатъ обществу братьевъ милосердія, не пренебрегаютъ нести до кладбища тѣло нищаго, на

плечахъ своихъ. Широкое платье изъ грубаго, чернаго холста, шляпа съ висячими полями, черное на лицѣ покрывало, въ которомъ только для глазъ прорѣзаны отверстія, скрываютъ ихъ совершенно отъ взора любопытныхъ. Они дѣлають добро, не будучи извѣстны, и спасенный ими отъ смерти обязанъ всему обществу, а не одному члену въ особенности.

Среди ночи ударилъ дважды колоколъ на башнѣ древней, маленькой церкви, близъ соборной площади, и на звонъ колокола сбѣжались не медля нѣсколько жителей. Иные изъ нихъ оставили мягкую постелю, другіе веселую бесѣду, и каждый прибѣжалъ въ церковь, зажегъ по факелу, облекся въ черную одежду; четверо взяли носилки, и всѣ поспѣшно пошли въ слѣдъ за проводникомъ, пришедшимъ искать помощи: слезы не позволяли говорить ему, но никто не дѣлалъ ему пустыхъ

вопросовъ. Бѣдный несчастнымъ случаемъ раненный, умирающій, умершій, равное имѣютъ право на участіе братьевъ милосердія. Въ глубокомъ молчаніи, скорыми шагами вышли они за городъ, на большую дорогу, ведущую въ Римъ. Мнѣ случилось въ это время проходить по площади, и я изъ любительства послѣдовалъ за ними.

При свѣтѣ факеловъ, увидѣлъ я на дорогѣ лежащаго безъ движенія чело-вѣка; судя по платью, былъ онъ крестьянинъ; тяжелый возъ проѣхалъ по его тѣлу; искавшій помощи былъ его сынъ. Братья милосердія, осмотрѣвъ несчастнаго и удостовѣривъ, что въ немъ есть еще остатки жизни, положили его на носилки и понесли въ городскую богадѣльню, гдѣ всегда безотговорочно принимаютъ приносимыхъ ими больныхъ. Я слѣдовалъ опять за ними, слышалъ, какъ они поручали спасеннаго ими крестьянина начальнику боль-

ницы, какъ общались пришедшему въ себя больному пещись о его совершенномъ выздоровленіи. Потомъ проводилъ ихъ до дверей церкви, въ которой оставили они носилки, факелы и черную одежду, и изъ которой вышли, разошлись спокойно по домамъ. Лица нѣкоторыхъ изъ нихъ были мнѣ извѣстны; я видалъ ихъ на балахъ, на шумныхъ вечерахъ; но щегольскіе фраки, пестрые жилеты не возбуждали во мнѣ никакого вниманія: черная, грубая, холстинная рубаха внушила во мнѣ къ нимъ особенное почтеніе.

Римъ, 19 Марта н. с.

Съ чего бы ты началъ, пріѣхавъ въ Римъ въ Мартъ мѣсяцъ, въ прекрасный день, въ три часа пополудни? Имѣя подъ рукой всѣ памятники древняго Рима, церковь Петра и Павла подъ носомъ, Тибръ передъ глазами, я пришёлъ ли бы тебѣ на умъ? — Нѣтъ.

Я въѣхалъ въ Римъ сегодня 19 Марта, и, имѣя всю возможность тотчасъ начать путешествіе свое по столицѣ міра, предпочелъ пожертвовать все́мъ этимъ днемъ отдыха и тебѣ.—Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Италіи, удалось мнѣ поселиться въ комнату, въ которой двери и окна запираются довольно плотно, и вотъ еще одна изъ причинъ, по которой я не такъ спѣшилъ выбраться на чистый воздухъ, которымъ дорогой довольно наслаждался: съѣлъ за столикъ, взялъ бумаги и перо, и пишу къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы въ немногихъ словахъ, пока еще видѣнное не изглажено изъ памяти тѣмъ, что увижу, описать тебѣ путешествіе мое изъ Флоренціи въ Римъ.

Этотъ переездъ обыкновенно дѣлается въ два дни: я на него употребилъ пять сутокъ, и тутъ еще могу сказать, что сдѣлалъ его на-скоро. До

стойнаго примѣчанія по дорогѣ много, много и достойнаго удивленія. Картины, или лучше сказать, образа требуютъ всего болѣе времени отъ путешественника; во всякой церкви находятя произведенія лучшихъ художниковъ; но признаюсь, что я небольшой охотникъ смотрѣть на прекрасную картину, мимоходомъ, по почтѣ. Выдумать и написать картину, цѣнить ее и восхищаться ею нельзя во всякое время: надобно для этого выждать приличное расположеніе духа. Я не могу привыкнуть смотрѣть то на часы, то на живое изображеніе кисти Рафаэля, или Бароччи, и когда поутру обѣгу нѣсколько церквей и одну или двѣ галлерей, а потомъ сяду въ коляску, то въ слабой головѣ моей такъ перетрясутся и перемѣшаются все колориты и рисунки, что ввечеру, отыскивая на память ту или другую картину, вижу, что тѣло не отвѣчаетъ головѣ,

одежда шита не по тѣлу, и все это не по ошибкѣ художниковъ, а потому, что я по ошибкѣ перемѣшалъ ихъ.

Какъ бы то ни было, я выѣхалъ изъ Флоренціи 15 Марта въ 7 часовъ утра. Изъ Флоренціи въ Римъ есть двѣ дороги: одна по взморью на Aquapendente короче, но мало занимательна; другая чрезъ Перуджіо длиннѣе, но примѣчательнѣе, и я поѣхалъ по этой. Для каждой изъ обѣихъ дорогъ есть также два способа ѣзды: Ветуринами дешевле, но съ ними не тамъ останавливаешься, гдѣ хочешь; дневки ихъ рассчитаны не по отечественнымъ рѣдкостямъ, а по силѣ муловъ или лошадей, и такъ я рѣшился ѣхать по почтѣ: веселая дорога, усаженная шелковичными, оливковыми деревьями и виноградникомъ, довела меня въ тотъ же день засвѣтло, по берегу Арно, въ Arezzo, (прекрасный древній городокъ, отечество Петрарка). Arezzo выстроенъ у

подошвы небольшой горы. Въ церкви аббатства Monte-Cassini видѣлъ я писанный куполь на плоскомъ натянутомъ холстѣ; перспектива свода и освѣщеніе, когда смотришь съ настоящей точки, наблюдаены съ такимъ искусствомъ, что покуда не сойдешь съ мѣста, не выйдешь изъ заблужденія. Я вспомнилъ о Гонзаго; не знаю, сдѣлалъ ли бы онъ такъ; но лучше: вѣрно нѣтъ. Въ своемъ родѣ этотъ куполь также удивителенъ, какъ Рафаэлева Мадонна, которую ты цѣнить умѣешь. Въ Arezzo видѣлъ я еще домъ; надъ воротами, на большой мраморной бѣлой доскѣ, написано четкими черными литерами: Guido Monaco. потомъ пять нотныхъ линеекъ, на нихъ шесть нотъ и подъ каждой ut, re, mi, fa, sol. la. Этотъ Guido, первый изобрѣлъ способъ выражать звуки знаками, и надпись конечно справедлива, но кажется. потомкамъ Италианцамъ, которые столь-

ко обязаны сему монаху за его изобрѣтеніе, можно бѣ было въ свою очередь изобрѣсти надгробную поприличіе. Будь я близкій родственникъ монаху Guido, будь я тронуть его смертію, то, кажется, не могъ бы вслухъ безъ смѣха прочитатъ ut, re, mi, fa, sol, la.

16-го, рано поутру выѣхалъ я изъ Arezzo. День былъ совершенно весенній, солнце грѣло; снѣгъ, недавно выпадшій на ближнихъ горахъ, таялъ, и вода чистыми ручейками струилась по свѣжей зелени; многіе кусты распустились, другіе цвѣли. Въ полдень приѣхалъ я въ *Сатиссіо*, послѣднюю станцію Тосканскихъ владѣній, и тотчасъ отправился пѣшкомъ на высокую гору, осматривать Кортону, одинъ изъ Этрусскихъ городовъ, основаніе коего теряется во тьмѣ вѣковъ. Туда заманилъ меня Reichard, который въ своемъ Guide des voyageurs общается

показать въ Кортонѣ развалины Бахусова храма. Слова: *развалины храма*, представляютъ самому не пылкому воображенію, хотя нѣсколько колоннъ, или остатки карниза, или кусокъ барельефа; и такъ я лѣзъ на гору, мечтая скоро получить поверхностное понятіе о жилищѣ того бога, которому у насъ не строятъ храмовъ, но поклоняются усердно. Наконецъ Сисероне постучался въ калитку каменной ограды; наружность не обѣщала ничего особеннаго; мы вошли на дворикъ, и Сисероне, указывая мнѣ на стѣны гладкія и запачканныя, сказалъ: вотъ стѣны бывшаго храма. Потомъ, отворивъ еще дверь, ввелъ меня подъ темный сырой сводъ, столько же неудовлетворительный для глазъ ищущаго признаковъ старины; *вотъ храмъ*, сказалъ мнѣ Сисероне. Я глядѣлъ во все глаза: бочки съ свѣжимъ прошлогоднимъ виномъ, колбасныя гирлянды и

сырные круги, вотъ все, что я уви-
дѣлъ, и остался совершенно недово-
ленъ этою утомительною прогулкой.—
„Зачѣмъ не сказалъ ты мнѣ прежде
(прикрикнулъ я на проводника), что
тутъ нечего смотрѣть.“ — „Вы бы не
захотѣли идти сюда; къ тому же Ан-
гличане почти все остаются довольны
и даже уносятъ куски отъ стѣны.“—
„Жаль, что не разнесли они всего
твоего храма, прежде нежели я взду-
малъ осматривать его.“ Сходя съ горы.
я немного примирился съ самимъ со-
бой; прекрасный видъ представился
глазамъ моимъ: пространныя, обрабо-
танная долина, множество веселыхъ
селеній, вдали на небосклонѣ высокія
горы; по ихъ хребту извивается дорога.
идущая изъ Сіэны въ Римъ, чрезъ
Aquapendente. Вправо изъ-за горъ за-
ливъ озера Тразимены. Я сѣлъ на
скалу, и долго наслаждался чудесною
картиной; прозрачность воздуха по-

зволяла ясно видѣть отдаленнѣйшіе предметы. На вершинѣ горъ блистала снѣгъ и сливался съ бѣлыми облаками; въ дикомъ кустарникѣ, на неприступныхъ для человѣка камняхъ бродили стада овецъ; поселянинъ работалъ въ долинѣ. Я сошелъ съ горы, сѣлъ въ коляску и чрезъ нѣсколько минутъ вѣхалъ въ Папскія владѣнія; на границѣ ожидали меня нѣсколько нищихъ; ни одинъ не пройдетъ мимо, не попытавъ попросить у проѣзжающихъ una piccola moneta, во имя нѣсколькихъ святыхъ. На берегу мелкаго ручья, черезъ который дорога идетъ безъ моста, стояли два таковыхъ промышленника, и только что я подѣхалъ, они бросились въ воду и побѣжали предъ коляской, какъ будто бы безъ нихъ почтаціонъ не могъ сыскать брода: потомъ оба протянули руки и жалкимъ хоромъ просили милостыни; я спросилъ у идущаго мнѣ на-встрѣчу крестъ-

янина: какъ зовутъ городокъ на горѣ въ сторонѣ отъ дороги?—онъ отвѣчалъ мнѣ и тотчасъ потребовалъ награжденія за оказанную услугу.

Начиная отъ Сатиссіо, почти все ѣдешь близъ озера Тразимены (Perugio): его украшаютъ два лѣсистые острова, дорога лежитъ чрезъ Pasciniano, маленькой городокъ на крутомъ берегу. Говорятъ, что здѣсь погибло нѣсколько тысячъ Римлянъ, принужденныхъ послѣ потеряннаго сраженія идти черезъ сей узкій переходъ, занятый уже Карвагенцами.

Ты былъ въ Швейцаріи, тебѣ случилось съ высоты горъ смотрѣть на спокойныя воды пространнаго озера: ты знаешь, какъ въ немъ ясно отражаются берега при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, какъ легкій чутъ примѣтный челнокъ рыбака, закидывающаго сѣть, колеблетъ поверхность водъ и оставляетъ по себѣ минутный

слѣдъ; вотъ чему я теперь любовался, забывъ мало извѣстныхъ мнѣ Ганнибала и Фламинія, Карвагенцевъ и Римлянъ, обогрившихъ кровію своею Тразименскія воды и зеленые луга, его окружающіе. Я думалъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ я теперь спокойно наслаждаюсь красотой природы, раздавались нѣкогда крики побѣдителей; остатки трепещущихъ за отечество Римлянъ собирались подъ знамена; трупы воиновъ, слоновъ и лошадей покрывали волны теперь спокойнаго Тразименскаго озера. Все исчезло, какъ исчезаетъ на водѣ слѣдъ рыбачьяго челнока!

Въ Перуджіо пріѣхалъ я вечеромъ, и осматривалъ городъ на другой день поутру. Онъ построенъ на нѣсколькихъ холмахъ; чище и красивѣе другихъ, видѣнныхъ мною въ Италіи городовъ: есть улицы прямыя и широкія. Родина живописца Петра Перуджино, учителя Рафаэлева, который, по моему мнѣ-

нію, весьма немного обязанъ своему учителю. Пусть превозносятъ Петра Перуджино, какъ основателя живописи, по мнѣ, онъ только иконописецъ, а тѣ, которые такъ высоко цѣнятъ работу его, раскольники старовѣрцы. Какое единообразіе въ вымыслѣ, въ краскахъ и въ рисункѣ! Къ тому же большая часть картинъ его здѣсь: *afresco*, сырость стѣнъ испортила ихъ во многихъ мѣстахъ, въ иныхъ совсѣмъ изгладила и теперь необходимо дополнять ихъ воображеніемъ. Въ соборной церкви: снятіе со креста, писанное Барочіемъ: вотъ картюшка! жаль съ нею разстаться. Она была увезена въ Парижскую галерею Французами, а они дурныхъ изъ Италіи не ввозили.

Близъ Фолиньо, осматривалъ я опять, по милости Рейхарда, совершенно незначущую сталактитную пещеру, и ночевалъ въ Сполетто. 18-го, рано по-

утру отправился я въ Терни; хотѣлось застать солнце надъ водопадомъ.

За 5 Итал. миль отъ Терни, по дорогѣ чрезъ Абруццо въ Неаполь, въ мѣстѣ гористомъ и дикомъ, стремится изъ озера Люко рѣчка Веллино, и, низвергаясь съ огромной скалы (въ 1060 Футовъ выш.), образуетъ водопадъ, называемый: *cascade delle mar-моге*; потомъ, соединяясь съ рѣкою Нерою, течетъ по обработанной веселой долинѣ до красиваго городка Терни.

Я не берусь описаніемъ познакомить тебя съ водопадомъ Терни; самое выраженіе: *водопадъ* — даетъ слишкомъ слабое понятіе объ этомъ свирѣпомъ стремленіи и низверженіи воды. Покатость, по которой катится Веллино, еще далеко отъ паденія придаетъ ему непонятную скорость, и вдругъ вся рѣчка, лишенная дна, летитъ съ ужасной высоты, съ ревомъ ударяется о скалы, такъ сильно, что большая часть

воду превращается въ пары, и бѣлыми влажными облаками возносится выше самаго паденія.—Солнечные лучи образуютъ надъ ними яркую радугу.—Первой скачекъ Веллино въ 600 фут. На него нельзя смотрѣть иначе, какъ съ нѣкотораго отдаленія, и никакая человѣческая нога не проложила еще смѣлой тропинки, по которой бы можно было подойти ближе къ сему чуду природы. Но какъ выразить красу и ужасъ такого явленія! Безпрерывное удареніе вѣчно возобновляющихся водъ и спокойное противободствование мшистыхъ вѣковыхъ скалъ! Надъ самой пучиной, куда и взора не опускаешь безъ трепета, спокойно влетя мотылекъ, и малиновка порхаетъ по камнямъ, съ веселой пѣснью садясь на гибкіе стебли висячихъ растеній.

Удивленіе, нераздѣльное съ такимъ зрѣлищемъ, еще усугубляется когда подумаешь, что теченіе Веллино отъ

*

озера Люко и самое паденіе сей рѣки, не есть твореніе природы, а произведеніе рукъ человѣческихъ. Римляне, желавшіе избѣжать частыхъ наводнений озера, оставили по себѣ сей безсмертный памятникъ, который вмѣстѣ со многими ихъ работами, смѣлостію вымысла и трудностію исполненія, далеко превосходитъ все то, что теперь дѣлается или предпринимается.

Переходы на скалы, съ которыхъ лучше можно видѣть каскадъ, всѣ заняты нищими, которые подвѣляли тутъ заборы и калитки и налагаютъ подать на любопытство путешественника. Я долго смотрѣлъ на водопадъ и потомъ взглянулъ на быструю рѣчку Неру, текущую по долинь; она показала мнѣ почти стоячею водою. По берегу ея, подъ тѣнію высокихъ зеленыхъ дубовъ, шелъ я въ глубокомъ ущельи огромныхъ скалъ, обросшихъ плющемъ, до маленькой деревни, въ

которой ожидала меня повозка моя. Здѣсь, съ прїѣзда моего въ Италію, въ первый разъ видѣлъ я крытую алею изъ померанцовыхъ деревьевъ.

Отъ Терни догородка Civita Castellana, гдѣ я ночевалъ, прекрасная дорога и нѣсколько красивыхъ селеній; Civita Castellana за пять станцій отъ Рима. — Здѣсь виноградникъ, оливковыя и фруктовыя деревья исчезаютъ; передъ глазами единообразныя дикія или худо обработанныя поля; кажется, природа отказывается красою своею развлекать вниманіе ѣдущаго въ Римъ; ничто не препятствуетъ ему умственно готовить себя къ свиданію съ древнимъ обладателемъ вселенной и заранѣе готовится съ нимъ воспоминаніями. За 22 мили отъ Рима, на возвышеніи, каждый почталіонъ и ветуринъ считаетъ обязанностію, остановиться и показать вдали куполь Св. Петра, который ясно видѣнъ тогда, какъ прочія зданія города

еще непримѣтны. Не въѣзжая въ предмѣстіе, надобно переѣхать чрезъ быстрый мутной Тибръ; близъ моста, на берегу, было множество народа; я остановился, дабы узнать причину сего сборища: прекрасная молодая Англичанка, (я знавалъ ее во Флоренціи), гуляя верхомъ, хотѣла принудить лошадь свою пройти по узкой сыпучей тропинкѣ, гдѣ и пѣшіе ходятъ съ осторожностію; лошадь взвилась и вмѣстѣ съ милою Miss Butterst опрокинулась въ Тибръ; чрезъ полчаса лошадь выбралась на берегъ, а несчастная исчезла; не имѣютъ даже и печальной надежды отыскать ее тѣла, которое конечно увлечено въ море. Вообрази себѣ отчаяніе матери; она въ Туринѣ и ввѣрила единственную, любимую дочь свою, попеченію дяди, который взялся показать ей Римъ!—Вотъ подъ какими несчастными предзнаменованіями увидѣлъ я сей городъ. Древній житель она-

го, безъ сомнѣня, отсрочилъ бы свой въездъ до другаго дня, или по крайней мѣрѣ посовѣтовался бы съ жрецами ближняго храма.

Я прощаюсь съ тобою у Porta del roroli; передъ глазами мои три прямыя улицы и величественный Египетскій обелискъ, съ которыми познакомлю тебя, самъ съ ними познакомившись.

Неапольской заливъ. Соррентская долина, 20 Мая.

Тому три недѣли, какъ я изъ Неаполя переселился на житье въ Соррентскую долину, взявъ съ собою запасъ книгъ, и въ полной мѣрѣ наслаждаюсь сельскою жизнью или просто жизнью. Поутру встрѣчаю солнце, вечеромъ провожаю его, и самъ ложусь спать; днемъ гуляю если не очень жарко, или читаю въ прохладной пещерѣ, на берегу моря. Заливъ отдѣляетъ меня

отъ Неаполя; но съ здѣшнимъ прозрачнымъ воздухомъ ясно видѣнь и городъ, и виллы, и села у подошвы Везувія, и самъ Везувій яснѣе и величественнѣе, нежели изъ Неаполя. Часто, сидя на высокомъ и отвѣсномъ берегу моря, откуда мнѣ рыбацкія лодки кажутся плавающими по водѣ мошками, восхищаюсь безпрестанно новыми красотами природы, и думаю: зачѣмъ здѣсь нѣтъ тебя! Какими красками, какими картинами запасся бы ты здѣсь на всю жизнь! Что бы ты почувствовалъ, глядя на эти скалы, покрытыя пышными растеніями; на чудесные отбѣнки горъ, на отраженіе ихъ въ темно-голубомъ морѣ, на дымящійся Везувій! Сколько бы новыхъ выраженій внушилъ тебѣ этотъ упоительный воздухъ цвѣтущихъ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ!

Въ нашей сторонѣ, какъ ни вертись, а не отдѣлаешься отъ черныхъ сосенъ,

развѣсистыхъ вязовъ, семи березъ и дремлющей ивы; сырой болотный туманъ, для прикраски по неволѣ назовешь чистымъ, благовоннымъ воздухомъ, да въ добавокъ посадишь и заставишь пѣть соловья тамъ, гдѣ ему ни пѣть, ни сидѣть не хочется, и куда вѣроятно онъ и залетаетъ только по нуждѣ или по ошибкѣ. А здѣшняя природа украшеній никакихъ не требуетъ: смотри и старайся писать точно то, что видишь. И потому, по моему мнѣнiю, наши сѣверные поэты несравненно болѣе имѣютъ достоинства въ вымыслѣ, чѣмъ тѣ, кои родились и жили въ краяхъ, щедро украшенныхъ рукою Провидѣнiя. Виргилiй въ окрестностяхъ Неаполя списалъ съ натуры Елисейскiя поля, Тартаръ, пещеру Сивиллы и Цербера; потомъ, высадивъ Энея на берегъ, заставилъ пройти по тѣмъ самымъ мѣстамъ, по которымъ прошелъ самъ; но сдѣлай предпо-

ложене, что *Виргилій* всю жизнь свою гулялъ по окрестностямъ *Петербурга* и если тогда умѣлъ бы онъ написать шестую книгу *Энеиды*, то былъ бы вдвойнѣ поэтомъ. Теперь скажи мнѣ, отчего поэты такъ часто и охотно воспѣваютъ восхожденіе солнца, а о закатѣ его говорятъ рѣдко и только слегка? Я здѣсь и то и другое вижу ежедневно, и право не знаю, которой изъ двухъ картинъ дать преимущество: *ce sont deux superbes pendants du même maître*. Море отъ хижины моей въ нѣсколькихъ шагахъ, и я каждый вечеръ хожу на берегъ, сажусь на высѣченную въ скалѣ скамью, и оттуда смотрю, какъ солнце яркимъ огненнымъ щитомъ тонетъ и гаснетъ въ волнахъ, оставляя по себѣ на морѣ длинную горячую полосу; какъ золотитъ оно парусы вдали на горизонтѣ плывущаго корабля, какъ лучи его тухнуть постепенно на поверхности

водъ, потомъ въ долини, потомъ исчезаютъ на вершинѣ горъ, блеснувъ въ послѣдній разъ на бѣлыхъ стѣнахъ и на крестѣ монастыря; смотрю и сердцемъ жалю, что нѣтъ у меня кисти Вернета, или что я не поэтъ. Кстати о Вернетѣ скажу тебѣ, что не бывъ въ Неаполѣ, о произведеніяхъ его судишь только *arrogativement*. Какъ, не выдавши ихъ въ натурѣ, понять и повѣрить на картинѣ этому небу, воздуху, водѣ! Мнѣ самому многія изъ картинъ его казались до сихъ поръ удачнымъ вымысломъ, напр. я помню одну изъ нихъ: на чистомъ небѣ свѣтитъ луна, вблизи, съ правой стороны, огромная арка, опершись однимъ концемъ о крутой берегъ, другимъ спустилась въ море, въ самомъ берегѣ, подъ темными сводами, переходы и пзлучистая лѣстница, по которой сходятъ нѣсколько человѣкъ; одинъ изъ нихъ несетъ

зажженной факель, нѣсколько другихъ, въ рубахахъ, въ красныхъ колпакахъ, стоятъ внизу по колѣно въ водѣ и причаливаютъ лодку, въ коей брошенъ неводъ, веревки, боченокъ и проч.; въ туманномъ отдаленіи гористый островъ. Признаюсь, что сію странную, но природой поставленную арку, соединеніе свѣта луны и факела, словомъ, всю картину почиталъ я идеальнымъ произведеніемъ или по крайней мѣрѣ соединеніемъ въ одно такихъ предметовъ, кои въ натурѣ разбросаны и отдѣльны. Вчера, вечеромъ, увѣрился я въ противномъ: весь этотъ берегъ видѣлъ я при свѣтѣ луны; видѣлъ рыбаковъ, спускающихся по лѣстницѣ съ зажженными факелами, идущихъ на ночной рыбной промыселъ. Картина Вернета живо представилась моей памяти, и теперь я увѣренъ, что онъ не выдумалъ ее и написалъ не изъ головы, а съ нату-

ры. Вообще берега Сорренто, Массы, Амальфи, Салерно, представляют самыя разнообразныя, самыя удивительныя зрѣлища. Каменной, высокой и отвѣсной берегъ изрытъ въ нѣсколько ярусовъ гротами, галлерейми, изъ коихъ брали прежде камни для строенія; множество лѣстницъ ведетъ прямо въ море; не по всякой однакоже можно спускаться безопасно; часто изъ одной гроты въ другую проходятъ по узкой наружной панели. Въ иныхъ мѣстахъ, вода, ударяясь безпрестанно о скалы, такъ ихъ изрыла и выдолбила, что дала иной видъ работъ человека, и пещера, начатая людьми, окончена природой. Ты можешь себя представить, какой шумъ и громъ производить, во время бури, бѣненіе волнъ въ сію пустую гору; съ какимъ ревомъ валъ, плеснувъ въ ущелья межъ каменьевъ, обратно стекаетъ въ

море! Я люблю это мѣсто; здѣсь всегда ожидаетъ меня твоя фантазія.

Сорренто, 3 Іюля.

Нынчѣ хочу тебѣ писать о Помпей и Геркуланѣ; но прежде скажу нѣсколько словъ о Везувіи.— Не ожидай, чтобы, по слѣдамъ минералоговъ, сталъ я разбирать причины и дѣйствіе подземныхъ пожаровъ; я намѣренъ только немного познакомить тебя съ Неапольскимъ volcano и разсказать, что видѣлъ я на вершинѣ его, потомъ, пройдя по улицамъ Помпей, спунусь на нѣсколько минутъ и въ Геркуланѣ.

Гора, которую обыкновенно называютъ Везувіемъ, состоитъ собственно изъ двухъ горъ, у конхъ вершины отдѣльны, а основаніе общее. Одна изъ нихъ возвышается въ видѣ усѣченнаго конуса, на которомъ теперь находится жерло, или кратеръ: весь этотъ конусъ не что иное, какъ на-

сыпь изъ золы и довольно мелкихъ каменьевъ. Другая гора, Сомма, бывшая въ древнія времена огнедышащею. утихла совершенно, поросла травою и обработана почти до верха. Везувій, при каждомъ изверженіи, измѣняетъ видъ свой, иногда выростая отъ выбрасываемыхъ имъ камней и лавы. иногда дѣлаясь ниже по причинѣ обрушающихся стѣнъ кратера. По цѣлымъ днямъ и недѣлямъ бываетъ онъ спокоенъ, вдругъ задымится, и дымъ то подымается, то тихо стелется по скату горы. Первое изверженіе, намъ извѣстное, случилось въ 79 году отъ Рожд. Христ., въ началѣ царствованія Императора Тита. Послѣ многихъ предвѣстниковъ страшнаго явленія, подземный огонь открылъ себѣ отверстіе на Соммѣ; лава потекла въ невѣроятномъ количествѣ, свѣтъ солнца былъ нѣсколько дней помраченъ дымомъ и золою. Въ самое короткое время, Гер-

**

куланъ залило лавою, а Стабія п Помпея, не смотря на разстояніе ихъ отъ горы, исчезли подъ пепломъ. Ужасное изверженіе сіе замѣчательно. сверхъ того, смертію несчастнаго Плинія, пріѣхавшаго съ противоположнаго Мизенскаго мыса, наблюдать вблизи явленіе, тогда мало еще извѣстное.

Послѣ бывали изверженія довольно значительныя; случившееся въ 1822 году хотя и не много нанесло вреда, но было изъ числа самыхъ сильныхъ.

Колебаніе земли, волнованіе моря, глухой, но ужасной подземный шумъ, обыкновенно предшествуютъ изверженію. Столбъ чернаго дыма выходитъ изъ жерла, поднимается отвѣсно на чрезмѣрную высоту и разстилается по всему небосклону. Италіянцы называютъ его *Pino*, потому что въ самомъ дѣлѣ въ большомъ видѣ походитъ онъ на сей родъ деревьевъ, украшающихъ сады Неаполя и Рима. Трескъ

и удары, подобные сильнѣйшему грому, слѣдуютъ одинъ за другимъ непрерывно; молнія сверкаетъ непрестанно и раздираетъ густую тучу, пробѣгая по столбу; лава начинаетъ течь: днемъ, подобно черной дымящейся рѣкѣ, тихо подвигается она по наклоненію горы, но медленность не уменьшаетъ ни ея силы, ни ужаснаго дѣйствія. Она влечетъ съ собою цѣлыя скалы, величайшія деревья сжигаетъ прежде нежели ихъ коснется; ничто не можетъ остановить ея хода или измѣнить направленія; каменными волнами клубить она черезъ стѣны, сносить ихъ, и онѣ плывутъ вмѣстѣ съ нею. Но самое удивительное, красивое и вмѣстѣ ужасное зрѣлище представляетъ вулканъ ночью: багряное зарево покрываетъ все небо и отражается въ морѣ; раскаленные камни летятъ и съ трескомъ разрываются въ воздухъ; лава огненною струей спускается

съ горы и освѣщаетъ всю окрестность; земледѣлецъ издали можетъ слѣдовать за нею глазомъ и видѣть какъ исчезаютъ постепенно и садъ его, и нива, и домъ и какъ страшный черный камень заступаетъ мѣсто обработанной, плодоносной земли.

По преданію, св. Януарій, покровитель Неаполитанцевъ, одинъ имѣетъ власть прекращать ужасныя опустошенія Везувія; на дорогѣ изъ Неаполя въ Портучи есть мостъ, на немъ изображенъ этотъ святой изъ мрамора, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановилъ лаву за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, когда въ Неаполѣ начинали уже страшиться ея. Нельзя не пожалѣть о бѣдныхъ жителяхъ Помпеи и Геркулана! Въ числѣ ихъ боговъ не нашлось ни одного, который бы, подобно св. Януарію, умѣлъ отстоять ихъ отъ гибели.

Желающіе подняться на Везувій.

обыкновенно изъ Портичи ѡдутъ вер-
хами, на лошакахъ или ослахъ; мѣ-
стами хорошая, усаженная фруктовыми
деревьями дорога, приводитъ къ такъ
называемому эрмитажу. Отсюда по
излучистой тропинкѣ, чрезъ застыв-
шую неровную лаву, доѡзжаютъ до
подшвы огромнаго конуса, гдѣ надоб-
но непременно спѣшиться. Крутая пе-
пельная насыпь представляетъ видъ
самый печальный и единообразный:
она усѣяна обгорѣлыми камнями; на
ней нѣтъ ни одной травки. Здѣсь можно
различать пѣ лавы, вытекшія въ раз-
ное время изъ горы; инныя частію
обратились уже въ землю и покрыты
растеніями, другія черными полосами
простираются до самаго моря и со-
хранили ужасную наружность.

Тутъ начинается самая трудная, са-
мая утомительная часть сего путеше-
ствія: не имѣя твердой опоры, нога
безпрестанно скользитъ и погружается

въ зыбкую золу; сдѣлавъ съ величайшимъ усиліемъ нѣсколько шаговъ въ гору, сползаешь назадъ вмѣстѣ съ камнями, за которые хочешь удержаться и находишься опять на прежнемъ мѣстѣ; горячая зола жжетъ подошвы и препятствуетъ останавливаться для отдохновенія. Признаюсь, что я не разъ чувствовалъ въ себѣ болѣе охоты къ обратному пути, нежели къ продолженію его. Наконецъ, выбившись совершенно изъ силъ, добрался я до кратера, и легъ на краю его. Представъ себѣ яму въ нѣсколько сотъ футовъ глубины, болѣе версты въ поперечникѣ, съ неровными, то отвѣсными, то менѣе крутыми берегами, вотъ теперешній кратеръ; дна его не видно, изъ него выходитъ жаркій паръ, а по краямъ зола такъ горяча, что лежа чувствуешь мгновенно теплую сырость, проникающую сквозь одежду. Не смотря на это, я и товарищи рѣшились тутъ провести

ночь; хотѣли видѣть восходящее солнце и надѣялись, что удастся намъ быть свидѣтелями какого нибудь вулканическаго феномена; и такъ мы отправили проводниковъ обратно къ эрми-тажу за дровами, факелами, хлѣбомъ и виномъ. Солнце закатилось въ облакахъ и туманѣ, и тѣмъ лишило насъ прекраснаго зрѣлища. Наступила совершенная темнота; въ Неаполѣ и Портичи свѣтлѣлись отдаленные огоньки, а передъ нами въ безднѣ Везувія въ нѣсколькихъ мѣстахъ зажглось спичеватое пламя: это былъ газъ, безпрестанно поднимающійся изъ кратера. Вдругъ раздался сильный подземный шумъ; подобно катящемуся по тучамъ грому, пробѣгалъ онъ пустоту горы, то удаляясь, то приближаясь съ трескомъ, а иногда съ звонкими ударами, происходящими какъ будто отъ молота, ударяющагося о металлъ. Потомъ глубокое молчаніе и опять сильные въ

безднѣ удары, за ними ужасное клочотаніе. Я прислушивался, смотрѣлъ въ черную пропасть и ждалъ новаго явленія; но все утихло, слышанный мною шумъ былъ точно не земной; настала полночь, мы почувствовали свѣжую сырость и съ нетерпѣніемъ желали возвращенія проводниковъ; они медлили и дали намъ время одуматься, а наблюдательному нашему расположенію простить. Наконецъ, вдали по направленію отъ эрмитажа, показался свѣтъ; онъ тихо приближался къ намъ, то были проводники; прошло еще полчаса, и мы на вершинѣ Везувія разложили большой огонь, обогрѣлись, поужинали и, не смотря на темноту, рѣшились сойти съ горы, чтобы остальное время ночи провести у пустынника. Съ трудомъ начали спускаться и наконецъ, спотыкаясь и падая, добрали до эрмитажа. Я расположился ночевать на дворѣ; жилище отшельника не бли-

стало со стороны чистоты, и съ перваго взгляда догадался я, что онъ живетъ тутъ не одинъ, а имѣетъ тысячи вѣрныхъ товарищей, которые бы мнѣ спать не дали, да и на другой день не захотѣли бы со мной разстаться; но я спалъ недолго; прогуливаясь одинъ подъ развѣсистыми дубами, встрѣтилъ первые лучи солнца, которое мало-помалу начало освѣщать богатую Самрагна felice, Неапольскій заливъ, Неаполь и синія горы Римскихъ владѣній. Утро незабвенное! Здѣсь въ первые окинулъ я глазомъ благословенный сей край, гдѣ и горячій пепель и всеожигающая лава обращаются въ пользу поселенина и вскорѣ щедро награждаютъ его, за нанесенный ему уронъ. Густой виноградникъ, тучныя поля, весь годъ зеленые огороды, свидѣтельствуютъ о плодovitости огненной сей почвы.

Мои спутники, заспаные, но не вы-

спавшіеся, выходя одинъ за другимъ изъ келіи пустынника, необычайными тѣлодвиженіями подтвердили, въ глазахъ моихъ, справедливость моей догадки, и я не раскался въ проведенной мною безъ крыши ночи.

Мы сѣли опять на ослось, а въ Портичи въ коляски, и возвратились въ Неаполь, гдѣ всѣ спрашивали насъ о бывшемъ въ прошлую ночь на Везувіи маленькомъ изверженіи. Часовые и гуляющіе по Неапольской набережной увѣрены были, что огонь, видѣнный ими на вершинѣ горы, выходилъ изъ кратера.

Позднѣе изъ Неаполя въ Помпею и возвращеніе
черезъ Геркуланъ.

Еще не прошло двухъ часовъ, какъ оставилъ я Неаполь, гдѣ шумными толпами кипитъ по улицамъ народъ и теперь хожу по безлюднымъ домамъ, храмамъ, театрамъ и по площадямъ

Помпеи. И она имѣла, подобно Неаполю, своихъ жителей, свои увеселенія, свои богатства, и гавань съ кораблями и войско. Одинъ часъ, быть можетъ обратилъ обширный городъ въ пространную гробницу и чрезъ семнадцать столѣтій, путешественникъ читаетъ на каждомъ домѣ четкими литерами имя давно истлѣвшаго хозяина; вездѣ видитъ слѣды бывшаго населенія, порядка, роскоши, признаки вѣры, обычаевъ и даже внутренняго устройства жилищъ.

Здѣсь всякій уголокъ занимателенъ; чувство какого-то самолюбія овладѣло мною, когда я примѣтилъ, что могу, безъ помощи ученыхъ и учености, читать въ протекшихъ столѣтіяхъ и, вопрошая самъ видимые мною предметы, узнавать безъ догадокъ, какъ жили древніе, какъ проводили время, какія почести отдавали умершимъ, какъ

жрецы приносили жертвы богамъ и какъ обманывали народъ.

Домы Помпейскіе болѣе или менѣе между собою сходны, почти всѣ имѣютъ одинакое расположеніе, потому что древніе почти всѣ жили одинаково. Если бы я сталъ вводить тебя съ собою въ каждый домъ, въ которомъ былъ самъ, то ты вѣрно, не обойдя еще и половины города, наскучилъ бы моимъ описаніемъ. И потому буду говорить объ одномъ только изъ виднѣйшихъ, о которомъ, для большей ясности, войду въ подробности внутренняго его расположенія.

При самомъ входѣ въ предмѣстье Помпеи, со стороны Геркулана по правую руку находится загородный домъ Марка Арія Діомеда; по невысокой лѣстницѣ входятъ на четверо-угольный, продолговатый дворъ, вымощенный довольно красивымъ мозаикомъ; кругомъ двора былъ крытый навѣсъ, поддер-

живаемый выштукатуренными колоннами; онъ служилъ убѣжищемъ отъ дождя, а дождевая вода стекала съ крыши въ два каменныхъ колодца: на краяхъ ихъ видны еще слѣды тренія веревокъ. Таковой крытый ходъ, для того же предмета существуетъ здѣсь почти во всѣхъ домахъ; изъ него входы въ отдѣльныя комнаты, имѣющія каждая свое назначеніе; онъ большею частію безъ оконъ, а свѣтъ получаютъ черезъ дверь. Со двора Діомедова всходятъ на маленькую площадку или террасу, съ коей видъ на море: тутъ древніе проводили почти весь день лѣтомъ, тутъ была ихъ пріемная и спальня. Терраса маленькимъ садикомъ соединена съ небольшою ванною, украшеною мозаикомъ: близъ нея комната съ длиннымъ очагомъ, надъ которымъ, въ трехъ чанахъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, нагрѣвалась вода и получала различную степень теплоты;

надъ сею комнатою видна другая, въ которую изъ нижней собирались водяные пары: она служила банею; подлѣ видна еще другая, гдѣ послѣ бани натирали тѣло эссенціями, и еще одна, въ которой раздѣвались и одѣвались. Древніе были въ разсужденіи бань и ваннъ весьма прихотливы; купались по нѣскольку разъ въ день, и потому, кромѣ великолѣпныхъ бань для народа, многіе имѣли въ домахъ еще и свои собственныя. Другая дверь изъ крытой галлерей отворяется въ спальню, которая окошками въ садъ; за нею рядъ комнатъ, гдѣ жили женщины; столовая и еще много другихъ жилыхъ покоевъ. Нѣсколько ступеней ведутъ въ подвалъ; онъ состоитъ изъ трехъ коридоровъ, соответствующихъ тремъ сторонамъ крытаго хода на дворъ; подвалъ сей служилъ погребомъ и теперь еще видны въ немъ большіе глиняные остроконечные сосуды, въ коихъ со-

храняли вино. Здѣсь нашли кости 17 человѣкъ, вѣроятно скрывшихся тутъ во время пепельнаго дождя; вѣроятно также, что въ числѣ ихъ находилась хозяйка дома; на ней найдены серьги и другія золотыя украшенія; въ Королевскомъ Музеѣ показываютъ слѣпокъ груди и части одежды сей женщины, отпечатавшіяся въ отвердѣвшей золѣ, которая ее удушила. У дверей, ведущихъ изъ сада въ поле, найдены также два скелета: одинъ изъ нихъ (быть можетъ хозяинъ) держалъ въ одной рукѣ связку ключей, въ другой золотыя и серебряныя монеты; шедшій за нимъ несъ нѣсколько бронзовыхъ и серебряныхъ сосудовъ.

Разсматривая домъ сей, всего болѣе дивился я прочности строенія, а особенно штукатурки, имѣющей глянecъ мрамора, и живости красокъ въ сохранившейся по стѣнамъ живописи. Тѣ однакожъ, кои равняютъ съ пропз-

веденіями Рафаэля и Сальватора Розы картины, найденныя въ Помпеѣ и даже Геркуланѣ, ослѣплены, мнѣ кажется, пристрастіемъ къ древнимъ. То, что открыто въ обоихъ городахъ, доказываетъ, по моему мнѣнію, что скульптура была тамъ гораздо совершеннѣе живописи. Въ числѣ статуй, вырытыхъ въ храмахъ, нѣкоторыя превосходны во всѣхъ отношеніяхъ, а стѣны тѣхъ же храмовъ расписаны весьма посредственно. Если же принять въ соображеніе, что на стѣнахъ писали не лучшіе художники, то тогда и я признаюсь, что древніе маляры были гораздо искуснѣе нашихъ, потому что дѣйствительно въ нѣкоторыхъ картинахъ замѣтна кисть хорошаго художника. Впрочемъ, пристрастное въ семъ случаѣ сужденіе нѣсколько пзвинительно; мнѣ самому не шла на умъ критика, когда я былъ въ присутствіи сихъ зданій: они внушаютъ почтеніе и даже нѣкоторую при-

знательность: безъ нихъ, могли ли бы мы такъ живо перенести себя въ прошедшее, за тысячу семьсотъ лѣтъ? Дома тѣхъ жителей Помпей, которые были бѣднѣе, совершенно сходны съ бѣдными домами жителей Портичи и другихъ мѣстъ по сосѣдству Неаполя: одна довольно тѣсная комната достаточна здѣсь и теперь для цѣлаго семейства; вѣроятно, что и тогда какъ нынче, ремесленники и работали, и стряпали, и обѣдали на улицѣ. Климатъ былъ тотъ же, слѣдственно и обычаи тѣхъ времянь имѣли сходство съ теперешними обычаями. Но тогда каждый членъ общества принадлежалъ болѣе обществу, нежели самому себѣ; а потому и знанія общественныя были великолѣпны, а частныя жилища скромны; и изъ надписей, найденныхъ въ Помпѣяхъ подъ нѣкоторыми храмами, видно, что послѣ землетрясенія, предшествовавшаго нѣсколькими годами раззоренію сего го-

рода, иные жители на своемъ иждивеніи исправили и выстроили упавшія стѣны сихъ храмовъ, прежде нежели приступили къ исправленію собственныхъ домовъ своихъ.

Вышедъ изъ описаннаго мною дома, пошелъ я къ городскимъ воротамъ; по обѣимъ сторонамъ улицы видны гробницы, инныя мраморныя украшены барельефами, другія изъ простаго везувійскаго камня и каждая съ хорошо-сохраненною надписью. Внутренность ихъ мало занимательна, потому что примѣчательнѣйшія вещи вынуты и находятся въ Музеѣ. По нѣкоторымъ примѣтамъ, когда откапывали сіи гробницы, можно было догадаться, что уже прежде (быть можетъ, самими жителями) были онѣ открыты и обобраны. Подлѣ одной изъ гробницъ находится то мѣсто, гдѣ родственники и друзья собирались вокругъ каменнаго стола и, лежа на каменныхъ скамьяхъ, ѣли и

пили въ честь умершаго. Неподалеку отъ воротъ, видѣнъ домъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, долженъ былъ принадлежать Цицерону.

Я вошелъ въ городъ: на каждомъ домѣ кистью и красными чернилами означено имя хозяина. Сверхъ того, во многихъ мѣстахъ на стѣнахъ такимъ же образомъ написаны различныя объявленія: продажа имѣній, лавки, отдающіяся въ наемъ, объявленія отъ театровъ и амфитеатра, день представленія пьесы и имя автора, сраженіе людей съ звѣрями и гладіаторовъ между собою; славнѣйшіе изъ сихъ послѣднихъ названы поименно. Почти во всякой афишѣ увѣдомляютъ публику, что представленіе будетъ съ веларіями (velari), т.-е. надъ театромъ будетъ наметъ или зонтикъ, защищающій зрителей отъ солнца и дождя. Видишь, что изъ сохранившихся памятниковъ можемъ мы знать

навѣрное, какія увеселенія занимали несчастныхъ Помпеянъ, за нѣсколь-ко дней предъ уничтоженіемъ ихъ города.

Слѣдуя по главной улицѣ, проходишь мимо многихъ лавокъ, гдѣ продавали вино, масло, теплые и прохладительные напитки, хлѣбъ; мимо аптеки, скульптора, хирургическаго заведенія, музыкальной школы, мыльной фабрики, кузнеца и проч. и проч. Все это не догадки; изъ предметовъ, найденныхъ въ домахъ, безошибочно можно было заключить о ихъ назначеніи. — Въ Музеѣ хранятся сосуды, инструменты, мука, печеной хлѣбъ, крупа, миндаля, изюмъ и множество другихъ вещей.

Помпейскій Форумъ. — Продолговатая четырехъ-угольная площадь, шаговъ въ 300 длины, съ двухъ сторонъ ея было по три ряда колоннъ, которыя поддерживали кровлю и служили вѣроятно

для прогулки во время дурной погоды: на одномъ концѣ площади нѣсколько пьедесталовъ, но на нихъ не нашли ни одной статуи, что служитъ еще доказательствомъ, что здѣсь уже и прежде отрывали нѣкоторыя мѣста. Многія изъ колоннъ треснули, другія повалились, не отъ времени, а отъ землетрясенія, повредившаго нѣкоторыя зданія Помпеи за тринадцать лѣтъ до ея совершеннаго уничтоженія. Изъ близъ лежащихъ матеріаловъ нѣсколькихъ исправленныхъ колоннъ видно, что жители занимались починкою сего портика, когда Везувій воспрепятствовалъ имъ привести оную къ окончанію.

Храмъ Изиды.— Умалчивая о храмахъ Венеры, Эскулапа, Юпитера, я говорю о храмѣ Изиды, потому что онъ сохраненъ гораздо лучше прочихъ: во многихъ мѣстахъ Неаполитанскаго Королевства видны остатки храмовъ,

посвященныхъ Египетскимъ божествамъ. Жители морскаго берега, имѣя торговое сообщеніе съ Александрією, ввели и у себя поклоненіе Ибису, Анубису и пр. Изображеніе всѣхъ сихъ боговъ съ собачьими головами, съ журавлиными носами, найдены здѣсь въ храмѣ Изиды. Онъ не великъ, не имѣлъ крыши, но рядъ колоннъ параллельно тремъ стѣнамъ его, поддерживалъ, какъ и въ другихъ храмахъ, неширокую кровлю, подъ коей укрывались отъ дождя. На одномъ концѣ храма нѣскольکو ступеней ведутъ на возвышеніе, гдѣ въ стѣнѣ видны три впадины, въ коихъ стояли идола. Возвышеніе это (внутри просто) сзади имѣетъ потаенную лѣстницу, и довольно правдоподобно, что тутъ скрывался жрецъ, игравшій роль божества и отвѣчавшій за него вопрошающимъ. Предъ возвышеніемъ стоятъ два жертвенника; на одномъ изъ нихъ закалывали.

на другомъ сжигали жертву; другіе жертвенники близъ колоннъ служили для куренья. Въ задней части зданія: кухня и двѣ комнаты, гдѣ жили жрецы. Здѣсь нашли всю утварь языческаго храма, но любопытнѣе всего два скелета жрецовъ: одинъ изъ нихъ, стараясь избѣгнуть смерти, пробилъ топоромъ стѣну; товарищъ его изъ пренебреженія къ жизни, или изъ привязанности къ наслажденіямъ ея—умеръ за столомъ, подлѣ коего лежали остатки куренка и яичная скорлупа.

Театры Комической и Трагической.— Они стоятъ одинъ подлѣ другаго: первый замѣчательнъ тѣмъ, что, противъ обыкновенія древнихъ театровъ, былъ крытый; оба не велики, но Трагической отличается размѣромъ и марморными украшеніями; въ обоихъ видны мѣста для Весталокъ; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. сцена всяма мелка, она оканчивается стѣною

и тремя дверями. откуда выходили актеры. Хотя и найдены признаки машинъ, хотя антикваріи и увѣряютъ, что древніе умѣли вводить въ театральныя представленія всѣ извѣстныя намъ волшебства, полеты и проч., но глядя на малое пространство сцены, на близкое ея отъ зрителей разстояніе, я антикваріямъ не вѣрю. Разборчивый вкусъ Помпейцевъ не оставилъ бы ихъ ни на минуту въ заблужденіи, и они скоро замѣтили бы, въ легкихъ облакахъ, грубую ткань дымки, въ восходящихъ солнцѣ и лунѣ намащенные бумажные круги, а въ летающемъ по воздуху героѣ. поддерживающую его проволоку и веревку. Притомъ же извѣстно, что у древнихъ не было вечернихъ представленій, а при дневномъ свѣтѣ нѣтъ возможности обмануть глазъ и самаго незрячаго жителя.

Амфитеатръ. Величественное, весь-

ма хорошо сохраненное зданіе. Оно мало чѣмъ меньше Римскаго Колісея, а незнаніе его было тоже: звѣрпнаа травля, сраженіе звѣрей съ людьми и людей между собою, привлекали сюда весь городъ и всѣхъ окрестныхъ жителей. Невольникъ и гладіаторъ, назначенные бороться со львомъ и тигромъ, не только жертвовали жизнью, но должны еще были идти на смерть съ равнодушіемъ, съ рѣшительностію и умирать по извѣстнымъ правиламъ. Тотъ изъ нихъ, который показывалъ робость и малодушіе, былъ зрителями обруганъ и издыхалъ со стыдомъ. Мертвыя тѣла выносили съ арены черезъ особую дверь. Страбонъ, упоминая о нравахъ жителей Компаніи, говоритъ, что даже на пирахъ, на которые сзывали они друзей, нѣсколько паръ гладіаторовъ сражались и проливали кровь, между тѣмъ какъ варвары сіи насыщались яствами и упи-

вались виномъ.— Тацитъ, въ XIV книгѣ своихъ лѣтописей, упоминаетъ о кровопролитной распрѣ, случившейся въ Помпейскомъ амфитеатрѣ между жителями Помпеи и Римскими поселенцами близъ-лежащаго городка Ночеры, пришедшими сюда на праздникъ: начало ссоры было назначуемое, но скоро отъ брани перешли Помпейцы къ дракѣ, къ камнямъ и къ оружію; множество Римлянъ осталось мертвыми и еще больше ранеными и увѣченными. Сенатъ, узнавъ о такомъ безпорядкѣ, лишилъ Помпеянъ на десять лѣтъ права давать зрѣлища въ амфитеатрѣ.

Покидая Помпею, я искренно жалѣлъ, что правительство назначило только 8 человекъ и 4 вола, для продолженія очищенія города отъ золы. При Французахъ работа эта производилась съ большею дѣятельностію: они отрыли между прочимъ городскія стѣны, и такъ какъ пространство Помпеи

теперь уже известно, то, прибавивъ работниковъ, можно бы въ самое короткое время возвратить ее всю любителямъ древности.

Дорога отъ Помпей до Геркулана идетъ по берегу моря. Последнее изверженіе Везувія засыпало мостовую на нѣсколько вершковъ золою, которая весьма неприятна и даже вредна глазамъ, когда ее поднимаетъ вѣтеръ. Вся дорога эта усыяна слѣпыми нищими, они бѣгутъ за проѣзжими и неотступно требуютъ милостыни. Не знаю чему приписать большое число сихъ слѣпыхъ; не знаю, отъ тонкой ли Везувіанской пыли теряютъ они зрѣніе, или, ослѣпнувъ по другой причинѣ, приходятъ сюда потому что уже пыль не можетъ имъ вредить.

Геркуланъ.—Точное положеніе Геркулана долго оставалось въ неизвѣстности, а неизвѣстность сія служила поводомъ ко многимъ догадкамъ и спо-

рамъ ученыхъ. Въ 1738 году, крестьянинъ деревни Резаны, выкопавъ колодезь въ 80 футовъ глубины, долженъ былъ прекратить свою работу, нашедъ, вмѣсто воды, древнее строеніе: это былъ театръ Геркулана.

По сему первому признаку о существованіи города правительство начало отрывать далѣе; но такъ какъ надъ симъ мѣстомъ поверхность земли покрыта домами Портичи и Резаны, то предстояла опасность, подкапываясь подъ нихъ, повредить оныя, а потому и принуждены были рыть почти наудачу, слѣдуя горизонтальному направленію и засыпая снова открытыя мѣста по мѣрѣ того какъ вынимали найденные предметы.—Теперь изъ всѣхъ найденныхъ въ Геркуланѣ домовъ и улицъ оставлена для любопытныхъ только малая часть театра.—Подъ землю, при факельномъ освѣщеніи, трудно и почти невозможно получить ясное по-

нятіе о строеніи, коего видны только отдѣльныя части; но, судя о величинѣ театра по длинѣ сцены, можно увѣриться, что онъ былъ гораздо обширнѣ Помпейскаго, а рассматривая въ Музеѣ найденные въ Геркуланѣ мраморы, бронзы и живописи, утвердительно можно сказать, что городъ этотъ былъ великолѣпнѣ Помпей и что жители онаго были и богатѣе и роскошнѣ своихъ сосѣдей. Но путешественникъ, коему не удалось бы спуститься въ подземный Геркуланскій театръ, не долженъ жалѣть о томъ: онъ гораздо занимательнѣе для литолога, чѣмъ для любителя древности. Сей послѣдній, кромѣ мраморныхъ ступеней и малаго числа попорченныхъ колоннъ, не найдетъ ничего примѣчательнаго; но природоиспытатель имѣетъ случай сдѣлать здѣсь много наблюдений. Пусть рѣшить онъ, точно ли Геркуланъ залгло лавою или за-

сыпало большимъ количествомъ горячей золы, которая потомъ, бывъ смочена морскими волнами, отвердѣла и обратилась въ туфъ? Мнѣнія на этотъ счетъ могутъ быть свободны. съ тѣхъ поръ какъ два искусныхъ минералога, занимаясь изслѣдованіемъ лавъ, покрывшихъ Геркуланъ со времени его уничтоженія, доказали, что ученые и невѣжды въ землѣ равны между собою. Гамильтонъ нашелъ только семь лавъ, а Ветути насчиталъ ихъ до двадцати шести.

Въ Неаполѣ нѣтъ ни одного артиста, заслуживающаго вниманіе, но они здѣсь и не нужны; произведенія Греческихъ и Римскихъ художниковъ обогащаютъ ежедневно пространныя залы здѣшняго Музея. Земля Неаполя, такъ какъ и Рима, заключаетъ въ себѣ неисчерпаемое богатство превосходныхъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй.

Въ Геркуланъ найдено множество прекрасныхъ колоннъ: алебастровыхъ, Африканскаго и Египетскаго мраморъ Rosso и Gialo antico, мозаичные полы, бронзовые сосуды всѣхъ возможныхъ видовъ, кандеабры, лампы, стулья, всякая мелочь, какъ-то: чернилицы, навощенныя дощечки, на которыхъ писали, кости для игры, рюмки, стаканы, бутылки; весь туалетъ Римской дамы, и проч. и проч.

Въ числѣ статуй замѣчательны мраморныя: Аполлонъ, три Музы, Августъ, Клавдій, Цицеронъ, Гомеръ; бронзовые: два фавна, одинъ спящій, другой пьяный, Меркурій и еще другіе.

Но въ глазахъ моихъ удовлетворительнѣе всего мраморное во весь ростъ изображеніе Аристиппа: онъ стоитъ въ задумчивости, на лицѣ его видно глубокомысліе. Вокругъ тѣла окинуть плотно и взброшенъ на плечо тонкій плащъ; подъ нимъ скрыта лѣвая рука,

правая держитъ свитокъ, который кажется предметомъ его размышленія. Драпировка, благородность осанки, совершенно согласны съ выраженіемъ лица. Предъ Аристиппомъ можно долго простоять въ задумчивости. — Въ похвалу статуѣ или картинѣ, представляющей человѣка, на всѣхъ языкахъ употребляютъ слова: *она говоритъ, elle est parlante*, и и чуть-было не выразился такимъ образомъ объ Аристиппѣ. Скажи, какъ похвалить живое изображеніе молчанія?

Самое любопытное открытіе сдѣлано въ одномъ изъ домовъ Геркуланума. — Оно до сихъ поръ держитъ ученыхъ въ надеждѣ и ожиданіи: болѣе 800 папирусовъ или рукописей найдены въ одномъ мѣстѣ. Сія свитки, имѣющіе нѣсколько вершковъ ширины и около трехъ аршинъ длины, обвернуты вокругъ деревяннаго или костянаго валька. Жаръ обратилъ ихъ совершенно

въ уголь. На нихъ, хотя съ величайшимъ трудомъ, но можно читать писанныя литеры, которыя кажутся чернѣе написанныхъ мѣсть. Свитки болѣе истлѣвшіе, гораздо легче развертывать, нежели тѣ, которые менѣе подвержены были огню.

До сихъ поръ изъ прочитанныхъ папирусовъ вышли въ свѣтъ только два перевода съ Греческаго: Филомеда — о музыкѣ, и Эпикура — о природѣ; да одинъ съ Латинскаго отрывокъ изъ поэмы, о походѣ Цезаря въ Египеть.

Если бы позволено было не Греку и не Латинисту объявить свое мнѣніе о рукописяхъ, писанныхъ на сихъ двухъ языкахъ, то вотъ что бы сказалъ я Геркуланскому ученому обществу: „Милостивые государи! Вамъ поручено возвратить ученому свѣту про- „изведенія древнихъ мудрецовъ; вы „сами надѣтесь дополнить изъ сихъ „папирусовъ, дошедшія до насъ не-

„полныя сочиненія. Милост. гос., и я
„принимаю живѣйшее участіе въ ва-
„шемъ занятіи и въ вашихъ откры-
„тіяхъ, и я надѣюсь читать ихъ въ
„переводѣ; но позвольте доложить, что
„если вы будете продолжать развер-
„тывать такъ, какъ начали, то и вамъ
„и мнѣ врядъ ли удастся прочитать
„что-нибудь истинно-занимательное. Я
„былъ въ той комнатѣ, гдѣ шесть че-
„ловѣкъ читаютъ папирусы, и не удив-
„ляюсь болѣе, что лѣтъ въ 70 вы ус-
„пѣли напечатать только одинъ неза-
„нимательный томъ. Изъ шести чело-
„вѣкъ двое сидѣли надъ работой, и
„зѣвая; двое зѣвали и прогуливались,
„и двое зѣвая, изъясняли пришедшимъ
„иностранцамъ способъ развертыванья
„сихъ свитковъ. Этотъ способъ со-
„вершенно механической, онъ не тре-
„буетъ никакой учености; терпѣніе и
„хорошіе глаза для него достаточны; но
„зачѣмъ, м. г., трудиться надъ такими

„рукописями, изъ которыхъ вы по
„первымъ строкамъ можете видѣть, что
„онѣ не заключаютъ ничего любопыт-
„наго; откладывайте ихъ въ сторону.
„берите другія: такимъ образомъ, мо-
„жетъ быть, наконецъ и доберетесь до
„потерянныхъ для насъ книгъ Тацита,
„сочиненій Светонія и Цицерона. Все
„это, смѣю васъ увѣрить, было бы
„гораздо полезнѣе музыки вашего Ни-
„ломеда. При томъ можете умножить
„число работниковъ и прибавить имъ
„плату; они будутъ звать менѣе и
„работать охотнѣе.“

Симъ заключаю повѣствованіе о ви-
дѣнномъ мною на Везувіи, въ Помпеѣ
и въ Геркуланѣ.

Сорренто, 19 Августа.

Я былъ въ Искіи и въ Капри. Извѣ-
стно, что эти два острова, лежащіе
при входѣ въ Неапольскій заливъ, сла-
вятся: первый своею красотою, вто-
рой тѣмъ, что императоръ Тиверій

жилъ на немъ довольно долго. Удалившись изъ Рима, для наслажденія сельской жизнию, выстроилъ онъ на островѣ Капри двѣнадцать дворцевъ, нѣкоторые на самомъ берегу моря, другіе на высотѣ дикихъ скалъ. Говорятъ, будто бы онъ переходилъ изъ дворца во дворецъ, смотря по погодѣ, по времени года; если это справедливо, то я подозреваю его нѣсколько въ прихотливости. Капри имѣетъ всего верстъ десять въ окружности; суди самъ, можетъ ли на такомъ маломъ пространствѣ, разность въ климатѣ оправдать ужасныя издержки, сдѣланныя при построеніи великолѣпныхъ, украшенныхъ рѣдкими мраморами зданій? Къ каждому изъ нихъ былъ проведенъ каменный на сводахъ каналъ, по которому протекала прѣсная вода.

На восточной сторонѣ острова есть высокая, отвсюду крутая гора; отъ моря она поднимается прямою стѣною; на вершинѣ стоялъ одинъ изъ двор-

цевъ, теперь построена тамъ часовня, въ которой живетъ *пустынникъ*; можетъ быть, вообразишь ты себѣ, при семь словѣ, *анакроста, жителя пустыни, въ дичи глухой, непроходимой*, которому *обѣды даютъ древа, а питіе ручей*, у котораго въ хижинѣ *кружится ртзвѣй котъ, въ улу кричитъ сверчокъ!* Ты ошибешься: здѣшніе пустытники завладѣли самыми красивыми, самыми проходимыми мѣстами; иностранцы путешественники являются къ нимъ обыкновенно прежде, нежели къ своимъ посланникамъ; они видятъ и принимаютъ болѣе гостей, чѣмъ здѣшніе министры: приходящимъ ни пить, ни ѣсть не даютъ, а просятъ у нихъ денегъ; сами же пьютъ вино, ѣдятъ мясо; на мѣсто кошекъ и сверчковъ, держатъ мышей и блохъ, словомъ, ничѣмъ не схожи съ идеальными пустыниками, развѣ нечистою и разодраннымъ платьемъ. Но возвратимся къ горѣ. Римскій императоръ Тиверій любилъ

это мѣсто: однажды, гуляя тутъ. (такъ рассказываетъ историкъ Светоній) онъ весьма удивился дерзкой смѣлости одного рыбака, который, завидѣвъ Тиверію, взобрался къ нему по скалѣ, почитавшейся дотолѣ неприступною и, поднесши ему необыкновенной величины рыбу, ждалъ награды за такую услугу. Тиверію неприятно была смѣлость рыбака: онъ изъ шутки приказалъ натереть ему лице рыбьею чешуею, а когда въ кровь истертой бѣднякъ началъ радоваться въ слухъ, что не издумалось ему поднести Тиверію пойманнаго имъ морскаго рака, послѣдній услышалъ слова сіи и велѣлъ тотчасъ тереть его лице шкурою рака. Свободные отъ дѣлъ часы, Тиверій часто проводилъ подобнымъ образомъ. Иногда за преступленія, иногда по подозрѣнію, а часто и просто для увеселенія, приказывалъ, прогнѣвавшихъ его сбрасывать съ высоты утеса: тѣ изъ несчаст-

ныхъ, которые долетали до моря не разбившись въ дребезги, были убиваемы людьми, ожидавшими ихъ въ лодкахъ.

Здѣсь видны развалины маячной башни; за нѣсколько дней предъ смертію Тиверіа, она разрушилась отъ землетрясенія. На островѣ Капри есть два городка: нижній и верхній Капри; въ нихъ болѣе двухъ тысячъ жителей; изъ перваго въ послѣдній всходятъ по лѣстницѣ, которая вѣется надъ стремниной въ 250 сажень вышины. Народъ дѣятеленъ, женщины прекрасны. Всѣ тяжести переносятся, вся работа исправляется людьми: гористое положеніе не дозволяетъ употреблять и муровъ. На Капри есть много примѣчательнаго, кромѣ историческихъ памятниковъ: любопытный гротъ, служившій вѣроятно ванною, быть можетъ Тиверію; зубчатая живописная скала: но вообще видъ острова дикъ, деревьевъ, и слѣдственно тѣни мало.

Не знаю, ѣзжалъ ли ты по волни-
стому морю въ маленькой лодкѣ, съ
плохими снастями и парусами, съ не-
искусными матросами? Я изъ Капри
въ Сорренто воротился въ такой лодкѣ;
распустивши парусы и отплывъ отъ
берега, кормчій снялъ шляпу, и, про-
тянувъ руки, попросилъ меня дать
что-нибудь для бѣдныхъ душъ чисти-
лица; такая просьба не внушаетъ до-
вѣренности, особенно въ сильно-кача-
ющейся лодкѣ, управляемой неловкими
гребцами. И такъ, хотя я и не обя-
занъ вѣрить чистилицу, но на всякій
случай далъ монету въ пользу тамош-
нихъ жителей. Меня увѣрили послѣ,
что здѣшніе мореходцы, собираемыя
ими такимъ образомъ деньги никогда
не употребляютъ на другой предметъ,
а относятъ къ пастырямъ

П ий.

НЕУЗНАННАЯ.

Въ древней *Пальмирѣ*, гдѣ теперь пустынные бури движутъ песчанья моря,—въ то время, когда великолѣпный градъ сей увядалъ въ самомъ цвѣтѣ своего мнимаго величія; когда наружный блескъ видимости явно противурѣчилъ съ тайными предчувствіями сердець; когда молвы, гаданія и слухи являлись по домамъ, какъ невидимые вѣстники; вдругъ показалась многимъ и во многихъ мѣстахъ—*она*.—Всѣ чувствовали присутствіе *ея*, никто ее не узнавалъ. Иные называли *ее дугою*, другіе мечтою, иные какимъ-то тайнымъ соглядатаемъ.— Неузнанная въ чертогахъ, гонимая во градѣ, *она* удалась.

Буря шумѣла. Ясныя молніи, какъ огненные ручьи, извиваясь, пробѣгали по черному Аравійскому небу. Зыбкія поля, скрепленныя искусствомъ, вламывались вихремъ, и стройныя пальмовыя рощи трепетали. . . При большой дорогѣ лежалъ, разкинувшись подъ деревомъ, человѣкъ. Молніи освѣщали глубокое отчаяніе на оливковомъ лицѣ его; черные кудрявые волосы стояли щетиною; грудь холмилась. . . Мѣра преступленій его исполнилась, душа требовала очищенія. Тутъ явилась къ нему *Неузманная*. Среди бури, колебавшей природу, она была спокойна и ласкова, какъ свѣтлое чувство дѣтской радости; легка, какъ духъ; стройна, какъ пальма; въ бѣлой одеждѣ, въ вѣникѣ изъ свѣжей зелени, съ златою чашей въ рукахъ. — Безмолвно оставилась *она* предъ нимъ, и глаза его, сверкающіе какъ яркіе угли, встрѣтились съ ея тихими взорами. Такъ,

иногда, красное губительное пламя, вылетающее изъ жерла кипящаго волкана, встрѣчается съ ласковымъ сіяніемъ стоящей надъ нимъ луны.—Онъ долго въ нее всматривался, и узналъ ее и понялъ ее безмолвіе.—„Подай! Я согласенъ!“ И протянувъ жилистую руку, которой силу чувствовали дикіе кони пустыни, онъ, съ дѣтскою покорностію, принялъ сосудъ и выпилъ *все до дна*. Горько, какъ полынь, растущая на развалинахъ, показалось ему питіе. Но онъ стерпѣлъ. Огонь пробѣжалъ по всемъ суставамъ его существа. Все *старое* сгорало. Но мало помалу буря уступала мѣсто порядку, и обновленіе слѣдовало за пожаромъ. Сердце его таяло, и застарѣлыя преступленія изливались слезами, и съ тяжкими выдохами вылетали изъ холмистой груди его. Сила уступала гармоніи; мятежъ замѣнялся тишиною, и медленно, медленно на уста, изпившія

горечь, выступала сладость неопи-
санная. Что-то небывалое поселпось въ
груди его. Живыя, сладкія утѣшенія,
свѣтлѣя постепенно въ душѣ, озарали
ее новымъ разсвѣтомъ, новымъ свѣ-
жимъ утромъ яснаго бытія, неизвѣ-
стнаго въ кипящемъ бореніи страстей
и въ темнотѣ холодныхъ сомнѣній.—
Ему казалось, что его принимаютъ
опять въ семейство людей, отъ котораго
онъ былъ отброшенъ, и образъ человѣ-
ка становился для него почтениѣе. Онъ
началъ чувствовать удовольствіе.—
быть на землѣ.—Его дни стали веселы,
какъ праздники, и ночи тихи, и снови-
дѣнія усладительны! Онъ не видалъ уже
болѣе ни крови, ни ножей, ни посинѣ-
лыхъ устъ умирающаго. Новый міръ,
новое небо представлялись душѣ его.
Часто осѣнялъ се теплый ароматный
духъ, вѣявшій изъ какого-то неизвѣ-
стнаго края. . . Младья дѣвы, въ бѣ-
лѣйшихъ воздушныхъ одеждахъ, усѣян-

ныхъ ясными искрами изъ желтаго злата, въ свѣтломъ хорѣ, стройно и медленно колебались предъ нимъ на зыбкихъ перламутровыхъ облакахъ. Иногда видалъ онъ, въ неизвѣстной отдаленности, невѣдомую, очаровательную страну, гдѣ существа легкія, какъ наши мысли, плавали—(такъ весело, какъ надежды въ душѣ человѣка) къ какому-то неизъяснимо-прелестномъ свѣтло-фіолетовомъ сіяніи. Оттолкъ вѣяло обновленіемъ, жизнію, духовною прохладой, свѣжимъ благодатнымъ успокоеніемъ и сладкимъ благовоніемъ безсмертія. Такъ занималась заря благоденствія въ душѣ обновленнаго. Прошедшее темнѣло за нимъ, какъ грозная ночь; впереди разгарался яснѣя и яснѣя тихой, привѣтливой день.

Прошли годы и годы, на часахъ судьбы пробилъ таинственный часъ, свершился жребій *Пальмы*, и въ запустѣлыхъ окрестностяхъ великаго гра-

да видали почтеннаго Эмира, бѣлобрадаго старца, когда онъ, обращаясь лицомъ къ странѣ востока, сладкою бесѣдой поучалъ многочисленное племя свое *чистотѣ* и *кравствениости*. Это былъ онъ, принявшій сосудъ изъ рукъ *Неузнанной*. Но ктоже была она?— Преданіе говорить, что онъ самъ называлъ ее *совѣстію*, а иногда и другимъ именемъ, похожимъ на первое.

В. Глинка.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ,
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ;
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданяхъ проведенъ весь вѣгъ;
И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня,
Въ награду любова возьмешь ты коня.

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
„А княжескій даръ имъ не нуженъ,
8

„Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
„И съ волей небесною друженъ.
„Грядущіе годы таятся во мглѣ,
„Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

„Запомни же нынѣ ты слово мое:
„Воителю слава — отрада.
„Побѣдой прославлено имя твое,
„Твой щитъ на вратахъ Цареграда,
„И волны и суша покорны тебѣ,
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

„И сняго моря обманчивый валъ
„Въ часы роковой непогоды,
„И пращъ, и стрѣла, и лукавый княжалъ
„Щадятъ побѣдителя годы...
„Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
„Незримый Хранитель могущему данъ.

„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
„Онъ, чуя господскую волю,
„То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ.
„То мчитъ по бранному полю,
„И холодъ и сѣча ему ничего;
„По примешь ты смерть отъ коня своего.“

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачился думой;

Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладить, и треплеть по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя!
Прощай, утѣшайся, да помни меня;
Вы, отроки, други, возьмите коня.

„Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой дугъ подъ устцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.“
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли
А князю другова коня подвели.

Шируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ,
При звонѣ веселомъ стакана, —
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ? промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?

Здоровь ли? все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?“
И внемаетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ!

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „Что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ,
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донинѣ носилъ бы меня!“
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости.
И видать—на холмѣ, у брега Дибира,
Лежать благородныя кости,
Ихъ моютъ дожди, засыпають ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуется надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ,
И молвилъ: „Сни, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На триниѣ — уже недалеской
Не ты подъ сѣкирой ковыль обогривъ
И жаркою кровью мой прахъ напоишь.

„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертью кость угрожала!“

Изъ мертвой главы гробовая змѣя
Шипя между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента, вокругъ ногъ обвилась,
И вскрикнулъ внезапно ужаленный Князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируеть у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

ПРИВИДѢНІЕ.

Въ тѣни деревь, при звукѣ струнъ, въ сѣннѣхъ
Вечернихъ гаснущихъ лучей,
Какъ первыя любви очарованья,
Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней —
Явилася она передо мною,
Въ одеждѣ бѣлой, какъ туманъ.
Воздушною лазурной пеленою
Быль окруженъ воздушный станъ.
Таинственно она ее свивала
И развивала надъ собой;

То снявъ ее, открытая стояла
Съ темнокудрявой головой;
То, вдругъ, всю ткань чудесно распустивши,
Какъ призракъ исчезала въ ней;
То, переть къ устамъ и голову склонивши,
Огнемъ задумчивыхъ очей
Задумчивость на сердце наводила!
Вдругъ..... покрывало подняла.....
Трикраты имъ куда-то поманила.....
И скрылася..... какъ не была!
Вотще продлить хотѣлось упоенье...
Не возвратилася она!
Лишь грустію по миломъ привидѣньѣ
Душа осталася полна.

Жуковскій.

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСѢТИТЕЛЬ.

Кто ты призракъ, гость прекрасной,
Къ намъ откуда прилеталъ?
Безответно и безгласно
Для чего отъ насъ пропалъ?
Гдѣ ты? Гдѣ твоё селенье?
Что съ тобой? Куда исчезъ?

И зачѣмъ твое явленье
Въ поднебесную съ небесь?

*
**

Не *Надежда* ль ты младая,
Приходящая порой
Изъ невѣдомаго края
Подъ волшебной пеленой?
Какъ она, неумолимо
Радость милую на часъ
Показалъ ты, съ нею мимо
Пролетѣлъ и бросилъ насъ!

*
**

Не *Любовь* ли намъ собою
Тайно ты изобразилъ?...
Дни любви, когда *одною*
Миръ для насъ прекрасенъ былъ?
Ахъ, тогда сѣвось покрывало
Неземнымъ казался онъ.....
Снять покровъ: любви не стало!
Жизнь пуста и счастье сонъ!

*
**

Не волшебница ли *Дума*
Здѣсь въ тебѣ являлась намъ?
Удаленная отъ шума,
И мечтательно къ устамъ
Приложивши персть, приходишь

Къ намъ, какъ ты, она порой,
И въ минувшее уводитъ
Насъ безмолвно за собой!

*
*
*

Иль въ тебѣ сама святая
Здѣсь *Поэзія* была?...
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
Два покроя принесла:
Для небесъ лазурно-ясный,
Чистый, бѣлый для земли:
Съ ней все *близкое* прекрасно,
Все знакомо, что *въ дали!*

*
*
*

Иль *Предчувствіе* сходило
Къ намъ во образѣ твоёмъ
И понятно говорило
О небесномъ, о святомъ?
Часто въ жизни то бывало:
Кто-то свѣтлый подлетитъ
И подыметъ покрывало,
И въ *далекое* манитъ.

Жуковский.

МУХА И ПЧЕЛА.

БАСНЯ.

Въ саду, весной, при легкомъ вѣтеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ
Качалась Муха, сидя,
И на цвѣтиѣ Пчелу увидя,
Сиѣсиво говоритъ: „ужь какъ тебѣ не лѣнь
Съ утра до вечера трудиться цѣлый день!
На мѣстѣ бы твоемъ я въ сутки захирѣла;
Вотъ наприимѣрь мое
Такъ право райское житье:
За мною только лишъ и дѣла —
Летать по баламъ, по гостямъ,
И молвить не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ дома.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ!
Гдѣ только свадьба, именины,
Изъ первыхъ я ужь вѣрно тутъ,
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,
И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вины,
И прежде всѣхъ гостей,
Беру, что думаю, изъ лакомыхъ сластей;
Притомъ же, жалуя полъ нѣжной,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь,

И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой иль шейкѣ бѣлоснѣжной.—
Все это знаю я, отвѣтствуетъ Пчела,
Но и о томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирахъ лишь морщатся отъ Мухи,
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняють со стыдомъ.
„Вотъ!“—Муха говоритъ--гоняють!—Что жъ
такое!
Коль выгонять въ окно, такъ я влечу въ
другое“.
И. Крыловъ.

МЛАДЫЙ ПѢВЕЦЪ.

Видали ль вы, какъ на закатѣ дня
Младый пѣвецъ всходилъ на холмъ уныло;
Какъ провожалъ онъ взорами свѣтило,
Когда въ волнахъ румянаго огня
Оно лучемъ прощальнымъ золотило
Вечернихъ облаковъ края?

* *

Слышали ль вы пѣвца печальный стихъ,—
Когда онъ пѣлъ надеждъ своихъ утрату;
Измѣну пѣлъ, любви коварной плату,

За жертву ей всёхъ радостей земныхъ;
Какъ примѣнялъ вечернему закату
Закатъ отъ раннихъ дней своихъ?

*
*
*

Тоска его прозрѣла близкій часъ!
Ужъ нѣтъ пѣвца на холмѣ одинокомъ,
И замерла вчера во снѣ глубокомъ
Пѣснь юноши, какъ лебединый гласъ!
Младый пѣвецъ, сраженный гнѣвнымъ рогомъ,
Съ зарей вечернею погасъ!

Князь Вяземской.

О П Р А В Д А Н І Е .

Я силится счастливой старины
Возобновить счастливыя мечтанья,
Взывалъ къ тебѣ, вzywалъ отъ глубины
Души моей, исполненной страданья.
Вотще, увы! печальныхъ строкъ моихъ
Не хочешь ты отвѣтомъ удостоить;
Не тронулась ты нѣжностію ихъ
И презрѣла мя въ сердце успокоить.
Виню тебѣ я и въ памяти твоей

Не живу! Прощенья у жестокой
Не вымолю! Я былъ невѣренъ ей:
Нѣтъ жалости къ тоскѣ моей глубокой,
Вниманья нѣтъ къ молебамъ любви моей.
Виновенъ я! Я нѣжныя признанья
Твердилъ сто разъ красавицамъ другимъ;
Я къ нимъ спѣшилъ на тайныя свиданья,
Я расточалъ живыя ласки имъ;
Но все дышалъ Доридою одною,
Въ объятяхъ ихъ мечту о ней тая,
Въ объятяхъ ихъ былъ вѣренъ ей душою
И отдавалъ имъ только чувства я.
Въ собраніяхъ, веселью посвященныхъ,
На празднествахъ столичныхъ богачей,
При пламени безчисленныхъ свѣчей,
При гулѣ струнъ смычками оживленныхъ,
Какъ бѣшенный въ безумномъ вальсѣ мча
То Делію, то Дасну, то Лилету,
И всѣмъ троицъ готовый сгоряча
Произвести по страстному обѣту;
Касая душистыхъ ихъ кудрей
Лицомъ моимъ, объемля жадной дланью
Ихъ стройной станъ:— такъ въ памяти моей,
Ужъ не было подруги прежнихъ дней;
Принадлежалъ я новому мечтанью.
Но къ нимъ ли я любовію пылалъ?
Нѣтъ, милый другъ, когда въ уединеннѣ

Себя потомъ я строго повѣрялъ,
Ихъ находя въ моемъ воображеніи,
Тебя одну я въ сердцѣ обрѣталъ.
Довѣрчивыхъ вертушекъ обольщая,
Съ восторгомъ пѣлъ я чувство къ нимъ мое;
Но жаръ любви, но голосъ я ея
Какъ находилъ?—Тебя воображая!
Не внемлешь ты и, мукъ моихъ жадна,
Не правиламъ прелестницъ хладнокровныхъ
Все памятью обидъ спонихъ полна.
Прости жъ навѣкъ; но знай, что двухъ вл-
новныхъ,

Не одного найдутся имена
Въ стихахъ моихъ, въ преданіяхъ любовныхъ!

Е. Б—ій.

СОНЕТЪ.

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую.
Но все отраву пьемъ мы въ ней,
И платимъ мы за радость краткую
Ей безвесолемъ долгихъ дней.
Огонь любви — огонь живительный:
Всѣ говорятъ. Но что мы зримъ?
Опустошаетъ разрушительный
Онъ душу облятую имъ!

*

Кто заглушитъ воспоминаніа
О дняхъ блаженства и страданія,
О чудныхъ дняхъ твоихъ, любовь?
Тогда я ожилъ бы для радости,
Для сновъ золотыхъ цвѣтущей младости —
Тебѣ предаться могъ бы вновь!

Е. Б-ій.

ГРЕЧЕСКІЯ ПРОСТОНАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I.

ГРОБЪ КЛЕФТА.

Садилось солнце, а Димъ свой завѣтъ гово-
рилъ:

„Подите вы, дѣти! На ужинъ пора за водой!
А ты, мой племянникъ, садися, Лампракисъ,
ко мнѣ!

Тебѣ моя сбруя: одѣнься и будь Капитанъ!
А вы, мой храбрые, саблю мою сироту
Возьмите и мнѣ на постель нарубите зеленыхъ
вѣтвей.

Другіе подите, сыщите Священника мнѣ!
Въ грѣхахъ я покаюсь; я много ихъ на душу
бралъ:

Ариатоломъ тридцать, а Клефомъ я двадцать
былъ лѣтъ.

Но смерть наступает: я мирно хочу умереть.
Постройте мнѣ гробъ, но чтобъ былъ онъ ши-
роко и высоко,
'Чтобъ стоя мнѣ прямо, сражаться и въ Ту-
роко стрѣлять.
На правую сторону сдѣлайте въ гробѣ окно,
'Чтобъ ласточки мнѣ прилетали весну возвѣ-
щать,
'Чтобъ красный мнѣ Май воспѣвали пѣвцы
соловьи!"

II.

КАЛЪЯКУДЪ.

Зачѣмъ я не птица? Взлетѣлъ бы, взвился бы
высоко!
Взглянулъ бы на Франковъ, на островъ Неаку
печальный!
Послушалъ бы я, какъ молодая жена Кальякуда
Тоскуеть, горюеть и горькія слезы роняеть!
Какъ утица перья, она свои кудри терзаеть;
Какъ крылья у ворона, платья все черныя
носить;
Сидить подъ окошкомъ и смотреть на синее
море,
И всѣ корабли и морскія суда вопрошаетъ:
„Суда, корабли, золочены ладьи, бригантины!"

Въ печальный ли Вальтось, изъ Вальтоса ль,
 быстрыя, мчитесь?

Подайте мнѣ вѣсть о супругѣ моемъ Калья-
 кудѣ?“

—Вчера Кальякуда мы видѣли близъ Гаври-
 лими:

Сидѣлъ Капитанъ передъ яркимъ огнемъ и съ
 дружиной;

Пеклись для него на рожвахъ молодые бараны,
А рожны ворочали пять полоненныхъ имъ
 Бесвъ.

III.

ОЛИМПЪ.

Заспорили горы Олимпъ и Киссавъ;
Олимпъ обернулся, къ Киссаву шумить:
Со мною не спорь, о Киссавъ ты гора,
Не разъ оскверненный Коньяра ногой!
Я славень въ подлуной, Олимпъ я сѣдой!
Высокъ я, на мнѣ сорокъ двѣ головы;
Я шумень, струю шестьдесятъ два ключа;
Гдѣ ключъ лишъ, тутъ знамя, гдѣ дерево —
 Клетъ.

Слдитъ у меня на вершинѣ орель;
Въ когтяхъ у орла голова храбрца. —
„Что сдѣлала ты, удалая глава!
За что ты у храбраго срублена съ плечь?“

„Събдай мою молодость, птица-орель,
Събдай мою храбрость: твои подростутъ
И крылья на локоть и когти на пядь!
Въ Ксеромерѣ, въ Дуру я былъ Арματοль
И Клеѣтъ на Олимпѣ двѣнадцать годовъ;
Сто Агъ истребилъ я, сто селъ ихъ сожегъ,
А Турокъ, Албанцевъ, положенныхъ мной...
Ихъ множество, птица, и счета имъ нѣтъ.
Но жребій пришелъ мой, легъ въ битвѣ и я!“

Гидичъ.

Замѣч. Съ удовольствіемъ увѣдомляемъ нашихъ читателей, что собраніе лучшихъ простонародныхъ, ново-Греческихъ пѣсенъ, переведенныхъ отличнымъ писателемъ нашимъ, Н. И. Гидичемъ, скоро выдетъ изъ печати, украшенное любопытнымъ предисловіемъ о духѣ поэзіи нынѣшнихъ Грековъ и сходствѣ ея съ простонародною Русскою.

Издан.

GOOD NIGHT.

ДОБРАЯ НОЧЬ.

„Прости, прости, мой край родной,
Ужъ скрылся ты въ волнахъ!
Косатка вьется, вѣтръ ночной
Играетъ въ парусахъ.

Ужь тонуть огненны лучи
Въ бездонной синевѣ,
Мой край родной, прости, прости!
Ночь добрая тебѣ.

„Проснется день, его краса
Утѣшитъ Божій свѣтъ;
Увижу море, небеса,
А родины ужь нѣтъ!
Отцовскій домъ покинулъ я,
Травой онъ заростетъ,
Собака вѣрная моя
Выть станетъ у воротъ.

„Ко мнѣ, ко мнѣ, пажь юный мой!
Но ты дрожишь какъ листъ;
Иль страшнѣ ревъ волны морской?
Иль вѣтра буйный свистъ?
Не плачь! Корабль мой новъ! Плыву
Ужь я не въ первый разъ,
И быстрый соколъ на лету
Не перегонитъ насъ“.

— Не буйный вѣтръ страшитъ меня,
Не шумъ угрюмыхъ волягъ.
Но не дивись, Сирь Чахъдъ, что я
Тоски сердечной полнъ.

Прощаться грустно было мнѣ
Съ родимою, съ отцемъ.
Теперь надежды всё въ тебѣ
И въ комъ-то неземномъ.

— Не скрылъ отецъ тоски своей,
Какъ сталъ благословлять;
Но доля матери моей
День плакать, ночь не спать. —
„Ты правъ, ты правъ, мой пажъ молодой!
Какъ смѣть винить тебя?
Съ твоей невинной простотой,
Ахъ! плакалъ бы и я.

„Но вотъ, и кормщикъ мой сидитъ
Весь полонъ черныхъ думъ.
Иль буйный вѣтръ тебя страшитъ,
Иль моря грозный шумъ?“
— Сирь Чальдъ! не робокъ я душой,
Не умереть боюсь;
Но я съ дѣтьми, но я съ женой
Впервые расстаюсь!

— Проснутся завтра, на зарѣ,
И дѣти и жена,
Малютки спросятъ обо мнѣ,
И всплачется она!—

„Ты правъ, ты правъ! и какъ пѣнять,
Мой добрый удалецъ;
Тебѣ, другъ, можно горевать!
И мужъ ты и отецъ!

„Но я! ахъ трудно вѣрить мнѣ
Слезамъ прелестныхъ глазъ!
Любовью новою онѣ
Осушатся безъ насъ!
Лишь тѣмъ однимъ терзаюсь я,
Не въ силахъ то забыть,
Что нѣтъ на свѣтѣ у меня
О комъ бы потужить!

„И вотъ на темныхъ я волнахъ
Одинъ, одинъ съ тоской,
И кто же, кто по мнѣ въ слезахъ
Теперь въ странѣ родной!
Чтожь рваться мнѣ, жалѣть кого?
Я сердцемъ опустѣлъ
И безъ надеждъ и безъ всего,
Что помнить я хотѣлъ!

„О мой корабль! съ тобой я радъ
Носиться по волнамъ!
Лишь не плыви со мной назадъ
Къ роднымъ берегамъ!

Далеко на скалахъ, въ степи
Пріютъ сыщу себѣ.
А ты, о родина, прости!
Ночь добрая тебѣ!

(изъ Байрона) И. Козловъ.

ПСАЛОМЪ.

(ПОДРАЖАНІЕ).

„Малъ былъ во братѣи моей и юншій въ
дому отца моего“.

Я младшій былъ въ своемъ дому,
И меньше всѣхъ меня считали;
И радость дѣтства и печали
Ввѣрялъ я Богу одному...
Мои всѣ братья величавы
Росли для подвиговъ, для славы;
Былъ ими веселье нашъ отецъ;
А я, въ своей безвѣстной долѣ,
Одинъ, съ моей цѣвницей, въ полѣ
Смиренно пасъ моихъ овецъ...
Дитя, безпечный сынъ природы,
О мнѣ узнаютъ ли народы?...
Иль жребій мой пустынный цвѣтъ!

Но вдругъ блеснулъ въ пустынь свѣтъ,
И мнѣ явился Ангелъ Бога:
„Тебѣ широкая дорога
Черезъ поле жизни и въ вѣкъ!“...
И Бога дивнаго рука
Изъ сонма братій величавыхъ,
Отъ смирныхъ стадь меня взяла
И прямо въ битву, въ бой кровавый,
И мнѣ въ бою—стѣной была!
И я, помазанъ отъ елѣя,
Кинящимъ мужествомъ горѣлъ;
И въ очи страшныя злодѣя
Безстрашно юноша глядѣлъ.
Онъ палъ, какъ столпъ.—Цвѣти отчина!
Изранъ мой, съ твоихъ сыновъ
Снята позора укоризна:
Не знай ни пѣна, ни оковъ!

Федоръ Глинка.

ИЗМѢНА.

Улетаетъ, улетаетъ
Легкокрылая мечта;
Измѣняетъ, измѣняетъ
И весна и красота.

Что спѣшите? Поиграйте,
Оживите сердце вновь!
Улыбнитесь, и отдайте
Первыхъ лѣтъ моихъ любовь!

Все напрасно: ни желанья,
Ни надежды не сбылись!
Не услышали призванья:
Полетѣли, унеслись.

Такъ осеннею порою
Стадо вольныхъ журавлей
Подымается грядою
И летитъ съ нагихъ полей.

Плетневъ.

ДЕМОНЪ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія:
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья,
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:

Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осыня,
Тогда какой-то злобный Гений
Сталь тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи.
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его явительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неустоимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

А. Пушкинъ.

П Ъ С Н Я.

На яву и въ сладкомъ снѣ
Все мечтается въ мнѣ:
Кудри, кудри шелковыя,
Юныхъ персей красота,
Прелесть, очи и уста
И лобзанія живыя.

*
* *

И я въ раннюю зарю
Темнымъ кудрямъ говорю:
Кудри, кудри, что вы вьетесь?
Мнѣ ужъ вами не играть,
Мнѣ ужъ васъ не цѣловать;
Вы другому достаетесь.

*
**

И я утромъ золотымъ
Молвлю персямъ молодымъ:
Пухъ лебяжій, нѣгой страстной
Не дыши по старинѣ: —
Ужъ не быть счастливымъ мнѣ
У груди моей прекрасной.

*
**

Я твержу по вечерамъ
Свѣтлымъ взорамъ и устамъ:
Замолчите, замолчите!
Съ лютой долей я знакомъ,
О веселомъ, о быломъ
Вы съ душой не говорите!

*
**

Ночью сплю ли я, не сплю—
Все устами васъ ловлю,

**

Сердцу сладкія лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждетъ,
Но ужъ милая нейдетъ
Въ часъ условленный свиданья.

Баронъ Дельвигъ.

МОРЕ И ЗЕМЛЯ.

(съ греческаго, 1820.)

Море когда свѣтлосинее легкимъ колеблется
вѣтромъ,
Слабой душой восхищаюсь! Земля не мила
становится!
Волѣ плѣняетъ меня спокойствіе моря. Когда же
Вдругъ глубина сѣдая застонетъ и, сводами
плѣнясь,
Море вскипитъ, и сердито покатится длинныя
волны:
Взоры къ землѣ обращаю, къ лѣсамъ, и отъ
моря бѣгу я,
Мнѣ мила и земля, и отрадна тѣнистая роща!
Дышитъ ли вѣтеръ въ ней яростный, сосна
шумитъ лишь пріятно.
Жизнь ты ведешь, рыболовъ незавидную! Ло-
дочка—домъ твой,

Море — работа, а рыба добыча невѣрная.
Мнѣ же
Сладостный сонъ удѣломъ подя яворомъ ши-
роколистымъ!
Ропотъ источника близкаго весело, мило мнѣ
слушать;
Радуетъ онъ селянина журчаньемъ, не ужась
наводить.

Масальскій.

ВЪ АЛЬБОМѢ Н. Н. Б—ой.

Скажи, альбомъ, въ простыхъ словахъ,
Твоей владѣтельницѣ милой,
Что царствуетъ она въ сердцахъ
И всѣхъ влечетъ волшебной силой;
Что слишкомъ счастливъ былъ бы я,
Хоть мнѣ давно она знакома,
Когда бы вспомнила меня
Она безъ помощи альбома.

А. Крыловъ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ЕВГЕНІЯ ОНЪГИНА, ПОЭМЫ А. ПУШКИНА.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвѣ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда.
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.

.....
Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его всечасно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его пріять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;
Что есть избранные судьбами.

.....
Негодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье

Въ немъ рано распялаи кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ
Подъ небомъ Шиллера и Гёте;
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ.
И Музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

.....
Онъ пѣлъ любовь, любви послушный;
Но пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмитажныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ;
Онъ пѣлъ разлужу и печаль,
И романтическую даль,
И увядающія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слёзы.

Ч Е Р Е П Ъ .

Усопшій братъ, кто сонъ твой возмутилъ?
Кто пренебрегъ святынею могильной?
Въ разрытый домъ къ тебѣ я нисходилъ,
Я въ руки бралъ твой черепъ желтой, пыльной.
Еще носилъ волосъ остатки онъ;
Я зрѣлъ на немъ ходъ постепенный тлѣнья.
Ужасный видъ! Какъ сильно пораженъ
Плмъ мыслящій наследникъ разрушенья!
Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
Ребячески вокругъ ямы хохотала.—
Когда бъ тогда, когда бъ въ рукахъ моихъ
Глава твоя внезапно провѣщала!
Когда бъ она цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
И каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ,
Всѣ истины, извѣстныя гробамъ,
Пронесла своимъ безстрастнымъ гласомъ?
Что говорю? Стократно благъ законъ,
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій!
Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издавна повелѣвшій.
Гробъ вопрошать дерзаетъ человекъ—
О суетный, безумной изыскатель!
„Живи живой, тлѣй мертвой!“ вотъ что рекъ
Всего яснѣй таинственный Создатель.

Его судьбамъ покорно гробъ молчитъ.
Зачѣмъ же насъ несбывшіеся мучить?
Пусть радости живущимъ жизнь дарить,
А смерть сама ихъ умереть научить!

Е. Б.

БОГАЧЪ И ПОЭТЪ.

БАСНЯ.

Съ великимъ Богачемъ Поэтъ затѣялъ судъ
И Зевса умоляя онъ за себя вступиться,
Обоимъ вельно на судъ явиться.
Пришли: одинъ и тощъ и худъ,
Едва одѣтъ, едва обутъ;
Другой весь въ золотѣ и сибью весь раздуть.
Умилосердися, Олимпа самодержецъ!
Тучегонитель! Громовержецъ!
Кричитъ Поэтъ, чѣмъ я виновенъ предъ тобой,
Что съ юности терплю фортуны злой гоненье?
Ни ложки, ни угла, и все мое имѣнье
Въ одномъ воображеньѣ.
Межъ тѣмъ когда соперникъ мой,
Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ твоимъ ку-
миромъ.
Въ палатахъ окруженъ поклонниковъ толпой,

Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ.
— А это развѣ ничего,
Что въ поздній вѣкъ твоей достигнуть лиры
звуки?

Юпитеръ отвѣчалъ,—а про него
Не только правнуки, не будутъ вѣдать внуки.
Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?
Ему жъ въ пожизненность я блага міра далъ.
Но вѣрь, коль при его умѣ была бъ возмож-
ность
Почувствовать свою передъ тобой ничтож-
ность:
То болѣе бъ тебя на жребій свой ропталъ.

И. Крыловъ.

ПРИХОЖАНИНЪ.

БАСНЯ.

Есть люди—будь имъ лишь пріятель,
То первой ты у нихъ и геній и писатель.
За то уже другой,
Какъ хочешь сладко пой,
Не только, чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ дож-
даться,
Въ немъ красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, можетъ быть, я имъ немного досажу,
Но, вмѣсто басни, былъ на это вамъ скажу.

Во храмѣ проповѣдникъ
(Онъ въ краснорѣчїи Платона былъ наслѣд-
никъ)

Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.
Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ устъ его текла;
Въ ней правда чистая, казалось, безъ искус-
ства,

Какъ цѣпью золотой,
Воземля къ небесамъ всѣ помыслы и чувства.
Сей обличала мїръ, исполненный тщетой.

Душъ пастырь кончилъ поученье,
Но всякъ ему еще внималъ—и до небесъ
Восхищенный въ сердечномъ умиленїи,
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.

Когда жъ изъ Божьяго мїряне вышли дому:
„Какой прелестный даръ!“
Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ другому.

„Какая сладость, жаръ!
„Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца
народа!

„А у тебя, сосѣдъ, знать, черствая природа,
„Что на тебѣ слезинки не видать?

Иль ты не понималъ?“—Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать,—
Вѣдь я не этого прихода.

И. Крыловъ.

НОЧЬ.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темнѣють лазурныя своды,
Прохладная стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ звирной,
И Гесперь летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздой своей!

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья филомъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ!
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ
Томимую душу тоской,
Какъ мать дитя, успокой.

Жуновскій.

НА СМЕРТЬ N. N.

Цвѣла и блистала
И радостью взоровъ была;
Младенчески жизнью играла
И смерть, улыбаясь, на битву звала;
И, вызвавъ, безъ боя, въ добычу нещадной,
Съ презрѣніемъ броса покровъ свой земной,
Отъ плачущей дружбы, любви безотрадной,
Въ эфиръ унеслася крылатой душой.

Н. Г—чь.

НЕДОВОЛЬНЫЙ

(съ французскаго).

Какихъ намъ благъ просить отъ Бога?
Фортуны?—Слишкомъ быстронога,
Едва придетъ и пропадетъ!
Чиновъ?—За ними рой заботъ!
Высокихъ титуловъ?—Тщетны звуки!
Богатства?—Не запасъ отъ скуки!
Съ мѣшками будешь самъ мѣшокъ!
Великодушія?—Порокъ!

Воюеть съ нимъ открытой бранью!
Похваль?—Глушцамъ бывають данью!
Достоинствъ?—Зависти змія
Вопьется яростно въ тебя!
Познаній?—Въ кладезѣ глубокомъ
Невѣрнымъ и туманнымъ окомъ
Не сыщешь дна, не видишь зги!
Любви?—Не уживешься съ нею!
Жены?—Попытка въ лотерею!
Друзей?—Опасные враги!
Вина?—но грустно протрезвиться!
Роскошныхъ яствъ?—Въ аптекахъ рыться!
Горячей крови?—Розожжетъ!
Холоднокровья?—Будешь лёдъ!
Ума?—Вожатый ненадежной,
Болтунъ подъ часъ неосторожной!
Союза мудрости?.. Она
Безъ зва подъ старость посѣщаетъ,
Когда намъ болѣ не нужна,
И каждый мудрецомъ бываетъ
Съ убыткомъ счастья иполамъ!
Покоя?—И къ монастырямъ
Ему заложена дорога! -
Какихъ же благъ просить отъ Бога?

Князь Вяземской.

ЭЛЕГИЯ.

На скалы, на холмы глядѣть безъ наглядѣнья,
Подъ каждымъ деревомъ искать успокоенья,
Питать бездѣйствіемъ задумчивость свою,
Подслушивать въ горахъ журчащую струю,
Иль звонкое о брегъ плесканье океана,
Подъ зыбкой пеленой вечерняго тумана,
Взирать на облака, разбросанны кругомъ,
Въ узорахъ и въ цвѣтахъ и въ блескѣ золо-
томъ;—

Вотъ жизнь моя въ странѣ, гдѣ кипарисы сѣни,
Средь лавровъ возростя, приманивають къ
лѣни.

Гдѣ хижины Татаръ вѣнчаютъ виноградъ.
Гдѣ роща каждая есть благовонный садъ.

Алупка, 1824.

Т.

НЪ ЖУРНАЛЬНЫМЪ БЛИЗНЕЦАМЪ.

Цыпъ! цыпъ! сердитыя малютки!
Вамъ злиться право не подѣ стати.
Скажите: стоило ль изъ шутки
Вамъ страшный пискъ такой поднять?

9

Напрасна вашихъ сила утрата!
И такъ со смѣхомъ всѣ глядятъ,
Какъ раздраженные цыплята
Распѣтушились не въ попадъ!

Ии. Вяз.....

ЛЕВЪ СОСТАРѢВШІЙСЯ.

Могучій Левъ, гроза лѣсовъ,
Постигнутъ старостью, лишился силы;
Нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ
тѣхъ зубовъ,
Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ,
И самого едва таскаютъ ноги хилы.

А что всего больнѣй,
Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,
Но всякъ, за старыя обиды Льва, въ отмщенье
Наперерывъ ему наносятъ оскорбленье.
То гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ.

То зубомъ волкъ рванетъ,
То острымъ рогомъ волъ боднетъ.
Левъ бѣдный, въ горѣ толь великомъ,
Сжавъ сердце, терпитъ все и ждетъ кончины
злой,

Лишь изъавляя ропотъ свой
Глухимъ и томнымъ рыкомъ:

Какъ видить, что осель туда жъ, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть,
И смотреть мѣсто лишь, гдѣ бъ было по-
больнѣе.
О боги! возопилъ, стоная, Левъ тогда,
Чтобъ не дожить до этаго стыда,
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе;
Какъ смерть моя ни зла,
Все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла!
И. Крыловъ.

А Л Ь Б О М Ъ .

Какъ поздней осенью послѣдніе цвѣты
Задумчивой душѣ весну напоминаютъ;
Какъ пурпурной зари живыя красоты
Еще блестящій день глазамъ изображаютъ;
Какъ древней надписи нестертыя черты
Утраченную жизнь изъ гроба вызываютъ;
Такъ книги памятной священные листы
Разрозненныхъ друзей вездѣ соединяютъ,
И блага лучшія и лучшія мечты
Въ бывалыхъ призракахъ отрадно воскре-
шаютъ!
Плетневъ.

ТРИ ПОЦѢЛУЯ.

Въ осенній темный вечеръ,
Прижавшись на диванѣ,
Сквозь легкой сонъ я слушалъ,
Какъ вѣтры бушевали.
Вотъ вдругъ ко мнѣ подрались
Три дѣвушки прекрасны.
Какую бы съ нимъ шутку
Сыграть?— онѣ шептали.
Прекрасную сыиграемъ,
Одна изъ нихъ сказала:
Но прежде мы посмотримъ,
Довольно ль спать онъ крѣпко.
Пусть каждая тихонько
Сонливца поцѣлуеъ,
И если не проснется,
Я знаю что съ нимъ дѣлать.
Тутъ каждая тихонько
Меня поцѣловала.
И чтожъ! Какое чудо!
Куда осенній холодъ,
Куда и осень дѣлась?
Мнѣ точно показалось,
Что вновь весна настала,
И сталь опять я молодъ!

И. Крыловъ.

ПРОЗЕРПИНА.

Плещуть волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат;
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ Нимфамъ Пеліона
Изъ Аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина, вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ
(И богинямъ лстятъ измѣна!):
Прозерпинѣ смертный миль.
Ада гордая Царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла — и колесница
Ужъ къ Аиду ихъ несетъ!
Мчатся, облакомъ одѣты;
Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца!
Прозерпина въ уносѣхъ,

Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы;
Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ,
И молчить, и томно стонетъ...
Но бѣгутъ любви часы!
Ищутъ волны Флегетона,
Своды Тартара дрожать;
Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ,
И Кереры дочь уходитъ,
И счастливица за собой
Изъ Элизія выводитъ
Пеструю тропой,
И счастливецъ отпираетъ
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣній ложный рой.

А. Пушкинъ.

РУССКІЯ ПѢСНИ.

I.

Скучно, дѣвушки, весною жить одной,
Не съ кѣмъ сладко побесѣдовать молодой.
Сиротинушка, на всей землѣ одна,
Подгорюнясь ли присядешь у окна—
Подъ окошкомъ все такъ весело глядить,
И миѣ душу то веселіе томить,
То веселье—не веселье, а любовь,
Отъ любви той замираетъ въ сердцѣ кровь.
И я выду во широкія поля—
Въ полѣ нѣгой такъ и вѣсть на тебя;
Свѣжій запахъ каждой травки полевой
Вредетъ дѣвицѣ весенною порою.
Хочешь съ кѣмъ-то этихъ запаховъ дышать
И другимъ устамъ его передавать;
Бѣлой груди чѣмъ-то сладкимъ тяжело,
Голубымъ очамъ при солнцѣ не свѣтло.
Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,
Къ изголовью правой щекою прижмусь
И горячими слезами обольюсь.
Какъ при солнцѣ лѣтомъ дождикъ пошумитъ
Травку вспрыснетъ, но ее не освѣжитъ.
Такъ и слезы не свѣжатъ меня молодой,—
Скучно, дѣвушки, весною жить одной!

II.

Пѣла, пѣла пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.
Что, пѣвунья пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?
Ахъ! убили пташечку
Злая выюги;
Погубили молодца
Злые толки!
Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю;
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!
На морѣ валы шумять,
А не выюги —
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!

Баронъ Дельвигъ.

ПРОСТОСЕРДЕЧНЫЙ ОТВѢТЪ.

Съ подагрою въ груди супругъ сѣдой.
Предчувствуя ужъ запахъ близкій ели.
Въ послѣдній часъ, на рожовой постели,
Прощаясь съ молоденькой женой,
Ей говорилъ сквозь кашель и сквозь слёзы:
Вдовой тебя оставить больно мнѣ!
Но, ахъ! еще мучительнѣй вдвойнѣ
Мнѣ страхъ, что годъ пройдетъ, и снова розы,
Моимъ въ гробу ругаясь крѣпкимъ сномъ,
Блеснутъ тебѣ предъ брачнымъ алтаремъ.....
Другой супругъ..... за гробомъ ревность му-
чить.

Ты молода.... вдовѣть тебѣ соскучить.....
— „Охъ, нѣтъ! жена въ отвѣтъ ему .. клянусь,
„Голубчикъ мой, что твой поклепъ обиденъ!
„Дай овдовѣть: вдовства я не боюсь,
„Мнѣ жребій вдовъ былъ завсегда завиденъ!“

Н. В.

ЧЕРТА МѢСТНОСТИ.

Прочсть ли вамъ любовное посланье?—
„Радъ слушать васъ!“ — Прошу совѣтовъ я.
Домъ, гдѣ сидитъ владычица мол....
„Позвольте мнѣ вамъ сдѣлать замѣчанье:
„И бѣ не сказалъ — сидитъ: да ужъ и домъ.
„Мнѣ кажется, не ладитъ со стихомъ.
„Не лучше ли: живеть иль обитаетъ,
„И домъ смѣнить на храмъ, или чертогъ? .
„Любовь во храмъ и хату претворитъ; .
„Къ тому жъ къ стихамъ идетъ высокій слогъ.“
Такъ, спѣе и мнѣ нарѣчь Музъ знакома.
Но здѣсь въ стихѣ есть мѣстная черта:
Несчастная, младая красота
Сидитъ въ стѣнахъ смирительнаго дома!

К. Вяземской.

ЖЕЛАНИЕ БОГА.

(изъ пс. 41.)

Какъ, съ пылкой жаждою *елень*,
Когда сторасть знойный день,
Склонивъ рога, бѣжитъ, усталый,
Глотать шумящiе кристаллы
Въ брегахъ студенаго ручья....
Такъ истомясь душа моя,
Въ пустыняхъ знойныхъ дольней жизни,
Летить къ святой своей отчизнѣ,
Къ Тебѣ, владѣющiй судьбой,
Къ Тебѣ, мой Боже, Боже правый!
Твоей упится жаждетъ славы
И слить на вѣкъ себя съ Тобой.....
И утомился жизни битвой,
И онѣмѣлыя уста
Не освѣжаются молитвой...
Меня обходитъ клевета,
И поносители лукавы,
Ругаясь злобно для забавы,
Твердятъ всечасно: „Гдѣ жъ твой Богъ?“
Но я, я знаю Твой чертогъ,
И ясно видать сердца очи
Сiю таинственную сѣнь,

Гдѣ Твой, безъ солнца и безъ ночи,
Горить, не погасая, день...
Я вѣдаю Твое селенье:
Туда души моей полеть
Влечетъ святое умиленье...
Какъ тихъ незаходимый свѣтъ
Кругомъ обителей священныхъ!...
Я часто, духомъ восхищенный,
Летаю въ Твой надзвѣздный домъ!
Почто жъ въ душѣ моей тревога?
Мятусь и страхомъ и стыдомъ...
Моя судьба въ рукахъ у Бога,
То что мнѣ можетъ человекъ?
Какъ день осенній, пусть мой вѣкъ
Проходитъ смутенъ и умаленъ:
Тоска — мой хлѣбъ, питье — изъ слезъ:
Я на землѣ хожу печаленъ...
Но тайный глазъ святыхъ Небесъ
И негараемы свѣтилы
Мнѣ говорятъ: „Пришлецъ унылый!
„Твоя обитель — не земля!
„Си лазурныя поля
„Полны высокихъ воздаяній“....
Крѣпись, мой духъ! Въ странѣ страданій
Не вѣченъ твой жестокой плѣнъ!
Пройдетъ пора земной неволи
И, вольный плѣнникъ сей юдоли,
Отбросивъ свой урочный тлѣнъ,

Взлетишь ты быстро изъ тумана.
Изъ тѣсноты земной и мукъ,
Какъ изъ разбитаго тимпана
Послѣдній улетаетъ звукъ....

Федоръ Глинка.

А. Н. С-вой.

Покой души, забавы, ожиданья,
Счастливыя привычки юныхъ лѣтъ,
Всѣ радости, чѣмъ намъ прекраснѣ свѣтъ
При шепотѣ игриваго мечтанья,
Отъ насъ судьба беретъ безъ состраданья, —
И время ихъ свѣваетъ легкой слѣдъ,
Какъ хладный вѣтръ уносить поздній цвѣтъ.
Когда пора настанетъ увяданья.

Одно душа заботливо хранить,
Какъ тайный даръ любви первоначальной:
Отъ раннихъ лѣтъ до старости печальной
Другъ первый съ ней. Его улыбка, видъ.
Движенья, взоръ: все съ нею говорить,
Все къ ней летить, какъ звукъ музыки даль-
ной.

Плетневъ.

*

СОНЪ НЕВѢСТЫ.

БАЛЛАДА.

Вѣтеръ виль, гроза ревѣла,
Мѣсяцъ крылся въ облакахъ.
И рѣка, клубясь, шумѣла
Въ омраченныхъ берегахъ.
И, встревожена тоскою,
Эвелина слёзы льётъ:
„Ахъ, теперь, грозой ночью
„Милый по морю плывётъ!“

*
**

Долго бѣдная молилась
Предъ иконою святой,
Робкой душою носилась
Надъ пучиною морской.
Бѣтъ на башнѣ часъ полночи.
И внезапно тайный сонъ
Ей смежилъ печальны очи,
И замолъгъ тяжелый стонъ.

*
**

Спать она; но духъ унылой
И во снѣ тревожить страхъ:
Все корабль ей снится милой
На бунтующихъ волнахъ;

И казалось, что летаетъ
Тѣнь знакомая надъ ней
И какъ будто бы вѣщаетъ:
„О, невѣста! слѣзь не лей“.

* * *

Голосъ друга незабвенной!
Сердце вѣрное дрожить,
Смотрить тихо:—обрученный
Передъ ней женихъ стоять.
Въ ликѣ блѣдность гробовая,
Мутенъ блескъ его очей,
И бѣжить струя морская
Изъ развившихся кудрей.

* * *

„О, невѣста! въ край родимой
„Я летѣлъ къ тебѣ съ мечтой,
„И безцѣнной и любимой,
„И съ пылающей душой;
„Но варевѣла надо мною
„Смертоносная волна;
„Съ нашей радостью земною
„Ты на вѣкъ разлучена.

* * *

„Другъ, страданье пронесется,
„Грозный мракъ не навсегда,
„И надъ бездною зажжется
„Лучезарная звѣзда.
„О! не сѣгуй, что прекрасной
„Жизни цвѣтъ увялъ въ слезахъ:
„Мы любили не напрасно,
„Будемъ виѣсть въ небесахъ!

*
*
*

„Но прости! Уже алѣеть
„Вамъ румяная заря,
„Вѣтерокъ ужъ ранній вѣеть,
„Вѣеть онъ не для меня!“
И со вздохомъ улетаетъ
Тѣнь молодая отъ очей,
И съ высотъ ей повторяетъ:
„О! невѣста, слѣзь не лей“.

Иванъ Козловъ.

2.

Любовь сыновняя.

(Неизвестный).

Бремя священное смну, отца, изъ пылающей
Трои
Вынесъ Эней, отъ него кобля враговъ от-
води.
Къ сонмамъ Ахейскимъ зывалъ: „Не разите!
Жизнь старца Арею
„Малая жертва, но мнѣ даръ многоцѣнный
она!“

3.

Орель на гробѣ Аристомена.

(Антипатръ Сидонскій).

ПРОХОЖИЙ.

Вѣстникъ Кронида, почто ты, мощныя крылья
простерши,
Здѣсь на гробѣ вождя Аристомена стоишь?

ОРЕЛЬ.

Смертнымъ вѣщаю: какъ я изъ цѣлаго сонма
пернатыхъ
Силою первый, такъ онъ первымъ изъ юно-
шей былъ.

Робкія робкаго праху пускай присѣдять го-
лубицы:
Мы же безстрашныхъ мужей любимъ могилу
хранить.

4.

Аяксъ во гробѣ.

(неизвѣстный.)

Лишь на могилу Аякса Фригіецъ сталъ дерзано-
венно,
Праху ругаясь, Ирой въ гробѣ обиды не
снесъ,
Страшно воззвалъ изъ обители мертвыхъ, и
гласомъ смятенный,
Падшаго гласомъ, живой съ трепетомъ
вспять убѣжалъ.

5.

Утопшій къ пловцу.

(еодоридъ).

Въ бурныхъ волнахъ я погибъ, но ты плыви
безъ боязни!
Море, меня поглотивъ, въ пристань другихъ
принесло.

Гробъ Исіода.

(алкей мессенскій).

Тѣло пѣвца Исіода, сраженнаго въ рощахъ
Локридскихъ,
Предали Нимфы землѣ, въ чистыхъ омывши
струяхъ;
Сами воздвигнули гробъ. И пастыря козь, ему
въ жертву,
Сладкое лили млеко, смѣшано съ медомъ
златымъ.
Сладко злился пѣсни изъ устъ почившаго
старца:
Вашимъ Кастальскимъ ключемъ, Музы, онъ
былъ воспоевъ!

Возмездіе.

(аполлонидъ).

Критскимъ стрѣлкомъ уязвленный орелъ не
остался безъ мести:
Жизни лишаясь, ему жадомъ за жало воз-
далъ.
Съ горняго неба ниспалъ онъ стремглавъ и,
постижни убійцу,

Сердце той сталью пронзилъ, коей былъ
самъ пораженъ.
Будете ль, Критяне, вы бросаніемъ стрѣлъ
неизбѣжныхъ
Нынѣ гордиться? Хвала Діевой мѣткой рукѣ!

8.

Молитва.

(неизвѣстный.)

Даруй добро мнѣ, Кронидъ, хотя бы ещо не
просилъ я;
Зло отврати отъ меня, еслибъ о немъ и мо-
лилъ!

9.

Суета жизни.

(палладъ.)

Нагъ я на землю пришелъ, и нагъ я сокроюся
въ землю:
Бѣдная участь сія стоитъ ли многихъ тру-
довъ?

10.

Къ смерти.

(АГАЕИЙ.)

Смерти ль страшиться, о други! Она спокой-
ствия матеръ;
Въ горѣ отрада; бѣдамъ, тяжкимъ болѣзнямъ
конецъ.
Разъ къ человѣкамъ приходитъ, не болѣ—и
день разрушенья
Намъ обреченъ лишь одинъ: дважды не гиб-
нулъ никто.
Скорби-жъ съ недугами жизнь на землѣ от-
равляютъ всечасно:
Туча минуетъ— за ней новая буря грозитъ!

11.

Изваяніе Александра.

(АРЖЕЛАЙ.)

Царственный ликъ Александра, рѣшителя бра-
ней кровавыхъ,
Лисипомъ здѣсь изваянъ: дышетъ въ ме-
таллѣ Ирой!
Въ небо онъ взоры вперилъ и Дію, мнится.
вѣщаетъ:
„Землю всю мнѣ, о Кронидъ! ты же Олим-
помъ владѣй!“

12.

Къ истукану Нювы.

(неизвестный.)

Боги живую меня превратили въ безчувствен-
ный камень:
Камню и чувство, и жизнь далъ Праксителя
рѣзецъ.

13.

Спящій Еротъ.

(платонъ философъ).

Въ рощу вступивъ сѣнолиственну, мы усмо-
трѣли внезапно
Сына Киприды: лице пурпуровыхъ яблокъ
свѣжѣ!
Не былъ онъ къ брани готовъ; и лукъ, и кол-
чанъ стрѣлоносный,
Снятые съ плечъ, вблизи на кудрявыхъ де-
ревьяхъ висѣли.
Богъ любви почивалъ на ложѣ изъ розъ бла-
говонныхъ,
Сладко сквозь сна улыбаясь; златыя пчелки
жужжали,
Съ нектарныхъ спящаго устъ прилежно медъ
собирая.

14.

Пѣвица.

(МЕЛЕАГРЪ.)

Паномъ Арнадскимъ клянусь, ты сладко
поешь, Зиновила!
Сладко поешь и смычкомъ движешь по звуч-
нымъ струнамъ.
Гдѣ я? куда убѣгу? меня окружили Ероты.
Сонмъ легкокрылый, тѣснясь, мнѣ не дастъ
и дышать!
Въ сердце вливаютъ любовь, то Паѳи пре-
лесть, то Музы
Нѣжный голосъ... увы! страстью сугубой
горю.

15.

Неназванные.

(НЕИЗВѢСТНЫЙ.)

„Знай: я люблю, и любимъ, и дарами любви
наслаждаюсь“—
Кто жъ ты, счастливецъ, и съ кѣмъ?— „Па-
ѳія знаетъ одна!“
*

ЗВѢЗДОЧКА.

Взгляни на звѣзды: много звѣздъ
Въ безмолвіи nocturno
Горитъ, блеститъ кругомъ Луны,
На небѣ голубомъ.
Взгляни на звѣзды: между нихъ
Милѣе всѣхъ одна!
За что же? ранѣе встаетъ,
Ярчѣе горитъ она?
Нѣтъ, утѣшаетъ свѣтъ ея
Разставшихся друзей;
Ихъ взоры, въ синей вышинѣ,
Встрѣчаются на ней.
Въ звѣздѣ любезной чувство есть:
И съ думою глядитъ.
И взору шлетъ отвѣтный взоръ,
И нѣжностью горитъ.
И съ милой звѣздочки своей
Не сводимъ мы очей,
И провожаемъ мы ее
На небо и съ небесъ.
Себѣ звѣзду избралъ ли ты
Въ безмолвіи nocturno?
Ихъ много блещетъ и горитъ
На небѣ голубомъ.

Не первой вставшей сердце ввѣрь,
И, суетный въ любви,
Не лучезарнѣйшую всѣхъ
Своею назови:
Ту назови своей звѣздой,
Что съ думою глядитъ
И взору шлетъ отвѣтный взоръ
И нѣжностью горитъ!

Е. Б—ій.

24 Сентября 1824.

К І Е В Ъ.

О Кіевъ градъ, гдѣ, съ вѣрою святою,
Зажглася жизнь въ краю у насъ родномъ,
Гдѣ свѣтлый крестъ съ Печерскою главою
Горитъ звѣздой на небѣ голубомъ,
Гдѣ стелятся зеленой пеленою
Поля твои въ равдоли золотомъ,
И Днѣпръ рѣка—подъ древними стѣнами,—
Кипитъ, шумитъ, пѣнистыми волнами.

Какъ часто я душой къ тебѣ летаю,
О свѣтлый градъ, по сердцу мнѣ родной;
Какъ часто я въ мечтахъ мой взоръ плѣняю
Священною твоею красотою!

У Лаврскихъ стѣнъ земное забываю
И надъ Днѣпромъ брожу во тьмѣ ночной:
Въ очахъ моихъ все Русское прямое—
Прекрасное, великое, святое.

Ужъ мѣсяцъ всталъ; Печерская сіяетъ,
Главы ея въ волнахъ рѣки горятъ,
Она душѣ вѣка напоминаетъ.
Небесные тамъ въ подземельѣ спятъ;
Надъ нею тѣнь Владиміра летаетъ;
Зубцы ея о славѣ говорятъ.
Смотрю ли въ даль—вездѣ мечта со мною,
И милою все дышетъ стариною.

Тамъ Витязи сражались удалые,
Могучіе, за родину въ поляхъ;
Красою здѣсь цвѣли Княжны младыя,
Стыдливыя въ высокихъ теремахъ,
И пѣлъ Боянъ имъ битвы роковыя,
И тайный жаръ таился въ ихъ сердцахъ.
Но полночь бьетъ, звукъ мѣди умираетъ.
Къ минувшимъ днямъ еще день улетаетъ.

Гдѣ жъ смѣлые, которые сражались.
Чей острый мечъ, какъ молнія, сверкалъ?
Гдѣ та краса, которой все плѣнялись,
Чей милый взглядъ свободу отнималъ?

Гдѣ тотъ пѣвецъ, чѣмъ пѣньемъ восхищались?
Ахъ! вѣщій бой на все мнѣ отвѣчалъ!
И ты одинъ, подъ башнями святыми,
Шумишь, о Днѣпръ, волнами вѣковыми!

Къ.....

Я не былъ счастьемъ избалованъ;
Нѣтъ, нѣтъ, красавица моя,
Ужъ я давно разочарованъ,
Узналъ всю бѣдность бытія.
И сердцемъ я привыкъ не вѣрить
Всѣмъ лучшимъ благамъ жизни сей!--
Къ чему жъ напрасно лицемѣрить
И взоромъ пламенныхъ очей,
И сладкимъ шепотомъ рѣчей,
И ласкою руки притворной?
Я не любви твоей хочу,
Я къ нѣжности твоей упорной
Души ничѣмъ не приучу.

Ө. Тума нскій.

КЪ КНЯЖНѢ***,

ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕЙ МОИХЪ ПѢСЕНЬ.

За пару строчекъ мѣрныхъ словъ,
Тяжелой почтою стиховъ.

Отправленныхъ на упокой въ Журналы,
Поэты ремесломъ, ажецы и самохвалы,
Твердятъ вездѣ, что имъ знакомъ языкъ боговъ.
Такую честь себѣ присвоить не поэмю;
Но, строго заповѣдь смиренія храня,
Отъ тайной гордости сберечься не умѣю.
Когда вы просите ризъ скудныхъ отъ меня!
Искусства звучнаго могуществомъ прекрас-
нымъ

И голосомъ своимъ, всегда душѣ подвластнымъ,
Всегда владѣющимъ душой,

Преобразите вы ничтожный лепетъ мой
Въ языкъ возвышенный, въ языкъ любви пре-
лестной.

Давая чувства жаръ въ перерожденный
стихъ,
Похитите съ земли, изъ-за границы тѣсной,
Въ мѣръ лучшей, въ стройный мѣръ гармоніи
небесной.

И пѣсни слабыя и слушателей ихъ!

Такъ! Если вашимъ я внимаемъ удостоенъ
И призрѣли мой даръ подъ вѣрный свой по-
кровъ;
То радъ и я признать божественность стиховъ.
И можетъ ли языкъ, что вами былъ присвоенъ.
Не быть языкъ боговъ?

Князь Вяземской.

ИРЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

(изъ мур.)

Лучъ ясный играетъ на свѣтлыхъ водахъ,
Но тьма подъ сѣннемъ и холодъ въ волнахъ;
Младья ланиты румянцемъ горять,
Но черныя думы духъ юный мрачатъ.

Есть думы о прежемъ, ихъ ядъ роковой
Всю жизнь отравляетъ жертвицей тоской;
Ничто не утѣшитъ, ничто не страшитъ,
Не радуеть радость, печаль не крушитъ.

На срубленной вѣткѣ такъ вянетъ листокъ.
Напрасно въ дубравѣ шумитъ вѣтерокъ,
И красное солнце льетъ радостный свѣтъ.
Листокъ зеленѣеть, а жизни съ немъ нѣтъ!

Иванъ Козловъ.

МОЯ ЛЮБОВЬ.

(1824).

За днями дни бѣгутъ толпой,
Слѣдовъ ихъ сердце не находитъ:
Но, другъ безцѣнный, образъ твой
Понинѣ властвуетъ душой
И съ памяти моея не сходитъ.

* *

Я посѣщаль прекрасный край: *)
Тамъ ухо ропотъ моря слышитъ,
Беззнойно, долго свѣтитъ Май.
И человѣку тихій рай
Въ тѣни оливъ и лавровъ дышетъ.

* *

Тамъ, нѣжась въ лѣни и въ мечтахъ,
Въ часъ лунныхъ, сладостныхъ тумановъ,
Какъ будто видишь на горахъ,
Вокругъ мечетей, на гробахъ,
Блуждающія тѣни Хановъ.

* *

*) Тавриду.

Тамъ жены, тайно, сквозь покровъ,
Назвавъ себя, лукавымъ взглядомъ
Манять счастливыхъ пришлецовъ
На мягкій одръ, на пухъ ковровъ,
Въ Гаремъ, увитый виноградомъ.

*
* *

Но въ той странѣ, на брегѣ томъ,
Къ инымъ занятіямъ остыдый,
Безъ цѣли странствуя кругомъ,
Мечталъ, грустилъ я объ одномъ—
Все о тебѣ, мой Ангелъ милый!

*
* *

Какъ ночью пѣсня соловья,
Какъ плѣннику родные звуки
На брегѣ чуждаго ручья—
Отраднѣ мнѣ любовь моя,
Сліянье нѣги, счастья, муки.

*
* *

Люблю, любовь нужна мнѣ!
Я услажденъ, утѣшенъ ею!
Наскучу ль жизнью въ тишинѣ,
Мнѣ милый ликъ блеснетъ во снѣ
И вновь я къ жизни пламенѣю.

Т.—

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

Отколѣ умная бредешь ты голова?
Лисица, встрѣтяся съ Осломъ, его спросила.

—Сейчасъ лишь ото Льва.

Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила?
Бывало, зарычить: такъ стонеть лѣсъ кругомъ;

И я безъ памяти бѣгомъ,

Куда глаза глядятъ отъ этаго урода;

А нынче въ старости и дряхлѣ, и хилѣ,

Совсѣмъ безъ силъ,

Валяется въ пещерѣ, какъ колода.

Повѣришь ли: въ звѣряхъ

Пропадъ къ нему весь прежній страхъ,

И заплатился онъ старинными долгами:

Кто мимо Льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему

По-своему,

Кто зубомъ, кто рогами.—

Но ты коснуться Льву конечно не дерзнулъ?

Лиса Осла перерываетъ.

— Вотъ ни! Осель ей отвѣчаетъ:

А мнѣ чего робѣть, и я его лягнулъ:

Пускай ослиныя копыта знаетъ!—

Такъ души низгія, будь знатенъ, силенъ ты.

Не смѣють на тебя поднять онѣ и взгляды:

Но упали лишь съ высоты,

Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

И. Крыловъ.

КЪ НЕВѢРНОЙ.

Не отравляй моей тоски
Улыбкой нѣжности притворной:
И сердца снова не влечи
Къ мученіямъ любви упорной!
Невинный жаръ твоихъ ланить,
Очей веселое сіянье,—
Все помню я! Но не слетать
Ко мнѣ любви очарованье.
Нѣтъ, не слетитъ оно назадъ
Къ моей душѣ полузабытой:
Такъ оставляетъ ароматъ
Сосудъ небрежно разбитой..

В. Григорьевъ.

ВЕСЕННИЙ ГИМНЪ ВСЕДЕРЖИТЕЛЮ.

(ВО ВРЕМЯ ПЕРВАГО ГРОМА).

Дерзнетъ ли слабый гласъ ничтожныхъ цѣвницы
Сливаться съ звучною гармоніей громовъ
И восхвалять Того, Кто маніемъ десницы
Вращаетъ свѣтлый сонмъ разсыпанныхъ мі-
ровъ!

*
**

Къ Тебѣ летитъ, Господь, звукъ тихій пѣсно-
пѣнья
Изъ глубины души безвѣтнаго пѣвца!
Не грозенъ для меня тлетворный мракъ заб-
венья:
Егову я пою, подсолнечной Творца!

*
**

Непостижимый Богъ! Кипящій сонмъ твореній,
Величіе свѣтилъ есть слабый отблескъ Твой.
Не Ты ли нисходишь днесь съ заоблачныхъ се-
леній,
Одѣтый ужасомъ и грозной красотой?

*
**

Всесильный! Ты ступилъ въ пылающей пор-
фирѣ
На небо мрачное—и въ слѣдъ Тебѣ гроза.
Ты рекъ—Твой гнѣвный гласъ отгрянулъ въ
дольнемъ мірѣ;
Какъ зыбкій сводъ шатра содроглись небеса.

*
**

Ты длань свою простеръ —и тучи разступни-
лись,
Промчалась молнія огнистою струей;
Твой громъ зарокоталъ, поляны озарились...
И пламень обвился вокругъ сосны вѣковой.

*
**

ЦАРЬ ОУЛЕСКІЙ.

(изъ гетѣ).

Былъ въ Оулѣ царь; ему другъ милый
Вручила при смерти бокаль,
И, неизмѣнный, до могилы
Онъ даръ завѣтный сохранялъ;

*
* *

И всякій разъ, когда краями
Его къ устамъ онъ подносилъ,
Глаза туманились слезами,
И тяжкій вадохъ вино струилъ.

*
* *

Предчувствуя свою кончину,
Всѣ грады царства своего
Онъ перечелъ и отдалъ сыну,—
Не отдалъ кубка одного.

*
* *

Въ наслѣдномъ замкѣ, что стѣнами
Морскія волны отбивалъ,
Онъ, окружонъ богатырями,
За царскимъ пиромъ возсѣдалъ.

*
* *

Съ послѣдней каплей пилъ царь вѣрный
Свою послѣднюю слезу,
И бросилъ кубокъ драгоцѣнный
Въ валы, кипящiе внизу.

*
**

Онъ зрѣлъ, какъ черпалъ онъ краями,
Какъ внизъ волной былъ увлеченъ.
И, проводя его очами,
Уже ни капли не пилъ онъ.

ПЕРЧАТКА.

(изъ ШИЛЛЕРА).

Предъ вратами звѣрица
Король Францискъ возсѣдалъ
И битвы звѣрей ожидалъ.
Вельможи толпою вокругъ Принца
И дамы, въ убранствѣ драгомъ,
Съ высокихъ балконовъ смотрѣли кругомъ.

И только рукою
Знакъ подавъ Король,
Врата растворились,—оттолъ

Тяжелой стопою
Выходить левъ.
Онъ взоромъ въ молчаньѣ
Окинулъ собранье,
Разинулъ свой зѣвъ;
Главою кудрявой
Потрясъ величаю
И легъ.— И снова знакъ сдѣлалъ Король.
Другой придѣлъ отворился,
И быстро оттолъ
Свирѣпый тигръ устремился,
И, льва узрѣвъ,
Онъ поднялъ ревъ,
И выгнулъ крутою
Хвостъ гибкій дугою,
И, выставя свой
Кровавою пѣной
Языкъ обагреной,
Вкругъ льва обошелъ боязливой стопой,
Съ суровымъ роптаньемъ;
Потомъ, съ протяжнымъ ворчаньемъ,
Со львомъ бокъ о бокъ
На землю возлѣтъ.—
И въ третій разъ подалъ Король мановенье,
И два леопарда изъ третьихъ дверей,
Кипящія жаждой сраженья,
Устремилсь на тигра. Завидя звѣрей,

Онъ острыя когти на нихъ выпускаетъ.
Но съ ревомъ съ земли
Подъежится левъ—и все утихаетъ:
Леопарды спокойно кругомъ полегли.

Въ то время съ балкона упала
И прямо межъ тигра и льва улеглась
Перчатка съ прекрасной руки. Смиясь,
Кунигунда Делоржу сказала:
О рыцарь, коль точно ты страстью горишь,
Какъ мнѣ ежечасно твердишь,
Достань мнѣ перчатку, и буду я вѣрить,
Что ты предо мною не могъ лицебѣрить.

Поспѣшно нисходитъ любовникъ молодой,
И вотъ—за ужасной уже загородкой,
И твердою площадьъ прошедши походкой,
Недрогнувшей поднялъ перчатку рукой.

И дамъ и вельможъ изумленныхъ собранье
Въ боязливомъ глядитъ на него ожиданьи;
Но онъ невредимый изъ круга звѣрей
Выходитъ съ добычей своей,
И въ каждый устахъ похвалу себѣ слышитъ:
И радостнымъ взоромъ (онъ въжностью ды-
шитъ
И близкое счастье пророчитъ ему)

Кунигунда героя встрѣчаетъ.
Но рыцарь въ лицо ей перчатку бросаетъ:
„Благодарности, Дама, твоей не приму!“
И въ тоже мгновенье ее покидаетъ.

Михаилъ Загорскій.

Къ Ии. М. А. Г., урожденной К. С.

Ты видала, какъ играетъ
Солнце раннею порой,
И лилея разцвѣтаетъ
Окропленная росой;

* * *

Ты слыхала, какъ весною
Соловей въ ночи поетъ,
Какъ съ безцѣнною тоскою
Онъ раздумье въ душу льетъ;

* * *

Подъ черемухой душистой.
Часто взоръ плѣнялся твой
Блескомъ радуги огнистой
Надъ прозрачною рѣкой.

* * *

Такъ твое воспоминаше,
Твой плѣнительный привѣтъ —
Для сердець очарованье
И прекраснаго завѣтъ.

*
* *

Но съ увядшею душою,
Между радостныхъ друзей,
Какъ предстану предъ тобою
Съ лирой томною моею?

*
* *

Хоть порой съ мечтами младость
И блеститъ въ моихъ очахъ;
И поется мною радость
На задумчивыхъ струнахъ:

*
* *

Но такъ цвѣтъ въ поляхъ мелькаеть
Вмѣстѣ съ кошениной травой,
Такъ свѣтъ лунный озаряеть
Хладный камень гробовой!

*
* *

Лишь желать, молить и смѣю:
Да надеждъ прелестныхъ рой,
Вьется вѣчно надъ твою
Свѣтло-русою головою.

*
* *

Въ отвѣтъ, гостя молодая,
Жизнью весело играй,
Бурямъ издали внимая,
Обо мнѣ воспоминай!

Иванъ Козловъ.

СЕРБСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Братья Якичи.

Мѣсяць журилъ звѣзду денницу:
Гдѣ ты была, звѣзда денница?
Гдѣ ты была, гдѣ губила время
Три бѣлыхъ дня? — Въ отвѣтъ денница:
Пробыла я, провела я время
Надъ бѣлокаменнымъ Бѣградомъ.
Следи на великое чудо,
Какъ дѣлили отчину братья,
Якичи братья, Дмитрій съ Богдиномъ.
Отчину дружно они подѣлили,
Все города и земля безъ спору;
Шополамъ раздѣлили Бѣлградъ.
Споръ у нихъ вышелъ только за малость:
Конь вороной и соколъ чьи будутъ?
Себѣ, какъ старшему, требуетъ Дмитрій

Сокола и коня воронаго,
Не дасть ему, не уступаетъ
Богданъ ни того, ни другаго.
На-утро, чуть свѣтъ,--взялъ Дмитрій
Сокола и коня воронаго,
Бѣдетъ въ горы на ловъ. Выѣзжая жъ,
Призвалъ любу *) свою, Ангелию:
Моя вѣрная жена, Ангелия!
Отрави мнѣ брата, Богдана;
Если ты его не отравишь,
Не жди меня къ бѣлу двору обратно.
То услышавъ, люба Ангелия,
Садилась невсела, кручинна;
Размышляеть такъ сама съ собою:
Чего хочеть та зловѣщая кукушка?
Чтобъ я деверя моего отравила!
Передъ Богомъ мнѣ будетъ грѣхъ великій,
Предъ людьми укоръ и безчестье;
Укорить въ глаза старый и малый:
Это та несчастная,—скажутъ,
Что деверя своего отравила!
А ежели его не отравлю я,
Не смѣю во дворъ ждать мужа!

*) Люба, по-Сербски: жена, супруга. Мы позволили себѣ употребить и въ Русскомъ переводѣ сіе поэтическое слово.

Все обдумавъ, придумала одну мысль:
Идетъ она въ глубокіе подвалы,
Беретъ молитвенную чашу *),
Сковану изъ чистаго золота,
Которая отъ отца ей досталась.
Виномъ ее червленымъ наливаетъ
И приноситъ къ деверю съ поклономъ,
Полу платья и руку цѣлуетъ:
Прими отъ меня, милый деверь,
Тебѣ кланяюсь виномъ и чашей;
Подари коня и сокола мнѣ!
Жалко стало ея Богдану,
Подарилъ коня и сокола ей.

Дмитрій ѣдилъ цѣлый день за охотой,
Ничего не поймалъ, не наѣдилъ.
Уже подъ вечеръ привелъ его случай
Въ горахъ ко озеру зелену.

*) У Сербовъ, когда сваты придутъ въ домъ невестинъ, отецъ ея выноситъ къ нимъ новую чашу, изъ которой они пьютъ за здоровье. Потомъ, при обрядѣ вѣнчанія, изъ той же чаши пьютъ виномъ жениха и невесту. Эта чаша, называемая *молитвенною*, отдается новобрачной, которая хранитъ ее у себя, для памяти, по смерти.

На озерѣ утица златокрыла.
Пустилъ сѣраго сокола Дмитрій,
Чтобъ утицу поймалъ златокрылу,
Но она не только не далася,
Сама сѣраго сокола схватила
И правое крыло ему сломила.
Какъ увидѣлъ то Якшичь Дмитрій,
Сбросилъ съ плечь онъ цвѣтное платье,
Вплавъ по озеру тихому пустился,
И на сушу сокола вынесъ.
Потомъ сѣраго сокола спросилъ онъ:
Каково тебѣ безъ крыла, сѣрый соколъ?
Ему соколъ пискомъ отвѣчаетъ:
Безъ крыла моего таково мнѣ,
Какъ брату одному безъ другаго.
Тогда Дмитрій съ раскаяньемъ вспомнилъ,
Что онъ отравить велѣлъ брата.
Сѣлъ скорѣе на коня воронаго
И погналъ, что есть мочи, къ Бѣлграду,
Не застанетъ ли въ живыхъ еще брата.
Къ Чекмекъ-мосту пригнавъ, понуждаетъ
Коня мостъ переѣхать скорѣе;
Сквозь мостъ коню ноги попали,
Конь выломилъ переднія ноги.
Себѣ види невзгоду такую,
Снялъ Дмитрій сѣдло съ воронаго,
На булаву на пернату сѣдло вдѣлъ,

Скорымъ шагомъ пошелъ ко Вѣлграду.
Пришедъ, прямо къ женѣ обратился:
Ангелія, моя вѣрная любя!
Ты брата мнѣ не отравила?
Ангелія ему отвѣчаетъ:
Я брата тебѣ не отравила,
А еще тебя съ братомъ помирила!

II.

Смерть Любовниковъ.

Дѣвушка съ юношей крѣпко любилась,
Одной водой они умывались,
Однимъ полотенцемъ утиралась.
И никто не зналъ о томъ все лѣто.
На другое лѣто всё узнали;
Отецъ, мать имъ знаться запретили,
Дѣвушку съ юношей разлучили.
Добрый молодецъ звѣздѣ поручаетъ
Сказать отъ него душѣ-дѣвицѣ:
Умри, драгая, поздно въ субботу,
А я за тобою рано въ воскресенье.
Что сказали, оба исполняютъ:
Умерла дѣвица поздно въ субботу,

Умеръ добрый молодецъ рано въ воскресенье;
Другъ подлѣ друга ихъ схоронили,
Руки въ землѣ имъ соединили,
Въ руки имъ дали по яблоку зеленому.
Протекло затѣмъ малое время,
Выросла надъ молодцомъ зеленая сосна,
Выросъ надъ дѣвушкой кустъ алой розы.
Вьется кустъ розовой около сосны,
Какъ вокругъ пучка цвѣтовъ ниточка шелку.

III.

Свадебный поѣздъ.

Сестра звала на солнышко брата:
Выйдемъ, братецъ, на солнышко ярко;
Солнца яркаго теплому насладимся
И дивной красоты наглядимся,
Какъ ѣдутъ разубраны сваты!
Счастливъ домъ, къ которому пристануть!
Въ чьемъ-то домѣ ихъ ожидаютъ?
Чья-то мать ихъ будетъ дарити?
Чей-то братъ имъ вина подносити?
Чей сестрѣ-то межъ ими быти?
Братъ сестрѣ отвѣчалъ съ улыбкой:
Будь же, сестрица, веселенька!

Въ нашемъ домѣ ихъ ожидаютъ,
Наша мать ихъ будетъ дарити,
Я имъ буду вина подносить,
Тебѣ невѣстой межъ ими быти.

А. Востоковъ.

П Р И М Ъ Ч А Н И Е.

(Выше помѣщенные пѣсни взяты изъ собранія народныхъ Сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича, кн. III. № 3, кн. I. № 187 и 313. - Въ Сербскомъ подлинникѣ размѣръ хорейскій пятистопный съ пресѣченіемъ на второй стопѣ: — ∪ — ∪ | — ∪ — ∪ | — ∪. Чтобъ сохранить силу подлинника, переводчикъ не счелъ за нужное рабски подражать сему размѣру, неупотребительному у насъ, и для Русскаго слуха, можетъ быть, нѣсколько утомительному. Онъ предпочелъ Русскій размѣръ о трехъ удареніяхъ съ хорейскимъ окончаніемъ).

ВИДѢНІЕ ВЪ ЛУНѢ.

Заря, алѣя, угасала
Вдали, мелькая сквозь лѣса;
И тихая вечерняя роса,
Какъ благодать, сошла и засіяла!
И день протекъ съ кипящей суетой...
Все ароматами и нѣгою дышало;
Но мнѣ чего-то все не доставало,
И я страдалъ — сердечной пустотой!
Вдругъ вся душа моя мятется и пылаеть.....
Ее зовутъ съ зеирной вышины!
И вотъ прекрасный кругъ безоблачной луны!
Она изъ-за лѣсовъ, какъ лебедь, выплываетъ,
И въ ней горятъ черты знакомой мнѣ красы:
Эльмира! это ты въ своемъ жилищѣ новомъ!
Твои волнистыя власы
Смѣшались съ голубымъ твоимъ покровомъ.
Задумчивая! Что мнѣ скажешь ты безъ словъ?
Что скажутъ мнѣ твои уныло-хладны очи?...
Но ты скрываешься, какъ легкій призракъ
ночи,
Въ серебряномъ дымѣ летящихъ облаковъ!..

Федоръ Глинна.

КЪ И. И. КОЗЛОВУ.

Невольники своихъ страстей,
Отдавшись прихотямъ желаній,
Не видимъ мы спокойныхъ дней
Средь наслажденій и страданій.

Когда попутный вѣтеръ намъ
На морѣ жизни въ парусъ дуетъ,
Мы быстро мчимся по водамъ:
Насъ нетерпѣніе волнуетъ.

Застигла ль буря на пути:
Нашъ ропотъ къ небесамъ восходить.
Безсильны мы бѣды нести,
Вездѣ духъ немощи насъ водить.

Вся жизнь смущеніе надеждъ:
Мы то страшимся, то желаемъ,
И ни на мигъ усталыхъ вѣждъ
Во снѣ безпечною не смыкаемъ.

Но гдѣ жъ душа, покоя стражъ,
Залогъ любви обѣтованной
И проводникъ незримый нашъ
Въ пути до пристани желанной?

Увы, ея не внятень гласть!
Мы внемлемъ голосу измѣны,
И обаяли чувства насъ,
Какъ баснословныя Сирены.

Плетневъ.

РОМАНСЪ.

Друзья, друзья! Я Несторъ между вами,
По опыту веселый человекъ.
Я нью давно: пилъ съ вашими отцами
Въ златыя дни, въ ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ.

*
**

И въ насъ душа кипѣла въ ваши лѣты,
Какъ вы, за честь мы проливали кровь,
Вино, войну намъ славили Поэты,
Намъ сладко пѣлъ Мелетскій про любовь!

*
**

Не конченъ пиръ—а гости разошлись;
Допировать одинъ остался я:
И чтожъ? ко мнѣ вы, други, собрались,
Весельчаковъ бывалыхъ сыновья!

*
**

Гляжу на васъ: ихъ лица съ ихъ улыбкой,
И тотъ же споръ про жизнь и про вино,
И внитея мнѣ, я полагалъ ошибкой,
Что и любовь забыта мной давно.

Баронъ Дельвигъ.

ДВА ЧЕРВЯКА.

(БАСНЯ.)

Два червячка родные бритцы были,
На кустикъ одномъ со дни рожденья жили,
Одною пищею питались они —
И подъ одинъ листокъ ползли въ ненастны дни;
Отъ стужи рядышкомъ на солнцѣ согрѣвались
И свѣжестю росы взаимно наслаждались.
Коль скученъ братъ бывалъ,
Другой равно страдалъ.
Но вотъ пришла пора — бѣдняжекъ съ мѣста
сбили
И нашихъ червячковъ, двухъ братьевъ, раз-
лучили.

Одинъ поползъ туда.

Другой сюда.

Не знаю, долго ли они въ разлукѣ жили,
Но знаю то, что ихъ Судьба вела, вела
И въ превеликой садъ обоихъ привела;
Сама по деревцу имъ каждому избрала,
Но только порознь жить, не вмѣстѣ, приказала.

А почему? и для чего?

Судьба не скажетъ намъ того.

Вотъ видать, что одинъ червякъ перемѣнился,

Ужасно возгордился:

Онъ съ братомъ мало говорить,

На брата онъ теперь почти и не глядитъ;

Другой того не замѣчаетъ

И къ брату ползать продолжаетъ.

Однако, наконецъ, дошло ужъ до того,

Что братья полно и видаться.

А почему? и отъ чего?

Никакъ не можно догадаться!

Но вотъ нашлись постарѣ червяки,

Не дураки;

Довольно ползали и въ свѣтѣ все видали.

Они мысль гордаго сейчасъ растолковали.

„Его-де Богъ привелъ на дубъ высокій сѣсть,

„А этому въ удѣлъ кустъ розовый достался;

„Онъ на посредственномъ мѣстечкѣ основался,

„А тотъ надѣется гораздо выше взлѣзть!“ —

Ну, если это такъ,

Глупъ гордый нашъ червякъ!

Не видить, что Судьба равно ихъ раздѣлила
И безобидно наградила:
Ему назначила забраться вверху ползкомъ,
А быть по-прежнему все тѣмъ же червякомъ;
Но брату ниже сѣсть и червемъ же остаться.
Да цвѣтомъ розы наслаждаться.

Марья Даргомыжская.

КОТЪ И БѢЛКА.

(БАСНЯ.)

— Не стыдно ль, Васька, все ты спишь:
Грѣхъ смертный праздность!—
„Да что въ твоемъ трудѣ?“— Какъ что? ка-
кая разность.....—
„Нѣтъ, Бѣлка! колесо ты попусту вертишь“.

Н. Остолоповъ.

РАЗЛУКА.

Я зналъ ее: какъ первый лучъ,
Блеснувшій утромъ изъ-за тучъ,
Она явилась предо мною.
Мы были сердцемъ и душою
Для благъ взаимныхъ сведены
И другъ для друга созданы.
Покорны первому участию
И первому довѣривъ счастью,
Въ невинной простотѣ своей,
Не знали тайныхъ мы сѣтей
И несмыкавшася ока
Вкругъ насъ бродившаго порока:
Счастливымъ всѣхъ любить легко!
Но мы прошли недалеко
Путемъ невинныхъ наслажденій:
Явился къ намъ враждебный геній:
Онъ образъ дружества носилъ.
И насъ внезапно разлучилъ.
Увы, не возвратить, что было
Такъ сердцу дорого и мило!
Теперь навѣкъ я розно съ ней!
Но вся она въ душѣ моей.
Мой слухъ словамъ ея внимасть:
Съ ней сердце чувства раздѣляеть.

Такъ путникъ утренней порой
Глядитъ за птичкой надъ собой:
Она поетъ и выше вьется,
Скрывается, но раздается
Ея отрадной пѣсни звонъ,
И жадно ей внимаеть онъ.

Плетневъ.

С. Д. П.

(въ день ея ангела.)

И тотъ, кто мудрость ненавидитъ,
Кому Судьба глаза одни дала,
Лишь только васъ увидитъ,
То скажетъ: „мудрость какъ мила!“

17 Сентября 1822.

Премудрости вамъ имя дали;
И, правду молвить, вы отменно мудрены!
Кого собой вы не плѣняли?
А не были еще ни разу влюблены!

17 Сентября 1823.

Е Й Ж Е.

(въ день ея рожденія.)

Чего вамъ пожелать для вашего рожденья?
Вы не обижены Природой и Судьбой:
Умны, любезны вы и хороши собой—
Прелестны!...Нужно ль что еще для наслажденія?
Хотѣлъ бы рѣчи дать здѣсь оборотъ другой.
Но сердце не всегда находитъ выраженья.

25 Сентября 1823.

А. Измайловъ.

КУПАЛЬНИЦЫ.

(идилія).

„Какъ! Ты расплакался! слушать не хочешь
и стараго друга!
Страшное дѣло: Дафна тебѣ ни полслова не
скажетъ,
Пѣсень съ тобой не поетъ, не пляшетъ, почти
лишь не плачетъ,

Только что встрѣтить насмѣшливый взоръ
Ликорисы, и обѣ
Мигомъ краснѣютъ, краснѣе вечерней зари
передъ вихремъ!
Взрослый ребенокъ, стыдись! Иль не знаешь
сѣдаго Сатира?
Кто же младенца тебя баловалъ? День цѣлый,
бывало,
Бѣдный на холмѣ сидишь ты одинъ и смотришь
за стадомъ.
Сердцемъ и сжалюсь я, старый, приду по
смѣяться съ тобою,
Въ кости играя поспорить, попѣть на свирѣ
ли. Что жъ вышло?
Кто же, какъ ты, свирѣлю владѣеть и въ
кости играетъ?
Самъ ты знаешь, никто. Изъ чьихъ ты кор-
зинокъ плоды ѣлъ?
Все изъ моихъ: я, жимолость тонкую самъ
выбирая,
Плелъ изъ нея ихъ узорами съ легкой, цвѣт-
ною соломой.
Пилъ молоко изъ моихъ же ты чашъ и кув-
шиновъ. Тыквы
Крѣпкія, полныя, словно широкія щеки мла-
даго Сатира,
Я и сушилъ, и долбилъ, и на кожѣ рѣзалъ ис-
кусно

Грозды, цвѣты и образы сильныхъ боговъ и
героевъ. --
Тоже никто не имѣлъ (могу похвалиться) по-
добныхъ
Чашъ и кувшиновъ и легкихъ корзиночекъ.
Часто, бывало,
Послѣ оргій Ваххальныхъ другіе Сатиры спѣ-
шили
Либо въ пещеры свои, отдохнуть на пуши-
стыхъ постеляхъ,
Либо къ рощамъ пугать и преслѣдовать
юныхъ пастушекъ:
Я же къ тебѣ приходилъ, и покой и любовь
забывая.
Шьяный, подъ пѣсню твою плясалъ я съ уче-
нымъ козленкомъ:
Рѣзвый, на заднихъ ногахъ выступалъ и пры-
галъ неловко,
Трясъ головой, и на роги мои и на бороду
злился.
Ты задыхался отъ смѣха веселаго, слезы бле-
стѣли
Въ ямкахъ щечекъ надутыхъ, и все забы-
валосьъ горе.
Горе жъ какое тогда у тебя, у младенца
бывало?
Тыкву мою разобьешь, изломаешь свирѣль,
да и только.

Нынче ль тебя не утѣшу я? Нынче ль оставлю?
Повѣрь мнѣ,
Слезы утри! Успокойся и стараго друга по-
слушай“.—

Такъ престарѣлый Сатиръ говорилъ моло-
дому Микону,
Въ грусти безмолвной лежащему въ темной
каштановой рошѣ.
Къ Дафнѣ юный пастухъ разгарался въ мла-
денческомъ сердцѣ
Пламенемъ первымъ и чистымъ: любилъ и
любилъ не напрасно.
Все до вчерашняго вечера счастье ему пред-
вѣщало:
Дафна охотно плясала и пѣла съ нимъ; даже
однажды
Руку пожала ему и что-то такое шепнула
Тихо, но сладко, когда онъ сказалъ ей: люби
меня, Дафна!
Что же два вечера Дафна не та, не прежняя
Дафна?
Только онъ къ ней, она отъ него. Понятные
взгляды,
Ласково-дѣтскія рѣчи, улыбка сихъ устъ пур-
пуровыхъ,
Нѣгой пылающихъ, все, какъ весенней водою
уплыло!

Локтемъ налегая на длинную вѣтвь и, качаясь,
такъ началъ:
„Ранней зарею вчера просыпаюсь я: — хо-
лодно что-то!
Развѣ съ вечера я не прикрылся? Гдѣ теплая
кожа?
Какъ подь себя не постлалъ я травъ аромат-
ныхъ и свѣжихъ?
Глядь, и зажмурился! Свѣтъ ослѣпительный
утра, не слитый
Съ мракомъ лѣнивымъ пещеры! Что это? Дер-
нулъ ногами:
Ноги привязаны къ дереву! Руку за кружкой:
о боги!
Кружка разбита, разбита моя драгоценная
кружка!
Ахъ, я хотѣлъ закричать: ты усердень по
прежнему старый,
Лишь не по прежнему силенъ, мой другъ, на
Вакхическихъ битвахъ!
Ты не дошелъ до пещеры своей, на дорогѣ
ты вѣрно
Палъ, побѣжденный виномъ и насмѣшкамъ
въ руки попался!—
Но плесканье воды, но веселье женскіе клики
Мысли въ умѣ, а слова въ растворенныхъ
устахъ удержали.

Дафна явилась, и смѣхъ ее встрѣтилъ: „Дафна,
я Леда,
Новая Леда!„—А я Амагузія! Видишь, не
такъ ли
Я родилася теперь, какъ она, изъ пѣны бле-
стящей? —
„Правда, но прежняя Леда ничто передъ но-
вой! Мнѣ служить
Два Зевсса: чѣмъ же похвалишься ты предъ
Кипридой?
—Мужемъ не будетъ моимъ Исестъ хромоно-
гій и старый! —
„Правда и то, моя милая Дафна; еще скажу:
правда!
Твой прекрасенъ Миконъ; не сыскать пастуха
его лучше!
Кудри его въ три ряда; глаза небснаго цвѣта;
Взгляды ихъ къ сердцу доходятъ; какъ пер-
сикъ, въ пору созрѣвшей,
Юный, онъ свѣжъ и румянъ и пухомъ бле-
стящимъ украшенъ.
Чтожъ за уста у него? Душистыя, алыя розы,
Полныя звуковъ и словъ, сладчайшихъ всѣхъ
пѣсень воздушныхъ.
Дафна, мой другъ, поцѣлуй же меня! Ты скоро
не будешь
Часто твою цѣловать Ликорису охотно? Ты
скажешь:

Слаще въ лобзаньяхъ уста пастуха молодого
Микона!“

—Все ты смѣешься, подруга лукавая! Все по-
напрасну

Въ краску вводишь меня! И что мнѣ Миконъ
твой? Хорошъ онъ,
Лучше ему! Я къ нему равнодушна.— „Зачѣмъ
же красишь?“

—Я по неволѣ красилю: зачѣмъ все ко мнѣ
пристаешь ты?

Все говоришь про Микона! Миконъ, да Миконъ;
а онъ что мнѣ?—

Что жъ ты трепещешь и грудью ко мнѣ при-
жимаешься? Что такъ

Пламенно, что такъ неровно дышетъ она?
Послушай:

Еслибъ (пошлюсь на безсмертныхъ боговъ,
я того не желаю)

Еслибъ, гонясь за заблудшей овцою, Миконъ
очутился

Здѣсь, вотъ на берегѣ: что бы ты сдѣлала?“
—Я бъ? утопилась!—

„Точно, и я бъ утопилась! Но отъ чего? Что
за странность?

Развѣ хуже мы такъ? Смотри, я плыву: не
прекрасны ль

Въ золотѣ струй эти волны власовъ, эти
нѣжныя перси?

Вотъ и ты поплыла; вотъ ножка въ водѣ за-
бѣлѣлась,
Словно нашъ снѣгъ, украшеніе горъ! А вся
такъ бѣла ты!
Шея же, руки: взглядися, скажешь—изъ кости
слоновой
Мастеръ большой ихъ отдѣлавъ, а Зевсъ на-
полнилъ съ избыткомъ
Сладко-лѣбняющей жизнью. Даѣна, чего жъ
мы стыдимся?“
— Другъ Ликориса, не знаю; но знаю, сты-
диться прекрасно!—
„Правда, но все непонятнаго много тутъ скры-
то! Подумай:
Что же мущины такое? Не точно ль, какъ
мы, они люди?
Тоже творенье прекрасное дѣлаго Зевса-
Кронида:
Какъ же мушинъ мы стыдимся, съ другимъ
же, намъ чуждымъ созданиемъ,
Съ лебедемъ шутимъ свободно: то длинную
шею лаская,
Клевъ его клонимъ къ устамъ и цѣлуемъ; то
съ иѣжностью треплемъ
Бѣлыя крылья и персями жмемъ ко груди
пуховой.
Нѣтъ ли во взорѣ ихъ силы ужасной, Меду-
зной силы,

Въ камень насъ обращающей? Что ты мнѣ
скажешь?— „Не знаю!
Только Ледой и я была бы охотно! И также
Друга ласкать и лобзать не устала бы въ семь
образъ скромномъ,
Въ сей красотѣ бѣлизны ослѣпительной! Дерз-
каго жъ боги,
(Кто бы онъ ни былъ) молю, обратите рога-
тымъ оленемъ,
Словно ловца, Актеона, жертву Дианина гнѣва!
Ахъ, Ликориса, рога!—Что рога?—Рога за
кустами!—
„Дафна, Миконовъ Сатиръ!„ — Улывемъ,
улывемъ!—“ Все онъ слышалъ,
Все онъ расскажетъ Микону! Бѣдныя мы! Мы
погибли!“ —

Такъ, осторожный, какъ юноша пылкій, я
разговоръ ихъ
Кончила внезапно! И все былъ доволенъ:
Дафна, ты видишь,
Любить тебя, и невинная доли прекрасной
достойна
Сердцемъ Микона владѣть на земли и въ оби-
теляхъ Орка!
Чтожъ ты не плачешь по прежнему, взрослый
ребенокъ! Сатира

Старого, видно, слушать полезно? Поди же
в шалашъ свой,
Сладкимъ вельнѣямъ Морфея покорствуй!
Эротъ не оставяй
Дѣла прекраснаго! Вѣрь мнѣ, спокойся: онъ
кончитъ, какъ началъ“.

Баронъ Дельвигъ.

МОТЫЛЕКЪ И ЦВѢТЫ.

*(Стихи, написанные въ Альбомѣ Н. И. И., на
рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую
на букетъ изъ pensées и незабудокъ.)*

Поляны мирной украшеніе,
Благоуханныя цвѣты,
Минутное изображеніе
Земной, минутной красоты!
Вы равнодушно разцвѣтаете,
Глядяся въ воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
Въ непостоянствѣ мотылька.

Во дни весны, съ востока яснаго
Младой денницей пробужденъ,
Въ предѣлы бытія прекраснаго
Отъ высоты спустился онъ.

Исполненный воспоминаніемъ
Небесной, чистой красоты,
Онъ вашимъ радужнымъ сіяніемъ
Плѣнился, милые цвѣты!

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородне
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ, какъ и ему, свободныя
И крылья и душа даны:
Но вы къ землѣ цвѣты прикованы,
Вамъ на землѣ и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вамъ не разогрѣть.

Не рождены вы для вниманія;
Вамъ не понятенъ чувства гласъ;
Стремишься къ вамъ безъ упованія,
Безъ горя забываешь васъ.
Пуškai же къ вамъ, рѣзвясь, ласкается,
Какъ вы, минутный вѣтерокъ:
Иною прелестью плѣняется,
Безсмертья вѣстникъ, мотылекъ.

Несть межъ вами два избранныя,
Два ненадменные цвѣтка;
Ихъ имена, имъ сердцемъ данныя,
Къ нимъ привлекають мотылька.

Они безъ пышнаго сіянія,
Едва примѣтны красотой:
Одинъ есть цвѣтъ *воспоминанія*,
Сердечной думы цвѣтъ другой.

О милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О дума сердца—упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненія жизни сохранилъ,
И съ вами нивость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ!

Жуновскій.

СЪВЕРНЫЕ
ЦВѢТЫ

на 1826 годъ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

Приложено къ Русскому Архиву.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1881.

**СЪВЕРНЫЕ
ЦВѢТЫ**

на 1826 годъ,

СОБРАННЫЕ

Барономъ Дельвигомъ.

ИЗДАНЫ

Иваномъ Сленинымъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

У КНИГОПРОДАВЦА ИВАНА СЛЕНИНА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Февраля 25 дня, 1826 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1826.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА.

	Стр.
О состояніи художествъ въ Россіи	3
Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина къ Д.	96
Трактирная лѣстница	102
Путешествіе на Свѣтъ-Бернардъ	138
Непонятный союзъ	172
Неразлучныя	179
Фирдоуси	188
Вожатый	201
Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ. (От- рывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1820 году)	203
Еще нѣсколько словъ о Серальской би- бліотекѣ	270

VI

ПОЭЗІЯ.

	Стр.
О. С. Пушкиной.....	3
Къ N. N	4
Отрывокъ изъ повѣсти Ала	5
Подражаніе Корану.....	9
Подражаніе 136 Псалму	10
Стансы къ Д***.....	12
Къ друзьямъ. (Стихи, приписанные къ собрانیю Стихотвореній А. X. Восто- кова	13
Въ Альбомъ С. Е. К - ой.....	14
Къ Аннетѣ	15
Смерть Фигнера.....	16
17 Сентября, 1824.....	25
Элегія.....	26
Черты Осени	28
Міръ Фантазіи.....	29
Баратынскому. (Изъ Бессарабіи).....	30
Явленіе Клоринды Танкреду. (Изъ Ос- вобожденнаго Іерусалима).....	31
С. М. С — ой	33
Развалины.....	34
Слава Богу.....	35
Пощада пѣвца	36
Характеристика	39

VII

	Стр.
Л. С. П — ну	40
Идеаль	41
Персидскій романсъ. (Изъ повѣсти: Ор- санъ и Леила).....	42
Строеніе Скадра. (Изъ Сербскихъ на- родныхъ пѣсенъ.).....	44
Альбомъ.....	54
Н. И. Гнѣдичу	56
Отрывки изъ второй пѣсни Евгенія Онѣ- гина, поэмы А. Пушкина	57
Надпись къ Портрету Лирика.....	63
Подражаніе Аріосту.....	64
Нарвскій водопадъ	—
Мы.....	67
Эпитафія	—
Надпись	68
Поясъ Киприды. (Отрывокъ изъ XIV пѣсни Иліады).....	69
Объясненіе.....	84
Стансы къ Николаю Ивановичу Гнѣ- дичу. (На Кавказъ и Крымъ.)	85
Отрывки изъ Персидской повѣсти: Ор- санъ и Леила	89
Вечерь. (Изъ Шиллера.).....	91
Къ увядающей красавицѣ	92
Молитва	93

VIII

	Стр.
Три слѣпца.....	94
Надпись къ источнику.....	95
N. N., поднося ей яблоко.....	—
Князь С. Р — ль.....	96
Степная жизнь. Воспоминанія. Походъ.....	98
Отрывокъ изъ Поэмы: Цыганы.....	101
Семь пятницъ на недѣлѣ.....	103
Луна.....	106
Къ Лидѣ. (Подражаніе К. Галлу.).....	107
Къ мнимой счастливицѣ.....	109
Стрѣлки. (Басня.).....	115
Еврейская Мелодія. (Изъ Байрона.)....	117
Къ подаренному докону.....	118
Лилія и Роза. (Въ Альбомѣ Т. Е. Е — ой). 120	120
На погребеніе Англійскаго Генерала Сира Джона Мура.....	122
Эпитаѳія.....	124
Моя Эпитаѳія. (Подражаніе Скаррону.).....	—
Элегія.....	125
Мадригалъ.....	126
Двѣ картины.....	126
Русская пѣсня.....	128
Элегія.....	130
Двѣ завѣдочки.....	131

П Р О З А

О СОСТОЯНИИ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ РОССІИ.

П и с ь м о 1.

Я исполняю твое желаніе, любезный другъ! Готовъ представить тебѣ очеркъ состоянія художествъ въ Россіи. Но, по простой пословицѣ русской: уговоръ лучше денегъ, хочу съ тобою напередъ условиться.

Ты много видѣлъ, много знаешь; но (почему не сказать правды?) не знаешь еще своего отечества. Воспитанный далеко отъ него, подъ чужимъ небомъ, ты новъ въ Россіи. Ты смотришь на нее сквозь уменьшительное стекло, которое приобрѣлъ въ чужихъ краяхъ отъ своихъ наставниковъ; а потому и не удивительно, если многое

въ письмахъ моихъ покажется для тебя новымъ и, быть можетъ, не совершенно справедливымъ. Не будь опрометчивъ въ заключеніяхъ: это первое условіе. Второе: не жди отъ меня невозможнаго. Мои дѣла и обстоятельства не позволяютъ мнѣ написать къ тебѣ въ это время болѣе трехъ, или четырехъ писемъ. Въ нихъ я не могу всего высказать, и такъ останься на первый разъ доволенъ малымъ. Наконецъ третье: позволь мнѣ сдѣлать небольшое вступленіе, а потомъ говорить о дѣлѣ въ общихъ выраженіяхъ, безъ подробностей, которыя завели бы меня очень очень далеко.

Начнемъ. *Изящныя искусства* тогда становятся достойными сего имени, когда они начинаютъ приближаться къ своей цѣли. Первые опыты дикаря въ рѣзбѣ, или въ раскрашиваніи, не могутъ быть называемы ни скульптурою, ни живописью, хотя

бы и имѣли они нѣкоторый признакъ подражанія природѣ. Искусства изящныя услаждаютъ бытіе человѣка. Можетъ ли чувствовать нужду въ семъ услажденіи тотъ, кто не умѣетъ удовлетворять первымъ потребностямъ жизни? Художества начинались съ образованіемъ народовъ. Поэтому можно утвердительно сказать, что у Славянъ, предковъ нашихъ, не было художествъ. Они имѣли боговъ, изображали ихъ подъ принятыми видами; но виды сіи были уродливы не менѣе того, какъ и самыя понятія ихъ о божествѣ были весьма странны и нелѣпы.

Сношенія съ Греками до Владиміра великаго не могли послужить къ пользѣ въ семъ отношеніи. Причина: различіе вѣры и образъ жизни Славяно-россовъ. Но при Владимірѣ принятіе вѣры христіанской привело къ намъ и науки и искусства. Съ X вѣка художества появились въ Россіи; воз-

двигнуты храмы по образцу тогдашнихъ греческихъ; живопись, мозаика и рѣзьба украшали ихъ,—и если бы въ послѣдствіи не суждено было Россіи испытать бѣдствій ужасныхъ, чрезвычайныхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ XIII и XIV вѣкахъ она могла бы для Европы быть тѣмъ же, чѣмъ была Европа для Россіи въ царствованіе Петра I.

Храмы умножались. Знатнѣйшіе были сооружены въ Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородѣ и Владимірѣ. Они требовали живописи; но живопись сія могла ли возвыситься въ то время выше того состоянія, въ которомъ была она при самомъ началѣ своемъ? Подражаніе принятымъ образцамъ и понятія вѣка, не допускавшія ничего новаго, особенно въ отношеніи къ изображеніямъ священнымъ, которыя одни составляли предметъ живописи, связывали дарованія. Если же художества не упа-

ли у насъ совершенно, то сему причиною повременное появленіе людей даровитыхъ, которые по крайней мѣрѣ шли вѣрно по тропѣ проложенной. Въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаются похвалы чрезвычайныя иконописцамъ и другимъ искусникамъ. Положимъ, что вкусъ тогда не былъ нисколько образованъ; но отзывъ объ однихъ и молчаніе о другихъ доказываютъ, что наши предки различали уже между худымъ лучшее.

Съ тѣхъ поръ, когда Россія свергла иго могольское, государи наши начали чувствовать необходимость въ просвѣщеніи народномъ. Были призываемы иностранцы; но добрые предки наши не много лучше смотрѣли на нихъ, какъ нынѣ Китайцы на Европейцевъ. Успѣховъ было мало. Государи сами не могли быть чужды предрассудковъ своего времени, были недовѣрчивы, и хотя желали добра своимъ

подданнымъ, но въ отношеніи къ образованію ихъ дѣйствовали медленно. Россія ждала генія-воскресителя; наконецъ онъ явился.

Петръ великій постигъ первый, что народу русскому не должно оставаться долѣе на чредѣ посредственности. Онъ взвѣсилъ духъ и силы народа; уничтожилъ преграду, отдѣлявшую Россію отъ Европы, и открылъ пути, по которымъ должны были проникнуть въ нее лучи свѣта благотворнаго. Онъ все обнималъ, все видѣлъ, все изслѣдовалъ. Онъ зналъ, что иностранцы, призванные въ Россію (люди по большей части съ великими достоинствами), принесутъ пользу новому отечеству, но менѣе прославятъ Россію, нежели вѣрные, родные сыны ея. Не мѣсто говорить здѣсь о томъ, въ какой степени пользовался сей великій государь пособіями ума и познаній иностранцевъ, при немъ бывшихъ. То ис-

тина, что онъ хотѣлъ имѣть вездѣ и во всемъ *свое*; что не было отрасли познаній человѣческихъ, для которой онъ не назначалъ бы Россіянь, и что не было предпріятія его, которое не увѣчалось бы полнымъ успѣхомъ.

Пусть охотники до старины соглашаются съ похвалами, приписываемыми какимъ-то Рублевымъ, Ильинымъ, Ивановымъ, Васильевымъ и проч., живописцамъ, жившимъ гораздо прежде временъ царствованія Петра: я симъ похваламъ мало довѣряю. Всѣ успѣхи тогдашнихъ художниковъ могли состоять въ чистотѣ и нѣжности работы, пріятности красокъ, словомъ, въ механизмѣ, но не болѣе. Имъ не доставало образцевъ. Они не знали древнихъ. Если же художники русскіе, жившіе въ это время, равнялись съ современными греческими, или если даже и превосходили ихъ въ чемъ нибудь, то все это небольшой шагъ къ совершенству.

Правда, въ южной Россіи издавна были довольно хорошіе зодчіе и живописцы. Вліяніе Польши на Малороссію, во многихъ отношеніяхъ вредное для послѣдней, было причиною раньшаго образованія вкуса между художниками сего края. Можно сказать утвердительно, что во всей Малороссіи нельзя найти ни одного стариннаго образа, подобнаго тѣмъ, которые встрѣчаются въ знатнѣйшихъ церквахъ Москвы и другихъ городовъ великоросійскихъ; но это частность, а я говорю вообще.

Художества (помни, любезный другъ, что я разумѣю ихъ въ надлежащемъ смыслѣ) художества водворены въ Россіи Петромъ великимъ. Съ сихъ поръ начинается ихъ бытіе въ нашемъ отечествѣ. Съ сихъ поръ они заслуживаютъ вниманіе.

Извѣстно, что Петръ, возвратясь изъ чужихъ краевъ, гдѣ онъ ничего не

опустилъ безъ вниманія, гдѣ столь часто любовался твореніями художествъ, и гдѣ даже сдѣлалъ значущее пріобрѣтеніе картинъ. особенно фламандской школы и другихъ художественныхъ произведеній, отправилъ нѣсколько молодыхъ людей въ чужіе края учиться художествамъ. Земцовъ, Еропкинъ обучались внѣ отечества архитектурѣ, а Никитинъ, Матвѣевъ, Захаровъ, Меркурьевъ и Васильевскій живописи. Не могу тебѣ дать полнаго понятія объ успѣхахъ сихъ художниковъ. Ихъ произведенія слишкомъ мало извѣстны. Полагать должно, что Никитинъ и Матвѣевъ превосходили прочихъ. О первомъ я сужу такъ по отличному уваженію къ нему Петра великаго, а о второмъ потому, что онъ писалъ образа и портреты для двора, имѣлъ еще при Петрѣ I (если только надпись на одной картинѣ. мною видѣнной, не поддѣльна), званіе гофъ-

маллера. Матвѣевъ былъ дѣйствительно весьма отличный художникъ. Произведенія, ему приписываемыя, соединяютъ въ себѣ многія достоинства живописи: хорошій рисунокъ, сильный тонъ красокъ, кисть наиприятнѣйшую. Матвѣевъ можетъ быть поставленъ на ряду съ весьма хорошими живописцами голландской школы.

Со временъ Петра, церкви, особенно въ столицахъ, начали строить въ лучшемъ вкусѣ и наполнять ихъ прекрасными священными изображеніями. Возвратившіеся художники наши безъ сомнѣнія были занимаемы. Они могли имѣть учениковъ, которые въ свою очередь образовали другихъ, и такъ художество распространялось. По мѣрѣ умноженія надобности въ искусствахъ умножались и люди искусные. Соруженіе храмовъ, дворцовъ и зданій частныхъ давало пищу художествамъ. Но мы столь мало знаемъ

ходъ послѣднихъ въ сіе время, что весьма трудно опредѣлить его съ точностію. Отъ людей просвѣщенныхъ, которые исключительно могутъ заняться симъ предметомъ, остается ждать въ послѣдствіи вѣрныхъ о немъ свѣдѣній. Они могутъ быть весьма любопытны. Жаль только, если самыя произведенія не сохраняются до тѣхъ поръ. Не умѣю описать тебѣ сожалѣнія, съ какимъ я смотрѣлъ неоднократно на мѣстные образа здѣшной Семіоновской церкви (сооруженной по чертежу Земцова). Они теперь уже много потерпѣли, хотя никакъ нельзя отнести произведеніе ихъ далѣе послѣднихъ годовъ царствованія императрицы Анны Іоанновны, или первыхъ Елисаветы Петровны. Прекрасный рисунокъ, стиль болѣе чистый, нежели каковъ видѣнъ обыкновенно въ тогдашнихъ живописныхъ работахъ. доказываютъ, что образа

сіи произведены рукою искусною. Я ничего не могъ о нихъ узнать достовернаго; но полагаю, что они должны принадлежать Никитину, или кому либо изъ его товарищей. Въ соборѣ, что въ здѣшней Петропавловской крѣпости, есть образа Матвѣева.

Петра не стало; но художества уже существовали, хотя и не утвердились еще. Вновь художниковъ въ чужіе края для усовершенствованія не посылали, но довольствовались тѣми, которые были, или приглашали иностранцевъ.

Мирное въ началѣ правленіе Елисаветы позволило обратить ей главнѣйшее вниманіе на дѣла внутреннія. Слава двора русскаго требовала блеска.

Императрица воздвигла величайшія зданія и украсила ихъ великолѣпнѣйшимъ образомъ. Довольно напомнить тебѣ о Смольномъ монастырѣ. Зимнемъ и Царскосельскомъ дворцахъ. произ-

веденіяхъ зодчества, достойныхъ существовать въ позднѣйшемъ потомствѣ. Ты имѣешь уже о нихъ понятіе изъ чертежей, мною не задолго предъ симъ къ тебѣ посланныхъ. Это памятники искусства знаменитаго графа Растрелли. Кстати сказать здѣсь, что Гваренги (ты вѣрно слыхалъ о немъ) часто говаривалъ: „я не могу видѣть церкви Смольнаго монастыря, не снявъ шляпы“. Онъ находилъ планъ сей церкви превосходнымъ, и ему можно вѣрить.

Надобность въ художникахъ во всѣхъ родахъ была причиною вызова многихъ изъ чужихъ краевъ вновь. Отличнѣйшіе изъ нихъ были: графъ Ротари, славный историческій живописецъ, и Фонтебассо, написавшій много плафоновъ. Перваго есть прекраснѣйшая картина въ Александро-Невской лаврѣ, представляющая Рождество Спасителя. Мысль сей картины заимствовалъ ху-

дожникъ въ известной Ночи Корреджіа: свѣтъ исходитъ отъ Божественнаго младенца и освѣщаетъ всѣ предметы. Въ дѣйствіи свѣта и тѣни, въ силѣ картины, въ прелести колорита, Ротари слишкомъ далекъ отъ своего неподражаемаго образца, но въ стилѣ рисунка едва ли не превосходитъ его. Есть въ Петергофѣ большое собраніе портретовъ руки сего художника. Ротари умеръ въ первые годы царствованія Екатерины II и, если не ошибаюсь, въ 1768 году. Работы Фонтассо находятся въ Царскосельскомъ и другихъ дворцахъ. Онъ отзывается манеромъ Тиэполо. Торелли (весьма отличный художникъ), былъ также приглашенъ въ Россію. Онъ расписалъ между прочимъ Китайскій дворецъ, что въ Ореніенбаумѣ въ саду. Пыльное воображеніе, свобода исполненія и прелестный манеръ отличаютъ работы сего художника.

Всѣ произведенія сихъ художниковъ нравились императрицѣ; но она желала дать способы Русскимъ превзойти ихъ, и положила первое основаніе Академіи художествъ. Это было въ 1758 году.

Кто бы повѣрилъ, что въ сіе самое время явится художникъ Русскій, достойный соперничества съ первѣйшими современными художниками Европы? Но онъ былъ дѣйствительно, для славы Россіи и своего вѣка. Хочешь знать имя его? Это Какориновъ.

Все, что могу сообщить о немъ по словамъ покойнаго Гловачевского, перваго инспектора Академіи, умершаго за два года предъ симъ, заключается въ томъ, что Какориновъ, уроженецъ Сибирскій, строилъ вмѣстѣ съ Чеватинскимъ церковь св. Николая Морскаго; что Чеватинскій былъ старѣе его лѣтами, слѣдовательно могъ быть его учителемъ, а Чеватинскій вѣроят-

но учился у одного изъ пансіонеровъ Петра великаго, и наконецъ, что Какориновъ, во время основанія Академіи, имѣлъ уже славу и пользовался покровительствомъ Ивана Ивановича Шувалова, извѣстнаго вельможи-мecenата, перваго начальника Академіи. Вотъ всѣ свѣдѣнія о Какориновѣ. О достоинствахъ его въ качествѣ зодчаго скажу послѣ. Теперь присовокуплю только, что въ тоже время былъ какой-то живописецъ Аргуновъ, первый учитель извѣстнаго въ послѣдствіи Лосенка, и еще одинъ русскій живописецъ, имѣвшій исключительное право писать портреты императрицы Елисаветы Петровны. Къ сожалѣнію покойный Гловачевскій, часто рассказывая мнѣ о семъ, не могъ припомнить имени сего художника.

Въ это время приглашены были изъ чужихъ краевъ для составленія Академіи: Лорренъ, живописецъ перспек-

тивный, Кювилье историческій, Жилеттъ скульпторъ и Ла-Моттъ архитекторъ. Канориновъ также назначенъ былъ профессоромъ Академіи. Сорокъ человѣкъ учениковъ было взято изъ Московскаго Университета для образованія школы.

Первые художники, вышедшіе изъ оной, были Баженовъ и Старовъ, оба отличные зодчіе; Лосенко и Козловъ историческіе живописцы, изъ коихъ первый принесъ весьма важную пользу художествамъ въ Россіи, а послѣдній служилъ Академіи и имѣлъ свою особенную школу. О художникахъ сихъ буду говорить въ слѣдующемъ письмѣ подробнѣе. Они принадлежатъ болѣе вѣку Екатерины II, съ началомъ котораго начинается новая эпоха художествъ въ Россіи.

Письмо II.

Въ предыдущемъ письмѣ я далъ тебѣ, любезный другъ, легкое повятіе о ходѣ художествъ въ Россіи до времени Екатерины великой. Теперь бросимъ взглядъ на состояніе ихъ въ ея счастливое царствованіе.

Академія художествъ, заведенная при Елисаветѣ, не получила еще надлежащаго прочнаго существованія. Смерть воспрепятствовала сей императрицѣ исполнить это. Екатерина довершила начатое. Въ 1764 году она утвердила уставъ Академіи, даровала ей привилегію, назначила весьма значущія суммы на содержаніе Академіи и награды за успѣхи и искусство, а въ 1765 торжественно положила первый камень основанія прекраснѣйшему, огромнѣйшему и величественнѣйшему дому Академіи.

Я упоминаю о немъ, потому что онъ

почесться можетъ однимъ изъ превосходныхъ публичныхъ зданій, во всей Европѣ существующихъ. Утверждаютъ, что многіе проекты для него были представлены; но императрица, всегда осторожная во всѣхъ дѣлахъ своихъ, не рѣшилась сама сдѣлать выбора, не узнавъ прежде мнѣнія о сихъ проектахъ людей опытныхъ и искусныхъ, и для того повелѣла послать ихъ въ Парижъ для разсмотрѣнія въ тамошней Академіи. Французская Академія судила сіи проекты строго, и рѣшительно предпочла прочимъ одинъ, во всѣхъ отношеніяхъ преимущественнѣйшій; проектъ сей былъ Каоринова.

Ты знаешь, что въ публичныхъ зданіяхъ три условія наиболѣе необходимы: удобство въ расположеніи, прочность въ сооруженіи и величіе въ цѣломъ. Зданіе Академіи соединяетъ въ себѣ выполненіе всѣхъ сихъ условій. Прибавь къ тому еще соразмѣрность

частей, хорошей стиль и огромную массу, двѣ тысячи четырехста квадратных сажень занимающую и отъ одиннадцати до двѣнадцати сажень имѣющую возвышенія, и ты составишь себѣ нѣкоторую идею о томъ величїи, котораго должно быть исполнено подобное зданіе.

Меня увѣрили, что мысль академическаго зданія взята съ извѣстнаго Казертскаго дворца близъ Неаполя. Судя по времени сооруженія его, это правдоподобно. Рисунки сего дворца изданы Ванвittelіемъ въ 1756 году; но согласиться съ симъ значило бы отымать славу у нашего зодчаго. Казертскій дворецъ и С.-Петербургская Академія имѣютъ форму параллелограмма въ планѣ и украшены пиластрами дорическаго чина: но можно ли назвать это сходствомъ? Казертскій дворецъ имѣетъ четыре двора, а зданіе Академіи пять. Средній академиче-

скій круглый превосходенъ. По формѣ и величинѣ это почти Пантеонъ Римскій, только безъ свода. Притомъ ни расположеніе, ни самыя соразмѣрности частей и цѣлаго не сходны въ сихъ зданіяхъ. Въ академическомъ все принадлежитъ Какоринову. Гдѣ же, ты спросишь, получилъ Какориновъ столь великія познанія и вкусъ, что, не руководствуясь извѣстными памятниками, произвелъ первый изъ Русскихъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовое зданіе? На это отвѣчаю: онъ былъ гений. Нѣкоторые полагаютъ, что графъ Растрелли былъ его учителемъ, но я имѣю причины въ семъ сомнѣваться: до Растрелліа были въ Россіи славные зодчіе. Зданія, сооруженныя ими и самымъ Растрелліемъ, могли научить Какоринова. Впрочемъ замѣтить должно, что вкусъ сего послѣдняго и чище и обработаннѣе.

Къ сожалѣнію въ С.-Петербургѣнѣтъ

ни одного строенія, кромѣ академическаго, которое можно бы приписать Какорину. Старинные дома частные измѣнены до того, что нельзя повѣрить, чтобы С.-Петербургъ существовалъ болѣе тридцати лѣтъ. Пять, или шесть зданій и нѣсколько церквей напоминаютъ только о вѣкѣ Петра и Елисаветы. Вкусъ ли, или другія какія причины это произвели, рѣши ты самъ; а я обращаюсь къ художникамъ.

Баженовъ и Старовъ учились въ Академіи подъ руководствомъ Какорина и Ла-Мотта, который также былъ отличный зодчій. Баженовъ умеръ въ 1799 году, а Старовъ лѣтъ за десять предъ симъ. Первый былъ весьма уважаемъ за свои дарованія и искусство. Проектъ его возобновленія Кремля почитаютъ превосходнымъ. Онъ остается неисполненнымъ. Старовъ извѣстенъ, какъ художникъ съ величайшими дарованіями. Главная церковь

Александро-Невской лавры одна изъ самыхъ лучшихъ въ Россіи; Таврическій дворець, коего большая галлерей достойна соперничества съ превосходными твореніями Палладіевъ; прекрасная церковь св. Софіи въ Царскомъ Селѣ и другія зданія ставятъ Старова въ число знаменитѣйшихъ русскихъ зодчихъ.

Одинъ просвѣщенный любитель называлъ Лосенка Ломоносовымъ въ живописи. Я согласенъ съ нимъ нѣсколько. Ломоносовъ и Лосенко оставили каждый въ своемъ искусствѣ образцы для подражанія. Лосенко былъ весьма хорошей рисовальщикъ. Въ бытность свою во Франціи и Италии онъ обратилъ на себя вниманіе и, возвратясь въ отечество, посвятилъ себя Академіи и былъ, можно сказать, основателемъ русской школы, имѣющей характеромъ своимъ вѣрность рисунка.

Двѣ академическія фигуры, **

ныя Лосенкомъ, находящіяся въ Академіи, и другія его произведенія по части исторической живописи, показываютъ, что онъ, живя въ Парижѣ во время Буше, столько имѣлъ въ себѣ силы, что принялъ въ руководство прекрасную Натуру. Онъ много учился съ антиковъ, множество сдѣлалъ образцовыхъ рисунковъ для воспитанниковъ и велъ ихъ по настоящей дорогѣ. Нельзя похвалить колорита Лосенка, но должно отдать ему справедливость, какъ первому художнику - живописцу, давшему у насъ хорошее направленіе художествамъ. Въ его произведеніяхъ видно чувство, видѣнъ умъ, видны дарованія великія. Нельзя смотрѣть равнодушно на голову св. апостола Андрея, написанную симъ превосходнымъ художникомъ. Чувство самоотверженія въ ней выражено въ высшей степени. Это произведеніе находится въ Академіи художествъ.

Козловъ живописецъ историческій, не былъ гений; но онъ, какъ умый человѣкъ и какъ человѣкъ съ дарованіями, служилъ Академіи и воспитанникамъ; кромѣ того имѣлъ у себя собственную школу живописи, изъ которой вышли многіе хорошіе живописцы. Въ Академіи есть его картина: отреченіе св. апостола Петра.

Къ сему же времени должно еще причислить Рокотова, художника хорошаго по портретной части, и Чемезова и Колпакова, гравёровъ.

Всѣ сіи художники сдѣлались болѣе или менѣе извѣстными до вступленія на престолъ Екатерины великой и по времени образованія своего принадлежатъ вѣку Елисаветы.

Я сказалъ уже выше, что Академія получила настоящее учрежденіе свое при Екатеринѣ. Главнымъ начальникомъ назначенъ тогда же Бецкій, весьма просвѣщенный вельможа. Подъ его-

то начальствомъ и руководствомъ перваго директора Академіи Какоринова, при неуспынныхъ стараніяхъ профессоровъ, въ числѣ которыхъ находился и Торелли, извѣстный живописецъ историческій, Академія произвела въ короткое время многихъ достойныхъ художниковъ. Въ теченіе тридцати четырехлѣтняго царствованія Екатерины, Академія успѣла приобрести Европейскую славу. Многие великіе люди вмѣняли себѣ въ честь принадлежать къ числу членовъ ея. Знаменитѣйшіе художники иностранные, здѣсь и въ Россіи находящіеся, искали званія академиковъ или почетныхъ вольныхъ общниковъ. Фельтенъ, здѣшній уроженецъ, ученикъ и помощникъ графа Растрелли, архитекторъ, извѣстный многими прекрасными зданіями и особенно превосходною лѣстницею, находящеюся въ академическомъ зданіи; Фальконетъ, знаменитый ваятель, вы-

званный для произведенія памятника Петру великому; Гваренги, одинъ изъ славнѣйшихъ архитекторовъ XVIII столѣтїя; Дойенъ исторической живописецъ, весьма отличный художникъ; Лампи и многіе другіе, жившіе въ Россіи, были членами Академіи. Не исчисляя произведеній сихъ знаменитыхъ художниковъ, что конечно увлекло бы меня слишкомъ далеко, я скажу только, что всѣ они, украшая столицу и Россію своими твореніями, способствовали распространенію вкуса и любви къ искусствамъ.

Екатерина, имѣя въ виду истинную пользу народа своего, не щадила суммъ на сооруженіе и украшеніе великолѣпныхъ публичныхъ зданій и памятниковъ; приобрѣла многія собранія картинъ, статуй, камеевъ и прочихъ художественныхъ вещей и образовала Эрмитажъ; подарила Академіи единственное собраніе алебастровыхъ от-

ливковъ съ древнихъ статуй, и словомъ, все дѣлала, чтобы споспѣшествовать художествамъ въ Россіи возвыситься на степень, достойную уваженія современниковъ и потомства.

Примѣръ монархини дѣйствовалъ на вельможъ, которые (я говорю о знатнѣйшихъ) наперерывъ другъ предъ другомъ начали собирать отличнѣйшія художественныя произведенія, и нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно составили превосходныя.

Вѣкъ Екатерины утвердилъ и вкусъ и искусства въ Россіи. Въ ея время Академія выпустила около тысячи художниковъ, которые разсѣялись по имперіи и конечно не могли не содѣйствовать своими произведеніями полезному на вкусъ общій вліянію.

Знаменитѣйшіе изъ художниковъ, явившихся въ царствованіе Екатерины, суть слѣдующіе.

По части живописи исторической.

Соколовъ. Къ сожалѣнію сей художникъ жилъ не долго. Его дарованія и искусство заставляютъ жадать о ранней смерти его. Онъ могъ бы прославить Россію своими твореніями. Онъ былъ искусный рисовальщикъ и хорошій колористъ. Въ бытность свою въ Римъ онъ полюбилъ произведенія славнаго въ то время Батонія и усвоилъ вкусъ его; но, идучи собственною своею дорогою, былъ бы, можетъ быть, и лучше и оригинальнѣе. Изъ произведеній Соколова одно особенно заслуживаетъ отличное вниманіе. Это картина Меркурій, усыпляющій Аргуса, въ естественную величину, находящаяся въ Академіи. Его же есть превосходная копія въ Александро-Невской Лаврѣ съ картины Петра Теста: Введеніе во храмъ Пресвятыя Бого-

родицы, и нѣкоторыя весьма хорошія работы у людей частныхъ.

Акимовъ, художникъ весьма умный. Онъ долго служилъ Академіи. Большою почитателемъ древнихъ произведеній и человѣкъ, обладавшій особеннымъ даромъ пріятнаго слова, онъ умѣлъ поселять въ воспитанникахъ страсть къ ученію и любовь къ прекрасному. Иконостасъ въ Александро-Невской Лаврѣ и картина въ Академіи: Геркулесъ, сожигающійся на кострѣ, суть лучшія его произведенія. Въ сей послѣдней фигура Геркулеса нарисована весьма хорошо.

Угрюмовъ. Этотъ художникъ имѣлъ чрезвычайную способность къ многосложнымъ сочиненіямъ; рисовалъ правильно; колоритъ его не блестящъ въ родѣ Лосенкова. Лучшія творенія его кисти суть: покореніе Казани и возведеніе на царство Михаила Феодоровича, принадлежавшія прежде Ми-

кайловскому замку и нынѣ находящіяся въ Академіи. Но самымъ лучшимъ дѣломъ его жизни и служенія отечеству было образованіе Егорова и Шебуева, двухъ знаменитѣйшихъ художниковъ. намъ современныхъ. Подробнѣйшее свѣдѣніе объ Угрюмовѣ ты можешь получить изъ Журнала изящныхъ искусствъ.

По части портретной живописи.

Левицкій. Одинъ изъ первыхъ художниковъ, явившихся въ царствованіе Екатерины. Кажется, онъ учился у Рокотова. Впрочемъ имѣлъ свой собственный манеръ весьма пріятный. Краски его блестящи. Онъ особенно отличался въ выполненіи матеріи.

Боровиковскій получилъ въ Малороссіи, своей родинѣ, первыя начала въ живописи. Кстати разсказать здѣсь, какимъ образомъ онъ сдѣлался извѣстнымъ Екатеринѣ. Анекдотъ о семь

послужить доказательствомъ дарованій Боровиковскаго по части изобрѣтенія. Во время путешествія по Россіи, Государыня останавливалась въ нарочно выстроенныхъ для отдохновенія домахъ, гдѣ не было удобныхъ для того у жителей. Одинъ изъ такихъ домовъ былъ построенъ вновь въ Малороссіи, въ Миргородскомъ повѣтѣ (если не ошибаюсь). Предводитель дворянства, извѣстный Капнистъ желалъ украсить сей домъ просто, но прилично случаю, и поручилъ Боровиковскому, который, будучи въ отставку поручикомъ, занимался по страсти живописью, написать двѣ или три картины. Художникъ сдѣлалъ ихъ нѣсколько, и въ томъ числѣ двѣ особенно примѣчательныя. Онѣ представляли слѣдующіе предметы: одна семь Греческихъ мудрецовъ предъ книгою Наказа и Екатерину, въ видѣ Минерлы, объясняющую имъ совершенство сего

безсмертнаго творенія; а другая Петра великаго, орущаго землю, Екатерину, въ слѣдъ за нимъ сѣющую сѣмена, и двухъ Геніевъ позади ея: Александра и Константина, которые боронятъ землю, вспаханную и засѣянную. Мысль сихъ картинъ отъѣнно понравилась Монархинѣ. Она пожелала узнать художника и, узнавъ его, повелѣла отправить въ Петербургъ къ Лампію. Прибывъ сюда, Боровиковскій въ самое скорое время сдѣлался соперникомъ своего учителя и, подружась съ Левицкимъ, воспользовался у сего послѣдняго тѣмъ, что было согласно съ его собственнымъ вкусомъ. Боровиковскій былъ портретный живописецъ, но онъ писалъ весьма много и отлично хорошо священныхъ изображеній для церквей. Онъ былъ трудолюбивъ до невѣроятности. Едва ли кто либо изъ Русскихъ живописцевъ произвелъ столько, сколько Бо-

ровиковскій. Многія его произведенія прекрасны въ полномъ смыслѣ слова. Лучшія находятся въ Казанской церкви. Если бы этотъ художникъ имѣлъ основательнѣйшія начала, то безъ сомнѣнія былъ бы однимъ изъ величайшихъ художниковъ Россіи. Впрочемъ, по обдуманности своихъ сочиненій, совершенной сообразности съ избираемыми предметами и механизму живописи, онъ имѣетъ право на почетнѣйшее мѣсто въ числѣ живописцевъ нашихъ. Свѣжесть его красокъ, кисть (я разумѣю о лучшемъ времени сего художника) и выполненіе тканей, всегда будутъ почитаемы образцовыми. Боровиковскій писалъ почти всю Императорскую фамилію.

Щукинъ учился въ Академіи. Онъ также принадлежитъ къ числу отличныхъ художниковъ. Нѣкоторые портреты написаны имъ съ большимъ искусствомъ и пріятностію. Портретъ им-

ператора Павла есть важнѣйшее его произведеніе.

По части пейзажной живописи

сдѣлались извѣстными: Щедринъ (Семень), Матвѣевъ, всегда жившій въ Римѣ, Ивановъ (Михайла), который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и баталическимъ живописцемъ, Мартыновъ и еще нѣкоторые. Первый былъ чрезвычайно занятъ при императорѣ Павлѣ и произвелъ нѣкоторыя вещи отлично хорошо. Съ его картинъ много есть эстамповъ. Они пріятнѣе картинъ, потому что Щедринъ, при всѣхъ достоинствахъ пейзажиста, имѣлъ колоритъ не совершенно правдивый. Второй сдѣлалъ себѣ имя въ самомъ Римѣ. Онъ былъ страстенъ къ своему искусству. Нѣкоторыя работы его превосходны. Художникъ сей любилъ природу и изображалъ ее вѣрно. Ивановъ болѣе из-

вѣстенъ какъ рисовальщикъ; онъ написалъ мало картинъ. По нѣкоторымъ можно судить, что онъ былъ человѣкъ съ необыкновенными дарованіями. Мартыновъ, ученикъ Щедрина, напротивъ писалъ очень много: его картины находятся во дворцахъ и у людей частныхъ. Нѣкоторыя превосходны. Ихъ отличаютъ вѣрность тоновъ, вкусъ и необыкновенная свобода кисти.

По части перспективной живописи

мы имѣли своего Каналетта въ Алексѣевѣ. Этотъ художникъ имѣлъ даръ рѣшительный: лучшія картины его дышатъ правдою; скажу болѣе, онъ обманываютъ зрителя. Это натура. Въ перспективѣ воздушной Алексѣевъ былъ весьма силенъ: писалъ весьма много и мало произвелъ посредственнаго. Онъ образовалъ Воробьева.

Нельзя, говоря о живописцахъ, по-

забыть Евреинова, который былъ превосходный художникъ по части живописи на финифти.

Симъ оканчиваю взглядъ на живописцевъ Екатеринина вѣка. О ваятеляхъ и зодчихъ ея же времени поговорю послѣ.

Письмо III.

Писать коротко о предметѣ обширномъ очень трудно. Ясность мыслей и точность выражений требуютъ предварительной обдуманности; я боюсь за себя: поспѣшность рѣдко производитъ чтонибудь хорошее. Сдѣлай милость, будь ко мнѣ снисходителенъ.

Я обѣщалъ говорить тебѣ въ нынѣшнемъ письмѣ о ваятеляхъ Русскихъ Екатеринина вѣка, и ты вѣроятно удивился, почему я ни слова не сказалъ прежде о ваятеляхъ, предшествовавшихъ сему времени. Виновать, но не болѣе какъ воевода, который почелъ

себя виноватымъ за то, что въ его воеводской канцеляріи не было никакихъ тяжбныхъ дѣлъ.

Ваятелей до царствованія Екатерины II Россія вовсе не имѣла: и вотъ причина, по которой я умолчалъ объ нихъ, кажется достаточная. Ты въ правъ болѣе обвинить меня за то, что я сказалъ такъ мало о зодчествѣ въ Россіи до царствованія Петра великаго. Согласенъ, но послѣ десяти или двадцати словъ ничего уже не останется говорить мнѣ о семъ предметѣ.

До Владиміра великаго какіе были храмы и даже были ли они точно у язычниковъ, Россію населявшихъ, мы положительно не знаемъ. Первые храмы христіанскіе, я сказалъ уже, строились по образцу современныхъ Греческихъ. Послѣдовавшіе за ними были также болѣе или менѣе подражанія, уродуемая по прихотямъ зодчихъ или строителей. Зодчество Византійскаго

вкуса замѣнено какимъ-то Готическо-Индѣйскимъ. Но что за новый характеръ и какъ онъ явился въ Россіи, ты спросишь безъ сомнѣнія. Отвѣчаю объясненіемъ. Наши церкви оставались въ планахъ своихъ почти неизмѣнными до временъ Петровыхъ. Обыкновеннѣйшая форма плановъ квадратъ съ четырьмя столбцами по срединѣ, внутри хоры (кромѣ средняго главнаго отдѣла) съ придѣлами на нихъ, стѣна алтаря, выдававшаяся полукругомъ, а если было три престола въ рядъ или болѣе, то нерѣдко столькими же полукругами выдававшаяся, притворъ отъ главнаго входа, или крытая галлерей снаружи вокругъ всей церкви: въ семь заключались всѣ планы нашихъ церквей. Но въ лицевыхъ своихъ сторонахъ онъ разнообразился до чрезвычайности; и кто наблюдалъ зодчество Индѣйцевъ, тотъ согласится со мною, что въ формахъ куполовъ нашихъ церк-

вей есть много общаго съ куполами Индѣйскихъ храмовъ; даже въ украшеніяхъ наружныхъ очень много восточнаго вкуса, только не Срацынскаго или Маврскаго, а какого-то особеннаго, собственно нашимъ церквамъ принадлежавшаго. Не путешествіи ли въ орду, вольныя и невольныя, привили сей вкусъ, или одна прихоть или причудливость зодчихъ сему виною?

Послѣ царя Ивана Васильевича III и до Петра у насъ бывали зодчіе Европейцы. Они ввели въ Россію Италіянско-Готическое зодчество и соорудили многіе храмы и зданія въ семь вкусъ.

Церковь Василія блаженнаго въ Москвѣ всегда обращала на себя особенное мое вниманіе. По общей пирамидальной формѣ ее причислить должно къ зданіямъ Готическаго вкуса, а по девяти куполамъ ея, изъ коихъ одинъ другаго страннѣе и одинъ другаго за-

тѣйливѣ, она есть произведеніе, не подходящее ни подъ какой вкусъ зодчества, произведеніе, можетъ быть единственное въ своемъ родѣ въ цѣлой Европѣ по своей странности. Предки наши не имѣли и не могли имѣть понятія о красотѣ зданій. Они менѣе просвѣщены были другихъ Европейцевъ; богатство составляло крайнюю цѣль украшеній церковныхъ. И вызываемые иностранные зодчіе строили, сообразуясь со вкусомъ земли, въ которой находились. Отъ того-то нѣкоторые старинные памятники зодчества въ Россіи имѣютъ что-то свое.

Обратимся къ ваянію. При введеніи христіанской вѣры въ Россіи кумиры истреблены, и отъ Владиміра до Петра вѣроятно не было въ Россіи ни одной статуи, исключая однакожь изваяній золотыхъ и серебряныхъ, разные предметы изображающихъ, которыя могли быть присылаемы царямъ въ пода-

рокъ отъ дворовъ Европейскихъ, или приобретаемы отъ иностранцевъ покупкою, и украшали палаты царскія, если не по достоинству художества, то по цѣнности вещества, изъ котораго состояли. Упомянуть о рѣзбѣ изъ дерева, украшеній для иконостасовъ и проч. т. п., почитаю излишнимъ. Золото или позолота давали цѣну имъ, а не искусство.

Петръ великій первый имѣлъ у себя во дворцѣ статуи. Онъ первый цѣнилъ сіе искусство. Венера, извѣстная подъ именемъ Таврической (она находится въ Таврическомъ дворцѣ) одно изъ первоклассныхъ твореній древности, какъ увѣряютъ, куплена имъ. Это чудесное произведеніе лучшихъ временъ Греціи едва ли извѣстно теперь въ чужихъ краяхъ, но оно достойно соперничества съ Венерою Медицисскою и въ нѣкоторомъ отношеніи даже превосходитъ ее. Венера Та-

вическая есть дѣва, Венера Медицинская—жена.

Въ царствованіе Елисаветы произведена конная статуя Петра великаго что предъ бывшимъ Михайловскимъ замкомъ, и императрицы Анны Іоанновны стоящей, достойная нѣкотораго вниманія по искусству, но кѣмъ именно, точно неизвѣстно; послѣднюю приписываютъ графу Растрелли: слѣдовательно онъ былъ и ваятель. Мало-помалу появились ваятельныя произведенія въ Россіи, но до Гордѣева не было ни одного ваятеля Русскаго.

Теперь будемъ говорить о художникахъ нашихъ.

По части ваянія:

Гордѣевъ. Онъ былъ изъ первыхъ художниковъ, вышедшихъ изъ Академіи при Екатеринѣ. Получивъ твердыя начала въ рисованьи, онъ зани-

мался своимъ искусствомъ подь руководствомъ Жилета, образовавшаго многихъ достойныхъ ваятелей. Вкусъ Гордѣва былъ чистый, дѣпка прелестная, стиль складокъ въ одеждахъ приближающійся къ древнему Греческому. Онъ произвелъ многія весьма достойныя вещи. Скажу объ одной небольшой фигуркѣ, изображающей осень, изъ обожженной глины. Сіе прекраснѣйшее произведеніе сдѣлано подь пару Фальконетовой фигуркѣ Веснѣ, и не боюсь сказать, несравненно превосходитъ сей послѣдней. Ты не повѣришь? Но я желалъ бы, чтобы ты имѣлъ случай сравнить сіи два произведенія. Имѣя вкусъ образованный и любя правду, ты отдалъ бы справедливость Гордѣву, при всемъ томъ, что ты Русскихъ мало знаешь.

Шубинъ также былъ весьма отличный ваятель. Его бюсты живы; тѣло въ нихъ есть совершенное тѣло; всѣ

возвышенія безъ сухости и безъ излишней мягкости. Въ семь родъ произведеній онъ единственъ; но въ статуяхъ имѣлъ менѣе удачи. Въ постановленіяхъ и положеніяхъ вкусъ современный французскій.

Щедринъ (Федось, братъ пейзажиста) отличался лѣткою; будучи въ Парижѣ, онъ изучалъ произведенія славнаго Пигалья и, возвратясь въ отечество, произвелъ нѣкоторыя вещи во вкусъ его прекрасно. Щедринъ въ произведеніяхъ своихъ не искалъ красоты идеальной: онъ слѣдовалъ природѣ съ большимъ успѣхомъ. Марціасъ, спящій Эндиміонъ, его копія съ несравненнаго мальчика Пигалева и несеніе креста, барельефъ въ Казанской церкви, суть лучшія произведенія, которыя онъ когда либо сдѣлалъ.

Козловскій былъ истинный геній. Воображеніе пламенное, сочиненіе умное, исполненіе рѣшительное, отличали все

выходившее изъ рукъ сего знаменитаго художника. Онъ былъ славный рисовальщикъ. Почитатель и подражатель Буонаротія, Козловскій иногда, подобно сему знаменитому ваятелю, увлекался желаніемъ блеснуть познаніями своими въ анатоміи и излиествовалъ въ выраженіи мускуловъ. Трудно впрочемъ опредѣлить, какое лучшее произведеніе его. Они всѣ прекрасны, всѣ имѣютъ одни и тѣже достоинства и (я говорю съ тобою, а не съ его записными почитателями) почти всѣ одинъ и тотъ же недостатокъ. Дѣвочка, сидячая фигура изъ мрамора, принадлежащая императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, кажется, чужда онаго. и потому можетъ почестъся въ числѣ изыннѣйшихъ его произведеній. Колосальная статуя Суворова на Суворовской площади здѣсь въ С.-Петербургѣ, и Самсона, въ Петергофѣ поставленная, произведены также

Козловскимъ. Художникъ сей много трудился; въ Императорскомъ Эрмитажѣ есть его фигура Геній изъ мрамора и нѣсколько небольшихъ произведеній изъ обожженной глины.

Мартосъ. Творенія сего знаменитаго художника и имя его извѣстны въ цѣлой Европѣ. Онъ принадлежитъ къ числу превосходнѣйшихъ ваятелей новѣйшаго времени. Въ Россіи онъ можетъ похвастаться лучшимъ изъ всѣхъ, какихъ она имѣла и имѣетъ доселѣ. Современникъ Гордѣева, Шубина, Щедрина и Козловскаго, онъ избралъ другіе пути въ своемъ искусствѣ. Обдуманное подражаніе древнимъ постепенно усовершенствовало стиль его, и нѣкоторыя произведенія, имъ исполненныя изящны въ высшей степени. Онъ менѣе пылокъ, нежели каковъ былъ Козловскій, но произведенія его болѣе удовлетворительны въ глазахъ безпристрастнаго критика. Мартосъ рѣдко

поражаетъ своими твореніями съ перваго взгляда; но они тѣмъ болѣе привлекаютъ вниманіе, чѣмъ болѣе смотришь на нихъ; произведенія Мартоса не имѣютъ столько прелести и движенія сколько творенія знаменитаго Кановы, но они не имѣютъ за то ничего манернаго, ничего принужденнаго, ничего излишествующаго. Благородство есть отличительный характеръ сочиненій Мартоса: выполненіе его вѣрно, тщательно, пріятно; въ драпированіи фигуръ онъ превосходитъ Канову, а въ барельефахъ и особенно многосложныхъ онъ едва ли теперь имѣетъ себѣ равнаго.

Предѣлы письма не позволяютъ мнѣ распространяться въ изчисленіи произведеній Мартоса, ихъ очень много; но я не могу не поименовать тебѣ по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ.

Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежатъ памятники, украшающіе садъ

Павловска. Барельефъ, представляющій Гименя, потушающаго пламеникъ (на памятникѣ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ), можетъ итти наряду съ произведеніями древнихъ Грековъ; памятникъ Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, извѣстный тебѣ по гравировкѣ заглавнаго листа въ сочиненіяхъ Жуковскаго (изд. перв.), есть также одно изъ лучшихъ твореній Мартоса; памятникъ Императору Павлу и въ особенности барельефъ, помѣщенный на цоколѣ онаго, изображающій Августѣйшее семейство, оплакивающее потерю отца и государя своего, особенно превосходенъ; статуя Актеона, колоссальный памятникъ гражданину Минину и князю Пожарскому и многія другія произведенія Мартоса приносятъ честь ему и Россіи. Художникъ сей уже въ преклонныхъ лѣтахъ; но силы генія его еще не угасаютъ: послѣднія его работы не усту-

пають тѣмъ, которыя имъ исполнены въ лучшія лѣта жизни; онъ и теперь трудится.

Посылаю тебѣ рисунокъ съ одного изъ послѣднихъ произведеній сего знаменитаго художника, не съ тѣмъ, чтобы я почиталъ его прѣвосходнѣйшимъ (изъ работъ Мартоса трудно сдѣлать подобный выборъ), но оно подаетъ два важные предмета къ размышленію: вопервыхъ назначеніе и мысль сего произведенія, а вовторыхъ искусство художника.

Одинъ набожный вельможа, приготовивъ въ церкви помѣстья своего для себя гробъ, хотѣлъ украсить оный изваяніемъ Ангела-хранителя, держащаго въ одной рукѣ образъ, даръ и благословеніе родителей, а въ другой лампаду, всегда горящую: подобіе пламеннаго усердія къ Богу правосудному. Это выполнено Мартосомъ: изъ рисунка ты можешь судить о художе-

ственномъ достоинствѣ сего священнаго изванія. Сочиненіе фигуры въ особенности отвѣчаетъ простотѣ и величію мысли, святости предмета и важности назначенія.

Прокофьевъ есть послѣдній изъ ваятелей Екатеринина вѣка. Его произведенія, въ стилѣ современномъ Французскомъ, уступаютъ въ строгости формъ произведеніямъ Мартоса: но они дышутъ жизнію. Смотри на нихъ, забываемъ, что видимъ предъ собою мраморъ или бронзу. Актеонъ его, преслѣдуемый своими собаками, спящій пастушокъ и Морфей превосходны. Въ Петергофѣ есть его работы: богъ рѣки Волхова и Тритоны. Чувство, знаніе и смѣлость отличаютъ вообще дѣлку сего художника. Онъ довольно трудился. Барельефы его имѣютъ большія достоинства: сочиненіе умное, исполненіе свободное, рѣши-

тельное. Нѣкоторые окончены какъ нельзя лучше.

По части зодчества

явились въ царствованіе Екатерины великой слѣдующіе художники:

Волковъ, художникъ превосходный. Онъ имѣлъ дарованія необыкновенныя. Зданія, имъ сооруженныя, исполнены чистоты вкуса и совершенной сообразности съ ихъ назначеніемъ. Странно видѣть употребляемыя иными зодчими украшенія, несоответственныя характеру строеній; портики, колоннады и проч., приличныя храмамъ, дворцамъ или домамъ огромнымъ, приставляемыя къ магазинамъ, конюшнямъ и тому подобнымъ, несравненно низшее назначеніе имѣющимъ постройкамъ. Волковъ не имѣлъ сего излишества. У него все у мѣста, все ктати; онъ много строилъ. Нѣкоторые зданія его

могутъ почестся образцовыми. Къ числу сихъ принадлежитъ Соляной городокъ (магазинъ для храненія казенной соли) на берегу Фонтанки, и казенный пивоваренный заводъ, что на Выборгской сторонѣ здѣсь въ С. Петербургѣ.

Захаровъ одинъ изъ величайшихъ зодчихъ въ Россіи. Онъ, служа долго профессоромъ архитектуры въ Академіи Художествъ, образовалъ весьма много отличнѣйшихъ художниковъ. Его проекты возобновленія Исакиевской церкви и соединенія зданій Академіи Наукъ принадлежащихъ колоннадами, превосходны въ обширнѣйшемъ значеніи слова; по его же проекту возобновлено главное Адмиралтейство въ С. Петербургѣ, зданіе огромнѣйшее и, можно сказать, единственное по чистотѣ архитектуры, согласію частей, соразмѣрности во всемъ и изящному стилю. Мельниковъ, зодчій, извѣстный

необыкновенными дарованіями своими, обязанъ Захарову развитіемъ и усовершенствованіемъ оныхъ.

Михайловъ (Андрей) достойный отличнаго вниманія по многимъ прекраснѣйшимъ зданіямъ здѣсь и внѣ столицы. Въ С.-Петербургѣ произведены имъ Екатерининская церковь, домъ Россійской Академіи, и много домовъ частныхъ. Достопочтенный художникъ сей былъ сотрудникомъ Захарова по Академіи и теперь служить ей съ величайшею пользою. Опытностію и навыкомъ онъ приобрѣлъ глубокія познанія по своей части. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ проектовъ его превосходны.

Воронихинъ, извѣстный сооруженіемъ Казанской церкви, Горнаго корпуса, колоннады въ Петергофскомъ саду и проч. Онъ былъ въ большой славѣ. Теперь его критикуютъ особенно за Казанскую церковь, однако храмъ сей хотя и имѣетъ нѣкоторыя несо-

вершенства, можетъ стать на ряду съ весьма хорошими церквами въ Европѣ. Мѣстное положеніе, не позволившее помѣстить колоннаду отъ главнаго входа, причиною тому, что она примкнута къ боковой фасадѣ церкви; отъ этого и самая церковь теряетъ много виду, и куполь ея, довольно огромный, кажется слишкомъ малымъ по соразмѣрности со всею массою зданія; впрочемъ, разсматривая сію церковь безпристрастно, найдешь въ ней много достоинствъ; детали (подробности) вообще прекрасны. У Воронихина нельзя отнять его дарованій: онъ былъ весьма искусный художникъ и особенно отличался внутреннимъ украшеніемъ домовъ.

Демерцовъ и Михайловъ (Александръ) равно принадлежать къ числу весьма хорошихъ зодчихъ сего же времени. Первый извѣстенъ сооруже-ніемъ церкви Св. Сергія и Знаменія

здѣсь въ С.-Петербургѣ, изъ коихъ въ послѣдней внутренность особенно прекрасна, а второй построениемъ Литейной, принадлежащей Академіи Художествъ, многими другими строеніями казенными и частными и нѣкоторыми проектами, большое достоинство имѣющими.

О гравированіи на мѣди я не сказалъ еще ни слова, хотя и упомянулъ о двухъ граверахъ Русскихъ, явившихся при Елисаветѣ. Впрочемъ о семъ искусствѣ мало можно сообщить любопытнаго.

До Петра I не было у насъ гравировъ. Онъ вызвалъ нѣкоторыхъ изъ чужихъ краевъ. Въ числѣ ихъ не было отличныхъ. При Елисаветѣ же приглашенъ въ Россію знаменитый Шмитъ для выгравированія портрета Ея Величества, писаннаго въ ростъ художникомъ Токе. Этотъ гравёръ, одинъ изъ славнѣйшихъ своего времени, оста-

вался долго въ Россіи и образовалъ Колпакова и Чемезова, упомянутых мною прежде. При Екатеринѣ были у насъ довольно изрядные гравёры иностранцы; изъ Русскихъ же отличились: Скородумовъ, котораго справедливо можно назвать нашимъ Бартолоціемъ, онъ былъ весьма хорошей рисовальщикъ, (достоинство рѣдкое въ гравёрѣ) и произвелъ нѣкоторые эстампы пунктировальнымъ манеромъ превосходно.—Берсенева, который гравировалъ грабштихомъ (au burin) чрезвычайно хорошо. Эстампъ его съ картины Лосенка, представляющей Св. Апостола Андрея, исполненъ отлично. По твердости рисунка, чистотѣ штриховъ и точному выполнению картины, это произведение можетъ похвастаться изъ лучшихъ вышедшихъ доселѣ въ Россіи. Берсенева скопировалъ въ большомъ форматѣ эстампъ славнаго Эделинга съ картины Филиппа де Шам-

пань, представляющей Моисея, нынѣ находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ и произвелъ другія достойныя работы. Къ сожалѣнію оба художника сіи жили не долго. Кошкинъ, ученикъ Берсенева, также могъ бы быть отличнымъ граверомъ, но обстоятельства отвлекли его отъ занятія снмъ искусствомъ; о другихъ же граверахъ упоминать почитаю излишнимъ.

По части рѣзбы на камняхъ и стали были въ Россіи при Екатеринѣ: Вернье и Егеръ иностранцы, а изъ Русскихъ Васильевъ и потомъ Алексеевъ. Но лучшимъ въ сіе время почитался Леберехтъ, пріятностію лѣпки изъ воску и чрезвычайною отдѣлкою работъ своихъ замѣчательный.

Такимъ образомъ не было ни одного почти рода художествъ, въ которомъ бы не явились при Екатеринѣ Русскіе художники отличные; но, должно сказать правду, они мало или не такъ

какъ бы должно занимаемы были публикою. Иностранные, въ числѣ которыхъ были конечно превосходные, и болѣе посредственныхъ, вообще выигрывали во мнѣніи передъ Русскими. Князь Потемкинъ-Таврическій едва ли не одинъ былъ, который предпочиталъ своихъ чужеземцамъ и ни мало отъ того не былъ въ проигрышѣ. Дома его, что нынѣ Аничковской и Таврической дворцы, были первый передѣланъ, а послѣдній вновь сооруженъ известнымъ Старовымъ. Онъ употреблялъ потомъ Волкова. Многихъ художниковъ имѣлъ онъ при себѣ и особенно любилъ Русскихъ. Немногіе вельможи слѣдовали его примѣру; причина ясна: чтобы безошибочно судить о художествахъ, нужны познанія; чтобы поддерживать оныя, нужна любовь; чтобы имѣть довѣріе къ художникамъ, нужно убѣжденіе въ ихъ достоинствѣ; а въ то время по недавнему образо-

ванію Академіи большая часть богатыхъ любителей, избалованные возможностью, которую подавала Французская революція приобрѣтать вещи превосходныя славныхъ мастеровъ за безцѣнокъ, и не думали о русскихъ художникахъ.

Одни зодчіе наши были не безъ занятій; но всѣ прочія искусства не обращали на себя должнаго вниманія публики.

Не такъ мыслила, не такъ дѣйствовала Императрица. Великая умѣла быть великою во всемъ; и хотя, какъ увѣряють старики, она признавалась, что не имѣла склонности ни къ музыкѣ, ни къ искусствамъ, однако, зная, что науки и искусства необходимы въ государствѣ, всегда покровительствовала, ободряла, лелѣяла и тѣ и другія. Русскіе съ дарованіями были ей дѣтьми. Она любила ихъ какъ мать, она одна поддерживала всякаго

достойнаго художника русскаго, занимала ихъ и пеклась о томъ, чтобы они имѣли способы трудиться. Эрмитажъ, любимое мѣстопробываніе Императрицы, былъ наполненъ художниками. Государыня не оставляла ни одного почти безъ того, чтобы не сказать милостиваго слова, не ободрить похвалою или покупкою для себя произведенія достойнаго. Зодчество въ ея время возвысилось. Церкви, дворцы и публичныя зданія, здѣсь и въ другихъ мѣстахъ Россіи сооруженныя Русскими, удостовѣряютъ въ этомъ. Живопись также усовершилась. Ваиіе блистательнымъ образомъ явилось вновь; и хотя справедливо, что художники, посвятившіе себя послѣднему, мало имѣли тогда случаевъ къ произведеніямъ важнымъ; однако жъ одинъ Георгіевскій залъ въ Зимнемъ дворцѣ, отдѣланный по проекту славнаго Гваренги и украшенный мраморными ваи-

тельными работами Гордѣва, Мартоса, Козловскаго и Шубина (если бы не было другихъ превосходныхъ художественныхъ памятниковъ времени Екатерины) доказываетъ, сколько желала она видѣть увѣковѣченнымъ отличное искусство Россіянъ, ей современныхъ.

Весьма бы я желалъ исчислить самое главнѣйшее, что произведено Русскими по части художествъ при Екатеринѣ, но это невозможно: предѣлы письма слишкомъ для того тѣсны. Впрочемъ ты могъ замѣтить изъ сказаннаго мною, что искусства въ Россіи въ самое короткое время, по учрежденіи Академіи, сдѣлали исполнскій шагъ впередъ.

Что жъ было бы, еслибы умы совершенно готовы были воспользоваться вполне сими успѣхами!

Нельзя не уважать дарованій, въ комъ бы они ни были и гдѣ бы ни явились, это правда; но любить укра-

шающія отечество, ихъ поддерживать, возвышать: обязанность всякаго, кто имѣетъ къ тому средства, у кого есть любовь къ странѣ родной и кто желаетъ ей чести, славы и пользы.

Великіе умы, гени необыкновенные принадлежать всему человѣчеству; но слава ихъ есть неотъемлемая собственность той земли, въ которой они родились и созрѣли.

Помни это, любезной другъ! Твое образованіе, умъ, родъ, знатность, все ручается за то, что ты можешь нѣкогда возвыситься на степень человѣка государственнаго. Истина сія тебѣ пригодится. Мы Русскіе еще и теперь не можемъ хвалиться много тѣмъ прекраснымъ, благороднымъ чувствомъ, которое называютъ гордостію національною. Это единственная бѣда наша. Прощай!

П и с ь м о IV.

Кратковременное царствованіе императора Павла ознаменовано превосходными памятниками искусствъ изящныхъ. Онъ любилъ художества, чувствовалъ холодность публики къ произведеніямъ художниковъ отечественныхъ и собственнымъ примѣромъ доказалъ несправедливость малаго ея къ нимъ довѣрія. Петергофъ украшенъ въ его время множествомъ бронзовыхъ статуй, исполненныхъ Козловскимъ, Мартосомъ, Щедринымъ и Прокофьевымъ; для Михайловскаго замка многія картины и статуи произведены русскими художниками; отлиты нѣкоторыя по формамъ, снятымъ съ древнихъ образцовыхъ произведеній для украшенія императорскихъ садовъ; умножилось число прекраснѣйшихъ храмовъ и зданій въ столицахъ и внутри Имперіи; рѣшено сооруженіе Ка-

занскаго Собора и, словомъ, художники русскіе произвели въ это время столько истинно достойныхъ твореній, что тотъ, кто не знаетъ Россіи, не повѣритъ, чтобы пять лѣтъ были къ тому достаточны. Императоръ уважалъ Баженова, Шедрина (пейзажиста) и многихъ другихъ славныхъ нашихъ художниковъ. Онъ былъ отмѣнно милостивъ ко всѣмъ, кто имѣлъ даръ и могъ содѣйствовать трудами своими чести Россіи. Императрица Марія Теодоровна, слѣдуя врожденной любви ея къ изящному, равнымъ образомъ ободряла и покровительствовала дарованія. Мартосъ многими случаями къ произведенію ваятельныхъ твореній обязанъ Ея Величеству.

Въ семъ состояніи были художества въ Россіи, когда взшелъ на престолъ Императоръ Александръ.

Немногіе изъ художниковъ, отличившихся при Екатеринѣ, не дожили до

сего счастливѣйшаго вѣка; прочіе произвели лучшія свои творенія въ это время. Другіе явились вновь для славы своего отечества. Академія Художествъ, подъ начальствомъ незабвеннаго графа А. С. Строганова, благодѣтеля художниковъ русскихъ, получила новыя милости отъ щедротъ монаршихъ. Сооружена соборная церковь Казанскія Божія Матери, знаменитая многими славными твореніями лучшихъ нашихъ художниковъ. Воздвигнуты зданія, памятники. Столицы, города, села получили новый видъ. Вкусъ распространился повсемѣстно; правительство дало случай и средства отличиться художникамъ нашимъ, и художества въ Россіи достигли той степени, на которой находятся они въ образованнѣйшихъ странахъ Европы. Соперничество лучшихъ италіанскихъ и французскихъ художниковъ нынѣ для Русскихъ не страшно.

Ты, л. д., можетъ быть, подумаешь, что я сказалъ симъ слишкомъ много; но, прошу тебя, не спѣши судить мои выраженія; я говорю самую строгую истину. Ты убѣдишься въ ней, когда болѣе познакомишься съ Россією. Отбрось только предубѣжденія и смотри на все прямыми глазами.

Въ царствованіе Императоровъ Павла и Александра, Академія образовала и еще не менѣе тысячи художниковъ.

Вотъ имена превосходнѣйшихъ По части живописи исторической: Егоровъ, Шебуевъ, Ивановъ (Андрей), Безсоновъ, Сазоновъ, Басинъ, Бруни, Брюловъ (Карлъ); по портретной: Варникъ, Кипренскій, Венеціановъ; по перспективной: Воробьевъ; по пейзажной: Щедринъ (Сильвестръ), Боде; по части гравированія на мѣди: Уткинъ, Ческій, Галактіоновъ и Скотниковъ; по части вааянія: Демуть-Малиновской, Пименовъ, Соколовъ, Гольбергъ. Кры-

ловъ; по части рѣзбы на металахъ: графъ Толстой и Шпловъ; рѣзбы на крѣпкихъ камняхъ: Доброхотовъ; по части зодчества: Стасовъ, Мельниковъ, Гомзинъ, Беретти, Дудинъ, Калашниковъ, Глинка, два брата Тоны, Мейеръ, Эльсонъ, Брюловъ (Александръ) и пр. Изъ числа сихъ художниковъ нѣкоторые могутъ быть поставлены наряду съ первостепенными иностранными художниками.

Егоровъ есть художникъ, обладающій необыкновенными дарованіями, рисовальщикъ, какихъ мало имѣетъ Европа. Ему удивлялись въ Римѣ: стиль его благородный, изящный, возвышенный. Въ сочиненіи онъ превосходенъ. Живопись его пріятна, обворожительна. Если бы картины, имъ производимыя, были всегда равной силы, а лица имѣли болѣе выраженія, и наконецъ если бы воздушная и линейная перспективы въ его произве-

деніяхъ совершенно удовлетворяли строгаго критика; то я сказалъ бы: это нашъ Рафаэль. но болѣе близкій къ древнимъ, нежели Санціо. Егоровъ произвелъ за десять лѣтъ предъ сямъ картину истязанія Спасителя въ темницѣ. Знаменитая вообще картина сія имѣеть такія части, которымъ удивляться, скажу болѣе, предъ которыми благоговѣть должно. Фигура, изображающая Спасителя, и въ особенности туловище ея, нарисована неподражаемо. По изяществу стилия и формъ это антикъ: шея, грудь и плеча сей фигуры совершенны въ высочайшей степени. Фигура, привязывающая руки Спасителя къ столбу, выполнена съ такимъ знаніемъ и вѣрностію, что украсила бы и лучшее твореніе Аннибала Караччи. Сочиненіе вообще сей картины весьма умно. Спаситель введенъ въ темницу. разоблаченъ; одинъ изъ свершителей казни привязываетъ руки Его,

какъ я сказалъ уже; другой, держа розги, ждетъ съ звѣрскимъ нетерпѣн-емъ минуты истязанія; воинъ, стоящій позади, дерзаетъ въ безуміи своемъ укорять Богочеловѣка; но Сей, возведя очи къ небу, молитъ Отца Своего да проститъ имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ. Въ лицѣ Спасителя много выражено. Можно бы пожелать еще болѣе; но это такое желаніе, котораго никто еще не выполнялъ доселѣ. Надобно имѣть силы свѣше силъ человѣка, чтобы изобразить Бога, хотя и въ человѣческомъ образѣ. Картину сію иные судили съ излишнею строгостію; но есть ли хотя одно произведеніе художественное, которое во всѣхъ частяхъ было бы равно совершенно? И Аполлонъ Бельведерскій и Лаокоонъ не чужды погрѣшностей. Знающій человекъ ихъ видитъ, но при всемъ томъ удивляется симъ безсмертнымъ твореніямъ.

Я распространился о произведеніи Егорова, потому что оно есть лучшее изъ всѣхъ произведеній живописи въ Россіи, и, говоря правду, едва ли наша школа произведетъ скоро что либо подобное.

Егоровъ написалъ весьма много картинъ: двѣ въ Казанской церкви, достойныя кисти Гвидо Рени. Св. Иеронимъ (у графа Г. В. Орлова) и Спаситель, явившійся Магдалинѣ въ видѣ вертоградара (у г. Масалова) суть, кажется, лучшія изъ картинъ Егорова послѣ Истязанія Спасителя. Небольшія кабинетныя картины Егорова неогцѣнены. Св. Семейство, изъ трехъ фигуръ, что въ Эрмитажѣ, сочинено, нарисовано и написано въ совершенствѣ. Егоровъ любитъ страстно свое искусство. Онъ неутомимъ въ трудахъ. Его священныя изображенія для церквей, по стилю, рисунку и благородству сочиненія, могутъ навсегда остаться

ся образцовыми. У Егорова есть много сочиненій неисполненныхъ. Избѣненіе младенцевъ, семь дней сотворенія міра и въ томъ числѣ грѣхопаденіе Адама выше всѣхъ похвалъ. Для славы Россіи желать должно, чтобы художникъ имѣлъ возможность произвести сіи сочиненія въ большомъ видѣ.

Посылаю тебѣ рисунокъ съ одной картины Егорова, изображающей Сусанну. Какъ онъ ни слабъ, но ты можешь получить изъ него нѣкоторое понятіе о семъ художникѣ. Дополни въ воображеніи совершенства живописи: пріятнѣйшій общій тонъ, сладость кисти, прелесть лица, бѣлизну и нѣжность тѣла, пурпуровую и бѣлую одежду, придающія блескъ фигурѣ, и ты не ошибешься, если почтешь эту картину однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній Егорова и по ней будешь судить о тѣхъ, которыя я называю превосходными.

Шебуевъ не менѣ славный художникъ. Достоинства его произведеній суть: сочиненіе обдуманное, рисунокъ весьма **правильный**, стиль чистый, благородный, выраженіе приличное предмету изображаемому, кисть свободная, пріятная, должное выполненіе свѣта и тѣни, большое знаніе перспективы и искусное расположеніе околнчностей. Изъ произведеній сего художника отличнѣйшія находятся въ Казанской церкви. Это три большія картины, изображающія предметы, заимствованные изъ жизни святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоустаго, картины, дающія Шебуеву право на почетнѣйшее мѣсто въ числѣ первѣйшихъ современныхъ художниковъ Европы. Въ сихъ картинахъ соединены всѣ условія живописи. Одинъ колоритъ только темновать нѣсколько; впрочемъ и сей недостатокъ, если только можно назвать это недо-

статкомъ, не отымаеть ни сколько достоинства отъ сихъ несравненныхъ твореній. Общій тонъ ихъ, спокойный для глазъ, вселяеть въ зрителя нѣкоторое особое чувство благоговѣйнаго вниманія, столь приличное при воззрѣнн на произведенія священныя. Взятіе Божіей Матери на небо, картина въ Казанской церкви, написанная съ находящагося нынѣ въ Эрмитажѣ эскиза г. Шебуева, сочинена превосходно. Въ церкви Царскосельскаго дворца есть плафонъ руки сего же художника, произведеніе прекрасное и огромнѣйшее изъ всѣхъ, какія были произведены доселѣ русскими живописцами. Подробное описаніе онаго ты можешь найти въ Журналѣ изящныхъ искусствъ.

Шебуевъ отъ времени получилъ необыкновенную практику; пишетъ чрезвычайно ловко; манеръ послѣднихъ произведеній его исполненъ свободы

и вкуса; но знатокъ болѣе удивляется тѣмъ, которыя находятся въ Казанской церкви и, можетъ быть, потому, что исполненіе ихъ вѣриѣ и окончательнѣе. Есть впрочемъ нѣкоторыя и изъ новыхъ работъ Шебуева, неуступающія работамъ, упомянутый храмъ украшающимъ. Изъ сочиненій г. Шебуева неисполненныхъ два весьма многосложныя, особенно примѣчательны: крещеніе народа въ Кіевѣ и Спаситель предъ Пилатомъ. Желательно, чтобы художникъ произвелъ сіи картины. Судя по достоинству сочиненія, онѣ были бы безъ сомнѣнія превосходнѣйшими.

Я забылъ тебѣ сказать еще объ одной картинѣ г. Шебуева, находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ и изображающей Іоанна Крестителя, младенца, утоляющаго жажду. Простота сочиненія фигуры, прекрасно расположенная околичность и исполненіе

вообще пѣняютъ зрителя. Къ сожалѣнію картина сія, не знаю, отъ какой причины, много потерпѣла. Чтобы предупредить для тебя потерю сего произведенія (ты, можетъ быть, не скоро еще будешь въ Петербургѣ) посылаю рисунокъ.

Ивановъ (Андрей) и Безсоновъ также принадлежатъ къ числу отличныхъ нашихъ художниковъ. Первый особенно достоинъ вниманія по тому усердію, съ которымъ онъ печется объ образованіи молодыхъ художниковъ. Воспитываясь вмѣстѣ съ Егоровымъ и Шебуевымъ, онъ былъ ихъ соперникомъ, но по обстоятельствамъ семейнымъ не могъ быть въ Римѣ и образовать, какъ они, свой вкусъ классическими твореніями мастеровъ великихъ. Впрочемъ онъ произвелъ много вещей прекрасныхъ. Ивановъ сочиняетъ хорошо, драпируетъ фигуры со вкусомъ, даетъ силу картинамъ своимъ

и имѣть надлежащія свѣдѣнія въ перспективѣ. Безсоновъ написалъ много прекрасныхъ плафоновъ. Есть и картины его весьма достойныя.

Сазоновъ, Басинъ, Бруни и Брюловъ (Карль) художники молодые, общають весьма много. Послѣдній соединяетъ въ себѣ всѣ дарованія, нужныя для совершеннаго живописца.

Варникъ и Кипренскій, два превосходные портретисты наши, немногихъ имѣють соперниковъ въ Европѣ. Они идутъ разными дорогами въ своемъ искусствѣ къ одной цѣли: совершенству. Варникъ рисуетъ чрезвычайно вѣрно; въ выполненіи свѣта и тѣни, въ переходѣ и точности тоновъ, въ знаніи воздушной перспективы и сочиненіи неподражаемъ. Публика не всегда справедливо осуждаетъ его за колоритъ. Кипренскій рисуетъ не столь строго, но его кисть весьма пріятна, краски блестящи, отработка чрезвы-

чайна. Въ перспективѣ онъ весьма силенъ. Варникъ удивляетъ знатоковъ безпристрастныхъ; Кипренскій нравится вообще. Произведенія Варника превосходны; Кипренскаго прекрасны. Собственный портретъ, Варникомъ написанный, освѣщенный солнцемъ, есть единственная вещь въ своемъ родѣ. Онъ много писалъ портретовъ, писалъ историческія картины, пейзажи и выдѣлывалъ небольшую фигуру умирающаго Филоктета. Во всякомъ изъ сихъ родовъ Варникъ оказалъ дарованія необыкновенныя.

Кипренскій также произвелъ много отлично хорошихъ вещей. Одна изъ лучшихъ: молодой отдыхающій садовникъ, находится въ Эрмитажѣ. Изъ прилагаемаго рисунка ты будешь видѣть сочиненіе ея, умный выборъ натуры прелестной, можешь представить себѣ какъ сильна должна быть картина, и конечно согласишься, что Ки-

пренскій есть одинъ изъ отличнѣйшихъ художниковъ русскихъ.

Венеціановъ извѣстенъ какъ портретистъ и живописецъ сельскаго домашняго рода. Онъ много произвелъ прекраснѣйшихъ вещей сухими красками. Его произведенія нравятся вѣрностію и пріятностію красокъ и чрезвычайною точностію въ исполненіи свѣта и тѣни. Лучшія и, можно сказать, отличнѣйшія въ своемъ родѣ произведенія его суть: внутренность гумна, спящій мужичокъ и деревенское утро, семейство за чаемъ. Первая находится въ Эрмитажѣ. Въ картинѣ сей художникъ превосходно выполнилъ дѣйствіе трехъ свѣтовъ, входящихъ во внутренность гумна: вдали черезъ открытыя ворота, съ боку также черезъ ворота и спереди черезъ отверстіе или окно въ крышѣ.

Воробьевъ, живописецъ перспективный, произвелъ много превосходныхъ

картинъ. Лучшія находятся въ Эрмитажѣ. Онѣ представляютъ наружный видъ храма Воскресенія Христова въ Иерусалимѣ, внутренность придѣла Голгофы той же церкви и церкви св. Елены, написанныя имъ по возвращеніи изъ путешествія въ Палестину. Художникъ сей принадлежитъ къ числу отличнѣйшихъ современныхъ художниковъ.

Щедринъ, пейзажистъ, весьма уважаемый въ самомъ Римѣ. Россія не имѣла еще подобнаго. Бодѣ художникъ съ большими дарованіями.

Объ Уткинѣ ты слыжалъ конечно въ Парижѣ. Онъ тамъ прославился гравированіемъ и въ Россіи поддерживаетъ прекрасными произведеніями своими славу, справедливо пріобрѣтенную имъ въ отечества. Граверы наши: Галактіоновъ, Ческій и Скотниковъ произвели весьма хорошія вещи и конечно были бы также извѣстны въ

чужихъ краяхъ, если бы гравированіе представляло въ Россіи болѣе случаевъ къ важнымъ занятіямъ.

Ваятели наши Демуть-Малиновскій и Пименовъ имѣютъ большія достоинства. Лучшія произведенія ихъ находятся въ Казанской церкви. Русскій Сцевола, статуя, исполненная первымъ, какъ подражаніе натурѣ, прекрасна.

Гольбергъ и Крыловъ подають о себѣ чрезвычайныя надежды. Первый въ дѣлѣ можетъ похвастаться лучшимъ изъ художниковъ русскихъ, нынѣ существующихъ. Его бюсты неподражаемы. О произведеніяхъ сихъ двухъ художниковъ можешь узнать въ Журналѣ изящныхъ искусствъ.

Соколовъ также заслуживаетъ вниманія, какъ отличный ваятель. Его статуя: молочница съ разбитымъ кувшиномъ, прелестна.

О графѣ Толстомъ я говорить не буду. Его знаютъ въ Европѣ. Произ-

водимыя имъ медали на знаменитыя происшествія отечественной войны 1812, 1813 и 1814 годовъ, ты видѣлъ, и мнѣніе твое о величайшемъ достоинствѣ изобрѣтенія и исполненія ихъ совершенно справедливо. Графъ Толстой есть просвѣщеннѣйшій изъ художниковъ русскихъ. Дарованія его необыкновенны, а любовь къ искусствамъ безпримѣрна, и особенно у насъ, гдѣ фамильныя титула нерѣдко предпочитаютъ тѣмъ дарамъ, которые даетъ природа и которые выше всѣхъ даяній свѣта. Шиловъ извѣстенъ нѣкоторыми весьма достойными работами. Портретъ Александра, вырѣзанный Шиловымъ, весьма похожъ. Добрототовъ отличается въ рѣзбѣ на камняхъ необычайною чистотою, точностію и пріятностію исполненія. Онъ большой практикъ и въ отдѣлкѣ самыхъ малѣйшихъ предметовъ неподражаемъ.

Изъ современныхъ зодчихъ отличнѣйшіе суть: Стасовъ и Мельниковъ.

Стасовъ произвелъ весьма много зданій казенныхъ и частныхъ. Изъ первыхъ лучшимъ почитается главный конюшенный дворъ, здѣсь въ С. Петербургѣ по его проекту возобновленный. Характеръ архитектуры Стасова важенъ, подробности хорошей соразмѣрности, стиль чистый. Стасовъ первый началъ употреблять у насъ древній дорическій орденъ въ колоннахъ.

Мельниковъ имѣетъ способности необыкновенныя и чрезвычайно много вкуса. Его пропорціи изящны. Одаренный пылкимъ воображеніемъ, онъ во всемъ оригиналенъ. Старообрядческая церковь, сооружаемая здѣсь въ С.-Петербургѣ по проекту Мельникова, есть одно изъ лучшихъ произведеній новѣйшей архитектуры въ Россіи и, смѣло скажу, ни отколѣ не заимствованное. Въ сей церкви одинъ

только главный недостатокъ: она не изъ мрамора; если же есть другіе, то они ничтожны.

Мнѣ случилось видѣть проекты Михайлова, Стасова и Мельникова, дѣланные ими для соборной церкви въ столицѣ. Всѣ они превосходны; всѣ доказываютъ, что зодчіе сіи обладаютъ величайшими дарованіями. Не беру на себя рѣшить, который изъ сихъ проектовъ превосходнѣе; но еслибы ты потребовалъ моего мнѣнія, я сказалъ бы по чистой совѣсти: проектъ Михайлова прекрасенъ, проектъ Стасова величественъ, проектъ Мельникова прекрасенъ и величественъ. Я понимаю здѣсь самый послѣдній проектъ Мельникова. Онъ дѣлалъ ихъ весьма много, и сколь разнообразны они ни были, всегда держался главной мысли: правильной формы въ планѣ съ портиками равной соразмѣрности со всѣхъ четырехъ сторонъ. Гомзьянъ,

Беретти, Калашниковъ, Дудинъ, художники съ большими достоинствами. Первые два живутъ въ Петербургѣ и произвели много прекрасныхъ зданій. Беретти также трудился надъ проектомъ соборной церкви, который послѣ трехъ, упомянутыхъ выше, достоинъ занять первое мѣсто.

Нельзя забыть Витберга, который получилъ славу зодчаго проектомъ своимъ храма Спасителю. Хотя многіе зодчіе, и въ томъ числѣ знаменитый Гваренги, находили въ семъ проектѣ недостатки; но по смѣлости мысли и необъятной огромности, это произведение исполненное. Въ послѣдствіи художникъ много занимался обработываніемъ сего проекта, и вѣроятно нынѣ онъ весьма улучшенъ. Витбергъ былъ воспитанникъ Академіи и весьма хорошій живописецъ. Не это ли причиною, что зодчіе были равнодушны къ быстрымъ успѣхамъ его въ ихъ

искусствѣ и слишкомъ строго судили первый его опытъ?

Молодые художники: Глинка, два брата Тоны, Эльсонъ, Мейеръ и А. Брюловъ даютъ о себѣ весьма большія надежды. Послѣдній обѣщаетъ быть притомъ и славнымъ живописцемъ.

Литейное искусство доведено въ Россіи до совершенства. Нигдѣ въ свѣтѣ не отливаютъ такъ счастливо, такъ чисто и такихъ большихъ произведеній, какъ у насъ. Симъ обязаны Екимову, мастеру единственному въ своемъ дѣлѣ. Можаловъ былъ отличный литейщикъ въ царствованіе Екатерины.

Вотъ, любезный другъ, исчисленіе лучшихъ нашихъ художниковъ и самое поверхностное понятіе объ отличительныхъ достоинствахъ cadaго. Я не могъ тебѣ поименовать всѣхъ, заслуживающихъ того: говорилъ о тѣхъ только, которые въ продолженіе жизни

своей имѣли случай сдѣлаться извѣстными, или теперь подаютъ надежды. Но сколько было такихъ, которые скончались рано! Ротчевъ, Яненко живописцы, Воротиловъ, Моисеевъ, Кащенко ваятели, Есаковъ медальеръ и множество другихъ были люди весьма достойные, и особенно Кащенко, геній, какіе рѣдко являются. Убіеніе младенцевъ, эскизъ изъ обожженной глины въ Эрмитажъ, и взятіе Божіей Матери на небо барельефъ въ Казанской церкви, произведенія Кащенко, заставляютъ всегда жалѣть о преждевременной его смерти.

Объ иностранцахъ - художникахъ, посвящавшихъ дарованія и искусство свое служенію Россіи, не могу говорить подробно. Со временъ Екатерины и до сихъ поръ у насъ ихъ было очень много. Всякой изъ нихъ болѣе или менѣе былъ полезенъ, но услуги Гваренги, Томона и Дойена

незабвенны. За нихъ можно всегда благодарить Европу. Гваренги и Томонъ произвели при Александрѣ образцовыя зданія; Дойенъ, служа въ Академіи, способствовалъ образованію лучшихъ нашихъ живописцевъ. Изъ зодчихъ мы имѣли еще Камерона, Бренну, художниковъ достойныхъ. Теперь имѣемъ Росси (ученика Бренны) и Монферана, коему довѣрено сооруженіе Исакиевской церкви. Всѣ сіи и другіе художники имѣютъ полное право на нашу признательность, но гордиться можемъ только Русскими.

Теперь позволю представить тебѣ нѣкоторыя общія замѣчанія мои о состояніи художествъ въ Россіи.

Русская школа начало получила отъ Лосенка по части искусствъ подражательныхъ и Какоринова по части зодчества. Слѣдовавшіе за Лосенкомъ художники держались принятыхъ отъ него правилъ, въ которыхъ отражался

вкусъ времени. Мартосъ примѣромъ своимъ доказалъ преимущество подражанія древнимъ. Егоровъ и Шебуевъ утвердили хорошій вкусъ. Симъ художникамъ школа наша наиболѣе обязана; и если какой либо своенравный новый геній не уклонится отъ настоящаго пути и не повлечетъ за собою толпу, то живопись и ваиніе достигнутъ у насъ совершенства. Время это не далеко. Учрежденіе русской галереи при Эрмитажѣ и сооруженіе двухъ храмовъ Спасителю въ Москвѣ и Исакіевскаго въ С.-Петербургѣ, дадутъ новую жизнь художествамъ; а ты знаешь, что художники всегда являлись тамъ, гдѣ была въ нихъ потребность. Сверхъ того мы имѣемъ тысячи церквей, въ которыхъ живопись съ распространіемъ вкуса будетъ безъ сомнѣнія замѣнена лучшею. Вотъ весьма важныя причины возможности

возвышенія подражательныхъ художествъ въ Россіи.

Въ чужихъ краяхъ менѣе имѣютъ нужды въ произведеніяхъ значущихъ. Тамъ все наполнено. У насъ напротивъ. Мы имѣемъ нужду въ нихъ. У насъ ихъ еще слишкомъ мало.

Зодчество въ Россіи сдѣлало бѣстрѣйшіе успѣхи, потому что потребность въ прекрасныхъ зданіяхъ гораздо существеннѣе для народа, недостигшаго еще высшей степени образованности, нежели въ произведеніяхъ живописи и ваянія. Старовъ, Баженовъ, Волковъ были преемниками Каворина, но стиль ихъ былъ строже и чище. Захаровъ утвердилъ вкусъ чистый. Нынѣшнимъ художникамъ остается идти прямымъ путемъ.

Вліяніе хорошаго вкуса въ отдаленныхъ краяхъ Россіи примѣтнѣе въ зодствѣ, нежели въ живописи и ваяніи. Ваятели трудятся только для пра-

вительства и немногихъ людей частныхъ; въ провинціяхъ они были бы безъ хлѣба; а произведенія живописныя историческія и въ столицахъ и внѣ столицъ болѣе требуются для церквей; но понятія требователей еще не образовались столько, чтобы можно было произвести художнику что либо превосходное.

Одно правительство ничего не шадитъ для художествъ. Оно одно ихъ поддерживаетъ. Оно одно ихъ питаетъ.

Публика наша (я говорю о такъ называемой лучшей, которая вездѣ поддерживаетъ искусства) начинаетъ любить художества своего отечества: это доказываетъ общество поощренія художниковъ; но истинныхъ любителей мы имѣемъ слишкомъ, слишкомъ мало. Предубѣжденіе въ пользу иностранцевъ не совсѣмъ исчезло. Любовь къ искусствамъ есть, но нѣтъ любви къ русскому. Повѣришь ли, въ Петер-

бургъ нѣтъ ни одного богача, который бы имѣлъ у себя собраніе русскихъ произведеній, при всемъ томъ, что нѣтъ ни одного рода искусства, въ которомъ бы мы не имѣли художниковъ превосходныхъ, и что есть множество галлерей, наполненныхъ и прекрасными и весьма посредственными иностранными произведеніями.

Немногіе наши художники извѣстны въ чужихъ краяхъ, потому что произведенія русскія не гравированы. Если бы это было, то я увѣренъ, что и здѣсь узнали бы многіе, что въ Россіи искусства давно уже находятся на степени высокой.

Писатели наши молчатъ о русскихъ художникахъ; потому ли, что не многіе изъ нихъ знакомы съ искусствами, или по другой какой причинѣ, судить не мое дѣло. Представь, что даже и то, что я наскоро написалъ тебѣ, показалось бы для большей ча-

сти нашей публики новостію неслы-
ханною. Я готовъ былъ бы даже про-
сить тебя, чтобы ты послалъ мои
письма для напечатанія въ какомъ
либо періодическомъ изданіи, если бы
они были болѣе обработаны. Впро-
чемъ теперь ты ихъ владѣлецъ. Они
въ полной твоей волѣ.

Прощай, мой другъ! Если ты не
совершенно удовлетворенъ, не гнѣ-
вайся на меня. Со временемъ надѣюсь
написать что нибудь о состояніи ху-
дожествъ въ Россіи и подробнѣе и до-
казательнѣе. Теперь я сдержалъ слово,
представилъ тебѣ очеркъ состоянія
ихъ: и этаго на сей разъ довольно.

В.....—

ОТРЫВОКЪ.

ИЗЪ ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ Д.

Изъ Азін переѣхали мы въ Европу *) на корабль. Я тотчасъ отправился на такъ названную *Митридатову гробницу* (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшія ровъ, старыя кирпичи и только. Изъ Феодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды

*) Изъ Тамани въ Керчь.

блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы..... „Вотъ Четырдагъ“, сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ..... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный.....

Въ Юрзуфѣ жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всеѣмъ равнодушіемъ и безнечностію Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря

и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ. похжимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный переходъ его по скаламъ Кикенеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взообразились мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы. и первый предметъ, поразившій меня. была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ. хотя все еще находился въ Тавридѣ. все еще видѣлъ и

тополи и виноградныя лозы. Георгіевской монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно міеологическія преданія счастливіе для меня воспоминаній историческихъ; по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рѣшмы. Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь упокоена была
Вражда свирѣпой Эвмениды;
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла;
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось.

.....
Ч—, помнишь ли бывшее?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ

Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной.
Я прежде слыхалъ о странномъ па-
мятникѣ влюбленнаго хана. К** поэти-
чески описывала мнѣ его, называя
la fontaine des larmes. Вошедъ во дво-
рецъ, увидѣлъ я испорченный фои-
танъ; изъ заржавой желѣзной трубки
по каплямъ падала вода. Я обошелъ
дворецъ съ большой досадою на не-
бреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ,
и на полуевропейскія передѣлки нѣко-
торыхъ комнатъ. N. N. почти насильно
повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ
развалины гарема и на ханское клад-
бище.

Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непременно имъ воспользовался.

Растолкуй мнѣ теперь: почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?

ТРАКТИРНАЯ ЛѢСТНИЦА.

I had baried one and all
Who loved me in a human shape;
And the whole carth would hencefort be
A wider prison unto me:
No child—ne sire—no kin had I,
No partner in my misery;
.....

Вугон.

Все, что знавалъ, все, что любилъ,
Я невозвратно схоронилъ,
И въ области веселой дня
Никто ужъ не жилъ для меня!
Безъ мѣста на пиру земномъ,
Я . . . лишний гость на немъ.

Жуковский.

Я путешествовалъ довольно по свѣту,
и если обстоятельства не всегда были
благопріятны для наблюденій надъ цѣ-

лыми странами, по крайней мѣрѣ я не пропускалъ случаевъ разсматривать людей въ частности, и рѣдко проходило, чтобъ наблюденіе чловѣка не было для меня поучительно. Такимъ образомъ, въ одно изъ моихъ путешествій, я узналъ замѣчательнаго старика, исторію котораго постараюсь рассказать здѣсь, какъ умѣю.

Въ 1815 году, когда ѣхалъ я моремъ въ чужіе края, мнѣ надобно было остановиться на нѣсколько дней въ Копенгагенѣ, которой хотя и былъ мнѣ извѣстенъ, но за всѣмъ тѣмъ привлекалъ еще мое любопытство. Ничѣмъ незанятой, съ утра до вечера бродилъ я по городу, или гулялъ по живописнымъ окрестностямъ и любовался видомъ прекраснаго Зунда. Въ королевской трактирѣ, гдѣ была моя квартира, приходилъ я только для обѣда и ночлега; за общимъ столомъ занимали меня путешественники всѣхъ націй,

которые большею частию останавливались въ сей столицѣ для отдыха послѣ морскаго пути, совершаемаго ими въ которой нибудь изъ портовъ Балтики, или оттуда въ прочія части Европы; ввечеру я приводилъ въ порядокъ въ своемъ журналѣ мысли и замѣчанія, сдѣланныя въ продолженіе дневныхъ моихъ бродяжничествъ.

Комната моя была прямо противъ большой лѣстницы; рядомъ со мною жилъ дряхлый старикъ, котораго каждое утро трактирной слуга вывозилъ на креслахъ съ колесами къ лѣстницѣ, увозилъ въ комнату для обѣда и послѣ снова вывозилъ до вечера. Слуга, котораго спросилъ я о немъ, могъ только сказать, что онъ знаетъ его очень давно, и что всякое утро ходитъ смотрѣть, не умеръ ли этотъ скучной старикъ, которой, не смотря на то, что платитъ хорошо за услуги, надоѣлъ всѣмъ въ трактирѣ своимъ единообраз-

нымъ поведеніемъ и молчаливостію. Хозяинъ зналъ не болѣе; онъ сказалъ мнѣ его имя, сосчиталъ богатство, говорилъ много; но со всѣмъ тѣмъ я ничего не узналъ, ни кто онъ, ни почему избралъ такой странной родъ жизни.

Этаго однакоже довольно было, чтобы возбудить любопытство: я началъ наблюдать за старикомъ. Проживши нѣсколько дней въ трактирѣ, я считалъ себя нѣкоторымъ образомъ въ правѣ съ нимъ кланяться, какъ со знакомымъ; иногда сказать ему: доброе утро, или похвалить погоду, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что участіе живаго существа ему было пріятно. Датчане, какъ и всѣ сѣверные германскіе народы, не очень общежительны, и любопытства нельзя поставить имъ въ порокъ. Скупость, эгоизмъ и жизнь каждого про себя дѣлаютъ то, что сосѣдъ боится поклониться сосѣду, чтобы не ознакомиться съ нимъ короче,

и часто люди, живущіе другъ подлѣ друга всю свою жизнь, не только не знакомы, но даже не знаютъ одинъ другаго по имени. По этому самому я былъ, можетъ, единственной человѣкъ, привѣтствовавшій учтиво старика, которой, время отъ времени, привыкалъ ко мнѣ болѣе и болѣе. Ему пріятно было вниманіе чужестранца; кланяясь мнѣ, онъ снималъ теплой свой картузь и долго смотрѣлъ за мною въ слѣдъ, не покрывая своей головы, съ которой остатки бѣлыхъ волосъ виділись рѣдкими кудрями по плечамъ.

Физиономія его была пріятна, но чрезвычайно печальна; часто по цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ у лѣстницы, не примѣчая прохожихъ; но иногда какой-то признакъ улыбки сгонялъ туманъ съ блѣднаго лица, и большіе голубые глаза его оживлялись любопытствомъ. Видно было, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на

молодыхъ людей; но при видѣ женщины черты его перемѣнили выраженіе. Онъ смотрѣлъ въ ту сторону, куда она проходила; взоры его останавливались въ этомъ положеніи; голова склонялась на руку, и я часто, изъ своей комнаты, сквозь полурастворенную дверь видалъ, какъ онъ отиралъ слезы.

Наконецъ я принялъ въ немъ самое живое участіе: началъ чаще говорить съ нимъ, даже сидѣть вмѣстѣ у лѣстницы. Со всѣмъ тѣмъ замѣтилъ, что онъ охотнѣе спрашивалъ, нежели отвѣчалъ на мои вопросы. Въ разговорѣ его много было ума и образованія; и хотя онъ берегъ слова, но короткіе вопросы и еще кратчайшіе отвѣты имѣли въ себѣ удивительную силу опыта и здраваго разсудка. По немногу онъ привыкъ ко мнѣ, любилъ слушать мои рассказы, любилъ спрашивать о моемъ отечествѣ: подсматрѣвъ, что я

веду журналъ, любилъ, чтобъ я прочитывалъ ему свои замѣчанія: для меня это было незатруднительно; потому что, готовясь жить въ Германіи, я писалъ для практики журналъ свой на нѣмецкомъ языкѣ. Такимъ образомъ я довѣрялся, не требуя взаимной довѣренности, и это былъ лучший способъ выиграть ее.

Однажды, возвратясь съ утренней прогулки, остался я послѣ обѣда, за дурною погодою, дома, и, записавъ видѣнное мною въ тотъ день, вышелъ къ своему старику и сѣлъ съ нимъ у лѣстницы.

— Вы писали? спросилъ онъ меня. Желалъ бы очень слышать сегодняшніе ваши случаи.

— Охотно прочитаю, сказалъ я: сегодня для меня была пріятная прогулка. Съ этими словами я развернулъ тетрадку своего журнала и началъ:

„Сентября 15 погода по утру прекрасная. Надобно было посѣтить академію художествъ, гдѣ мнѣ хотѣлось посмотреть работы славнаго Торвальдсена. Я объѣхалъ всѣ залы и нашелъ только одно его ученическое произведеніе: Амура и Психею. Оно изрядно. Чего же болѣе для ученика? Другаго ничего нѣтъ замѣчательнаго“.

Я вышелъ за городъ по дорогѣ, ведущей къ королевскому звѣринцу. Съ лѣвой стороны разсѣяны были прѣкрасные загородные домики, съ правой Зундъ катилъ свои свѣтлозеленыя волны. Песчаная дорога вскорѣ утомила меня, и я, не дошедъ до звѣринца, сѣлъ на камень подлѣ самой воды. Легкіе набѣги струй спокойнаго моря вливались почти до ногъ моихъ и образовали во всю длину отлогаго песчанаго берега узкую черту прибитой травы, вымываемыхъ камешковъ и раковинъ. Черта сердитаго моря была

выше на берегъ и далеко за мною; видна была граница, до которой докатывались бурныя волны; тутъ онъ оставляли обломки, обрывки снастей и пѣну своей ярости. Трава не смѣла расти на мѣстѣ, подверженномъ ихъ нападенію; но далѣе за границей разцвѣтали въ безопасности п подорожникъ, и цикорій, и серебристая мать и мачиха. Въ проливѣ свѣтлѣла вода какъ зеркало: корабли, при западномъ вѣтеркѣ, бѣжали въ обѣ стороны на югъ и на сѣверъ. Множество лодочекъ, покачиваясь подъ парусами, бороздили воду во всѣхъ направленіяхъ, будто гоняясь за тѣнью легкихъ облаковъ, летѣвшихъ по вѣтру и отражавшихъ образъ свой въ гладкой поверхности моря. на которое изрѣдка набѣгала мелкая рябь отъ вѣтерка, временно вырывавшагося изъ-за берега.

Каменистые холмы Шведскаго берега и на немъ Карлскрона были пря-

мо предо мною и подъ золотыми утренними испареніями живописали всю картину. Облака летѣли надъ моею головою къ востоку и скрывались за сѣрымъ Шведскимъ берегомъ; я провожалъ ихъ взорами, и мысли мои неслись вмѣстѣ съ ними къ родинѣ моей. Шелестъ волнъ, ласкавшихся къ прибрежнымъ камешкамъ, прелесть ландшафта, воспоминанія, возбужденныя мыслями объ отечествѣ, погрузили меня въ мечты; память перелетала отъ случая къ случаю и съ грустью остановилась на обстоятельствѣ, побудившемъ меня къ путешествію. Я вспомнилъ и ласки надежды, и вѣроломные обманы счастья.

Мои мысли были печальны; я отъвернулся отъ моря и увидѣлъ другую картину: по ту сторону дороги, сквозь ворота низенькой изгороди, увидѣлъ я подлѣ опрятнаго домика на скамейкѣ безногаго, но еще не стараго сол-

дата. Двое здоровыхъ мальчиковъ прибывали къ стѣнѣ домика грушевое дерево; двое другихъ катали обручемъ; пятого инвалидъ, посадивъ на деревянную ногу свою верхомъ, качалъ, припѣвая веселую пѣсню. Я подошелъ къ нему и попросилъ напитокъ. „Сію минуту, сударь,“ сказалъ онъ, приложивъ руку къ фуражкѣ, и закричалъ женѣ своей въ окошко, чтобъ она вынесла пива. „Не угодно ли вамъ присѣсть, пока она нацѣдитъ,“ продолжалъ онъ. Я сѣлъ съ нимъ на каменную скамейку и, похваливъ дѣтей, спросилъ съ участіемъ, гдѣ онъ потерялъ ногу?

Онъ разсказалъ мнѣ объ осадѣ Копенгагена Англичанами, при которой пушечное ядро лишило его возможности продолжать службу; какимъ образомъ послѣ сего онъ женился и живетъ небольшою пенсією, счастливъ и бла-

гополученъ. посреди своего семейства съ милою женою.

Разсказъ его былъ коротокъ. но чувствованія благодарности къ Провидѣнію, выраженныя имъ съ горячностію, и противоположность моихъ мыслей съ картиною семейственнаго счастья, тронули меня за сердце, особенно, когда прекрасная женщина вынесла мнѣ на тарелкѣ пару большихъ грушъ и въ кружкѣ пива, а служивой, взявъ ее за руку, продолжалъ: „Такъ сударь. я счастливъ, и не смотря на то. что бѣденъ и безъ ноги. любимъ доброю Бертою; на что мнѣ послѣ этого богатство. когда я сытъ и счастливъ въ своемъ семействѣ теперь, а въ позднія лѣта надѣюсь быть утѣшенъ и прирѣнъ попеченіями дѣтей своихъ“.

Я взялъ кружку изъ рукъ хозяйки и, чтобъ скрыть проступившія на глазахъ моихъ слезы, дѣлалъ усиліе пропустить нѣсколько глотковъ....

Я былъ остановленъ рыданіями старика, который, закрывъ одною рукою лицо, махалъ другою, какъ бы упрямая не продолжать болѣе.

Испуганный, я не зналъ чему приписать это, припадку ли, или моему чтенію. Горестъ имѣть въ себѣ нѣчто торжественное и внушаетъ какое-то почтеніе; иногда самое утѣшеніе бываетъ не у мѣста, и потому я, со стѣсненнымъ сердцемъ, безмолвно ожидалъ, пока пройдетъ сила перваго возмущенія. Старикъ скоро открылъ свое лицо, протянулъ ко мнѣ руку и съ усиленіемъ голоса просилъ извиненія, что встревожилъ меня. „Я постараюсь вамъ заплатить за это, продолжалъ онъ, и какъ скоро соберусь съ силами, то расскажу вамъ, почему вы видѣли слезы мои“. Онъ позвонилъ; слуга увезъ его въ комнату.

Прошло нѣсколько дней точно такихъ же, какъ и прежде. Старикъ по

прежнему сидѣлъ у лѣстницы, но былъ очень слабъ. Наконецъ мнѣ надобно было ѣхать: я сказалъ ему объ этомъ за день до отъѣзда, и казалось, что это извѣстіе тронуло старика.

„Мнѣ жаль, что расстаюсь такъ скоро съ вами, сказалъ онъ. Однако же надобно исполнить свое обѣщаніе: не откажитесь обѣдать сего дня у меня, и вы услышите мою исторію, молодой человѣкъ“.

Я далъ слово.

За обѣдомъ старикъ противъ обыкновенія хотѣлъ казаться веселымъ; часто слова его сопровождались пріятными шутками, но минутная улыбка тотчасъ исчезала съ лица его, омраченнаго выраженіемъ горести. Такъ точно потѣшной огонь, блеснувъ ночью на нѣсколько секундъ, оставляетъ послѣ себя еще бѣдшую темноту, нежели прежде.

Это было осенью. Въ шесть часовъ

уже смеркалось. Старикъ будто дожидался времени, въ которое сердце человѣческое, по какимъ-то непонятнымъ побужденіямъ, становится смѣлѣе, до вѣрчивѣе и откровеннѣе.

Кофе былъ снятъ, столъ убранъ; мы сидѣли другъ подлѣ друга на софѣ; сердце мое билось отъ ожиданія. Наконецъ послѣ долгаго молчанія старикъ началъ.

„Я вступилъ въ свѣтъ 19 лѣтъ, съ отличнымъ образованіемъ, съ большимъ богатствомъ, съ хорошимъ именемъ, съ живымъ и пылкимъ характеромъ и блестящими надеждами на будущее: передо мною открыто было поприще гражданской службы; я занялъ видное мѣсто; мои способности, со вспомогательными средствами образованія и богатства, обѣщали мнѣ въ свѣтъ всѣ почести. Ревность къ службѣ, снискавшая мнѣ довѣренность нынѣшнихъ начальниковъ, ручалась за

постоянство успѣха на пути къ отличіямъ. Я былъ любимъ въ обществѣ и уважаемъ товарищами. Казалось, ничего мнѣ не доставало къ моему возвышенію.

Юность, ловкость, богатство, завлекали меня часто въ любовныя связи, но никогда сердце не участвовало въ сихъ успѣхахъ тщеславія. Предоставленный рано самому себѣ, я сдѣлался вѣтренникомъ, и, надменный нѣсколькими легкими побѣдами, началъ не уважать женщинъ. Я не зналъ, какого наслажденія лишалъ себя, теряя это благороднѣйшее чувство, которое одно только доставляетъ намъ истинное на землѣ счастье.

Я сдѣлался гордъ, независимъ въ своихъ поступкахъ; сердился на свѣтъ, и скучалъ всѣми его удовольствіями. Судьба слишкомъ рано поставила меня выше товарищей, и потому я не находилъ себѣ равнаго. Къ женщи-

намъ я былъ уже совершенно равнодушень. Въ такомъ пресыщеніи души и холодности сердца, достигъ я до двадцатипятилѣтняго возраста, накучивъ жизнью, подобно многимъ любимацамъ счастья, избалованнымъ преждевременными успѣхами въ свѣтѣ.

Такое существованіе мало приличествовало моему пылкому характеру. Дѣятельность службы занимала только умъ; сердце же, по ошибочному направленію, искавшее занятія въ разсвѣянности, не находило пищи и сѣдало само себя.

Мнѣ предлагали жениться; но мнѣніе, составленное о женщинахъ, и какое-то удаленіе отъ дѣвицъ, между которыми не встрѣчалъ еще ни одной, обратившей моего вниманія, отвлекали меня отъ супружества.

Однако же часъ мой насталъ. Въ одномъ обществѣ я увидѣлъ дѣвицу, которой красота и скромной видъ по-

разили меня. Сначала по гордости чувствованій думалъ я, что смотрю на нее, какъ художникъ на прекрасное изображеніе; но когда мнѣ сказали, что она уже невѣста, тайная горестъ, овладѣвшая душою, и образъ ея, не оставившій моихъ мыслей, показали, что я заплатилъ дань любви. Не знаю, было ли бы продолжительно впечатлѣніе, сдѣланное милою дѣвушкою, если бы она была свободна, или, по своему нравію человеческой природы, желанія наши возбуждаются одними препятствіями, только огонь неиспытанной страсти загорѣлся въ сердцѣ моемъ со всею силою.

Свадьба той, которая умѣла внушить незнакомыя чувствованія, лишила меня вовсе спокойствія. Не подозревая за собою любви, я думалъ сначала, что терзанія сердца были движеніями оскорбленнаго самолюбія, и что мнѣ должно отнять то сокровище.

которымъ владѣлъ другой не по праву; свое же право я поставлялъ въ томъ, что оно мнѣ нравилось, слѣдовательно должно было принадлежать мнѣ.

Не буду описывать, какъ и послѣ какихъ долгихъ искушеній, отъ которыхъ надобно было устоять только выше, нежели человѣку, я восторжествовалъ надъ милою женщиною; скажу только, что исканія мои начались отъ самолюбія, кончились самою пламенною любовью, и эта любовь рѣшила участь моей жизни.

Нѣсколько мѣсяцевъ протекли въ совершенномъ блаженствѣ; тайна острила чувствованіе наслажденія. Я переселился въ новый для себя міръ, оживленный собственными чувствованіями; казалось, все въ немъ создано было для нашего счастья: небо было свѣтлѣе; скука, туманившая землю, исчезла; люди казались добрѣе; согрѣ-

тая душа моя отверзлась вновь для благодарных чувствованій. То, чему я пересталъ вѣрить, возобновилось во мнѣ съ удивительною свѣжестью. Эгоизмъ, возрожденный холоднымъ наблюденіемъ, исчезъ; мѣсто его заступила жаркая любовь къ ближнему; я сталъ счастливѣе и добродѣтельнѣе.

Такъ думалъ я основать свое счастье; но увидѣлъ, что преступныя чувствованія, какъ бы ни казались они возвышенными, не ведутъ насъ никогда къ благополучію. Вскорѣ я въ ревности отравилъ общее наше спокойствіе. Мужъ моей любезной началъ подозрѣвать наше обращеніе. Домашнія ссоры заступили мѣсто согласія, и привязчивость ко мнѣ возрастала безпрестанно. Я долженъ былъ терпѣть, потому что любилъ пламенно. Всѣ оскорбленія, сдѣланныя моему самолюбію, считалъ я ниже чувствованія, заставлявшаго переносить ихъ;

самая совѣсть, вмѣшиваясь въ разсужденія мои, твердила, что я заслуживалъ это, и потому, слѣдуя внушеніямъ благоразумія, успѣвалъ я иногда успокоивать встревоженные подозрѣнія ревности; но не менѣе того причина подозрѣній всегда существовала; миръ семейственный былъ нарушенъ; брюзгливость водворилась между супругами, и лучшіе люди, отдаляясь другъ отъ друга, близки были къ ненависти.

Чтобы отвлечь подозрѣнія, снова началъ посѣщать я противу воли общества и по старому ласкаться къ женщинамъ большаго свѣта. Никакая мысль измѣны не могла найти мѣста въ сердцѣ моемъ, полномъ любви; но неопытность юной подруги моей, ея младенческая довѣрчивость, моя дурная слава, укоренившаяся во мнѣніи обществѣ и наконецъ подтверждаемая собственнымъ ея опытомъ, заставля-

ли бояться моей невѣрности. Увѣренія мои, что такое поведеніе нужно для спокойствія общаго, не дѣйствовали: она была несчастна отъ ревности мужа, но собственная ревность дѣлала ее несчастною вдвое. Не въ состояніи воздерживать пламенныхъ чувствованій своихъ, часто измѣняла она своей страсти, не смотря на присутствіе постороннихъ людей, не смотря на безпокойный и бдительный надзоръ своего мужа. Живо и пылкой характеръ ея принималъ глубоко впечатлѣнія. Какъ часто видалъ я нѣжное лице ея, оживленное улыбкою удовольствія и неизъяснимою прелестью выражавшейся во взорахъ любви, измѣнявшимся совершенно: въ одно мгновеніе румянецъ пропадалъ, блѣдность и судорожное оцѣпенѣніе губъ замѣняли улыбку. Краска выступала снова, но не та, которая даетъ новую прелесть красотъ:

глаза сверкали и потухали; дыханіе замирало. Это бывало въ обществахъ; наединѣ горестивѣйшія сцены меня ожидали: я бывалъ обремененъ всѣми проклятіями, которыя влечетъ за собою сознаніе преступленія.

Этого было еще недовольно къ моему несчастію: мною овладѣло чувствованіе, похожее на ревность, но котораго точно опредѣлить не умѣю. Я не могъ упрекнуть любимую женщину ни даже въ тѣни невѣрности, обвинить хотя въ легкомысленномъ взглядѣ, уважалъ ея добродѣтель въ самой слабости; но мысль, что она должна была дѣлать свое сердце, волею или неволею, умерщвляла совершенно душу мою. Эта мысль была тѣмъ мучительнѣе, что нечистой источникъ ея былъ въ собственномъ моемъ сердцѣ; подозрѣніе обыкновенной ревности гнѣздится только въ воображеніи: мужъ, угнѣтавшій жену свою ревностью, и

она, отравлявшая тѣмъ же всѣ минуты жизни своей, могли только подозрѣвать; но подозрѣніе неутвержденное имѣеть и свои покойныя минуты. А мнѣ, мнѣ же не въ чемъ было сомнѣваться! Одно имя мужа приводило меня въ трепеть; приближеніе его къ любимой мною особѣ оледеняло всю мою внутренность; мучительная достовѣрность, увеличиваемая чувствованіемъ безсилія къ отвращенію наносимыхъ имъ оскорбленій, которыя онъ дѣлалъ мнѣ умышленно язвительными своими супружескими ласками, наполняла все мое существованіе ужаснѣйшими терзаніями. Бывали мноты, когда я забывалъ самъ себя: когда кровь, застывая капля по каплѣ въ сердцѣ, вдругъ разливалась жгучимъ пламенемъ по жиламъ. Тогда я готовъ былъ броситься на противника своего какъ тигръ и растерзать его: но кроткой и умоляющій взглядъ любви обезоружи-

валъ меня, и я, дѣлая жесточайшій переломъ чувствованій своихъ, вонзалъ ножъ въ собственное сердце.

Таково было начало не позволительной любви, въ которой многіе думаютъ искать своего счастья. И хотя дѣйствительно бываютъ минуты, которыхъ нельзя купить ни за какія сокровища земныя; но эти минуты кратки, и не въ состояніи выкупить послѣдующіе за ними дни горестей и раскаяній.

Хладнокровный человѣкъ спросилъ бы: почему же ты, чувствуя такія мученія, не перемѣнилъ своихъ поступковъ и для общаго спокойствія не сдѣлалъ усилія разорвать преступную связь?

Я бы отвѣчалъ тогда и отвѣчаю теперь, что такая любовь подобна надевію человѣка, которой, сдѣлавъ неосторожной шагъ съ крутой горы, не можетъ уже остановиться и, не взи-

рая на всѣ усилія, только увеличива-
етъ скорость своего бѣга; наконецъ,
увлекаемый непреодолимою силою, па-
даетъ въ разверстную предъ нимъ про-
пасть невозвратно.

Такъ было и съ нами. Несчастія
наши увеличивались; но они, казалось,
раздвѣляя, болѣе стягивали узелъ, насъ
соединявшій. Связь наша еще болѣе
утвердилась союзомъ отеческой любви.
Тайна осталась неразгаданною для су-
пруга: онъ считалъ себя счастливымъ
отцомъ прекраснаго мальчика, для ко-
торого родительскія ласки его были
неистощимы. Съ какою завистію смо-
трѣлъ я на его восхищеніе, на тѣ по-
печенія, которыми онъ осыпалъ мла-
денца! Сердце мое терзалось отъ го-
рести и негодованія, что я долженъ
скрывать, что не могу дать свободы
жаркому и священнѣйшему чувство-
ванію природы. Но я вымещалъ изъ-
явленіе любви своей на другихъ дѣ-

тяхъ; ласки мои даже были неистовы: часто доходило до того, что я плакалъ вмѣстѣ съ ребенкомъ, испуганнымъ отъ стремительности восторговъ, которыми вознаграждалъ я свое принужденіе. Это принужденіе и негодованіе росли вмѣстѣ съ мальчикомъ, котораго слѣпая любовь отца дѣлала образцомъ баловства и дурныхъ привычекъ. Преступленіе боязливо, и робкая любовь матери не имѣла силы останавливать успѣховъ безнравственнаго воспитанія сына, не смотря на всѣ мои убѣжденія. Ребенокъ въ пять лѣтъ превосходилъ всѣ примѣры сверстниковъ въ дурныхъ поступкахъ, и каждая минута его возраста была моимъ мученіемъ: я казнилъ собственными своими дѣлами.

Общія наши несчастія увеличивались съ минуты на минуту. Съ трудомъ возстановляемое согласіе разстроивалось безпрестанно: спокойствіе

было нарушено. Въ продолженіе этого времени горестное мое положеніе, обратившее всѣ мысли и способности мои къ одному предмету, отняло у меня нравственныя силы для занятія чѣмъ либо другимъ. Я началъ небрежъ обществомъ, службою, собственными дѣлами. Люди прозвали меня дикаремъ; начальство остерегалось дѣлать какія либо порученія человѣку, который не хотѣлъ заниматься должностію. Я лишился мѣста; имѣніе было разстроено; я ни о чемъ не думалъ: непонятное равнодушіе ко всему разительно противорѣчило безпрестанному терзанію страстей моихъ; всѣ мои душевныя качества слились въ одно только чувствованіе: я пылалъ только при одной мысли: другія же мои дѣйствія отгнѣнялись какою-то неизъяснимою грустію и подавлялись при самомъ началѣ тяжкимъ душевнымъ уныніемъ.

Страданія разрушили меня, но успѣ-

хи разрушенія еще быстрѣе дѣйствовали надъ нѣжною подругою моего несчастія. Потеря спокойствія душевнаго, порывы страстей, а болѣе ихъ принужденіе, мое положеніе, дурное воспитаніе сына разтерзали слабое сердце ея. Болѣзнь быстрыми шагами привела ее къ дверямъ гроба. Я не забуду ужасной минуты, улученной мною передъ ея кончиною. „Ты причиною моей смерти и смерти ужасной, говорила она; я умираю, не имѣя силы раскаяться, потому что еще люблю тебя. Я не уношу за предѣлы жизни ни одного утѣшительнаго чувстваванія. Холодность къ мужу моему, рожденная твоею взыскательною любовью, не оставляетъ меня при смерти; да и самая любовь моя къ тебѣ можетъ ли назваться утѣшительною при дверяхъ гроба, когда она отравлена угрызениями совѣсти? Помышленіе же о судьбѣ сына, мужа

„и твоей приводитъ меня въ трепеть:
„я не вижу въ будущемъ ничего кро-
„мѣ страданій. Но я тебѣ прощаю.
„Живи, если можно, для сына!“

Старикъ остановился: дрожащій го-
лось его прервался; слезы выступили
на глазахъ. „Она умерла, сказалъ онъ
помолчавъ, и конечно судьбѣ угодно
было оставить мнѣ жизнь для того,
чтобъ продолжать мои мученія до сихъ
поръ; просто человѣческихъ силъ не-
достало бы переносить страданія такъ
долго.

Смерть жены открыла мужу нашу
связь; онъ нашелъ нѣсколько писемъ,
которыя объяснили ему даже тайну
рожденія сына..... Онъ былъ столько
благоразуменъ, что скрылъ отъ свѣта
несчастіе жены и собственное..... Но
могъ ли онъ смотрѣть равнодушно на
дитя, которое безпрестанно напомина-
ло ему безчестіе семейства? Нѣтъ,
этого нельзя ему было сдѣлать..... Я

сужу по неукротимости собственных страстей. И такъ холодность и отвращеніе къ ребенку увеличивались; пренебреженное воспитаніе сдѣлало изъ него совершеннаго негодяя. Я не могъ видѣть его, не могъ направить склонностей; но какая-то тайная надежда быть ему полезнымъ привязывала меня къ жизни и заставляла переносить страданія души растерзанной.

Такимъ образомъ сынъ мой достигъ до 17 лѣтняго возраста, а ненависть отца до высочайшей степени: онъ не могъ долѣе скрываться и, выведенный изъ терпѣнія его дурными поступками, открылъ съ упреками тайну его происхожденія. Молодой человекъ, послѣ многихъ знаковъ взаимной холодности, рѣшился избѣгнуть презрительнаго принужденія, оставивъ родительскій домъ.

Вообрази, другъ мой, восхищеніе мое при этомъ случаѣ. Я думалъ, что тер-

пѣніе мое награждено; мнѣ казалось, что этотъ поступокъ возвращаетъ мнѣ сына, мои права, и что я уже не одинъ въ мірѣ. Болѣзнь препятствовала мнѣ самому броситься въ объятія сына; я написалъ къ нему письмо; изъяснилъ то, что могло быть отъ него скрыто, и нетерпѣливо и радостно ожидалъ прижать къ оживленному сердцу плодъ столькихъ страданій и несчастій.... Но я жестоко обманулъ въ моей льстивой надеждѣ... сынъ мой не пришелъ... онъ прислалъ только письмо... вотъ.... прочти... ты увидишь, что я не въ состояніи самъ прочесть его...

Я взялъ бумагу изъ трепещущихъ рукъ старца и про себя читалъ слѣдующее:

„Милостивый Государь!

Кто бы вы ни были, человѣкъ или чудовище, но если въ самомъ дѣлѣ дали мнѣ жизнь, то я долженъ васъ не-

**

навидѣть. И какую жизнь дали вы мнѣ? Безъ семейства, безъ отца, безъ добраго имени. Кто убилъ мать и сына сдѣлалъ не человѣкомъ, не давъ ему ни имени, ни нравственности, тотъ самъ не заслуживаетъ имени отца. Прощайте! Я никогда васъ не увижу...“

Я видѣлъ, какъ глаза старика слѣдовали за движеніями моихъ глазъ и какъ черты лица его и движеніе руки выражали значеніе каждой строчки, cadaго слова, вытвержденнаго имъ наизусть: наконецъ онъ не вытерпѣлъ напряженія чувствъ: глаза его налились, онъ закрылъ себѣ лице и долго рыдалъ, не могши вымолвить ни одного слова.

„Моя исторія кончилась, началъ онъ, успокоившись: какой случай разительнѣе этого могу разсказать я? Я не видалъ и не слыхалъ болѣе о моемъ сынѣ. Несчастный, отчаянный, терзаемый раскаяніемъ, тридцать лѣтъ по-

слѣ сего влачу тяжкую и презрительную жизнь. Мучимый совѣстію чловѣкъ похожъ на того, кто осмѣлился пристально поглядѣть на солнце: онъ послѣ безпрестанно видитъ передъ глазами, куда ни оборотить ихъ, черное пятно. Это пятно ложилось на всѣ мои мысли, на всѣ дѣла, на всѣ мои поступки, и меня, пораженнаго проклятіемъ неба, дряхлость постигла въ семь положеніи. Я не могъ выходить изъ комнаты, не могъ ни о чемъ заботиться. Родственниковъ у меня нѣтъ, и люди мои, употребляя во зло слабость и невнимательность, обманывали меня безнаказанно, потому что меня ничто не тревожило болѣе. Однако же мысль о томъ, что у меня, можетъ, есть сынъ, заставила подумать о приведеніи въ порядокъ дѣлъ своихъ. Я перевелъ свое имѣніе на деньги, положилъ въ банкъ съ условіемъ, если чрезъ 20 лѣтъ не найдется мой наслѣдникъ, то употребить капиталъ на богоугодныя дѣла

Одна надежда увидѣть когда нибудь сына и попросить у него прощенія подкрѣпляла меня. Такимъ образомъ, живучи процентами, для избѣжанія несносной скуки, меня подавляющей, нанялъ я комнату въ этомъ трактирѣ, и, чтобы не совсѣмъ раззнакомиться съ видомъ людей, заставляю вывозить себя къ лѣстницѣ.

И такъ ты видишь, другъ мой, что пріятная жизнь, честная служба, счастье семейственное, удовольствія общества для меня не существовали: онѣ были сномъ, идеаломъ, къ которому стремилась душа моя, и вмѣсто блестящаго удѣла, которой обѣщали мнѣ богатство и тѣ дары, которыми щедро надѣлила меня природа, осталось мнѣ только горестное утѣшеніе сидѣть у лѣстницы и смотрѣть на прохожихъ, которые часто, смѣясь надъ участію стараго холостяка, безпрестанно возобновляютъ мучительную казнь моего сердца.

Впиши мою исторію въ свой журналъ, молодой человекъ, продолжалъ онъ; можетъ быть, когда нибудь случится тебѣ сдѣлать изъ нея полезное употребленіе⁴.

Онъ пересталъ; горькія слезы катились по щекамъ его. Мы разстались безмолвно.

На другое утро онъ былъ очень слабъ, когда я, выходя по утру, приветствовалъ его по обыкновенію у лѣстницы. Возвращаясь въ полдень домой, снизу еще увидѣлъ я около него толпу людей, которые очень горячо о чемъ-то разсуждали. Пораженный предчувствіемъ, я взбѣжалъ вверхъ въ нѣсколько скачковъ: онъ сидѣлъ, опершись и закрывъ лице лѣвою рукою, сквозь пальцы которой еще блистали слезы; правая лежала на сердцѣ... но оно уже не билось..... Несчастный кончилъ свою страдальческую жизнь...

Алексѣй Каростылеаъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

НА СЕНТЬ-БЕРНАРДЪ.

О, кто бы въ сей груди возжегъ
Духъ пылкій, вдохновенный Барда,
Чтобъ живо я представить могъ
Походъ мой къ высотамъ Бернарда,
Красу и ужасъ здѣшнихъ мѣстъ,
Слѣды погибшихъ въ сей пустынѣ,
И тамъ Христовъ священный крестъ,
Гдѣ вранъ не залеталъ донынѣ.
Не позабуду въ жизнь мою
Гостепрѣимства добрыхъ братьевъ;
Для всѣхъ пришельцевъ въ семь краевъ
Отверзта нѣжность ихъ объятій.
Обѣтъ ихъ: путника спасать
На крутизнахъ и на стремнинахъ,
Усталымъ помощь подавать,
Погрязшихъ отрывать въ лавинахъ,
Трудиться не для изды земной,
Жизнь ближнихъ искупать своею.
Чей подвигъ выше? Гдѣ герой.
Кого намъ уподобить смѣю?

Кто ѣдетъ изъ Швейцаріи на Сентъ-Бернардъ, не минуетъ Мартини или Мартинаха, небольшого городка нижняго Валлиса, лежащаго на берегу Роны. Лучше сказать, отсюда обыкновенно предпринимается это путешествіе. Мы пришли сюда съ товарищемъ моимъ Л., веселымъ, добродушнымъ Шотландцемъ, изъ самаго Шамуни пѣшкомъ, а далѣе хотѣли пуститься на мулахъ; почему, при входѣ въ гостиницу, первымъ нашимъ дѣломъ было заказать къ завтраму пару ихъ съ проводникомъ. Прямо противъ оконъ нашей комнаты возвышались на пригоркѣ, въ самомъ живописномъ положеніи, развалины древняго замка герцоговъ Савойскихъ, съ высокою башнею, еще довольно удѣлвшею. Но, утомленнымъ отъ Суворовскаго перехода черезъ Col de balme и Forclas, намъ было не до нихъ; и мягкая постель на тотъ разъ казалась намъ

примѣчательнѣ развалинѣ самой Пальмиры.

Назавтра разбудили насъ со свѣтомъ. До монастыря 12 часовъ пути; поэтому въ которомъ часу утра отъѣдешь отсюда, въ томъ часу вечера прибудешь на мѣсто. Отцы же монастырскіе ждутъ къ себѣ въ седьмомъ часу, въ которое время у нихъ вечерняя трапеза. Договорившись съ проводникомъ, мы не замедлили отпра-виться. Цѣна здѣсь за мула пять рублей на день. Трактирщикъ, отпуская насъ, отложилъ расчитаться по возвращеніи: какой въжливой! Но собственно это значило: милости просимъ опять ко мнѣ, а тамъ уже за все получимъ съ васъ разомъ вдвое.

День былъ прекрасный. Миновавъ предмѣстье Мартини, лежащее въ $\frac{1}{2}$ часа отъ города, въѣхали мы въ долину d'Entremont, простирающуюся отъ самаго большаго Сентъ-Бернарда по

всему теченію Дрансы. Вершины сей горы еще невидно; одинъ Pic du Mont Vélau возносится, покрытый всегдашнимъ снѣгомъ, господствуя надъ окружающими высотами. Широкая и гладкая дорога поднимается почти непримѣтно. Вообразивъ прежде дикую, утесистую, едва проѣзжую дорогу, мы начинали теперь жалѣть, что взяли муловъ. Вхатъ лѣнивымъ шагомъ по ровному почти мѣсту, казалось намъ скучно и какъ бы совѣстно. А потому, отдавши ихъ проводнику, шли мы болѣе пѣшкомъ. Живописные берега Дрансы, обворожая взоръ, не давали чувствовать усталости. Не знаю отъ чего, но здѣшніе ландшафты нравились мнѣ болѣе всѣхъ видѣнныхъ. Яблони и груши, хранимыя отъ вѣтровъ окружающими ихъ высотами, сопутствовали намъ отъ самаго Мартини. Крутые скаты горъ трудолюбіе жителей обратило въ пашни, и удивленный взоръ

замѣчаетъ бразды илуга тамъ, гдѣ не подозрѣвалъ бы и слѣда человѣческаго. За St. Branchier, лежащемъ въ двухъ миляхъ, скала преграждаетъ путь страннику. Дорога шла прежде подъ нею, но послѣ необычайнаго разлитія водъ въ 1818 году, Дранса, перемѣнивъ свое теченіе, заняла это мѣсто, и волна шумитъ теперь тамъ, гдѣ раздавались шаги усерднаго богомольца или любопытнаго, какъ мы, путешественника. Попечительное правительство, прорубивъ насквозь скалу, устроило галерею въ 44 туаза длиною, достаточной ширины для проѣзда въ chais à banc, линейкахъ, употребляемыхъ здѣсь вмѣсто дорожныхъ экипажей. Въ срединѣ галлерей сдѣлано отверстіе для свѣта, однако же онъ слабъ и не даетъ замѣтить, что ѣдешь подземельемъ. У Орсіера долина d'Entremont соединяется съ другою, именуемою Ferret, и принимаетъ влѣво, тогда какъ эта

уклоняется вправо. Въ Liddes, до котораго 4 мили, дѣлають halte, муловъ кормятъ, а трактирщику отъ путешественниковъ перепадаетъ лишній талеръ. Здѣсь также вѣрятъ въ долгъ, въ твердой надеждѣ, что и на обратномъ пути не обойдутся безъ контрибуціи.

Въ часу отъ Liddes какое бы вы думали мѣсто? Петербургъ! Да, Петербургъ, но не тотъ, въ которомъ столько васъ, товарищей моего дѣтства, не воображающихъ. можетъ быть. въ эту мнуду, что вашъ другъ, залетавшій иногда въ жару воображенія за облака, дѣйствительно теперь поднимается къ нимъ. хотя не на Пегасъ. а на мулъ, ступающемъ вѣрнѣе и не столь опасномъ для сѣдока. Петербургъ. или лучше le bourg de Saint-Pierre, скромная деревушка съ каменными выбѣленными домиками, послѣднее обитаемое мѣсто на пути въ монастырь. Читая на

нѣмецкой картѣ моего спутника Sanct-Petersburg, охотно предавался я пріятному обману и хотѣлъ вѣрить, что это нашъ родимой, русской городъ. Зачѣмъ, думалъ я, географъ, поставившій здѣсь имя его, не чародѣй, могущій по мановенію жезла замѣнить эту бѣдную колокольню блестящимъ Адмиралтейскимъ шпилемъ и маленькую Дрансу величественною нашею Невою? Что если бы изъ-за 2.000 верстъ хотя на мгновеніе явилась сюда столица наша, какъ иногда въ волшебной пьесѣ по знаку свистка выходить изъ подполу дворецъ какой-нибудь феи, среди пустыни, написанной на холстѣ! Здѣсь же бы въ самомъ дѣлѣ попали вы въ пустыню, какой и Гонзагу не случалось, можетъ быть, видѣть. Какъ бы кстати было мнѣ обнять васъ, милые, не прерывая моего путешествія. Тогда бы отъ васъ зависѣло продолжать вмѣстѣ прогулку на Сентъ-Бер-

нардъ, какъ помните ли бывало (горные походы вѣдь намъ не новы) хаживали мы на Пулкову, или Дудоровскую. Но зачѣмъ строить воздушныя столицы? Мечты остаются мечтами. Очнешься отъ сна воображенія, и вылетѣвшій вздохъ убѣждаетъ, что разлука еще горьче прежняго. У самаго выѣзда изъ *bourg de St. Pierre*, глубокая пропасть отдѣляетъ цвѣтущую, обработанную долину отъ дикой, каменной страны. Быстрой, обильной водами потокъ *la Valsorey*, свергаясь въ оную съ шумомъ, пѣною и кипѣнiемъ, представляетъ первую картину дикости и служить фронтисписомъ ожидающихъ васъ видовъ. Каменный мостъ, котораго построение приписываютъ Карлу Великому, ведетъ черезъ пропасть. Съ него водопадъ представляется огромнымъ бѣлымъ столпомъ, колеблющимся надъ бездною. Мы всходили на гору къ самому его жерлу и

ложились на краю пучины; но смотреть его долго невозможно: быстрота паденія васъ, кажется, увлекаетъ, шумъ оглушаетъ, голова кружится, и вы спѣшите назадъ, чтобъ отдохнуть отъ поразительной сцены, и снова любоваться ею издали. Такъ жизнь большаго свѣта, сказалъ бы на моемъ мѣстѣ философъ, извлекающій наставленія изъ самой природы, издали кажется блестящею, плѣнительною, завидною, тогда какъ кружащіяся въ вихрѣ ея чувствуютъ одинъ только шумъ, принужденность и однообразіе.

Въ *bourg de St. Pierre* показываютъ каменную Римскую версту, *colonne militaire*, вдѣланную въ стѣну церковной ограды, и комнату, которую занималъ Бонапарте при переходѣ съ войскомъ чрезъ сію гору. Объ этой эпохѣ не перестаютъ вспоминать здѣшніе старожилы, и она есть безъ сомнѣнія важнѣйшая, если не единственная, въ

исторіи всей этой страны. Сколько столѣтій проходило, и ничто не нарушало спокойствія сего уголка свѣта, удаленнаго отъ шума мірскаго, распрей, раздрающихъ человѣчество! Огражденные неприступностью этихъ хребтовъ, а еще болѣе бѣдностью своею, жители какого бы, казалось, могли ожидать нашествія? И вдругъ честолюбіе одного человѣка возбудило снѣ горы отъ вѣковаго сна, наполнило тихія долины звукомъ громоносныхъ орудій, удививъ мирныхъ сыновъ Валлиса невиданнымъ зрѣлищемъ полчищъ, превозмогающихъ всѣ преграды, положенныя природою, чтобъ обогреть свою кровью чуждыя и далекія поля при кликахъ славы и отечества.

Тотчасъ за мостомъ представляется взору обширная площадь, обведенная съ одной стороны стѣною утесовъ, а съ другой теченіемъ Дрансы. Тутъ имѣло Французское войско свои бива-

ки съ 15 по 21 Мая 1800 года. Намъ показывали, гдѣ расположена была конница, гдѣ пѣхота, гдѣ артиллерія. Проводникъ пашъ Joseph Piota не упустилъ намъ рекомендовать себя за проводника Бонапарте, о которомъ на-сказалъ тысячу анекдотовъ и подробностей. По словамъ его, здѣсь разобрали артиллерію. колеса несли на рукахъ, а другія волокли по землѣ, за-дѣланныя въ деревянные цилиндры. Подъ каждое употреблено было до 60 человекъ. Собравшись къ переходу, вся армія снабжена была сухарями на три дня; достигнувъ же монастыри, каждый рядовой получалъ по стакану вина. Войско прошло мимо, не останавливаясь ни минуты: такъ, говоря мѣстнымъ сравненіемъ, лавина пролетаетъ, не касаясь шаткой хижины, тогда какъ утесы падаютъ. сокрушенные быстрымъ ея стремленіемъ.

Гладкая дорога. по ту сторону бур-

га Св. Петра, превращается въ каменистую; подъемъ становится круче, деревья замѣняются кустарниками, хлѣбопашество исчезаетъ; только на лугахъ наметанные скирды возвѣщаютъ, что произрастеніе еще не прекратилось. Въ тѣсныхъ ущельяхъ мы едва могли развѣзжаться съ лошадьми, которыхъ гнали поселяне, навьюченныхъ сѣномъ. Случилось даже, что мы роняли связки и принуждены были останавливаться, чтобы пособить поднять ихъ. Chalets или хижины, стоящія особнякомъ и служащія въ лѣтнее только время жилищемъ для пастуховъ, суть единственные слѣды населенія. Отъ послѣдняго chalet природа принимаетъ рѣшительно печать дикости и пустоты: растеніе едва кое-гдѣ проглядываетъ, вмѣсто зеленыхъ холмовъ занимаютъ голыя скалы: дорога усѣяна мелкимъ камнемъ, или пробита по гладкому утесу, или на крутизнахъ вымощена боль-

щими плитами; то идетъ по краю оврага, извиваясь узкою тропинкою, то уклоняется въ сторону и, исчезая, открываетъ между скалъ чистое мѣсто. Все мертво, одна Дранса шумить и пѣнится въ видѣ тысячи ручьевъ, образующихъ безпрестанныя паденія, то бѣжитъ вдоль дороги, то пересѣкаетъ ее; когда же на минуту скроется отъ взора, то отзывается слуху во глубинѣ пропастей. Вся надъ бездною, мы скользили на каждомъ шагу; мулы же, по привычкѣ своей, шли надъ самымъ краемъ, заглядывали въ пропасть, и грозили намъ самымъ отважнымъ, но вѣроятно послѣднимъ въ жизни скачкомъ. Проводникъ то и дѣло кричалъ намъ, что не надобно бояться и дать имъ волю. Видъ мрачной природы наводитъ уныніе и на душу: мы ѣхали задумавшись, товарищъ мой, носясь мыслями по скаламъ родимой своей Шотландіи, а я вспоминая о

Сибирскомъ моемъ знакомцѣ, Алтаѣ, который, при всей своей дикости, не перещеголяетъ здѣшняго своего Альпійскаго собрата.

За часъ съ небольшимъ отъ монастыря открывается первое строеніе, принадлежащее къ нему: это la vache-gie или скотный дворъ для коровъ и лошадей. Мы видѣли сихъ послѣднихъ съ жеребятами, пасущихся на скатѣ горъ. Жалкое пастбище! Но по трудности доставлять сюда сѣно, ихъ приучаютъ отыскивать скудный кормъ и въ лѣтнее время имъ довольствоваться. Далѣе немного, въѣзжаете вы на ровное мѣсто, названное путешественниками Долиною Мертвыхъ. Два печальные предмета поражаютъ ваши взоры: землянка, называемая здѣсь *charnier*, въ которой собраны кости несчастныхъ, погибшихъ на семъ бѣдственномъ переходѣ; подлѣ же другое строеніе, не столько мрачное и съ ви-

ду получше, служащее въ зимнее время убѣжищемъ для застигнутыхъ непогодой или для усталыхъ въ пути. По сему назначенію, не всего ли приличнѣе назвать его зимовьемъ, какія для этого въ пустыхъ и безлюдныхъ мѣстахъ устроены у насъ въ Сибири.

Странное дѣло! Въ нѣсколько часовъ путешественникъ перемѣняетъ всѣ климаты. Глядя на природу, постепенно умирающую, на предметы, окружающіе его, едва вѣрить чувствамъ своимъ. Далеко ли еще за нимъ благословенныя долины, достойное преддверіе цвѣтущей, роскошной Италіи; а здѣсь отъ полей безплодной почвы до зимовья, стоящаго какъ бы на пути къ Ледовитому морю, все уже напоминаетъ о Сибири. Дикія козы, мелькая по крутизнамъ утесовъ, умножаютъ еще болѣе сходство мѣстъ, лежащихъ подъ столь различною широтою.

Чѣмъ выше поднимаетесь, тѣмъ часъ

отъ часу холодъ становится чувстви-
тельнѣе, наконецъ проникаетъ въ чле-
ны, и право, выѣхавши изъ Мартини
въ самый теплый день, въ пору здѣсь
было вспомнить о шубахъ, которыми
запасться не догадались мы. За $\frac{1}{4}$ часа
до монастыря увидѣли мы въ полови-
нѣ Августа необыкновенное зрѣлище:
снѣгъ и преглубокой покрывалъ ло-
щину, по которой шла дорога. Это
были остатки лавины, упавшей еще
весною и неуспѣвшей растаять во все
лѣто. Снѣгъ былъ столько крѣпокъ,
что мулы наши ступали не провалива-
ясь. Известно, что лавины засыпаютъ
иногда пространство въ глубину фу-
товъ на 80. Здѣсь только открывает-
ся монастырь Св. Бернарда. Вы гото-
витесь услышать о готическомъ зда-
ніи съ куполами, съ колокольнею, со
всѣми украшеніями архитектуры, ко-
торая бы отвѣчала его извѣстности.
Три небольшія, простыя, каменные

строения, вышиною въ полтора этажа, имѣющія видъ обыкновенныхъ домовъ, вотъ все, что вы находите. Главный корпусъ, гдѣ церковь и кельи, по лѣвую руку; тутъ принимаютъ путешественниковъ; флигели по правую, и заняты службами. Строение расположено на площадкѣ среди утесовъ, на самой верхней точкѣ дороги, ведущей въ Val d'Aoste, которая за монастыремъ начинаетъ уже спускаться къ низу. Окружныя горы вершинами своими составляютъ около него обширный, величественный амфитеатръ. Монастырь сей принадлежитъ къ Валлису и, завѣдывая всею долиною d'Entremont, стоитъ на самой границѣ сего Швейцарскаго кантона съ Пиемонтомъ. Онъ есть высочайшее обитаемое мѣсто въ древнемъ мѣрѣ. Высоту его отъ поверхности морской полагаютъ въ 7.500 футовъ.

Остановившись у крыльца, взошли

мы въ корридоръ, гдѣ встрѣтилъ насъ отецъ ключарь и повелъ въ столовую. Было 6 часовъ; до трапезы братіи оставался часъ; но привѣтливый монахъ спросилъ, не хотимъ ли мы сѣсть за столъ одни, не ожидая общаго ужина. Принять это приглашеніе намъ показалось неловко, и хотя горный воздухъ и трудная дорога возбудили въ насъ сильной аппетитъ, но мы, продрогши, довольствовались рюмкою киршвасера. Отецъ ключарь оставилъ насъ не надолго, по возвращеніи же предложилъ посмотрѣть бібліотеку и собранія по разнымъ частямъ. Книгъ въ первой не много; намъ показали одинъ только манускриптъ, важности котораго не утверждаю. Здѣсь бюстъ изъ бѣлаго мрамора генерала Дезе, погребеннаго въ сей обители; не знаю, похожъ ли онъ, но въ лицѣ выраженіе героя. Собранія значительнѣе, но я не минералогъ и потому не берусь су-

дить о достоинствѣ показанныхъ намъ шуфовъ, а скажу только, что въ нихъ заключаются все роды ископаемыхъ сей отрасли Альповъ. Нумизматическій кабинетъ состоитъ изъ рѣдкихъ Римскихъ монетъ, медалей и пр., отысканныхъ большею частію подлѣ самаго монастыря, на мѣстѣ котораго стоялъ въ древности храмъ Юпитера. Въ собраніи семъ также много мѣдныхъ дощечекъ съ надписями, означающими благодарность сему богу за счастливый переходъ чрезъ сіе мѣсто: видно, сколь оно и въ то время почиталось опаснымъ. Слова *Jovі Roenino*, изображенныя на нѣкоторыхъ, были поводомъ къ разнымъ толкамъ антикваріевъ. Одни, переводя ихъ Юпитеру Пунпическому, выводятъ изъ того, что Аннибаль, на походѣ своемъ въ Италію, переходилъ съ войскомъ чрезъ сію гору: заключеніе впрочемъ не очень основательное; и по всему кажется,

больше вѣроятія заслуживаютъ тѣ, которые полагаютъ, что быстрому Африканцу не за чѣмъ было идти окольною дорогою, но гораздо ближе черезъ Mont Cenis. Съ тѣхъ поръ, какъ Сардинское правительство вступило въ прежнее владѣніе Пиемонтомъ, и мѣсто древняго храма отошло къ нему, рытіе на немъ братіи воспрещено. Странная мѣра: кому бы ближе, какъ не ей, и поручить это дѣло? Многіе изъ монаховъ люди ученые, и для чего лишать анахоретовъ одного удовольствія, предоставленнаго имъ случаемъ? Съ другой стороны, что за расчетъ, когда лучшее уже выкопано; и какихъ сокровищъ предполагать въ сихъ мѣстахъ, гдѣ никогда не было и необходимаго для существованія человѣка?

Въ разсматриваніи рѣдкостей наступило время трапезы. Мы застали братіи человѣкъ 8 и другихъ путешественниковъ до 12 съ разныхъ кон-

цевъ Европы. По прочтеніи молитвы отцы пригласили насъ сѣсть, а сами заняли мѣста между нами, чтобы не оставить гостей однихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ удовлетворить любопытству каждаго. Мой сосѣдь, монахъ, чело-вѣкъ молодой (да и всѣ они молодыхъ лѣтъ), на вопросъ мой о числѣ братіи, сказалъ мнѣ, что оно не опредѣлено, а бываетъ ихъ отъ 20 до 30. Настоятель обители именуется Prevôt, зависи-ть непосредственно отъ папы и по старости живетъ обыкновенно въ Мар-тини, куда переѣзжаютъ также и дрях-лые изъ нихъ, неспособные къ служ-бѣ, и больные, которымъ нельзя уже переносить тамошняго климата. Вотъ почему не замѣтилъ я изъ братіи ни одного стараго. Климать на вершинѣ Св. Бернарда не только что нездоровъ, но для многихъ даже убійственъ. Воз-духъ всегда самой суровой; тепла ни-когда болѣе не бываетъ 15°, и то очень

рѣдко; утренники замѣтны почти все лѣто, и за нѣсколько времени до нашего прибытія, въ концѣ Іюля, было холоду до 4°. Монахи носятъ круглой годъ шерстяную одежду, но тѣмъ не менѣе подвергаются простудамъ, ревматизмамъ и груднымъ болѣзнямъ. Рѣдко кто пробудеть здѣсь лѣтъ десять, не заплативъ здоровьемъ исполненію обѣтовъ своихъ среди сихъ пустынь отверженныхъ природою и человѣкомъ. За то мы пользуемся однимъ важнымъ правомъ, замѣтилъ мнѣ отецъ; умирать не на С-тъ Бернардъ, гдѣ нѣтъ довольно земли для погребенія умершихъ: все голый камень, и ни одинъ кустикъ распустившимися листьями не возвѣщаетъ прихода весны. Начало сей обители относятъ къ половинѣ десяятаго столѣтія. Основателемъ же оной почитаютъ Св. Бернарда, бывшаго первымъ ея святителемъ. Въ теченіи 3-хълѣтнихъ мѣсяцевъ ходятъ между

симъ мѣстомъ и окольными селеніями караваны муловъ, навьюченныхъ сѣномъ, дровами и другими нужными для монастыря запасами. Отъ 8 до 9 тысячъ странниковъ, слѣдующихъ изъ Пиемонта въ Валлисъ, или обратно, такъ какъ сей путь есть кратчайшій, пользуются гостепріимствомъ обители. Пріѣзжающихъ изъ одного любопытства не бываетъ въ томъ числѣ и тысячи. Осенью сообщеніе становится труднѣе, и наконецъ совсѣмъ прерывается; путешественники не показываются; монахи провождаютъ туманные дни и долгія ночи полярной зимы одни, отдѣленные отъ прочихъ живыхъ существъ міра; раздается только паденіе лавинъ и вой вѣтровъ, свирѣпствующихъ вокругъ стѣнъ обители, въ которой и при шумѣ стихій не прерывается мирное пѣніе иноковъ, приносящихъ въ жертву Всевышнему не одиѣ пѣсни хваленія, но и самихъ се-

бя, если того нужда требует во спасеніе чловѣчества. Обязанность братіи въ зимнее время послѣ каждой непогоды выходить по дорогѣ къ монастырю на встрѣчу путешественникамъ для оказанія имъ нужной помощи. Сверхъ того каждый день отправляютъ они служителя, именуемаго *шагоніег*, до мѣста, назначеннаго убѣжищемъ для странниковъ, чтобы навѣдаться, нѣтъ ли тамъ кого, требующаго пособія, и оставить съѣстныхъ припасовъ будущему пришельцу. Для отысканія же усталыхъ, застигнутыхъ стужею, или погребенныхъ подъ снѣгомъ, водятъ они съ собою нарочно приученныхъ къ тому собакъ. Кто не знаетъ собакъ Сентъ-Бернарда? Кто не слыхалъ объ этихъ животныхъ, служащихъ орудіемъ дѣятельнѣйшей благотворительности? Естественные друзья чловѣка, они не оставляютъ его и въ сей страннѣ недостатковъ и бѣдствій, но, раз-

дѣляи съ нимъ опасности, избавляютъ его часто отъ нихъ. По врожденному инстинкту собаки сіи слышатъ чутьемъ несчастнаго подъ снѣгомъ, лаемъ призываютъ на помощь и лапами помогаютъ вырывать его изъ сугроба. Были даже, говорятъ, примѣры, что они приносили къ обители найденныхъ ими замерзшихъ дѣтей. Много ли разумныхъ тварей похвалится подобными подвигами добра? Но къ сожалѣнію сіи животныя сами остаются иногда жертвою великодушныхъ своихъ поисковъ. Въ 1816 году паденіемъ лавины убило вдругъ трехъ собакъ, при чемъ погибъ и монастырскій служитель, сопровождавшій ихъ. Узнавъ, что я Русскій, хвалился мнѣ отецъ знакомствомъ съ нашимъ княземъ Б., котораго, въ бытность свою за сборомъ подаянія, встрѣтилъ гдѣ-то въ Италіи и получилъ отъ него на монастырь 50 дехиновъ. Также превозносилъ онъ

живущаго теперь въ Женевѣ статсъ-секретаря графа К., содѣйствию котораго обязанъ монастырь щедрыми припошеніями. На вопросъ мой, много ли сюда заѣзжаетъ Русскихъ, онъ не могъ вспомнить никого. Пересматривая книгу путешественниковъ, я тоже не нашелъ ни одного земляка. Кушанье наше состояло изъ супа, говядины съ картофелемъ, телятины съ салатомъ и десерта изъ орѣховъ и винныхъ ягодъ. Кромѣ краснаго вина à discrétion разнесли послѣ жаркаго по рюмкѣ мушкетелю. Изъ-за стола встали въ 8 часовъ, заключивъ трапезу молитвою. Тогда служитель монастырскій показалъ намъ отведенную для каждаго комнату. Мы съ Л. заняли одну; всѣ онѣ расположены по сторонамъ корридора. Комнатки маленькія, по необходимости самаго зданія; но постель и мебель не хуже, какъ во многихъ гостинницахъ. Соотвѣтственно климату,

вездѣ двойныя рамы, двойныя двери. Жаль, что не заведено Русскихъ печей. Въ нетопленномъ покоѣ я такъ прозябъ, что насилу согрѣлся, укрывшись вѣтмъ, что случилось. Мы уже спали, когда прибыли въ монастырь Англичанка и двое Французовъ. Добрая братія, не смотря на позднее время, принялась хлопотать по прежнему и угостила новопріѣзжихъ съ тою же ласкою, какъ и насъ.

На другой день разбудили насъ, по приказанію нашему, къ ранней обѣднѣ, которая отправляется въ 6 часовъ. Церковь старинная, небольшая. Главное украшеніе въ ней памятникъ Дезе, котораго остатки съ побѣднаго поля Маренго по приказанію Бонапарте перенесены сюда. Онъ сооруженъ изъ бѣлаго мрамора и вдѣланъ въ стѣнѣ. Барельефъ представляетъ послѣднія минуты генерала, падающаго съ лошади и поддерживаемаго сво-

имъ адъютантомъ. Надписи нѣтъ никакой, да и для чего бы? Вообще не постигаю мысли назначить здѣсь мѣсто погребенія военному человѣку. Тюреннь, покоющійся въ храмѣ инвалиднаго дома, у мѣста; но въ семь домѣ страннопріимства и благотворительности, гдѣ всего менѣе помышляютъ о славѣ земной и кровавыхъ побѣдахъ, приличіе бы храниться праху. Говарда или Винцента де Поля. Безкорыстные отцы, угощая странниковъ, не принимаютъ никакой платы. Это у нихъ положенное правило. Но въ церкви заведена кружка, въ которую можно класть приношеніе, сколько кому угодно. Ни одинъ пріѣзжій конечно не упускаетъ по мѣрѣ возможности расплатиться симъ способомъ за оказанное гостепріимство. По отправленіи службы насъ позвали къ завтраку и подали кофе съ сухарями и масломъ.

По желанію общества осмотрѣть положеніе обители, отецъ ключарь вызвался быть нашимъ проводникомъ и повелъ насъ вокругъ озера. Лишь только собаки его увидѣли, какъ бросились къ нему и начали ласкаться. Видъ этихъ добрыхъ животныхъ доставилъ намъ удовольствіе, не менѣе прочихъ рѣдкостей сего мѣста. Собаки очень смиренны, не лаютъ ни на кого, не кусаются и похожи на большихъ дворовыхъ. Онѣ бѣжали за нами во все время прогулки, и легко представить, что никто не упустилъ подзвать и приласкать ихъ. Мы видѣли собакъ до пяти; климатъ и для нихъ вреденъ: года три или четыре все время ихъ службы. Озеро монастырское не велико и отличается только чернымъ цвѣтомъ воды. Можетъ быть, каменное дно или окружающія его горы темнаго цвѣта производятъ это дѣйствіе. Въ немъ полагаютъ множество

могетъ, и не безъ основанія. У древнихъ было обыкновеніе бросать деньги въ воду, призывая боговъ къ спѣшествованію въ какомъ либо предпріятіи. Мѣсто храма на южной его сторонѣ, нѣсколько возвышенное, примѣтно по отломкамъ мрамора и кирпича, валяющимся во множествѣ. Чего стоило построеніе его Римлянамъ, если представить высоту горы, трудность доставлять сюда матеріалы, краткость времени, удобнаго для работы, недостатокъ способовъ для продовольствія рабочихъ! Но было ли что невозможно соорудителямъ колоссовъ, въ которыхъ видить потомство труды полубоговъ и гигантовъ? Миѣ попадались куски съ нарѣзками рѣзца; хотѣлось взять нѣсколько съ собою на память; но какъ сдѣлать, путешествуя налегкѣ? Одинъ изъ нашего общества, Нѣмецъ, пришедшій сюда пѣшкомъ и страстный видно любитель древностей,

не устоялъ противъ приманчивости Римскихъ мраморовъ и плотно ими нагрузилъ карманы. Охота пуще неволи; но сомнѣваюсь, чтобы достало у него терпѣнія дотащиться съ камнями во свояси. Недалеко отсюда стоитъ граничный столбъ: властолюбіе возложило руку свою и на сіи голые безплодные хребты, которыми обладаніе никому никакой пользы принести не можетъ. Таковой знакъ присвоенія нигдѣ не у мѣста менѣе, какъ здѣсь, гдѣ чловѣкъ, отдѣленный отъ міра, вознесенный за облака, забываетъ все земное, и страсти его подобныхъ, въ сообществѣ добродѣтельной братіи, кажутся ему еще мельче и ничтожнѣе. Проводникъ нашъ показалъ намъ монастырскій огородъ, бѣдный огородъ, для котораго надобно было возить землю изъ-за нѣсколькихъ верстъ: гряды двѣ капусты и салату, вотъ и все! Чего же болѣе ожидать тамъ, гдѣ цѣлый

годъ не бываетъ 12 ясныхъ дней? Монахи разводять эту зелень какъ рѣдкость и для одного только удовольствія. Послѣдній предметъ нашего любопытства былъ совсѣмъ особаго и страннаго рода, какому нигдѣ, можетъ быть, не найти подобнаго: это низменный домикъ, именуемый *le caveau*, въ которомъ складываются найденныя мертвыя тѣла. Всегдашній холодъ не допускаетъ ихъ до гніенія; черты лица сохраняютъ видъ свой въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего тѣло сохнетъ и становится подобно муміи. Ужасенъ видъ непогребенныхъ мертвецовъ, расположенныхъ рядами и большею частію по недостатку мѣста приставленныхъ къ стѣнѣ стоймя: ихъ насчиталъ я до двадцати. Но что и въ гробницахъ, служащихъ одному тщеславію живыхъ, а не спокойствію усопшихъ? Этотъ способъ издѣвать не снѣдію червей, не въ тѣсномъ гро-

**

бѣ, а въ комнатѣ на свѣжемъ воздухѣ, и не одному, а въ обществѣ хотя и молчаливомъ, мнѣ по крайней мѣрѣ больше нравится, и не всякому ли покажется. при всей странности своей, менѣе мрачнымъ и даже нѣсколько отраднымъ? Жаль только, что въ этомъ отношеніи не вездѣ Сентъ-Бернардская температура. А право, если живые здѣсь нуждаются и терпятъ, то мертвые пользуются всѣми выгодами; братія страдаетъ отъ вліянія климата, но покойники конечно не пожалуются.

Воротившись въ обитель, я видѣлъ уже многихъ собиравшихся къ отъѣзду. Хотя гостепріимные отцы позволяютъ и трое сутокъ гостить у нихъ, но лучше провести эти дни у подошвы, нежели на вершинѣ Сентъ-Бернарда. Догадливый проводникъ осыдлалъ уже муловъ и стоялъ съ ними у крыльца. Я имѣлъ только время, уложивъ дорожную свою сумку, поблагодарить

добрую братію и въ особенности отъ ключаря. Но прежде, нежели мы простились, они вручили мнѣ книгу, прося записать свое имя. Это одно они позволяютъ себѣ въ отношеніи къ путешественникамъ, и то при самомъ прощаніи. Объ отечествѣ же вашемъ, званіи и (подивитесь, въ католической землѣ!) вѣроисповѣданіи не услышите ни одного вопроса. Вписавшись, какъ должно, я прибавилъ порусски: „Первый Русскій въ семъ году на Сентъ-Бернардѣ. Климатъ суровѣ Сибирскаго, по крайней мѣрѣ въ Августѣ не зябъ я на берегахъ Енисея. Природа угрюма и скупа. Но гостепріимство доброй братіи замѣняетъ здѣсь всѣ дары ея, и путникъ оставляетъ обитель съ сердцемъ, утѣшеннымъ видомъ христіанскихъ добродѣтелей, достойныхъ украшать не сію пустыню, но эдемъ“.

А. Илличевскій.

19 Августа 1824.

НЕПОНЯТНЫЙ СОЮЗЪ *).

Прелестныя серебряныя звѣзды ясно свѣтлѣли на черномъ Аравійскомъ небѣ; пустыня вторила звонкое рыканіе льва и сердитый ревъ тигра; а вольные Арабы Іеміа, вблизи древнихъ развалинъ неизвѣстнаго города, спокойно лежали подъ шатрами своими, слушая сладкія восточныя повѣсти и дружелюбно поглаживая именитыхъ коней своихъ. Въ одномъ изъ шатровъ старый Абуфаръ продолжалъ повѣствованіе о необыкновенной встрѣчѣ въ жизни своей. Онъ говорилъ:

„Итакъ путешественники, одушев-

*) Въ непродолжительномъ времени выйдетъ полное собраніе аллегорій сего автора.

ленные святымъ усердіемъ, проходили знойные пески, направляя путь къ Меккѣ. Верблюды, корабли пустыни, важно тянулись въ пестромъ караванѣ, и красивые кони, друзья Арабовъ, легко играли подъ статными метателями джериды. Между многими уроженцами далекихъ странъ я замѣтилъ одну чету и не спускалъ ее съ глазъ. *Онъ* и *она* составляли разительную противоположность, но были соединены тѣсно. *Онъ* искривленъ, тяжелъ и черенъ, какъ уголь: она стройна, какъ пальма, легка, какъ благовонный дымъ алая или душистой амвры, и бѣла, какъ пухъ лебединый.... Странное несходство и непонятная между обоими связь!... *Онъ* любилъ питаться грубыми яствами; она искала совсѣмъ другой пищи. Съ дикою алчностью пожиралъ онъ кровавыя мяса и глоталъ запрещенный напитокъ. Она, напротивъ, питалась только легкимъ сокомъ,

или лучше сказать, ароматомъ плодовъ и растений. И когда всѣ люди и верблюды съ жадностію бросались къ пустыннымъ водометамъ, она одна, съ непонятнымъ спокойствіемъ, ожидала окончанія суеты и, глотая издали одну свѣжесть, одну легкую алмазную пыль летящихъ струй, веселилась, какъ дитя, радужною игрою лучей въ водопадѣ. Никогда не видали ее алчущею, никогда не слышали жалобъ ея на жажду и зной. Смиренно терпѣливая, она насыщала гладъ, говоря о правдѣ, о добродѣтели, о чистотѣ, о высокой любви; а жажду утоляла повтореніемъ про себя сладкихъ стиховъ Корана. Окутанная легкою, бѣлою, какъ она, одеждою изъ кисеи тонкой, какъ воздухъ, она казалась перламутровымъ облакомъ, которое пролетаетъ иногда по темносинему небу нашей Іеміи.

Кроткая, какъ голубица, непорочная, какъ дѣва рай, и невинная, какъ дѣтя, она всегда любила ласкать дѣтей и, казалось, что будучи съ ними, становилась ими, а они ею. Онъ, тучный и неопрятный, спалъ безъ просыпу; она чистая, воздушная, проводила и ночи безъ сна. Когда утренняя звѣзда зажигалась ясно, какъ жизнь новорожденнаго младенца, когда начиналъ дуть свѣжій вѣтерокъ, гоня передъ собою цѣлое море ароматовъ, свѣянныхъ съ цвѣтушихъ долинъ; тогда вдохновенные дервиши восклицали: „Вотъ часъ, въ „который Господь призираетъ на землю „и громко вопіеть, да услышатъ правду Божию судіи и пастыри народовъ „земныхъ“. Сонливый ничего не слыхалъ; но она благоговѣйно становилась въ часъ сей на колѣни и молилась, какъ только можетъ молиться безтѣлесная. Мы никогда не слыхали разговора ея... Она не говорила по на-

шему. Одинъ только онъ могъ понимать языкъ, которымъ она говорила. Иногда видали мы, какъ она указывала ему на разныя мѣста въ Коранѣ. При омовеніи рукъ, на примѣръ, она открывала слѣдующій стихъ: „Правовѣрный, умывай руки семь разъ на день; но помни, что душа твоя должна быть въ 77 разъ чище седмицею умытыхъ рукъ! Тако угодиши Богу: зане Богъ благъ и всемогущъ“. Безобразный читалъ и хмурился. Заходилъ ли разговоръ о Божествѣ и человѣкѣ, она указывала на то мѣсто, гдѣ пророкъ говорить: „Богъ шестуеетъ между человѣкомъ и его сердцемъ“. И однажды, когда путешественники рассуждали, какъ надобно жить, она съ увѣренностію указала ему на извѣстный стихъ Корана: „Человѣкъ, когда ты родился на свѣтъ, тогда всѣ радовались, одинъ только ты плакалъ; живи такъ на свѣтъ, что-

„бы въ часъ смерти твоей всѣ пла-
„кали, одинъ бы только ты радовался!“

Такъ наводила она его на всякое добро; но онъ не любилъ ее слушаться. Однако жъ одинъ только онъ умѣлъ съ нею разговаривать. какъ свой съ своимъ, и на вопросъ: „кто она?“ всегда отвѣчалъ: нездѣшная. Онъ ее мучилъ и любилъ. Она много, много отъ него страдала, однако жъ не могла съ нимъ разлучиться: чудно, но справедливо!

Наконецъ достигли Мекки, и безобразный, прежде, нежели зашелъ въ домъ молитвы, повлекъ свою прекрасную въ домъ пира и разврата. Такъ онъ и скрылся отъ нашихъ глазъ. Модельщики исполнили долгъ и весело возвращались съ свои дома. Безобразный уже не возвращался.... Послѣ (былъ слухъ), пресыщенный чрезмѣру брашнами, онъ гдѣ-то уснулъ и не пробуждался болѣе. Но она возвратилась

и, какъ говорятъ, воспѣвая веселыя пѣсни, въ свое далекое отечество“.

Кто жь этотъ *онъ*? и кто *она*? вопрошали нетерпѣливо юные слушатели.— „Стройный Алманзоръ и стыдливая Лейла, у которой черныя очи сіяли влажнымъ огнемъ... Ужь *онъ* конечно не *духъ*; а *она* вѣрно не *тѣло*“. Такъ сказалъ старый Абуфаръ и замолчалъ.

В. Глинка.

Н Е Р А З Л У Ч Н Ы Я .

Спокойны жители Востока. Они удивляются живой, порывчатой дѣятельности суетливыхъ Европейцевъ. Важный, благовидный обитатель береговъ Гангеса и Эфрата. безмолвно сидящій на узорчатомъ коврѣ своемъ, сложа руки выше пояса, съ улыбкою сожалѣнія смотритъ на странную дѣятельность Европейца, бѣгающаго туда и сюда, иногда съ необдуманною рѣзвостію ребенка, но по большей части съ нѣкоторымъ тоскливымъ, многозаботнымъ и нерѣдко судорожнымъ движеніемъ чловѣка, какъ будто осужденнаго къ какой-то страшной участи. Зачѣмъ же хвалятся они своими на-

„уками, своею философіею“, говорят восточные о Европейцахъ, „когда ихъ науки, когда ихъ философія не даютъ имъ спокойствія? Стоитъ ли жить, чтобъ тревожиться! Человѣкъ созданъ для покоя высокаго, для созерцанія „усладительнаго...“

Испытатели природы приписываютъ дѣйствию солнца различіе темпераментовъ. Полагаютъ между прочимъ, что сухость воздуха на Востокаѣ унимаетъ рѣзвость крови. Неизвѣстно, достовѣрна ли сія причина; но достовѣрно то, что жители Востока, богатые и бѣдные, занятые и праздные, любятъ молчать, задумываться и предаваться нѣкоторой роскошной мечтательности, придающей и самой ихъ наружности какой-то видъ спокойнаго самодовольствія. Дикіе, огненные, стремительные на войнѣ, они мирны среди мира, медленно-глаголивы въ бесѣдахъ, кротки,

сладкоправны *) въ домахъ и кажутся тающими въ роскоши садовъ своихъ. Ихъ созерцательное бытіе на землѣ проходить, какъ долгая усладительная дремота.

Недалеко отъ развалинъ древняго Персеполиса, свяшенно - знаменитой столицы царей и маговъ Персіи, обиталъ нѣкогда Зунбаръ смиренный послѣдователь великаго Зороастра. Слово жизни (Зендъ-авеста) было правиломъ его собственной жизни, и тотъ, кто улыбался тотчасъ по рожденіи, былъ

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на востокѣ существуетъ обычай, сидя съ гостемъ молчать, думать, курить трубку и только отъ времени до времени спрашивать другъ у друга: „каково теперь расположеніе вашего нрава?“ на что отвѣчаютъ: „оно усладительно, какъ сахаръ!“

мудрецомъ ему любезнѣйшимъ. Зунбаръ вѣрилъ, что вѣковѣчное время, самобытно, безусловно-почивающее въ своей безпредѣльности, нѣкогда восхотѣло и породило Ормуса и Аримана. Оба были блистательны и благи. Но Ариманъ воспикѣлъ завистию и потемнѣлъ. Онъ очреватѣлъ *самостию* и, отторгшись отъ общаго устройства, отяжелѣлъ и низвергся долу, гдѣ въ неисчетныхъ видахъ зла свирѣпствуетъ, воюя противу вѣрнаго Ормуса и любимыхъ имъ челоуѣковъ. Глубокая тма, любимая стихія Аримана, окружаетъ его и клеветовъ его. Сѣнто тма густо застилаетъ землю, на которую молитвы вѣрныхъ низводятъ лучи горнаго свѣта изъ лона вѣчно сіяющаго Ормуса. Зунбаръ умѣлъ читать въ великой книгѣ природы. Онъ вѣдалъ и священныи языкъ (санскритъ), на которомъ написаны книги Зендъ и тайныя Вѣды. Каждая буква сего изы-

ка, начертанная въ определенное время, низводила горній свѣтъ и врачевала въ извѣстномъ кругѣ общій недугъ дольняго мрака. Сады и нивы кроткаго Зунбара были плодоноснѣе его деревья рослѣе и цвѣты махровѣе обыкновенныхъ: вездѣ кругомъ него видна была какъ бы сгущенная жизнь и свѣжесть; ибо на немъ почивало благословеніе повсюду и все-любящаго Ормуса.

Послѣдніе лучи солнца отражались на богатой позолотѣ обрушенныхъ лазоревыхъ столповъ, украшавшихъ нѣкогда дворцы и гробницы царей. Прохладный вечеръ нисходилъ, какъ тайный даръ неба, на раскаленные поля. Зунбаръ сидѣлъ въ саду своемъ противъ высокаго водомета, подѣ живымъ навѣсомъ, на которомъ благоухали красивые ясины и тысячи бѣлыхъ и алыхъ розъ.

Тишина и благоуханіе возвышали

душу его. Онъ видѣлъ радужныя дороги, воздушныя, лазоревыя палаты, храмы, слитые изъ злата живаго какъ жизнь и тонкаго какъ огонь, сады съ древами неземными, цвѣты изъ алмазовъ и камней самоцвѣтныхъ и рои молодыхъ пери, купающихся въ разливѣ алой зарн. Иногда духъ его парилъ еще выше. Онъ видѣлъ хрустальные врата, сквозь которыя, какъ во снѣ, открываются радости рая... И нѣкогда созерцалъ онъ и слышалъ, какъ одна половина неба спорила съ другою о томъ, чего болѣе заключается въ существѣ Господа: всепремудрости, или всеблагости? И вдругъ, среди таковой созерцательной задумчивости, видитъ онъ однажды предъ собою странную чету. Двѣ женщины явились ему: одна старая, наморщенная, изувѣченная, подпертая клюкою, дряхлая, какъ немощь и непрятная для глазъ, какъ безобразіе; другая

свѣжая, молодая, стройная. съ легкимъ станомъ, съ голубыми ясными очами, съ милويدною головою на круглой, прямой, бѣлой шеѣ, которая вмѣсто ожерелья обнизывалась мелкими свѣтлорусыми кудрями. Она была вся прекрасна, какъ улыбка невинности и чиста, какъ слеза сердечная. Кто вы? спросилъ ихъ Зунбаръ такимъ языкомъ, котораго слова понятны, но неслышны, какъ слова чловѣка, разговаривающаго умственно съ самимъ собою. Кто вы?.. „Мы родныя сестры“, отвѣчала младшая. „Мы пущены въ мѣръ чловѣковъ, чтобъ ходить по землѣ одной за другою; она (указывая на старшую) для того, чтобъ мучить, а я—чтобъ утѣшать. Она всего лишаетъ, а все замѣняю. Видишь, какія у нея жесткія руки и на нихъ цѣпкіе желѣзные когти! Мои ладони ласковы, какъ шелковистость атласа, и мягки, какъ ланита невѣсты, лобзае-

мая женихомъ ея. Ими лаская, я ублажаю, цѣлю, успокоиваю сердце, разтерзанное ею. Она мучить, какъ нечистая совѣсть; я успокоиваю, какъ голосъ ангела къ кающемуся грѣшнику. Она горька, какъ полынь; я сладостна, какъ прохладительное питіе востока. Она стоны и жалобы, я извлекаю изъ сердець человѣческихъ тѣ сладкія, тѣ возвышенныя чувства и тѣ чистѣйшія слезы, которыя духи жизни собираютъ въ золотыя сосуды и приносятъ, какъ дань, какъ лучшую жертву, предъ густопаменный престолъ Наднебснаго.“ Но для чего жъ вы всегда вмѣстѣ? Зачѣмъ ты, прекрасная, не бросишь споей безобразной?... Тогда старшая отвѣчала: „Зунбаръ, ты стяжалъ мудрость, но не получилъ еще ключа разумѣнія. Вѣдай: такъ постановлено свѣше... Безъ меня сестра моя была бы только существомъ умственнымъ; при мнѣ она

дѣйствительна. Не знали бы цѣлебной сладости врачевства, когда бы не было огорчительной скорби и болѣзни. Истинную цѣнность придаю сестрѣ моей Я. Безъ меня люди многое бы забыли и лишились бы счастья облагороживать существо свое тѣмъ высокимъ ощущеніемъ, которое даруетъ она. Однимъ словомъ, кто рѣшится не гнушаться моимъ безобразіемъ, къ тому близка будетъ и ея красота; ибо гдѣ Я, тамъ и она.“ Онѣ говорили еще многое и наконецъ сказали свои имена на нѣкоемъ восточномъ нарѣчій. Звуки сего нарѣчія покажутся, можетъ быть, странными для европейскаго слуха, а потому я и означаю имена обѣихъ въ переводѣ: первая по нашему значитъ Нищета, вторая Жалость.

В. Глинка.

Ф И Р Д О У С И .

..... Jamais roses de poésie,
Trésors charmants de grâce et de
fraîcheur,
De tels parfums n'embaumèrent l'Asie!

Millevoye.

Можетъ быть, не только произведе-
денія и любопытныя подробности жиз-
ни Персидскаго Омера, но и самое
имя его не всемъ еще у насъ извѣ-
стно. Между тѣмъ, въ западной Евро-
пѣ, многіе литераторы такъ же зани-
маются нынѣ восточною словесностію,
какъ прежде всѣ занимались греческою
и латинскою. Вѣроятно и наши зна-
токи восточныхъ языковъ скоро по-
знакомятъ насъ съ знаменитою Ша-
Наме, поэмою Фирдоуси. Его жизнь

такъ необыкновенна и занимательна, что онъ самъ можетъ быть предметомъ поэмы. Мильвуа его имѣлъ въ виду, когда писалъ прекрасную свою элегію: *Le tombeau du poëte Persan*.

Фирдоусъ жилъ въ половинѣ XI столѣтія по Р. Х. Онъ родился въ городѣ Тузѣ. Отецъ его былъ садовникъ. Первыми познаніями поэзіи онъ обязанъ былъ учителю своему Эсседи, который, по смерти Фирдоуса, дописалъ и поэму его Ша-Наме. Странный разсказываютъ случай, какъ открылись дарованія сего поэта.

Въ 1055 году Персія должна была признать надъ собою власть славнаго завоевателя Махмуда, султана Турецкаго. Онъ утвердилъ свое мѣстопробываніе въ Газнѣ. Его владѣнія простирались отъ Эфрата до Инда. Сей государь, прозванный Газн, принадлежить къ числу знаменитѣйшихъ владѣтелей востока. Сила оружія доста-

вила ему власть надъ племенемъ чуждымъ; но онъ хотѣлъ любовію приязать къ себѣ новыхъ подданныхъ. Ему извѣстна была ненависть Персовъ къ прежнимъ ихъ обладателямъ, Сарацынамъ. Чтобы не внушить въ нихъ и къ себѣ подобнаго чувства, онъ началъ изъяслять совершенное уваженіе къ ихъ законамъ, обычаямъ, исторіи, а особенно къ ихъ языку.

На востокѣ во всѣ времена власть государей много зависѣла отъ образованнѣйшаго званія гражданъ, которые, присвоивъ себѣ исключительное право на обладаніе науками, приводили простой народъ въ изумленіе тайнами своихъ познаній. Махмудъ собралъ всѣхъ мудрецовъ Персіи, окружилъ себя ими и приказалъ своимъ полководцамъ и воинамъ изъяслять имъ всѣ почести. Въ ихъ бесѣдахъ почерпнулъ онъ свѣдѣнія о новомъ своемъ отечествѣ, о духѣ правленія

предшественниковъ своихъ и воспламенился прекрасною мечтою затмить ихъ бранную славу славою мира и благоденствія подданныхъ. Онъ былъ тогда въ лучшемъ цвѣтѣ лѣтъ. Поэзія на него дѣйствовала, какъ весеннее солнце на растенія. Миротворецъ враждебныхъ племенъ, воскреситель падшихъ законовъ, поклонникъ истины и мудрости, достоинъ былъ пѣсней Музъ. Махмудъ самъ чувствовалъ это. Въ собраніи просвѣтителей народныхъ, философовъ и поэтовъ, торжественно объявилъ онъ, что ему было бы пріятно, если бы кто изъ нихъ вдохновеннымъ произведеніемъ увѣковѣчилъ время его царствованія. Всѣ поэты совокупились для исполненія воли монарха. Анзари былъ избранъ ихъ главою. Но величіе предмета превышало всеобщее усердіе. Духъ пѣснопѣнія свободенъ и не подвластенъ ничьему призванію.

Питомцы Музъ, сопровождаемые учителемъ своимъ Анзари, вышли однажды за городъ. Полдневный зной принудилъ ихъ искать отдохновенія въ прохладной пещерѣ. Тамъ предались они любимому занятію восточныхъ поэтовъ. Въ свободное время обыкновенно между ними начинается поэтическая игра. Всѣ они вмѣстѣ составляютъ четверостишіе, принадлежащее къ такъ называемымъ *робои*. Въ немъ каждый стихъ долженъ состоять изъ отдѣльной мысли, которая бы отъ перваго до послѣдняго стиха постепенно усиливалась. Всѣ стихи оканчиваются на одну рѣму и заключаютъ въ себѣ по четыре стопы изъ трехъ слоговъ: короткаго и двухъ долгихъ. Анзари произнесъ первый стихъ. Послѣ нѣкотораго молчанія старшій изъ учениковъ его отвѣчалъ вторымъ. Найдены были и третій стихъ, хотя по долгомъ молчаніи; но

четвертаго не могъ пріискать никто изъ всего собранія. Между тѣмъ, какъ они, предавшись размысленію, сидѣли въ тишинѣ, Анзари увидѣлъ предъ собою незнакомаго юношу. Никто не примѣтилъ, какъ онъ вошелъ въ пещеру. Онъ былъ черноволосъ, лицомъ смугль, но глаза его сіяли, какъ звѣзды; одѣтъ, какъ охотникъ; за плечами висѣлъ у него лукъ. Молодой человѣкъ спросилъ у нихъ, о чемъ они думаютъ. Анзари, прочитавъ ему три первые стиха своего робои, сказалъ, что никто изъ нихъ не можетъ найти четвертаго. Юноша вдругъ его сказалъ. Они всѣ были поражены силою и благозвучіемъ его. Тогда Анзари повелъ пришельца въ Газну, представилъ Махмуду и объявилъ, что одинъ этотъ молодой человѣкъ въ состояніи написать такую поэму, какой ожидалъ отъ нихъ царь. Восхищенный монархъ

*

обвѣщалъ ему въ награду шесть *золотыхъ* *теми*.

Этотъ юноша былъ Фирдоуси. Призванный государемъ, онъ оставилъ Тузъ и поселился въ Газнѣ, гдѣ царскіе чертоги замѣнили ему скромную хижину бѣднаго его родителя. Любимецъ монарха скоро почтенъ былъ всѣмъ народомъ. Прекрасная душа его, казалось, получила новый блескъ на высотѣ счастья. Свободный отъ тягостныхъ, часто убійственныхъ для дарованія, заботъ жизни, исполненный высокаго своего предмета, дыша одною поэзіею, Фирдоуси предался своему занятію со всѣмъ жаромъ юноши. Придворная жизнь не разслабила полудикаго воспитанника Музъ и природы. Посреди изобилія онъ сохранилъ всю свѣжесть своихъ чувствованій. Онъ любилъ великолѣпіе, какъ очаровательные вымыслы воображенія, какъ роскошныя картины

своей восточной природы. Всѣ вельможи и близкіе къ государю не только не завидовали прекрасной судьбѣ его, которой онъ былъ достоинъ, но чувствовали къ нему какое-то неизъяснимое уваженіе, какую-то особенную любовь, похожую на впечатлѣніе, какое остается въ душѣ нашей при разсмотрѣніи совершеннѣйшаго произведенія скульптуры, или живописи. Этотъ періодъ жизни Фирдоуси безъ сомнѣнія былъ счастливѣйшимъ.

Махмудъ, по обыкновенію восточныхъ владѣтелей, старался окружить престолъ свой всѣмъ, что только было блистательнѣйшаго въ обширномъ его государствѣ. Отроки изъ знатнѣйшихъ домовъ Персіи составляли его службу. Приближая къ себѣ ихъ съ дѣтства, осыпая своими милостями, онъ съ удовольствіемъ приготавлилъ въ нихъ будущихъ себѣ помощниковъ правленія. Его любовь къ нимъ до-

ходила до пристрастія. Не въ правѣ ли былъ онъ ожидать отъ нихъ всей къ себѣ привязанности? Между тѣмъ, одинъ изъ сихъ отроковъ, болѣе прочихъ любимый своимъ государемъ, болѣе всѣхъ пользовавшійся его милостями, началъ показывать совершенное къ нему хладнокровіе и пренебреженіе къ его благодѣяніямъ. Пылкое воображеніе молодаго человѣка обольстилось славою поэзіи. Фирдоуси сдѣлался предметомъ его удивленія. Отрокъ посвящалъ ему каждую минуту свободнаго своего времени. Въ его бесѣдахъ находилъ онъ чистѣйшія наслажденія. Наконецъ онъ готовъ былъ сдѣлаться рабомъ его, лишь бы неотлучно при немъ находиться: онъ забылъ всѣ свои обязанности и отношенія къ государю.

Слѣдствія сего ничтожнаго, повидимому, обстоятельства, очень важны были для Фирдоуси. Самолюбіе Мах-

муда оскорбилось. Можетъ быть, не столько ревность, сколько зависть овладѣла имъ. Онъ чувствовалъ, что неожиданное стеченіе подобныхъ случаевъ легко истребитъ всѣ плоды его предусмотрительности. Всего неприятнѣе было то, что врагъ его не подалъ противъ себя никакого видимаго оружія. И такъ чувство мщенія должно было оставаться тайнымъ.

По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ знаменитый трудъ поэта приближался уже къ концу. Махмудъ Гази, герой поэмы, превознесенъ былъ въ ней выше всѣхъ владыкъ Азіи. Послѣдовала награда. Царскіе послы предстали передъ пѣвцомъ, когда онъ шелъ изъ ванны. Но какъ Махмудъ исполнилъ свое обѣщаніе? Онъ прислалъ Фирдоуси шесть *серебряныхъ* темъ. Оскорбленный поэтъ двѣ изъ нихъ отдалъ невольнику за омовеніе, двѣ за вышитую имъ чашку шербета, а остальные

Махмудовымъ посламъ. Въ жару негодованія своего Фирдоуси написалъ самые обидные стихи на монарха и скрылся изъ Газны.

Государь, узнавши о всемъ, началъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ. Онъ дорожилъ чистотою славы своей. Ему казалось, что современники и потомки были уже противъ него. Желая примириться съ оскорбленнымъ поетомъ, онъ разослалъ за нимъ повсюду въ своемъ государствѣ. Прошло довольно долго времени въ тщетныхъ поискахъ. Наконецъ нѣкоторые изъ посланныхъ прибыли въ Тузъ. Тамъ объявили имъ, что Фирдоуси скрывается въ домѣ отца своего, который жилъ за городомъ. На девяти верблюдахъ привезены были драгоценные подарки, назначенные Махмудомъ пѣвцу славныхъ дѣлъ его. Посланные отъ царя встрѣчены были садовникомъ у

дверей его хижины. Они объявили ему, что государь прислалъ дары Фирдоуси и просить его опять возвратиться къ нему во дворецъ. Отецъ поэта пригласилъ ихъ въ садъ свой и ввелъ въ бесѣдку. На полу ея разостланъ былъ коверъ, а сверхъ него лежало покрывало. Садовникъ спросилъ ихъ въ другой разъ: кого они ищутъ? Посланные произнесли имя Фирдоуси. Онъ поднялъ съ ковра покрывало, и предстоявшіе увидѣли, что пѣвецъ лежалъ предъ ними мертвый.—Щедроты царскія не воскресятъ его, сказалъ садовникъ и, обливаясь слезами, склонился на трупъ сына своего. Онъ ничего болѣе не могъ сказать присутствовавшимъ.

Это печальное извѣстіе поразило сердце чувствительнаго государя. Онъ долго оплакивалъ кончину пѣвца своего и хотѣлъ излить свои милости на

— 200 —

сестру его; но она отвергнула всѣ предложенія, осталась безбрачною и кончила жизнь близъ гроба милаго брата.

В О Ж А Т Ы Й.

Однажды въ сумерки, когда я находился въ бездѣйственной задумчивости между сномъ и бдѣніемъ, *Онъ* явился ко мнѣ. Черезъ затворенную дверь вошелъ онъ въ комнату, схватилъ меня за руку и широкими шагами повелъ, все прямо, въ далекій путь. Мы подходили къ лѣсамъ: они предъ нами разступались; приближались къ стѣнамъ: онѣ раздвигались: мы взлѣзали на горы, спускались въ пропасти земныя: вездѣ намъ мостились мосты, вездѣ ожидали челноки-самоходы..... *Чудесный* вводилъ меня даже во внутренность огромныхъ камней, подъ поддоніе рѣкъ и показывалъ составъ деревъ подъ ихъ ко-

рою... Повсюду жизнь и бытіе; вездѣ я видѣлъ духъ жизни: онъ развивалъ нѣжные стебельки цвѣтовъ; онъ двигалъ жизнь по грубымъ жиламъ гранита; онъ пролеталъ, какъ молнія, нѣдра земли и зараждалъ металлы..... Я видѣлъ таинства природы и тайныя общества человѣковъ: все обошелъ, облетѣлъ, видѣлъ, не зная самъ, кто былъ мой вожатый, крылатый, какъ Меркурій. И теперь друзья говорятъ мнѣ: ты былъ водимъ *воображеніемъ*.

Ф. Глинна.

РУССКІЕ ПОКЛОННИКИ ВЪ ІЕРУСА- ЛИМЪ.

Отрывокъ изъ путешествія по Греціи
и Палестинѣ, въ 1820 году.

Кто не бывалъ на морѣ, тотъ не легко повѣритъ, чтобы прекрасный лѣтній день могъ иногда казаться неосноснѣ зимней непогоды. Но мы узнали сіе на опытѣ во время скучнаго перѣзда отъ Родоса до Яффы. Безвѣтріе застигло насъ въ виду крѣпости Кастель-россо, на берегу Караманскомъ, и мы цѣлые пять дней не могли двинуться съ мѣста. Все въ природѣ утомляло взоръ единообразіемъ: съ утра до вечера море свѣтлѣлось какъ зеркало, а небо было без-

облачно. Нестерпимый жаръ и духота въ каютѣ, палящій зной на палубѣ (гдѣ растопленная смола текла по доскамъ и канатамъ), печальный стукъ парусовъ о мачты, вселяли въ насъ уныніе и заставляли жалѣть о буряхъ, съ коими боролись мы въ самыхъ сихъ мѣстахъ, на пути изъ Египта въ Морею... Не такъ ли иногда, послѣ бурн страстей, въ дремотѣ нравственной и съ отвращеніемъ ко всему, что прежде насъ плѣняло, жалѣемъ о сильныхъ горестяхъ, потрясающихъ бытіе, но возвышающихъ душу!.. Наконецъ легкій вѣтерокъ помогъ намъ войти въ пристань Кастель-россо, гдѣ мы съ трудомъ записались гнилою водою. Крѣпость построена на маленькомъ утесистомъ островѣ, какъ бы оторванномъ отъ твердой земли, и жители должны издалека доставать нужное для пищи.

Мы еще простояли болѣе сутокъ противъ южнаго мыса Кипрскаго (сар Gatte), въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Сильное морское теченіе влекло корабль на западъ и отдаляло насъ отъ желанной цѣли.—Берегъ Сирійскій открылся не прежде 20 Августа: сперва показалась влѣвѣ вершина Кармила; потомъ, прямо передъ нами, бѣловатое поморіе Кесарійское, и вправѣ цѣпь высокихъ горъ близъ Іерусалима. Съ умиленіемъ и жаднымъ любопытствомъ смотрѣли мы на сію землю, столь важную въ исторіи рода человѣческаго, обильную чудесами и событіями великими, колыбель Христіанской вѣры; на землю, гдѣ живутъ преданія Ветхаго и Новаго Завѣта, гдѣ каждый холмъ, каждая дебрь, каждая развалина, говорятъ о дѣлахъ пророковъ и знаменитыхъ витязей.

Весь оный край, отъ Сура (древ-

**

няго Тира) до Газы. очень опасень для судовъ въ бурное время года; а Греческіе кормчіе, исключая смѣлыхъ островитянъ съ Идры, Псары и Специи, тогда были вообще неiskusныя мореходцы вѣ Архипелага. Къ счастью нашъ *каравокиръ* (хозяинъ судна), родомъ изъ Скіаѳо, уже нѣсколько разъ привозилъ поклонниковъ въ Яффу и. твердо зная сіи мѣста, взялся провести корабль на рейду, даже ночью. Онъ сдержалъ слово и на разсвѣтъ бросилъ якорь верстахъ въ двухъ отъ города. Мы съѣхали съ нимъ на берегъ въ небольшой лодкѣ, пробираясь между огромными камнями, о кои разбивались волны съ ревомъ, и пошли отдыхать въ Греческій *метохъ* (подворье). гдѣ были гостепріимно встрѣчены проигуменомъ. Черезъ него отправили въ Іерусалимъ къ епитропамъ (намѣстникамъ) грамоту *бла-*

женнѣйшаго патріарха Поликарпа *), извѣщавшую ихъ о нашемъ посѣщеніи.

Яффа (древняя Іоппія) была нѣкогда средоточіемъ торговли между Палестиною, Египтомъ и ближними островами. Нынѣ, въ безопасное и хищное правленіе Турковъ, пристань занесена песками и оживляется только во время проѣзда поклонниковъ. Городъ построенъ уступами, почти весь изъ тесанаго камня, съ глубокимъ рвомъ и стѣною, примыкающею съ обѣихъ сторонъ къ морю; улицы тѣсны, а

*) Патріарха Константинопольскаго именуютъ по гречески *Всесвятѣйшимъ* (ἁγιοτάτος), а прочихъ *Блаженнѣйшими*.— Вотъ, для любопытныхъ, полное титуло первосвященителя Іерусалимскаго: „Блаженнѣйшій и святѣйшій отецъ и патріархъ святаго града „Іерусалима и всей Палестины, Сиріи, Аравіи за Іорданомъ, Каны Галилейской и святаго Сіона“.

домы некрасивы и какъ бы подавлены плоскими кровлями. Но окрестности, по дорогѣ къ Іерусалиму, прекрасны: отъ самыхъ воротъ идутъ большіе сады и виноградники, славимые всѣми путешественниками.

Мы нашли жителей въ смятеніи и страхѣ. Новый паша Акрскій (отъ коего зависитъ Яффа), Абдулла, забывъ важныя услуги, оказанныя ему Евреемъ Хаимомъ, велѣлъ умертвить сего несчастнаго и бросить трупъ въ море: всѣ иновѣрные, Греки и Мусульмане, сожалѣли о незаслуженной казни человѣка, имъ благодѣтельствовавшаго *). Въ то же время отрядъ

*) Хаимъ пользовался довѣренностію прежнихъ пашей, Деззара и Солеймана; но, прогнѣвавъ нѣкогда перваго, лишился ушей и носа. Одинъ изъ Европейскихъ консуловъ совѣтовалъ ему, въ дружескомъ разговорѣ, удалиться въ какое-либо христіанское госу-

войска внезапно окружилъ городъ Сафетъ, обитаемый Евреями, и насильственно собралъ съ нихъ дань, равную десятилѣтней подати. Турки и чужестранные купцы не укрылись отъ притѣсненій; Европейскіе консулы, люди малозначущіе и робкіе, не смѣли противиться. и всѣ начальства трепетали предъ новымъ правителемъ, коего беззаконное самовластіе и сви-

дарство, гдѣ прибрѣтенныя имъ богатства (добыча его убійцы!) доставили бы ему средства кончить дни свои въ изобиліи и повоѣ. „Богатства? прервалъ Ханъ: ахъ, ужели думаете, что можно здѣсь оставаться тому, у кого есть кусокъ хлѣба!“—Говоря такимъ образомъ, онъ обманывалъ себя или другихъ. Не скупость удерживала его въ землѣ, гдѣ собственность и жизнь каждаго въ непрестанной опасности; но сила привычки, слѣпая вѣра въ предопредѣленіе и какое-то врожденное равнодушіе, составляющія отличительную черту въ характерѣ восточныхъ народовъ.

рѣшество грозили Палестинѣ вторымъ Джеззаромъ. Но для насъ обстоятельства сіи были благопріятны. Мусселимъ (губернаторъ) Яфѣскій, боясь подать поводъ къ жалобамъ, принялъ немедленно мѣры къ охраненію насъ отъ всякаго безпокойства до самаго Іерусалима, и строго запретилъ Арабскимъ шейхамъ требовать обычный *кафаро* т. е. подорожные сборы, отъ коихъ Россійскіе подданные освобождены VIII статьею Кайнарджійскаго мирнаго договора.

Доставъ, за умѣренную цѣну, нужныхъ намъ лошадей и верблюдовъ, мы отправились изъ Яфѣы 22 Августа, передъ вечеромъ, въ сопровожденіи мусселимова чиновника и монастырскихъ драгомановъ, и ѣхали прекрасною Саронскою долиною до Ремли (древн. Аримаѣи); тамъ пробыли нѣсколько часовъ, ожидая восхожденія мѣсяца. Отъ сего города равнина

возвышается непримѣтно до подошвы горъ Іудейскихъ, бесплодныхъ и населенныхъ малолюдными племенами хищныхъ Аравлянъ. Вступивъ въ ущелія, мы увидѣли другую природу: мѣста дикія, гдѣ почти нѣтъ слѣдовъ человѣческой дѣятельности, гдѣ поросшія кустарникомъ развалины показываются парѣдка на холмахъ, какъ гробы временъ минувшихъ. Дорога, каменистая и трудная, то извивается по крутизнамъ, то спускается въ глубокіе овраги, на дно пересохшихъ потоковъ. Видъ сей пустыни, весьма живо и вѣрно описанной Шатобріаномъ (*Itinér. de Paris à Jérusalem, part. III.*), влигаетъ въ душу уныніе: тамъ свистъ вѣтра и пронзительный вой шакаловъ заглушаютъ крикъ проводниковъ и топотъ конскій.

При въѣздѣ въ бѣдную Арабскую деревушку, верстахъ въ 15 отъ Іерусалима, насъ остановили именемъ

шейха Абу-Гоша, грозы поклонниковъ, съ успѣльною просьбою зайти къ нему для отдохновенія. Мы нашли его на маленькомъ дворикѣ, сидящаго въ тѣни, на рогожахъ, и окруженнаго старѣйшинами его племени. Всѣ приняли насъ очень ласково. Абу-Гошъ хвалился знакомствомъ съ Англійскою королевою, супругою Георга IV, и славнымъ Сиднеемъ Смитомъ *), показывая полученныя отъ нихъ подарки—съ явнымъ намѣреніемъ возбудить и нашу щедрость—и угостивъ дружелюбно, пустился провожать караванъ за деревню. Онъ сидѣлъ на прекрасной лошади и управлялъ ею съ отиѣннымъ проворствомъ: при спу-

*) Кромѣ подарковъ, Сидней Смитъ оставилъ шейху оттискъ большой печати, на коей было вырѣзано нѣсколько Арабскихъ словъ, изъ Корана, въ похвалу христіанамъ, ихъ усердію къ молитвѣ, и проч.

скѣ въ Тервинѣскую долину, бросил-ся на всемъ скаку съ крутизны, не пошатнувшись въ сѣдлѣ и безпрестанно понуждая коня широкими и острыми стремянами. Прощаясь, обѣщаль посѣтить насъ въ *Кудсъ-шерифъ* *), клялся не обижать никогда Русскихъ путешественниковъ и просилъ замолвить за него доброе слово страшному пашѣ Акрескому.

Нельзя вообразить ничего печальнѣе окрестностей Іерусалима: горы, стремнины, овраги, безъ зелени, почти безъ деревьевъ, засыпанные вездѣ на четверть круглыми камнями; казалось, что каменный дождь ниспалъ съ

*) *Кудсъ-шерифъ*, т. е. знаменитая святыня или очищеніе: такъ Мусульмане называютъ Іерусалимъ, разумѣя сей городъ мѣстомъ очищенія отъ грѣховъ, и ставя почти на ряду съ Меккою и Медною. Еще зовутъ его *Бейтъ-уль-мукаддесъ*—домъ святой.

неба на сію преступную землю. Около полудня, утомленные зноемъ, мы поднялись на высоту и увидѣли передъ собою рядъ зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, не окруженныхъ ни предмѣстіями, ни разбросанными хижинами, и какъ бы воздвигнутыхъ среди пустыни. При первомъ взглядѣ на сіи древнія стѣны,—городъ Давида, Ирода и Годфреда—тысячи воспоминаній, одно другаго живѣе, одно другаго священнѣе, тѣсняются въ душу. Пусть холодные умы смѣются надъ восторгами поклонниковъ! Здѣсь, у подошвы Сіона, всякій христіанинъ, всякій вѣрующій, кто только сохранилъ жаръ въ сердцѣ и любовь къ великому!

Предваренные изъ Яффы Греческіе монахи встрѣтили насъ у западныхъ воротъ (*Бабъ-умъ-Халиль*), привѣтствуя отъ имени втораго епитропа. Прокопія (старшій, архіепископъ Петры Аравійской, былъ тогда въ своей

епархіи), и провели въ назначенный намъ монастырскій домъ, близъ патриархіи и храма Воскресенія. Въ семь гостепріимномъ убѣжищѣ доставили намъ возможныя удобства, и мы въ полной свободѣ занялись поклоненіемъ святынѣ и обзорніемъ всего достойнаго примѣчанія въ городѣ и виѣ онаго.

Не стану описывать того, что было много разъ описано учеными и внимательными путешественниками — о чемъ такъ много спорили и продолжаютъ спорить. изъясняя различно сказанія другихъ. Каждый шагъ въ новомъ Іерусалимѣ измѣренъ: но обширность стараго еще подвержена сомнѣнію. и положенія нѣкоторыхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ Ветхомъ Заветѣ и Евангеліи, не опредѣлены удовлетворительно. Мы знаемъ, что новый городъ занимаетъ только часть прежняго, разрушеннаго Титомъ въ

71 году по Р. Х. Иосифъ Флавій (de Bell. Jud. VI. 6) увѣряетъ, что окружность стѣны составляла 33 стадіи; нынѣ содержитъ она, по свидѣтельству Маундреля, только 4630 обыкновенныхъ шаговъ, или съ небольшимъ три версты. Иные критики, стараясь согласить мѣстные наблюденія съ текстомъ Иудейскаго историка, убавляютъ мѣру его стадій; другіе просто обвиняютъ его въ невѣрности и увеличеніи—хотя опытомъ доказано, что нельзя такъ легко осуждать древнихъ писателей, но что новѣйшія, точныя изысканія часто подтверждали ихъ извѣстія, казавшіяся намъ баснямъ. Любопытные могутъ имѣть понятіе о доводахъ, на коихъ основаны разныя мнѣнія ученыхъ о положеніи горы Сионской, Голговы и проч. прочитавъ разсужденіе Данвиля (Sur l'étendue de l'anc. Jérus. et de son temple) и статью Риттера (Allgem. vergleich. Geograp-

hie, III Abth. § 31). Шатобріанъ слѣдуетъ во всемъ первому *).—Избѣгая напрасныхъ повтореній, я предложу Русскимъ читателямъ нѣсколько собственныхъ замѣчаній о нынѣшнемъ состояніи главныхъ *мѣстъ поклоненія* и о жизни нашихъ соотечественниковъ въ Иерусалимѣ.

Важнѣйшая для Христіанъ святыня,

*) Вообще извѣстія Шатобріановы о нынѣшнемъ Иерусалимѣ столь же точны, сколько его записки о Греціи невѣрны и поверхностны. Мы сами видѣли тому не одинъ примѣръ въ Морей. Докторъ Авраіотти, съ которымъ онъ познакомился въ Аргосѣ, написалъ цѣлую книгу въ опроверженіе его *путешествія* и, по большей части, укоряетъ справедливо. Но удѣлъ Авраіотти—забвеніе; а многіе отрывки Шатобріановы, пребываніе въ Палестинѣ, исторія Карагена и особенно смерть св. Лудовика, останутся навсегда въ памяти у каждаго, кто умѣетъ цѣнить вѣщное.

Гробъ Господень, заключена въ стѣнахъ большаго храма Воскресенія, сооруженнаго св. Еленою около 326 года. Напрасно сомнѣвались въ подлинности сего памятника: множество сильныхъ доказательствъ удостовѣряетъ, что Христиане, въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ, сохраняли вѣрное свѣдѣніе о мѣстѣ страданія и погребенія Спасителя. Они, по словамъ Гиббона „означили театръ каждаго до-стопамятнаго дѣйствія, слѣдуя несо-мнительному преданію“ (IV, 101. См. вышепом. Dissert. sur l'anc. Jérus. и Шатобр. Mém. sur l'authenticité des tradit. Chrét.).—Сей храмъ былъ до половины разрушенъ пожаромъ, въ октябрѣ 1807 года. Гробъ остался невредимъ; но кедровый куполъ церкви, объятый огнемъ, упалъ на отваленный по воскресеніи камень и раздробилъ его; Греческій *Каюоликонъ* (соборъ) и окружные придѣлы сгорѣли. Западная

Европа, нѣкогда проливавшая рѣками кровь за обладаніе симъ святилищемъ, равнодушно смотрѣла на его развалины. Одни Греки, въ рабствѣ и угнетеніи, собрали до 7 милліоновъ левовъ (болѣе 4½ милл. рублей), купили цѣною золота у Порты позволеніе и возобновили все зданіе на прежнихъ основаніяхъ, подъ надзоромъ простаго *Калфы*—самоучки - зодчаго. Старики, дѣти, женщины работали изъ усердія, и многіе донынѣ утѣшаются воспоминаніемъ, что носили землю при строеніи храма. Такія пожертвованія, при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, доставили нашимъ единовѣрцамъ право совершать литургію на Св. Гробѣ: право, утвержденное *хати-шерифомъ* (именнымъ указомъ) султана Махмуда, но еще оспориваемое Католиками.

Вступивъ въ церковь, поклонникъ съ негодованіемъ видитъ Турецкую стра-

жу, жадно считающую входящихъ, для сбора положенной дани. Часто начальникъ оной, въ знакъ уваженія, идетъ передъ нимъ, даже въ алтари, показываетъ чубукомъ мѣста святаго, или разгоняетъ толпящійся народъ плетью! Шагахъ въ 40 отъ дверей, среди величественной ротонды, воздвигнута надъ Гробомъ Христовымъ часовня (кувуклій) изъ желтоватаго мрамора, обращенная на востокъ. Въ ней сперва придѣлъ *Ангела*, а потомъ тѣсная пещера, гдѣ, по древнему обычаю, было положено тѣло на большомъ камнѣ, въ самой горѣ высѣченномъ и покрытомъ нынѣ мраморною доскою. Тридцать шесть лампадъ горятъ надъ нимъ день и ночь, въ открытомъ сверху куполѣ. На семъ нетлѣнномъ жертвенникѣ совершается проскомидія; а при началѣ литургіи сосуды переносятся въ придѣлъ, гдѣ часть отвденнаго Ангеломъ камня служитъ престоломъ. Стѣны ку-

вуклія, снаружи и внутри, украшаются тканями: поводъ ко многимъ ссорамъ между разными вѣроисповѣданіями!

На каждомъ шагу, въ семь храмѣ, находятъ вѣрующій слѣды великаго дѣла искупленія. Здѣсь Христосъ былъ обремененъ оковами и привязанъ къ столбу *); здѣсь Онъ явился, по вос-

*) Отломокъ сего столба хранится въ придѣлѣ у Францисканскихъ монаховъ, за желѣзною рѣшеткою, такъ что поклонники не могутъ цѣловать онаго, а только дотрогиваются до него концемъ трости. Католики, въ оправданіе столь ненавистной предосторожности, говорятъ, будто бы Греки неоднократно старались похитить сію святыню. Греческіе духовные, съ своей стороны, обвиняютъ ихъ въ подобныхъ покушеніяхъ и сами берегутъ за рѣшеткою, подъ престоломъ, часть столба, на коемъ Спаситель былъ посаженъ воинами для поруганія... *Placost intra muros pessatur et extra.*

кресеніи, Маріи Магдалинѣ и (если вѣрить преданію) скорбящей Матери; здѣсь узнанъ крестъ Его. Тамъ, камень *помазанія*, на коемъ тѣло Его было умащено ароматами и обвито плащеницею; придѣлы поруганія (*Imprope*), раздѣленія ризъ, благаго разбойника, Лонгина Сотника; гробы Іосифа и Никодима.—Вверху, на Голгоѣ, два маленькіе престола означаютъ гдѣ пригвождали Спасителя къ древу и гдѣ оно подружено было. Внизу сходъ въ подземелье, въ коемъ царица Елена нашла Крестъ, раскопавъ заваленную подошву холма... Тщетно Кесарь Адріанъ, во времена гоненій, старался присвоить сіи мѣста идолослуженію, воздвигнувъ истуканъ Венеры на Голгоѣ и Юпитера надъ Гробомъ Господнимъ. Сіи кумиры не привели святѣи въ забвеніе, но еще болѣе сохранили память о ней до пришествія въ Іерусалимъ благочести-

вой царницы, утвердившей знаменіе вѣры Христовой на развалинахъ язычества.

Наружныя стѣны церкви закрыты частными домами и принадлежащимъ Греческому монастырю строеніемъ. Прежде было два входа; но одинъ, съ сѣверной стороны, закладенъ: остались только южныя врата, называемыя *святыми*. Ключи въ рукахъ у Турковъ, кои отпираютъ двери не иначе, какъ въ присутствіи *мусвелли* (надзирателя), назначаемаго Акрскимъ пашею, и драгомановъ Греческаго, Католическаго и Армянскаго. Тогда городскіе жители и поклонники всѣхъ исповѣданій обходятъ свободно разные придѣлы, но не могутъ служить молебновъ въ чужихъ отдѣленіяхъ. Нѣкоторые, испросивъ позволеніе духовныхъ властей, остаются на время во внутренности храма съ чередными монахами и священниками, и вмѣстѣ съ

ними получаютъ пищу сквозь небольшія окна въ дверяхъ и въ сводѣ надъ главнымъ алтаремъ Греческимъ.

И мы провели въ семь священномъ уединеніи нѣсколько дней, для меня незабвенныхъ. Все окружавшее возбуждало въ моей душѣ неизъяснимыя чувства. Часто въ глубокую полночь, когда привыкшіе къ оному зрѣлищу монахи покойно спали въ келліяхъ, я стоялъ, облокотясь на подножіе столба, среди большой церкви. Куполы, переходы и весь Греческій *Кафоликонъ*, до самаго алтаря, скрывались во мракѣ; но святые памятники были какъ бы опоясаны рядами неугасающихъ лампадъ и казались свѣтлыми оазисами въ темной дебри. Давно-минувшее воскресало въ моемъ воображеніи: страданія Праведнаго, источникъ жизни, отсюда излившійся, когда скрижали Моисеевы уступили мѣ-

сто Новому Закону; торжество Крестоносцевъ, преклонившихъ колѣна предъ *великимъ Гробомъ*, ихъ мечами освобожденнымъ: и вѣнчаніе героя-вождя діадимой изъ терніа. Я смотрѣлъ на могилу Годфреда *), и вдохновенная Тассова пѣснь гремя въ моемъ слухѣ!.. Къ утру сіи мечтанія прерываемы были благовѣстомъ въ деревянный колоколъ: священники и діаконы мелькали какъ тѣни, съ курящимися въ рукахъ кадилами; гласы поющихъ ликовъ мѣшались со звукомъ органовъ, и хвала Божеству возноси-

*) Напрасно ставятъ въ вину Грекамъ поврежденіе гробницъ, воздвигнутыхъ во время Латинскаго владычества надъ могилами Годфреда и брата его Балдуина. Сіи памятники истреблены пожаромъ; но мѣста ихъ означены кирпичными возвышеніями, и отъ самихъ Католиковъ всегда зависѣло возобновить древніе гробы и надписи.

лась на разныхъ языкахъ, съ разными обрядами, но въ единомъ храмѣ...

Всѣ *мѣста поклоненія* раздѣлены между Греками, Католиками и Армянами. Копты имѣютъ только одинъ алтарь, пристроенный къ кувуклію; а Сиріане (Несторіане), Грузины, Хабети или Абиссинцы и Марониты, о коихъ упоминается въ прежнихъ описаніяхъ, удалены изъ храма силою, либо уступили добровольно свои права другимъ народамъ. Каждый украшаетъ свою *собственность*, какъ хочетъ; но тамъ, гдѣ владѣютъ вмѣстѣ два исповѣданія, число иконъ и лампадъ уставлено единожды навсегда съ согласія Турковъ. Порядокъ служенія и обряды также опредѣлены подробно особымъ положеніемъ, и съ того времени не стало одной, ближайшей причины къ раздору между Іерусалимскими Христіанами. Еще гаятся въ

сердцахъ взаимныя досады, и приносимое на украшеніе церкви золото еще расточается въ Акрѣ, Дамаскѣ, Царѣградѣ, дабы вредить соперникамъ. По крайней мѣрѣ главы духовенства, не преставаая обвинять другъ друга въ ежедневныхъ обидахъ, стараются не допускать монаховъ до явныхъ и соблазнительныхъ ссоръ, бывавшихъ нѣкогда у Св. Гроба. къ прискорбію единовѣрцевъ.

Начало злу въ закоренѣлой ненависти каждаго исповѣданія къ другому и въ желаніи овладѣть исключительно мѣстами, гдѣ кровь Спасителя пролита за всѣхъ. Отъ самаго раздѣленія Римской церкви съ Константинопольскою, духъ смиренія и любви рѣдко управлялъ ихъ сношеніями. Въ глазахъ Крестоносцевъ Греки едва ли не были хуже поклонниковъ Могаммеда: въ глазахъ Грековъ Католики не имѣли права на имя Хри-

стіанъ *). Наслѣдственная между ими злоба не уменьшилась и нынѣ, особливо въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ и на островахъ, подвластныхъ Портѣ, гдѣ часть жителей приняла догматы Римскіе. Католикъ обращенный въ Православіе, подвергается Греками вторичному крещенію. За то Католикъ, женившійся на Православной, долженъ быть разведенъ съ нею: такъ учили въ 1817 году, въ Смирнѣ, Европейскіе проповѣдники, рожденные

*) Когда нынѣшніе Греки говорятъ о Христіанахъ, то всегда разумѣютъ себя или Русскихъ; Католиковъ называютъ *Латинами*, *Фратами* или просто *Западными* (οἱ Δυτικοί) Въ томъ же смыслѣ и царь Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ іезуиту Поссевину: „Вѣра наша, Вѣра христіанская, изъ давныхъ лѣтъ была себѣ, а Римская Церковь была себѣ“ и проч. См. Статейн. спис. и Истор. Госуд. Росс. IX. 359.

въ землѣ посвященія и терпимости!
Tantaene animis coelestibus irae?

Относительно къ Св. Гробу обѣ стороны основываютъ свои требованія на грамотахъ разныхъ халифовъ и султановъ, отъ Омара до Махмуда II. Но Греки хотятъ *равенства*, а Католики—*господства*, утверждая, что сія святыня есть ихъ собственность, и что имъ однимъ принадлежитъ ея храненіе. До самаго обновленія *Великой Церкви* (ἡ μεγάλη ἐκκλησία, такъ называютъ храмъ Воскресенія), они не позволяли Православнымъ служить въ кувукліи и, даже послѣ изданнаго въ 1815 году хати-шерифа, старались возвратитъ себѣ утраченныя преимущества, пользуясь вліяніемъ своихъ посланниковъ при Портѣ. Недостатокъ въ деньгахъ и начавшійся съ Армянами споръ за Впелемскій храмъ принудили ихъ оставитъ въ покоѣ Грековъ и соблюдать

сдѣланное положеніе. Въ силу онаго, Греки и Католики поочередно моютъ и метутъ кувуклій и камень помазанія; имѣютъ равное число иконъ, лампадъ и подсвѣчниковъ, и равное право украшать стѣны покрывами. Армяне лишены большей части сихъ выгодъ: у нихъ одна икона надъ дверями и нѣсколько лампадъ; во всѣхъ духовныхъ обрядахъ они занимаютъ третье мѣсто.

Каменные четырехугольные столбы, окружающіе кувуклій, и переходы, верхніе и нижніе, также раздѣлены по частямъ между всѣми исповѣданіями. На Голгоѣвъ Католикамъ принадлежитъ южная сторона, а Грекамъ досталась отъ Грузинъ сѣверная, гдѣ стоялъ Крестъ. Что касается до мѣста обрѣтенія онаго, то сей сводъ, тѣсный и полный сырости, еще въ спорѣ между ими. Первые не допускаютъ туда ставить чужихъ лампадъ,

а послѣдніе жалуются на умышленное поврежденіе мраморныхъ досокъ, положенныхъ Православными *).

Но, порицая справедливо сіи распри, скажемъ, что образъ восточнаго судопроизводства много содѣйствуетъ къ продолженію оныхъ. Приговоры кадіевъ основаны почти всегда на показаніяхъ свидѣтелей, особливо Мусульманъ, и потому каж-

*) Мы пропускаемъ многія подробности, необходимыя для того, кто желалъ бы имѣть точное свѣдѣніе о нынѣшнемъ положеніи храма: здѣсь онѣ были бы утомительны и неясны. Надѣмся, что любопытство читателей будетъ скоро удовлетворено изданіемъ въ свѣтъ прекраснаго и полнаго плана *Великой Церкви*, снятаго на мѣстѣ г. академикомъ Воробьевымъ. Никто изъ новѣйшихъ путешественниковъ не имѣлъ для сего столько способовъ, и никто не могъ бы лучше ими воспользоваться. Въ его рисункамъ приложится описаніе главнѣйшихъ обрядовъ, исчисленіе иконъ и лампадъ каждаго исповѣданія, и проч.

дый тяжущійся старается склонить на свою сторону стражей храма и почетных жителей Иерусалимских. Дабы увѣрить ихъ въ несомнѣнности права, нужны *обычай* и *давность*, кои въ глазахъ Турковъ важнѣе мертвыхъ грамотъ. Кто, на примѣръ, мететь и украшаетъ кувуклій, тотъ (по ихъ понятіямъ) владѣеть онымъ: зная сіе, всякъ боится уступить сопернику и противится упорно малѣйшей новизнѣ. Сверхъ того, паша, мусселимы, кадш, непрестанно питаютъ между Христіанами вражду, для собственныхъ выгодъ. Покровительствуя нынѣ однимъ, завтра обѣщаютъ другимъ сильное заступленіе, и радуются умноженію жалобъ и доносовъ. Въ 1819 году паша Дамасскій, главный правитель Иерусалима, позволилъ Армянамъ, за 60 тысячъ левовъ, прорубить дверь близъ алтаря ихъ въ Вилеемской церкви, къ великой доса-

дѣ Католиковъ; а симъ вызвался отмѣнить, за меньшую цѣну, данное позволеніе. Ему не заплатили требуемаго, и дверь осталась отворенною. На слѣдующій годъ, ставъ опять лагеремъ передъ стѣнами города съ идущимъ въ Мекку караваномъ, онъ взялъ еще съ Армянъ 30 тысячъ левовъ, и вторично предложилъ Католикамъ тѣ же условія... Если правда, что законы и правительства образуютъ вездѣ народную нравственность, то безпристрастный наблюдатель долженъ въ духѣ Турецкаго владычества искать вину осуждаемыхъ пмъ пороковъ.

Трудно исчислить, чего стоить Иерусалимскимъ Христіанамъ мнимая терпимость Порты и снисходительность мѣстныхъ начальниковъ. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ. Греки издержали на подарки, въ теченіе одного только мѣсяца Августа 1820, до ста кошельковъ, т. е. 50 тысячъ ле-

вовъ. Прибавимъ къ сему необходимые расходы на церковное строеніе, на патріархію, и проч.—и мы увѣримся, что слухи о тайныхъ монастырскихъ сокровищахъ, будто бы ежегодно умножаемыхъ обильными подаяніями, столь же баснословны, какъ и повѣсть о неистощимой кладовой Абулказема, въ Арабскихъ сказкахъ *)

*) Въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи (Introduction aux Mémoires sur la Grèce de M. R.), въ коемъ многія любопытныя извѣстія переиѣшаны съ неправдами и напрасными ругательствами, повторена—хотя и не утвердительно—сказка о какомъ-то древнемъ сокровищѣ, въ Греческомъ монастырѣ Св. Гроба. По словамъ автора, султаны тщетно хотѣли узнать, гдѣ оно хранится, и овладѣть имъ; самъ первосвятитель, бывая въ Иерусалимѣ, не смѣлъ требовать отчета у казначея, избираемаго изъ надежнѣйшихъ монаховъ и передающаго сію тайну своему преемнику... Можемъ увѣрить читателей, что всѣ игумены, ризничіе, казначеи въ полной зависи-

Напротивъ того, монахи всѣхъ исповѣданій были въ наше время доведены до крайности. Католики, рѣдко видая у себя Латинскихъ богомольцевъ и получая изъ Рима весьма бѣдные пособія, лишились неожиданно въ Испаніи большихъ имѣній, захваченныхъ Кортесами. Греки едва могли уплачивать свои долги и содержать себя доходами съ принадлежащихъ Св. Гробу земель и метоховъ, въ Палестины, и приношеніями Православныхъ поклонниковъ. Сами Армяне, богатѣйшіе изъ всѣхъ восточ-

ности у патріарха; что подаванія поклонниковъ и другіе церковные доходы собираются его намѣстниками, и что въ монастырѣ нѣтъ иной кладовой, кромѣ патріаршей. Въ тамошней ризницѣ мы видѣли нѣсколько серебряныхъ паникадилъ, распятій, евангелій и шитыхъ золотомъ плащаницъ, со большей части Русской работы; но она уступаетъ въ богатствѣ многимъ Аѳонскимъ.

ныхъ Христіанъ, почти раззорились послѣ несчастія, постигшаго въ 1819 году единовѣрныхъ имъ Константинопольскихъ *сарафовъ* (банкировъ), изъ коихъ иные были казнены, а другіе сосланы въ заточеніе, по указу султанскому.

Возвратимся къ нашему описанію. На юговостокъ отъ *Великой Церкви* нѣсколько развалинъ означаютъ *путь страданія* (*via dolorosa*), коимъ Спаситель шель отъ претора до Голгоѣы. Тамъ, ссылаясь на свидѣтельства святыхъ отцевъ и другихъ писателей, показываютъ дома Пилата и благочестивой жены Вероники, жилище злаго богача, мѣсто, гдѣ Богоматерь встрѣтила Сына, несущаго крестъ; *врата суда*, которыми изводили на казнь преступниковъ за годскія стѣны. Но въ семъ отношеніи древнія преданія недостаточны: они дополняются баснями *мирхаджіевъ* (во-

жатыхъ) и собственнымъ воображеніемъ поклонниковъ. Тоже скажемъ о домахъ архіереевъ Анны и Каіафы, св. Іоакима и Анны, о темницѣ Петра Апостола, и проч. Время, многократныя плѣненія Іерусалима и тяжкое мусульманское иго изгладили почти всѣ слѣды оныхъ второстепенныхъ памятниковъ христіанства.

На томъ мѣстѣ, гдѣ, по общему мнѣнію, былъ преданъ смерти Апостолъ Іаковъ, сооружена великолѣпная обитель, принадлежавшая попеременно Грузинамъ, Грекамъ и Армянамъ. Последніе (какъ увѣряютъ) овладѣли ею насильственно при первосвятителѣ Паисіи. Нынѣ состоитъ она подъ управленіемъ особаго Армянскаго патріарха, независящаго ни отъ Эчмядзинскаго, ни отъ Константинопольскаго. Сими только пожертвованіемъ Греки могли удержать за собою главный свой монастырь, для

нихъ гораздо важнѣйшей по смежности съ храмомъ Воскресенія. Въ немъ живутъ епитропы и угощаются богомольцы въ первые дни послѣ пріѣзда. Малыя церкви и келліи разбросаны тамъ, безъ порядка, среди открытыхъ стѣш и переходовъ; а подъ ними устроены житницы для прокормленія множества иноковъ и православныхъ Аравлянъ *).

Обитель *Франговъ*, т. е. Католическая, въ рукахъ у монаховъ ордена Францисканскаго. Начальствующій ею именуется *Хранителемъ Св. Гроба*

*) Кромѣ патриархіи, у Грековъ есть въ городѣ еще нѣсколько монастырей, мужскихъ и женскихъ, изъ коихъ примѣчанія достойны: Іоанна Предтечи, по красотѣ церкви и всего строенія; св. Николая, гдѣ заведено училище для Аравлянъ; св. Георгія, съ больницею и домою призрѣнія для стариковъ, и проч.

и обыкновенно смѣняется каждое трехлѣтіе.

Изъ древнихъ зданій, внутри стѣнъ, особенно привлекають любопытство путешественниковъ укрѣпленный замокъ, называемой *домомъ Давидовымъ*, и славная мечеть Омарова. Первый, по мнѣнію Данвила, стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была твердыня Царя-псалмопѣвца, а въ послѣдствіи башня *Псефина*, съ коей, при восхожденіи солнца, взоръ достигалъ до предѣловъ Аравіи, до моря и до отдаленнѣйшаго края земли Іудовой (Іос. Флав. VI. 6). Видъ изъ нынѣшняго замка обнимаетъ всѣ окрестности. Въ промежуткахъ и за вершинами ближнихъ каменистыхъ холмовъ возвышается другой рядъ горъ, столь же бесплодныхъ; на иныхъ примѣтны остатки старинныхъ башенъ и обрушающіеся минареты.

Мечеть воздвигнута на горѣ Мо-

ри, отдѣленной отъ Сіона глубокою ложиною — на самыхъ основаніяхъ Соломонова храма, возобновленнаго Зоровавелемъ и въ конецъ разрушеннаго Титомъ. Развалины покрывали сіе мѣсто во времена гоненій на Церковь Апостольскую и во время торжества ея. Когда же Омаръ овладѣлъ Іерусалимомъ и искалъ гдѣ бы начать строеніе своей мечети, то Греческій патріархъ Софроній, боясь лишиться Гроба Господня, указалъ побѣдителю на Морію. Халифъ Ель-Уалидъ довершилъ сіе зданіе, образецъ Арабскаго художества, подобное (говоритъ Шатобріанъ) *шатру, раскинутому среди пустыни*. Христіанамъ строго запрещено входить въ него: всякое покушеніе подвергло бы Европейца большой опасности, а Турецкаго подданнаго неминуемой казни—если только онъ не перемѣнитъ вѣры. За годъ до нашего пріѣзда одинъ бѣд-

ный Грекъ былъ туда введенъ, преодѣтый, знатнымъ чиновникомъ паши Дамасскаго; но послѣ заплатилъ за то жизнью, ибо не хотѣлъ спасти себя отступничествомъ *).

Полуденная часть горы Сионской, заключавшаяся прежде внутри стѣнъ, нынѣ оставлена за городомъ. Тамъ совершалась *тайная вечеря*; тамъ гробницы Давида и Соломона, въ мечети, куда Турки не пускаютъ иновѣрныхъ.

*) Историкъ Крестовыхъ походовъ, архіепископъ Тирскій, и монахъ Рогеръ описывали оба сію мечеть: кажется, что послѣдній имѣлъ случай осмотрѣть внутренность оной. Его извѣстія были намъ подтверждены разсказами нашего янычара, нарочно посланнаго туда въ часы молитвы. Онъ видѣлъ камень (для Мусульманъ священный), съ котораго Могаммедъ садился на *Ель-Борака*, готовясь летѣть на небо, и два малые столба, кои будто бы давятъ проходящихъ между ими грѣшниковъ.

На семъ же холмѣ кладбище Иерусалимскихъ Христіанъ всѣхъ исповѣданій (странниковъ погребають въ *сель Скудельничемъ*),—а у подошвы бьетъ изъ камня ключъ Силоамскій, о которомъ воспоминаетъ пѣвецъ *Потеряннаго Рая*, призывая небесную Музу:

. if Sion hill
Delight thee more, and Siloa's brook that
flow'd
Fast by the oracle of God. . . .

Гора Елеонская, съ растущими на ней по мѣстамъ масличными деревьями, отдѣлена отъ Сіона и Моріи долиною Иосафатовою, усѣянною развалинами. Посреди ея, въ дождливое время года, струится мутный потокъ, называемый *Кедрскимъ*; но лѣтомъ и осенью онъ совсѣмъ пересыхаетъ. Мастерское перо Шатобріаново живо изобразило сію дебрь, гдѣ, по словамъ пророка Іоила, будутъ нѣкогда собраны на судъ всѣ племена человѣческія.

„Камни на кладбищѣ Евреевъ навалены подобно грудѣ обломковъ, у подошвы деревни Силоамской; трудно различить самыя хижинны между окружающими ихъ могилами. На семь полѣ разрушенія возвышаются три древніе памятника, гробницы Захаріи, Иосафата и Авессалома. Видя предъ собою печальный Иерусалимъ, надъ коимъ непримѣтно ии малѣйшаго дыма, откуда никакой шумъ не исходитъ; видя запустѣніе горъ, на которыхъ нѣтъ существа живаго, и всѣ оныя гробы въ безпорядкѣ, изломанные, разбитые, полуотверстыя, можно подумать, что уже раздастся гласъ трубы, зовущей на судъ, и что мертвые готовы встать изъ долины“.

Мѣсто Вознесенія Господня полагаютъ на средней вершинѣ Елеонской. Остатки пышнаго храма, сооруженнаго во времена Константиновы. обра-

щены въ мечеть. Замѣтимъ, что Мусульмане издавна присвоили себѣ всѣ высоты кругомъ города. Они думаютъ, что въ послѣдніе дни міра дикіе народы *Gog* и *Magog* придутъ осаждать пророка *Иссу* (Иисуса Христа) въ Иерусалимъ и займутъ ближнія горы; съ нихъ будутъ метать стрѣлы. кои упадутъ, обгаренные кровію, на собственныя главы дерзновенныхъ.

Возвращаясь оттуда къ воротамъ Геосиманскимъ и спустясь въ долину къ самому потоку Кедрскому, поклонники съ усердіемъ посѣщаютъ Гробъ Богоматери, въ пещерѣ. На ономъ совершается литургія Православными и Армянами; Католики не имѣютъ сего права. Когда прекратится вражда между Христіанами на востокъ, то первымъ залогомъ взаимной терпимости и мира будетъ равное ихъ участіе въ служеніи сей святыни, почитаемой всѣми исповѣданіями...

Подробное описание достопамятностей Иерусалимских можно найти въ каждомъ путешественникѣ, начиная съ IV вѣка (см. *Itinerarium a Burdigalâ Hierusalem usque*) до нашихъ временъ *). Всѣ извѣстія сходны одно съ другимъ, и послѣдніе странствователи невольно должны были повторять сказанное прежде. Ссылаясь на нихъ, я прибавлю нѣсколько словъ о мѣстѣ рожденія Спасителя, уважаемомъ самими Мусульманами.

*) См. также Греческій *Проскинитарій*, напеч. въ Вѣнѣ 1787. Изъ сочиненій Русскихъ богомольцевъ достойны вниманія записки: *Василія Барскаго*, ходившаго на поклоненіе Св. Гробу въ 1726 и 1729 году; іеромонаха *Мелетія*, 1793—1794; и крестьянина гр. Шереметева, *Кира Бронникова*, 1820—1821, любопытное по его званію и по опасностямъ, коимъ онъ подвергался на возвратномъ пути въ отечество, при началѣ войны Греческой.

Дорога къ Виолеему лежитъ на югъ мимо горы Сионской и обители Греческой во имя пророка Или. Въ долинахъ встрѣчаются засѣянные поля и виноградники; слѣды древняго трудолюбія видны на каменистыхъ холмахъ, обвѣченныхъ уступами для насажденія лозъ и смоковницъ.

Большая Виолеемская церковь, построенная крестообразно, была нѣкогда весьма великолѣпна; въ притворѣ еще цѣлы четыре ряда мраморныхъ столбовъ рѣдкой красоты. Она принадлежитъ Грекамъ и Армянамъ. Латинскіе монахи напрасно требуютъ себѣ въ ней части, ибо нельзя считать обыкновенный храмъ за *общее мѣсто поклоненія*, какъ Гробъ Господень или Голгоѳу. По сторонамъ главнаго алтаря двѣ лѣстницы ведутъ въ святыи Вертепъ; тамъ, у восточной стѣны, означено серебряною звѣздою, гдѣ родился Предвѣчный Младенецъ.

и устроенъ престолъ, на которомъ служатъ Православные и Армяне. Ясли стояли немного поодаль, въ большой впадинѣ, гдѣ нынѣ алтарь Католическій. Вся пещера обложена драгоценнымъ мраморомъ и освѣщается лампадами, изъ коихъ каждое исповѣданіе имѣетъ свое число, однажды навсегда установленное.

Вплеемскіе Аравляне частію обращены въ христіанскую вѣру; но ихъ суровые нравы тѣмъ не смягчились. Они достаютъ много денегъ, дѣлая изъ кости и перламутра четки и кресты, раскупаемые благочестивыми пришельцами.

Вообще время прибытія поклонниковъ въ Иерусалимъ есть время жатвы для тамошнихъ жителей. Символично единственно оживляется страна, давно уже не кипящая масломъ и медомъ. гдѣ земледѣліе въ упадкѣ и нѣтъ промышленности, гдѣ народъ преданъ въ

жертву грабительству и насиліямъ всякаго рода, гдѣ наконецъ, по выраженію Шатобріана „въ каждой деревнѣ „погибаетъ ежегодно по хижинѣ и по „семьѣ, и скоро одно кладбище пока- „казываетъ мѣсто прежняго селенія“.

Всего болѣе посѣщаютъ святаго мѣста Греки и Армяне. Усердіе первыхъ достойно особеннаго удивленія; вѣра, сохранившая народное ихъ существованіе, была для нихъ главнымъ утѣшеніемъ въ рабствѣ. Они стекались отовсюду, безъ различія пола и возраста: отцы семейства приносили въ Палестину плодъ многолѣтнихъ трудовъ, оставляя дѣтей въ бѣдности; старцы, *подкрѣпляемые желаніемъ* (какъ дряхлый поклонникъ въ прекрасномъ сонетѣ Петрарки: *Move si'l vecchiarel sanuto e bianco*), брели на костыляхъ ко гробу Того. *Чимъ мизернѣемъ чаяли наслѣдиться въ небѣ.* Многіе, исполнивъ обѣтъ свой, посвящали оста-

тогъ жизни на служеніе во храмѣ. Число Православныхъ богомольцевъ, прежде 1821 года, простиралось иногда до трехъ тысячъ; между ими бывало около двухъ сотъ Русскихъ.

Посольство наше старалось всѣми силами доставить своимъ соотечественникамъ въ областяхъ Оттоманскихъ возможную помощь и заступленіе. Они обыкновенно отправлялись изъ Одессы въ концѣ Августа, и по пріѣздѣ въ Константинополь жили на особомъ дворѣ, не подвергаясь ни моровой язвѣ, ни оскорбленіямъ отъ Турецкой черни: бѣдные получали денежные пособія. Посланикъ сносился съ патриархомъ Св. Града о помѣщеніи ихъ, безъ платы, на отправляемый ежегодно въ началѣ Сентября корабль съ поклонниками, и выдавалъ имъ сверхъ паспортовъ *ферманы* (султанскіе указы), освобождавшіе Россійскихъ подданныхъ отъ всякой дани на пути и

во Храмъ, гдѣ съ прочихъ Христіанъ требуютъ за входъ по 24 лева. Въ Яффѣ они были принимаемы въ Греческомъ метохѣ и довольствуемы всѣмъ, по обычаю, на счетъ монастырскій, за что оставляли проигумену небольшое подаваніе.

Отъ сего города многіе ходили пѣшкомъ, а богатые и больные могли имѣть верховыхъ лошадей за дешевую цѣну *). Достигнувъ Іерусалима, они жили сперва нѣсколько дней въ патриархіи и давали въ церковную казну вкладъ, какой хотѣли; но желавшіе вписать имена своихъ родственниковъ въ общій *Синодикъ*, для вѣчнаго помяновенія, платили за каждое 50 левовъ и болѣе, смотря по достатку. Потомъ

*) Отъ Яффы до Іерусалима считается 60 верстъ (12 часовъ). Отъ Іерусалима до Іерихона немного болѣе 20; а оттуда до Іордана 15 верстъ.

выбирали себѣ въ разныхъ обителяхъ келлій на всю зиму. Наемъ и пища, самая умѣренная, стоили отъ 150 до 200 левовъ.

Въ ожиданіи великаго поста богомольцы бывали въ ближайшихъ мѣстахъ поклоненія, въ Вифлеемѣ, Вифаніи, Назаретѣ и проч. Нѣкоторые даже ѣздили на Синайскую гору, чрезъ Газу и Суецъ.

Стеченіе народа въ Іерусалимѣ возрастаетъ по мѣрѣ приближенія Пасхи. Армяне и Азіатскіе Греки собираются толпами изъ Караманіи, Сиріи, Египта; съ ними бывають и Грузины. Весь городъ приходитъ въ движеніе, особливо въ великую субботу, день явленія *святаго свѣта* *). Послѣ празд-

*) См. вышепом. *Проскимтарій* и сказаніе нашихъ лѣтописцевъ и странствователей. О происхожденіи *св. свѣта* мнѣнія въ самомъ Іерусалимѣ различны. Въ присутствіи жус-

ника мусселимъ, съ отрядомъ войска, провожаетъ поклонниковъ въ Иерихонъ, и къ Иордану; и вскорѣ за тѣмъ каждый возвращается прежнею дорогою

селима и Армянскаго духовенства гасятъ всѣ свѣчи и лампы во храмѣ—кромѣ отдѣленія Католическаго. Архіерей Греческій входитъ одинъ въ кивуклій и собираетъ хлопчатую бумагою свѣтъ, являющійся на мраморной доскѣ Св. Гроба, подобно *каплямъ росы*. Другіе говорятъ, что оный показывается въ видѣ яркаго, неопалющаго пламени, и что его можно безвредно класть руками въ сосудъ. Иеромонахъ Мелетій пишетъ, что свѣтъ блистаетъ на гробовой крышкѣ *какъ мелкій рассыпанный бисеръ, размахъ цвѣтовъ, которыя совокупляясь краснѣютъ*. Католики совсѣмъ не хотятъ вѣрить сему явленію. Какъ бы то ни было, архіерей выносить изъ пещеры въ придѣлѣ *Ангела* горящія свѣчи и подаетъ ихъ въ два малыя окна, съ одной стороны Армянамъ, а съ другой Православнымъ, отъ которыхъ уже огонь *разливается по церкви подобно рѣкѣ* (слова Мелетія), при громкихъ восклицаніяхъ: „нѣтъ вѣры, кромѣ вѣры Христовой!“

въ отчизну. Плаваніе отъ Яффы до Константинополя, на хорошемъ кораблѣ и съ нужными запасами, становится въ 100 левовъ.

Прибавя къ сему исчисленію еще 180 или 200 левовъ на подаянія разнымъ монастырямъ и церквамъ во все время пребыванія въ Палестинѣ, наемъ лошадей и другія мелочи, мы увидимъ, что необходимыя издержки нашихъ богомольцевъ не превышали пяти сотъ рублей. Но многіе изъ нихъ пріѣзжали совсѣмъ безъ денегъ и должны были прислуживать монахамъ, или просить милостыни у воротъ Патріархіи, гдѣ имъ никогда не отказываютъ въ пищѣ. Для поданія симъ бѣднымъ странникамъ помощи, равно и для надзора надъ ними, посланъ былъ въ Яффу особый чиновникъ, въ званіи вице-консула... Происшествія 1821 года помѣшали успѣху сего дѣла и затруднили Русскимъ путь къ Св. Гробу.

Евреи не менѣ Христіанъ усердны къ посѣщенію страны своихъ предковъ, хотя знаютъ напередъ, какое утѣсненіе ихъ въ ней ожидаетъ. Они дорого платятъ за позволеніе войти въ Іерусалимъ, и еще дороже за клочекъ земли въ долину Іосафатовой для будущей могилы. Ихъ страданія и бѣдность не возбуждаютъ ни въ комъ сожалѣнія; они презираемы равно Греками, Аравлянами, Турками. Среди развалинъ своей столицы, среди воспоминаній о древней независимости и славѣ, сей несчастный народъ съ удивительною покорностію сноситъ даже отъ дѣтей непрестанныя обиды. Знакомецъ нашъ, шейхъ Абу-Готъ не понималъ, какъ могутъ быть Евреи поданными *Московскаго Падишаха*, и говорилъ: „что радъ привѣтствовать въ своей землѣ цѣлыя тысячи Русскихъ поклонниковъ, но что сердце его разрывается съ досады, когда

„одинъ *Чифуть* (Жидъ) проходитъ безъ „пошлинно...“ Въ такомъ уничиженіи они утѣшаются видомъ Сіона и непоколебимую надеждою на Царя-избавителя!

Постоянныхъ жителей въ Іерусалимѣ считается около 13 тысячъ *), изъ коихъ большая часть Аравляне, исповѣдующіе Мусульманскую вѣру; есть однакоже между ими нѣсколько Христіанъ. Сіи вообще очень бѣдны и питаются милостынею отъ монастырей Греческихъ и Католическаго.

Все городское управленіе въ рукахъ у Турковъ. Мы сказали выше, что Іерусалимъ зависитъ отъ паши Дамасскаго; но подать съ богомольцевъ, за доступъ къ Св. Гробу, принадлежитъ пашѣ Акрекому собираетъ его *мутивеллемъ* *). Сіе странное распоря-

*) Нельзя ручаться за сіе исчисленіе, ибо во всей Турціи нѣтъ ни метрикъ, ни подушной переписи.

женіе весьма невыгодно для Европейскихъ монаховъ, ибо подвергаетъ ихъ двойнымъ притѣсненіямъ и вредитъ ходатайству консуловъ, пребывающихъ въ Акрѣ и Яфѣ. *Мусселимъ* присылается изъ Дамаска, а *молла* (верховный судья) прямо изъ Константинополя: послѣдній пользуется большимъ уваженіемъ.

Прежде отъѣзда изъ сей достопамятной страны мы хотѣли видѣть Иорданъ и Мертвое море. Мы знали, что въ лѣтнее время хищные Аравляне удаляются съ своими стадами отъ рѣки на вершины горъ, и что дорога менѣе опасна, нежели весною. Въ томъ

*; Намъ сказывали, что Акрскій паша получаетъ сіи доходы въ званіи попечителя главной мечети въ городѣ Ремлѣ, состоящемъ подъ непосредственнымъ его управленіемъ, и что земля подъ храмомъ Воскресенія есть собственность оной.

увѣрилъ насъ и почтенный архіепископъ Петрскій, недавно возвратившійся изъ епархіи, совѣтуя однакоже потребовать провожатыхъ отъ Турецкаго начальства. Все было сдѣлано по нашему желанію.

7 Сентября явилось къ намъ нѣсколько человѣкъ изъ мусселимовой стражи съ его *чаушемъ* (приставомъ), всѣ на прекрасныхъ лошадяхъ, монастырскій драгоманъ и два шейха изъ Арабскихъ племенъ, кочующихъ за Иорданомъ. Переждавъ полдневный зной, мы пустились въ путь мимо Геосимани, по правой сторонѣ горы Елеонской; ввечеру остановились отдыхать у колодца, на дворѣ обвалившася *караванъ-серая*. Здѣсь, за три или четыре мѣсяца до насъ, былъ ограбленъ молодой Англичанинъ, не имѣвшій при себѣ никого, кромѣ слуги и янычара. Защищаясь упорно, онъ ранилъ саблею одного изъ разбойниковъ

и въ наказаніе получилъ отъ нихъ самъ точно такую же рану: примѣръ правосудія, достойный сихъ дикихъ сыновъ природы! Оттуда ѣхали мы по косогорамъ и ущеліямъ до большой равнины, окружающей Іерихонъ и въ полночь добрались до жалкихъ остатковъ сего города, нѣкогда славнаго.

Тамошній ага повелъ насъ дружелюбно въ собственное свое жилище— въ башню, гдѣ укрываются поселяне съ ихъ стадами отъ хищническихъ набѣговъ. Ужинъ и ночлегъ были на площадкѣ вверху подъ открытымъ небомъ. На зарѣ все вокругъ насъ ожило: провожатые спѣшили сѣдлать лошадей, а мы любовались пріятными видами съ высокой нашей спальни. Въ долину зеленѣлись деревья и кусты, откуда кабаны выбѣгали на обработанныя поля къ самымъ хижинамъ. По ту сторону Іордана чернѣлся большой лѣсъ; а прямо передъ нами, меж-

ду двумя рядами горъ Мертвое море ярко отражало лучи восходящаго солнца. Преданія священной древности отъвняли картину сельской жизни. Величавый Аравлянинъ, потомокъ Измаила, полунагой, съ длиннымъ ружьемъ за плечами, гналъ на паству козъ и овецъ къ потоку, ознаменованному чудомъ пророка Елисея; другіе копали гряды, можетъ быть тамъ, гдѣ стоялъ домъ Раавы, и гдѣ Левиты носили Кивотъ Завета на гибель Іерихону..... При выѣздѣ изъ деревни, мы встрѣтили женщинъ, идущихъ съ глиняными на головѣ кувшинами за водою, въ синихъ широкихъ платьяхъ и закинувъ назадъ покрывала: наше приближеніе ихъ не встревожило. Одно слово *хаджи* (поклонникъ) удовлетворяло любопытство каждаго и прекращало всѣ вопросы.

Обширная степь, отдѣляющая отъ Иордана оазисъ Иерихонскій, походитъ на дно морское, оставленное волнами; кой-гдѣ, около песчаныхъ бугровъ, показываются тамаринды, обыкновенно растущіе вдоль потоковъ, и колючій терновникъ. Во дни Христіанскаго владычества было, въ сей пустынѣ множество монастырей и скитовъ (*eremitoria graciosa*); нынѣ едва примѣтны слѣды ихъ. Мѣсто крещенія Спасителя, какъ полагаютъ Греки, въ 5 или 6 верстахъ отъ развалинъ обители во имя *Аввы Герасима*. Достигнувъ онаго, мы спустились съ крутого берега, обросшаго внизу камышемъ и мелкимъ кустарникомъ, и переѣхали въ бродъ на противную сторону, болѣе отлогую.

Верховья Иордана у подошвы лѣсистыхъ горъ Ермона и Антиливана: стремясь оттуда на Югъ прямою чер-

тою, онъ проходитъ сквозь Тиверіадское (Геннисаретское) озеро и, подобно цѣпи, соединяетъ его съ Мертвымъ моремъ. Сія знаменитая рѣка лѣтомъ не шире 10 сажени и глубины посредственной, но бѣжитъ по каменистому дну съ отмѣнною быстротою; когда же начнутъ таять снѣга Ливанскіе, то разливается вдвое. Мы въ ней купались, и потомъ, слѣдуя 'обычаю, налили свои *чотры* (плоскіе дорожные сосуды) немного мутною, но пріятною ея водою *). Поклонники симъ не довольствуются и мочатъ здѣсь простыни, кои должны при погребеніи служить имъ саваномъ.

*) Мы не нашли въ сей водѣ *сомоноватаго вкуса*, какъ говоритъ Шатобріанъ, хотя были на Іорданѣ почти въ одно съ нимъ время года. Постоявъ немного, она становится совсѣмъ прозрачною, а дно сосуда покрывается темноватымъ иломъ.

Впадающіе въ Иорданъ потоки по большей части въ жары пересыхаютъ; окружные пески совсѣмъ безводны. Его устье означается на поверхности Мертваго моря длинною полосою — какъ будто бы струи, издревле священные, мерзятъ смѣшеніемъ съ волнами проклятыми озера, поглотившаго Содомъ и Гоморрь. Прежде думали, что она продолжаетъ свое теченіе подъ землею и соединяется въ Египтѣ съ Ниломъ, или въ Сиріи съ Фарромъ (см. Риттера Geogr. § 25). Но кромѣ другихъ доказательствъ, опровергающихъ сіе мнѣніе, мы знаемъ изъ свидѣтельства очевидцевъ, что Мертвое море возвышается и упадаетъ, смотря по прибыли и убыли Иордана.

Неподалеку отъ устья рѣка склоняется влѣво, и только верхи кустовъ показываютъ ея направленіе. Мы пустились прямо, безъ дороги, по сыпучему песку, бѣлому какъ снѣгъ отъ

покрывающей его соли. Жаръ былъ нестерпимый. На густомъ, раскаленномъ небѣ солнце рдѣло будто на закатѣ. Съ одной стороны цѣпь Аравійскихъ горъ — утесистая стѣна безъ отдѣльныхъ вершинъ, безъ зубцевъ и изгибовъ — идетъ вдоль озера какъ неизмѣримая рама. Съ другой мѣловые холмы, чудною игрой естества, представляютъ шатры, малыя крѣпости и башни, украшенныя карнизами.— Все отлично здѣсь отъ другихъ мѣстъ на земномъ шарѣ. Въ самыхъ степяхъ Сары близость воды перемѣняетъ виды природы: влага проникаетъ сквозь сухой хрящъ и одѣваетъ его зеленою травою; тлетворный воздухъ очищается; существа живущія находятъ пріютъ въ пальмовыхъ рощахъ, и бесплодная пустыня превращается въ цвѣтущій оазисъ — подобіе рая. Напротивъ того, окрестности Мертваго моря унылы и лишены всякихъ признаковъ жизни:

нѣтъ свѣжести, нѣтъ звѣрей, птицъ, растеній; изсохшія деревья, лежащія корнями вверхъ по берегу, принесены волною съ восточнаго конца, или, можетъ быть, Иорданомъ во время разлива. Вода свѣтла, но пресыщена горькими солями. Трудно повѣрить слышанному Попокомъ и Шатобрианомъ отъ какого-то монаха и отъ Виолемскихъ Аравлянъ, что въ ней водится рыба; намъ сказывали провожатые, что даже заходящая случайно изъ рѣки тотчасъ умираетъ.

Въ длину Мертвое море (Арабск. Бахръ-уль-Лутъ, т.-е. *Лотова*) простирается на 75, а въ ширину на 20 верстъ; окружность его Зеенъ полагаетъ въ 5 дней пути. Сей новѣйшій странствователь, и еще прежде игумень св. Саввы, Данилъ, собрали довольно подробныя свѣдѣнія объ южномъ его краѣ, отчасти подтвержденныя намъ Иерусалимскими жителями,

вздившими въ Петру. Оно дѣйстви-
тельно оканчивается узкимъ заливомъ,
черезъ который лѣтомъ переходятъ въ
бродъ по колѣно. — Станный образъ
соляныхъ глыбъ, выбрасываемыхъ
озеромъ, подалъ конечно поводъ къ
сказкѣ, часто новторяемой, о видѣн-
номъ поклонниками *столбъ Лотова*.
Что же касается до славнаго плода
Содомскаго, то не всякій согласится
съ мнѣніемъ Шатобріана. *Черновитя*,
горькія стмена отысканныхъ имъ ма-
лыхъ лимоновъ не похожи на *пепель*,
и вообще его описаніе не соответст-
вуетъ нашимъ понятіямъ о семъ об-
манчивомъ яблокѣ, снаружи прекрас-
номъ, внутри гниломъ — *какъ радости*
міра, замѣчаетъ одинъ путешествен-
никъ.

Мы ночевали опять въ Іерихонѣ и
на другой день возвратились въ Іеру-
салимъ новою дорогою, черезъ мона-
стырь св. Саввы. Отъ самаго потока

Кедрскаго до Мертваго моря идетъ глубокой оврагъ, называемый *юдолю* *плача*. По его пересохшему дну мы приближались къ обители, построенной уступами на ужасной крутизнѣ, и поднялись вверхъ, содрогаясь невольно при каждомъ поворотѣ. Все зданіе обнесено высокими стѣнами и больше имѣетъ видъ укрѣпленнаго замка, нежели убѣжища для мирныхъ иноковъ. Слѣдуя за игуменомъ по высѣченнымъ въ камень ступенямъ мы поклонились костямъ святыхъ отцевъ, избѣженныхъ невѣриыми и гробу св. Саввы; видѣли пещеру сего благочестиваго труженника и финиковое дерево, имъ самимъ насажденное. На самой вышинѣ двѣ четверугольныя башни служатъ монахамъ подзорными каланчами. Окружныя горы изрыты множествомъ вертеповъ, гдѣ нѣкогда обитало до 10 тысячъ отшельниковъ.

Намъ еще показывали окно, изъ коего раздають ежедневно хлѣбъ кочующимъ неподалеку Аравлянамъ. Ихъ племя было издревле (какъ увѣряють) *притисано* Греческими императорами къ монастырю для услуженія и за то получало отъ него пищу, нынѣ же требуетъ оной съ угрозами, какъ принадлежащей себѣ дани; матери приносятъ новорожденныхъ младенцевъ къ окну и берутъ за нихъ лишніе участки. Въ случаѣ ссоры съ иноками сіи полудикіе Мусульмане держать ихъ въ осадѣ и пресѣкають сообщеніе съ Іерусалимомъ.

Посѣщая обители палестинскія, мы не забывали осматривать ихъ книгохранилища—хотя неудача нашихъ исканій на горѣ Авонской оставляла и здѣсь мало надежды. Въ патріархіи есть нѣсколько рукописей, но все требники, патерики и творенія церков-

ныхъ учителей. Грамоты, относящіяся къ правамъ Грековъ, съ давняго времени отосланы въ Константинополь; прочія бумаги, нами видѣнныя, любопытны потому только, что дополняютъ печальную картину претерпѣваемыхъ Иерусалимскими Христіанами утѣсненій.

14 Сентября, въ день Воздвиженія Креста, мы лобызали въ послѣдній разъ Гробъ Господень и всѣ святыни въ *Великой Церкви*. Архіепископъ Геосиманскій служилъ литургію на Голгоѣѣ, потомъ начался торжественный ходъ изъ Греческаго *Каволикони* въ подземелье св. Елены. Архіерей держалъ на головѣ серебряное Распятіе съ частію Животворящаго Древа; за нимъ несли хоругви, кресты, иконы; народъ устилалъ ступени лѣстницъ зелеными вѣтвями и цвѣтами. Во время молебна, знаменіе спасенія было

трьократно воздвизаемо на самомъ мѣстѣ его обрѣтенія.

Въ тотъ же день мы простились съ гостепріимными епитропами и, взявъ у мусселима провожатыхъ до Акры, выѣхали изъ Св. Града...

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СЕРАЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ *).

Въ *Съверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 годъ (стр. 162—165) было помѣщено извѣстіе о *Серальской Библиотекѣ*, очерпнутое мною въ Константинополѣ изъ достовѣрнаго источника. Я разска- залъ, по какому случаю Скарлатъ Ка-

*) Доставлено издателю при слѣдующей запискѣ: „Въ попавшейся мнѣ случайно 23 „книжкѣ *Московского Телеграфа* 1825 г. уви- „дѣлъ я возраженіе на помѣщенную въ „прошлагоднихъ *Съверныхъ Цвѣтахъ* мою „статью о *Серальской Библиотекѣ*. Считаю „долгомъ оправдаться и на сей разъ подпи- „сать свое имя. Благодарю искренно г. изда- „теля *Моск. Телеграфа* за его доброе мнѣніе, „и прошу извиненія въ томъ, что печатаю „свой отвѣтъ не въ его журналѣ“.

раджа, дѣдъ бывшаго господаря Валахскаго, осмотрѣлъ уцѣлѣвшія въ оной Греческія и Латинскія рукописи, и нашель, что въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного сочиненія древняго, которое не было бы уже извѣстно.

Издатель Болонскаго *Всеобщаго Бюллетеня*, желая увѣриться въ истинѣ сообщеннаго мною свѣдѣнія, обратился къ сыну господаря, Константину Караджѣ, и напечаталъ въ своемъ журналѣ (Іюль 1825) его возраженіе; *Московскій Телеграфъ* (№ 23, стр. 314 — 317) передалъ оное Русскимъ читателямъ.

Мое положеніе затруднительно. Я долженъ, для своего оправданія, спорить съ правнукомъ самого Скарлата, утверждающимъ, что его предокъ никогда не бывалъ въ семъ книгохранилищѣ. Мы оба не имѣемъ и не можемъ имѣть точныхъ доказательствъ: даже въ Сералѣ мы конечно не нашли

бы слѣдовъ помянутаго посѣщенія. Люди безпристрастные не потребуютъ отъ меня свидѣтельствъ подъ присягою изъ такой земли, гдѣ часто самое невпнное знакомство съ Европейцемъ вмѣняется Греку въ преступленіе. Они не отвергнутъ нравоподобій, за недостаткомъ ясныхъ доводовъ, и только спросятъ: былъ ли я въ состояніи судить о *достоверности* того источника, на который ссылаюсь?

Бейзаде Константинъ Караджа весьма учтиво называетъ мое извѣстіе *) „сказкою, не имѣющею тѣни истины, „и выдуманною, по старому обычаю, „какимъ нибудь путешественникомъ“: а вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о *легковѣрныхъ*, „которые, не зная языка и на

*) Не имѣя у себя Итальянскаго подлинника, долженъ положиться на вѣрность перевода въ Моск. Телеграфѣ и буду выписывать его точныя слова.

„короткое время останавливаясь въ „странѣ, гдѣ все для нихъ ново, при- „нуждены повторять нелѣпости, какія „тамъ услышать“. Одно заключеніе противорѣчитъ другому; но молодой нашъ критикъ не заботится о такой мелочи.

Онъ не зналъ моего имени, но слышалъ человѣка, рассказывающаго подробности о собственномъ его семействѣ за 50 или 60 лѣтъ—подробности, отчасти имъ самимъ подтверждаемыя. Слѣдовательно ему нельзя было принять меня за минутнаго гостя въ его отчизнѣ, *принужденнаго повторять нелѣпости...*

Находясь нѣсколько лѣтъ сряду въ Константинополѣ при Россійскомъ посольствѣ и потомъ путешествуя по Греціи, я вездѣ навѣдывался усердно о древнихъ рукописяхъ, въ надеждѣ, что какой нибудь счастливый случай поможетъ мнѣ отыскать всего Тита-

Ливія и Діодора, пли утраченныя Ан-
еологін Мелеагра, Филипа Фессалоник-
скаго, Агаеія... Особливо желалъ я
имѣть понятіе о Серальской Библиоте-
кѣ, вообще *для Христіанъ неприступ-*
ной, и просилъ въ 1817 г. содѣйствія
А. А. Фонтоня, бывшаго тогда первымъ
нашимъ драгоманомъ. Онъ распра-
шивалъ нарочно многихъ Турковъ к
бояръ Греческихъ, и наконецъ узналъ
отъ одного изъ послѣднихъ о случив-
шемся съ Караджею.

Г. Фонтонъ, по мѣсту своему и по
долговременной опытности, могъ су-
дить, лучше иныхъ жителей *Фанаря*,
вѣроятны ли сіи подробности? Его
знакомецъ былъ человекъ свѣдущій и
правдивый *); главныя обстоятельства

*) Прибавлю еще, что сей Грекъ служилъ
нѣкогда при драгоманѣ Порты, и что его
отецъ былъ коротко знакомъ съ господаремъ
Іованномъ Караджею.

сей повѣсти, какъ-то: болѣзнь и опасенія Мустафы III на счетъ отравы, особенное его благоволеніе къ обоимъ Караджамъ, ихъ познанія въ медицинѣ и свободный доступъ въ Сераль, были давно извѣстны. Скарлатъ пользовался даже въ дѣлахъ государственныхъ довѣренностію Султана и помогалъ ему въ любимомъ его занятіи: въ астрологическихъ исчисленіяхъ. Должно ли, послѣ того, называть *немыслимо* дошедшее до насъ преданіе, что сему хитрому Греку удалось проникнуть и въ Серальское книгохранилище, подъ видомъ исканія записокъ о древнихъ лѣкарствахъ противъ яда?

Нашъ критикъ, кажется, обреченъ судьбою на противорѣчія. Онъ говоритъ сперва, что, сколько ему извѣстно, *ни одинъ Христіанинъ никогда не былъ въ сей библіотекѣ*, — а потомъ, что генералъ Себастіани, *испросивъ*

„дозволеніе осмотрѣть оную, получилъ
„въ подарокъ географію Птолемею
„и харатейный списокъ Ветхаго и Но-
ваго Завѣта...“ Спрашиваю: если, по
словамъ К. К., было дано сіе дозво-
леніе иностранному послу, то не уже
ли бы отказали въ томъ любимцу сул-
танскому, для спасенія жизни самого
государя?

Генералъ Себастіани осматривалъ
Сераль незадолго до начатія послѣд-
ней войны съ Россією, въ то время,
когда Селимъ III и его *харемъ* жили
въ Бешикташѣ. Вотъ что я слышалъ
отъ г. ст. сов. Влангали, находивша-
гося при драгоманѣ Порты кн. Кал-
лимахи, коему поручено было сопро-
вождать посла при семъ посѣщеніи.

На внутреннемъ дворѣ, за *вратами*
блаженства (Бабъ-усь-сеадеть), рядъ
большихъ комнатъ заключаетъ въ се-
бѣ драгоцѣнности, издревле собирае-
мыя Оттоманскими государями. Тамъ

хранятся оружіе разныхъ султановъ, множество рѣдкихъ книгъ Арабскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ *); *рукописи Греческія* и сокровища, доставшіяся Могаммеду II при взятіи Царяграда—даже части мощей и цѣлыя тѣла святыхъ, въ серебряныхъ вызолоченныхъ ракахъ и украшенныхъ алмазами ковчегахъ, предъ коими горятъ день и ночь лампы и свѣчи **). Г. Влангали былъ прежде, по особенному

*) А не однѣ учебныя Арабскія книги, какъ думаетъ К. К. (см. ниже). Ассямъ-Эенди, переведившій на Турецкій языкъ словарь *Камусъ*, доставалъ оттуда многія важныя рукописи. *Мураджа д'Оссонъ* (Tableau de l'Emp. Othom. t. II. p. 493) говоритъ, что въ Сералѣ есть двѣ восточныя бібліотеки, одна Ахмеда III, а другая Мустафы III, содержавшія въ его время болѣе 15 тысячъ томовъ.

**) Не смотря на свою ненависть къ Христіанамъ, Мусульмане чтятъ многихъ нашихъ святыхъ. Въ Салоникѣ могида Великомучени-

случаю, во всѣхъ сихъ отдѣленіяхъ, но не могъ ни до чего дотрогиваться: ибо Турки боятся навлечь бѣдствія на имперію, если позволяютъ невѣрнымъ разбирать оныя древности. Ему издали показывали и то святилище, въ коемъ *Хассъ-одамы* стрегутъ *Хыркаи-шерифъ* *Санджамъ-шерифъ*, т. е. ризу и знамя Пророка *). Генераль Себастьяни ви-

ка Дмитрія находится внутри одной изъ главныхъ мечетей и обставлена неугасающими лампадами. Славный Капуданъ-Паша, Газиз-Хассанъ, возилъ всегда съ собою десницу Іоанна Крестителя, отнятую у какого-то Аѳонскаго монаха, и имѣлъ къ ней особую вѣру; по смерти его сія святыня была нѣсколько времени въ Серадѣ, гдѣ кн. А. Каллимахи, отецъ господаря Скарлата, видѣлъ ее въ богатомъ ковчегѣ съ Греческою надписью: *αυτη ἐστιν η̄ χειρ̄ η̄ ἁψ̄δα χοριφ̄ης τοῦ δεσπ̄του -- сія есть рука, прикоснувшаяся верху владычню* (см. службу 5 Января).

*) Въ семь мѣстъ каждый Султанъ, при

дѣлъ *мимоходомъ* внутреннія комнаты, сады, оружейныя и восточную бібліотеку; но не былъ тамъ, гдѣ лежатъ мощи и Греческія рукописи. Впрочемъ, судя по отличному къ нему уваженію султана Селима (особливо послѣ неудачнаго появленія Англійскаго флота въ Мраморномъ морѣ), легко станется, что онъ вторично входилъ въ Сераль и получилъ въ подарокъ нѣсколь-

восшествіи на престолъ, совершаетъ первую свою молитву и принимаетъ поздравленія отъ придворныхъ. Туда входятъ съ нимъ однажды въ годъ (15 Рамазана) *Садразамъ* и *Шейхъ-уль-Исламъ* (верховный визирь и муфти), съ первѣйшими государственными сановниками, снимаютъ покрывала съ ризы Могамедовой, цѣлуютъ ея край и обмакиваютъ оный въ воду, которая потомъ разсылается, какъ святыня, къ принцамъ крови, въ *ларемъ* Султанскій и ко всѣмъ присутствовавшимъ при семъ обрядѣ.

ко книгъ: тѣмъ еще не доказывается, чтобы онъ самъ выбиралъ ихъ.

Критикъ продолжаетъ: „Въ Констан-
тинополѣ люди, болѣе другихъ знаю-
щіе внутренность Серая, полагаютъ,
что тамошняя бібліотека состоитъ
изъ небольшого количества учебныхъ
книгъ Греческихъ, Латинскихъ и
Арабскихъ, изъ нѣсколькихъ старин-
ныхъ медицинскихъ книгъ, на Латин-
скомъ языкѣ, и что въ ней нѣтъ ни
одного классическаго творенія“. Труд-
но говорить о семъ утвердительно, если
подлинно ни одинъ Христіанинъ не бы-
валъ въ бібліотекѣ; Турки же не учатъ
Европейскимъ языкамъ и не ста-
нутъ рыться въ пыли и гнилу, дабы
удовлетворить любопытство *Г'яуровъ*,
Но я готовъ допустить сіе заключеніе
и желаю только знать: въ чемъ К. К.
со мною спорить? Отвергаемое глѣзъ
приключеніе его предка есть обстоя-

тельство совсѣмъ постороннее, и было сообщено единственно для показанія, отъ кого могли узнать, что въ Сералѣ нѣтъ Греческихъ и Латинскихъ рукописей, важныхъ и донынѣ неизвѣстныхъ. Тоже самое и почти въ тѣхъ же словахъ утверждаетъ нашъ Бейзаде, хотя началъ-было говорить о *сказкахъ и истинностяхъ*... Но похожъ ли онъ на того Ирландца, который въ богословскомъ преніи отвѣчалъ своему противнику: „твое предложеніе спра- „ведливо, и вотъ какъ я его оспари- „ваю!“

Скажу, наконецъ, что Италіанскій журналистъ напрасно обратился съ своимъ запросомъ къ молодому чело- вѣку, выѣхавшему изъ Константино- поля въ 1812 году почти ребенкомъ и могущему судить о настоящемъ дѣ- лѣ по однимъ слухамъ, а не къ отцу его, господарю Іоанну. Миѣніе сего

— 262 —

опытнаго старца было бы гораздо убѣ-
дительнѣе для всѣхъ читателей—и для
меня самого.

Д. Дашковъ.

ПОЭЗИЯ.

О. С. ПУШКИНОЙ.

Насъ случай свель; но не слѣнцемъ меня
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой:
Поэта другъ, сестра и геній милой,
По сердцу ты и мнѣ давно родня.

Такъ въ памяти сердечной безъ заката
Мечта о немъ горитъ теперь живѣй:
Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата,
Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.

Удѣлъ его: блескъ славы вѣчно льстивой,
Но часто намъ сіяющій изъ тучъ;
И отъ нея ударитъ яркій лучъ
На жребій твой въ безопасности счастливой.

По для него ты благотворнѣй будь:
Свѣти ему звѣздою безмятежной,
И въ бурной мглѣ отрадой, дружбой нѣжной
Ты улаждай тоскующую грудь.

Князь Вяземскій.

Къ N. N.

Среди трудовъ и важныхъ Музъ,
Среди учености всемирной,
Ты не утратилъ нѣжный вкусъ:
Еще ты любишь голосъ лирной;
Еще въ душѣ твоей огонь,
И сердце наслажденій просить,
И Аполлоновъ борзый конь
Отъ Музъ тебя въ Києру носить.
Отъ древней Спарты до Аѳинъ,
Отъ гордыхъ памятниковъ Рима
До стѣнъ Пальмиры и Солима
Умомъ ты міра гражданинъ.
Ты любишь отдыхать съ Эрмой
Разнообразной и живой,
И насъ уносишь за собой
Въ міры фантазіи крылатой.
Тебѣ легко: ты награжденъ,
Благословенъ, взлетѣвъ Фебомъ;
Подъ сумрачнымъ родился небомъ,
Но будто въ Атикѣ рожденъ.

Н. Батюшковъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ АЛА.

Въ странѣ любимой небесами,
Гдѣ величавая рѣка
Между цвѣтущими берегами
Играетъ ясными струями,
Тамъ, гдѣ Альбертова рука
Лишила княжескаго права
Неосторожнаго Всеслава,
Гдѣ послѣ грозный Юванъ,
Пылая местию кровожадной,
Казнилъ за Магнуса гражданъ
Неутомимо, безпощадно,
Гдѣ добрый геній старины
Надъ чистымъ зеркаломъ Двины
Хранить доньцѣ, какъ святыню,
Остатки каменной стѣны
И кавалерскую твердыню,—
Въ дому отцовскомъ, въ тишинѣ,
Какъ цвѣтъ Эдема разцвѣтала
Очаровательная Ала.
Межъ тѣмъ въ сосѣдней сторонѣ
Устами Паткуля къ войнѣ
Свобода сибѣлыхъ вызывала,
И удалаго короля
Имъ угнетенная земля

Съ валовъ Балтійскихъ принимала,
Когда, прославившись мечемъ,
Онъ шель съ полуночнымъ царемъ
Извѣдать силы боевыя,
Не зная, дерзкій, какъ бодра
Желѣзной волею Петра
Преображенная Россія.

Родитель Алы доходилъ
Къ предѣлу жизненной дороги.
Онъ долго родинѣ служилъ,
Видалъ кровавыя тревоги.
Бывалъ рѣшителемъ побѣдъ;
Потомъ покинулъ шумный свѣтъ,
И, безмятежно догарая,
Прекрасенъ былъ, какъ вечеръ Мая,
Закатъ его почтенныхъ лѣтъ.
Но вдругъ... И кто не молодѣетъ,
Своимъ годамъ кто помнить счетъ,
Чей духъ не крѣпнеть, не смѣлѣетъ.
Чья длань желѣза не беретъ,
И взоръ отвагой не сверкаетъ,
И грудь восторгомъ не полна,
Когда знамена развиваетъ
За честь и родину война?
Онъ вновь надѣлъ одежду брани,
Стальную саблю наточилъ;

Казалось, старца оживилъ
Священный жаръ его желаній.
Онъ призвалъ дочь и говорилъ:
„Уже лишень я прежнихъ силъ
Неумолимыми годами:
Прошла пора, какъ твой отецъ
Былъ знаменитѣйшій боецъ
Между Ливонскими бойцами,
Свершалъ геройскія дѣла.
Все старость жадная взяла....
Не все взяла! Еще волнуетъ
Мою хладѣющую кровь
Къ добру и вольности любви;
Еще отраднo сердце чуетъ
Ихъ благодѣтельный призывъ.—
Ему, какъ юноша, внимаю
И снова смѣлъ и снова живъ
Служить отеческому краю.
Гремите жъ бранныя поля,
Пируйте мужество и мщенье!
Что намъ судьбы опредѣленье?
Опять ли силы короля
Подавятъ милую свободу,
Или торжественно она
Отдастъ Ливонскому народу
Ея златыя времена:
Побѣда, смерть ли: будь, что будетъ,

Лишь бы не стыдъ! Пускай же насъ
Бъ мечамъ хотя въ послѣдній разъ
Гласъ родины, какъ неба гласъ,
Отъ сна позорнаго пробудить!“
Сказалъ, и взоры старика
Мятежнымъ пламенемъ сверкала,
И быстро падала рука
На рукоять военной стали:
Такъ въ тучѣ рѣется огонь,
Когда съ готовыми громами
Она плыветъ подъ небесами,
Такъ, слыша битву, ярый конь
Кипитъ и топаетъ ногами.

Н. Языковъ.

ПОДРАЖАНИЕ КОРАНУ.

Съ Тобою древле, о Всесильный,
Могучій состязаться мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя.“
— „Я также“, рекъ онъ, „жизнь дарую
И также смертью наказую:
Съ Тобою, Боже, равень я“.
Но смолкла похвальба порока
Отъ слова гнѣва Твоего:
„Подъемлю солнце я съ востока:
Съ заката подыми его!“

А. Пушкинъ.

ПОДРАЖАНІЕ 136 ПСАЛМУ.

На чуждыхъ берегахъ, гдѣ властвуетъ тиранъ,
Въ плѣну мы слезы проливали
И, глядя на Эвфратъ, тебя вспоминали,
Родимый Іорданъ!

На лозахъ блѣдныхъ ивъ, склонившихся къ
рѣкѣ,
Качались томно наши лиры,
Увы, а мы отъ нихъ, безмолвные и сиры,
Сидѣли вдалекѣ!

„Рабы (кругъ насъ ревѣлъ свирѣпой стражи
гласъ),
Въ неволѣ пользы нѣтъ отъ стона;
Воспряньте духомъ вы и пѣснію Сіона
Пролейте радость въ насъ!“

— „Ахъ! намъ ли пѣсни пѣть среди своихъ
враговъ!
Они съ отчизной разлучили,
Гдѣ наша колыбель, гдѣ сладость жизни пили,
Гдѣ нашихъ персть отцовъ!“

Прилипи навсегда языкъ къ устамъ моимъ,
Замри рука моя на лирѣ,
Когда забуду я тебя, древнѣйшій въ мирѣ,
Святый Ерусалимъ!

Напомни, Господи, Эдомовымъ сынамъ *)
Ужасный день, когда ихъ злоба
Вопила: смерть имъ, смерть, и пламень виѣ-
сто гроба!
Рушь все, престоль и храмъ!

Но горе, горе злымъ: нашъ Мстителъ въ не-
бесахъ.

Содрогнись, чадо Вавилона!
Онъ близокъ, онъ гремитъ, низвергнися со
трона
Пади предъ нимъ во прахъ!

*) Идумеяне хотя и вели родъ свой отъ Авраама, но вступили въ союзъ съ Вавилонянами противъ Иудеевъ и были злѣйшими ихъ врагами.

СТАНСЫ КЪ Д***

Д***, какъ бы съ нашей лѣнью
Хорошо въ деревнѣ жить,
Подъ наследственной сѣнью
Липецъ прадѣдовскій пить;

Беззаботно въ полдень знойный
Отдыхать въ саду густомъ;
Выдти подл. вечеръ спокойный
Передъ сладкимъ, долгимъ сномъ;

Ждать поутру на постелѣ,
Не зайдетъ ли Муза къ намъ;
Позабыть всѣ дни въ недѣлѣ
Называть по именамъ,

И съ любовью неревнивой,
Безъ чиновъ и безъ хлопотъ,
Какъ въ Сатурновъ вѣкъ счастливой,
Провожать за годомъ годъ!

Плетнеъ.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(Стихи, присланные къ собранію стихотвореній А. Х. Востокова).

О чемъ я въ юности мечталъ,
Ведомъ надеждою отрадной,
Что наконецъ и опытъ хладной
Иль опровергъ, иль оправдалъ,
Найдете здѣсь изображеннымъ
И возвратитесь вы со мной
Къ днямъ беззаботнымъ и блаженнымъ,
Когда мы зрѣли міръ иной.

Всегда ль умнѣе мы съ лѣтами?
Повѣрьте: мудрость любить жить
И межъ весенними цвѣтами,
И Муза можетъ насъ дружить
Съ судьбой, столь часто къ намъ жестокой,
И можетъ истины высокой,
Играючи, завѣсу вскрыть!

А. Востоковъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ С. Г. Н—ОЙ.

Во имя Феба и Харитъ
Я твой альбомъ благословляю
И, по внушенью Аонидъ,
Его судьбу предвозвѣщаю:
Въ немъ перескажетъ дружба вновь
Всѣ увѣренья, всѣ мечтанья,
И безъ намѣренья любовь
Свои откроетъ ожиданья.

Баронъ Дельвигъ.

КЪ АННЕТЪ.

Когда Климена подарила
На память это мнѣ кольцо,
Ея умильное лицо,
Ея улыбка говорила:
„Оно твое; когда нибудь
Сама и вся твоей я буду;
Лишь ты меня не позабудь,
А я тебя не позабуду!“
И черезъ день я былъ забытъ.
Теперь кольцо ея, Аннета.
Твой вѣчный другъ тебѣ дарить.
Увы, недобрая примѣта
Тебя, быть можетъ, поразитъ!
Но неспособенъ я къ измѣнѣ:
Носи его и не тужи,
А въ оправданіе Клименѣ
Ея обѣты мнѣ сдержи!

Е. Баратынскій.

И въ карты козыряетъ съ ними,
Поетъ и пьетъ... и распротится онъ
Какъ будто съ братьями родными...
Но усталыхъ въ пиру еще обдержитъ сонъ:
А онъ, тишкомъ, съ своей командой зоркой,
Прокравшись изъ лѣса подъ горкой,
Какъ тутъ!.....„Пардонъ!“ Имъ нѣтъ пардона,
И не истративъ ни патрона,
Беретъ двѣ трети эскадрона...
И вотъ опять на мѣстѣ сталь,
Какъ будто и не онъ!...

.....
.....

II.

Онъ широко шагаль!
И часто, послѣ шибкой драки,
Его летучіе биваки
Сіяли гдѣ нибудь въ глуши:
Въ бѣлотѣ топкомъ, въ чащѣ лѣса,
На гребнѣ дикаго утеса...
И вотъ Орловскій самъ картину съ нихъ пиши!
Храпять у коновязи кони,
Звенятъ надъ кормомъ удила:
„Никто не смѣй снимать сѣдла!

„Кругомъ Французъ!... Мы тутъ какъ рыба
вѣ тонѣ;
Дремли безъ сна и будь готовъ!“
Такъ онъ приказывалъ... И, лежа вокругъ кот-
ловъ,

Курятъ табакъ усатые гусары,
И зорко вдаль глядитъ козакъ...
И онъ своимъ рассказываетъ такъ:
„Я бился съ Туркомъ, мнѣ знакомы Яны-
чары;

Тогда служилъ я съ пушкою пѣшкомъ.“
„Готовы лѣстницы?“ сказалъ Каменской.
А было то подъ грознымъ Рушукомъ.
Но ровъ не вымѣрять... Тутъ съ хитростію
женской

Потребно мужество...И кто изъ удалцовъ
Украдкой проползеть и вымѣрять ровъ?“

Онъ все сказалъ. И я пустился...
Темнѣло въ полѣ и въ садахъ,
Муллы сзывали на молитву,
И Турки, говоря про битву,
Табакъ курили на валахъ...
Фитиль надъ пушкою дымился,
Дремалъ усталый часовой...

Я подошелъ... перекрестился...
И лотъ, на снурѣ, вѣсовой

„Въ веселый садъ онъ мчится погулять!
„А можетъ и не въ садъ... Какъ знать?
„Ужъ перемирію конецъ... опять тревоги:
„Французской конницей заставлены дороги;
„Въ Саксонскихъ городахъ вездѣ Французъ!..
„Нашъ партизанъ лихой! Ужъ подлинно не
трусъ...
„И онъ безъ устали.... Всю ночь считаетъ
звѣзды!
„Самъ повѣряетъ цѣпь и ставитъ самъ разъ-
ѣзды.....
„При немъ никто не смѣй зѣвать!“
Но кто вмутилъ песокъ зыбучій?
Что тамъ синѣется? Какъ издали узнать?.....
Быть можетъ, дѣсь, быть можетъ тучи...
Ахъ, нѣтъ, то къ Верлиду валить Францу-
зовъ рать...

IV.

„Бей сборъ! Муштучь! Труби! Вся партія къ
походу!
Французъ объѣхалъ насъ дугой
И жметъ къ рѣкѣ. Друзья, назадъ намъ пря-
мо въ воду!
Впередъ, на штыкъ, на смертный бой!

Но я, друзья! за васъ въ надеждѣ,
Что слово смерть не испугаетъ васъ:
Не все ль равно, что годомъ прежде,
Что позже десятю возьметъ могила насъ!...
Слушай! стоять! не суетиться!
Патронъ и мужество беречь!
Стрѣлкамъ по соннамъ размѣститься!
Ни слова... ни дохнуть, въ тиши стеречь!
Драгуны могутъ, спѣшась, лечь...
А вы, мои залетные гусары!
Бодри коней и снаровлей удары!
Ни вы меня, ни я друзей не выдавалъ!
Дай саблѣ поцѣлуй, и бьемся на повалъ!"

V.

Шумить... вдали песокъ дымится:
Французъ сквозь частый боръ проникъ.
Палать!... Вотъ конница и пѣшихъ крикъ:
Уланы Польскіе... и все на насъ валится
Какъ лѣсъ!... „Молись и на коня!
Сюда, на узкую плотину:
Одна смѣнай другую половину,
И всё смотрите на меня!...

Такъ два отчаянныхъ, влюбленныхъ жениха
До смерти рѣжутся за милую невѣсту...
Что зашумѣлъ громчѣе лѣсъ?
Еще звончѣй и ближе топотъ...
Берутъ Французы перевѣсъ!
У нашихъ слышенъ тайный ропотъ...
То не боязнь, но злѣй... то шопотъ:
„Что не видать его въ огнѣ?“
Доселѣ, въ буркѣ, на конѣ,
Онъ все былъ тутъ, въ глазахъ маячилъ,
Онъ самъ, онъ первый рубку началъ“...
.....
.....

VIII.

Взошла, какъ и всегда, луна,
И въ ясной Эльбѣ потонула;
Какая мертвая, глухая тишина!..
Но развѣ днемъ не эта сторона
Кипѣла адомъ? Да! и вотъ уснула!
И врагъ и другъ въ непробудимый сонъ!..
О берегъ, берегъ Эльбы дальной!
Что мнѣ сказать женѣ печальной?
Гдѣ онъ, герой? Куда жъ дѣвался онъ?
Никто не знаетъ, неизвестно!
Его искали повсемѣстно,

На полѣ битвы, по лѣсамъ;
Но онъ остался въ ненайденныхъ,
Ни между тѣлъ, ни между плѣнныхъ:
Его безвѣстенъ жребій намъ!..
Лишь ты, любезныйевичъ.
Порою, вспомянувъ о немъ,
Мнѣ говоришь: „онъ былъ прямымъ богаты-
ремъ
И чудомъ... какъ Бова Додонскій королевичъ!
Ты помнишь, какъ тебѣ твердилъ я: „говори!
(Какъ вмѣстѣ мы запрошлись жили лѣтомъ),
Рассказывай мнѣ, другъ, о человѣкѣ этомъ.
Я радъ прослушать до зари!
И проводили мы въ разказахъ дни и ночи.
Тогда какимъ огнемъ твои пылали очи!
Летѣли мимо насъ вечерніе часы,
Слеза въ очахъ твоихъ свѣтилась
И тихо изъ очей катилась
На длинные усы!..

Ф. Глинна.

17 СЕНТЯБРЯ 1824.

Блаженъ, кому съ привѣтливой улыбкой
Надежда въ мѣрѣ предтечетъ!
Его челнокъ по морю жизни зыбкой
Стремится безтрепетный полетъ.

Блаженъ и тотъ, чья пламенная вѣра
Отчизну видитъ въ небесахъ!
Огонь и мечъ и львиная пещера
Ему ничто: онъ твердь въ бѣдахъ.

Но избранникъ святаго Провидѣнья
Любовью чистою хранимъ:
Не знаетъ слезъ, не вѣдаетъ волненья:
Ему спутникъ Серафимъ,

Слетѣвшій въ мѣрѣ отъ горняго чертога.
Творецъ сердечной тишины,
Посоль Всевышняго и отблескъ Бога
Въ прелестномъ образѣ жены.

Э Л Е Г И Я.

Когда на зовъ души унылой
Встають изъ тайной глубины,
Какъ привидѣнья надъ могилой,
Минувшихъ лѣтъ златые сны,
И ей представляется какъ прежде
Въ знакомой сердцу красотѣ,
Мечты въ блистательной одеждѣ,
Любовь въ цвѣтушей наготѣ,
И все, что рано обольстило
Зарю счастливыхъ первыхъ лѣтъ,
Чѣмъ приманилъ къ себѣ такъ мило
Младую жизнь лукавый свѣтъ;
Когда въ чаду очарованья,
Восторговъ и надеждъ полна,
Всѣ радости, всѣ упованья,
Ему повѣрила она;
Когда мечта волшебной властью
Прекрасный создала мѣръ,
И съ вѣрой пламенной ко счастью
Боготворила свой кумиръ,
Въ грядущемъ смѣло начертала
Свою судьбу перстомъ златымъ,
И быстро юность улетала
Какъ легкій съ жертвенника дымъ;

Когда зоветъ воспоминанье
Всѣ призраки минувшихъ лѣтъ:
Ихъ отдаленное сіянье,
Ихъ утѣшительный привѣтъ
Часы унынья сокращаетъ.
Что память? Черная доска,
На коей времени рука
Всю нашу жизнь изображаетъ,
И долгій вечеръ старика
Началомъ повѣсти плѣняетъ.

В. Туманскій.

ЧЕРТЫ ОСЕНИ.

Ужь вѣтеръ валъ на валъ катитъ по жатвѣ
зрѣлой;

Черника лоснится, малина отошла;
Въ саду зардѣлся яблочъ спѣлой;
Ужь бѣлка зимовье себѣ свила,
И ладится медвѣдь въ берлогѣ;
Желтѣетъ листь, змѣя въ норѣ,
Мѣстами мерзнетъ на зарѣ;
Копытъ и колесо звончѣе на дорогѣ...
Вездѣ какая-то мелькаетъ пестрота;
Въ водахъ и на небѣ сѣдѣетъ перламутромъ.
Про осень говоритъ народъ у церкви утромъ
Въ день *Воздвиженія пречестнаго Креста.*

Ф. Глинка.

МІРЪ ФАНТАЗИИ.

Тамъ нѣгою вѣтъ вокругъ вѣтерокъ,
Тамъ шепчется съ берегомъ сребристый потокъ,
Тамъ свѣтомъ волшебнымъ денница горитъ,
Тамъ все наслаждаться природой манитъ.

Тамъ златомъ трепещетъ лимонъ на вѣтвяхъ,
Тамъ стекутся класы въ цвѣтущихъ поляхъ,
И жизнью дышетъ тамъ гроздь молодой,
И персикъ стыдливой пѣвнуетъ красотой.

Тамъ вѣчное утро, безоблачный день,
Тамъ длинные годы мелькаютъ какъ тѣнь,
Тамъ вѣчность ничтожна, тамъ времени нѣтъ:
Въ сей міръ вдохновенный стремится поэтъ.

Ознобишинъ.

БАРАТЫНСКОМУ.

Изъ Бессараби.

Ся пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой Русскою полна.
Еще донинѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ Музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутаго.
Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
Въ тебѣ Овидія живаго.

Ему же.

Я жду обѣщанной тетради:
Что жъ медлишь, милый Трубадуръ!
Пришли ее мнѣ Феба ради,
И награди тебя Амуръ!

А. Пушкинъ.

ЯВЛЕНИЕ КЛОРИНДЫ ТАНКРЕДУ.

(Изъ Освобожденнаго Иерусалима).

О ней зарей и вечеромъ о ней
Крушится онъ и плачетъ и стенаетъ;
Такъ въ темну ночь тоскуя соловей,
Когда ловець жестокой похищаетъ
Его еще нескормленныхъ дѣтей,
Поеть и боръ печально оглашаетъ.
Въ томленьи сидъ невольню легкимъ сномъ
Забылся онъ передъ румянымъ днемъ.

И та, о комъ душа въ тоскѣ мечтала,
Чело въ звѣздахъ, подъ свѣтлой пеленой,
Въ чудесномъ снѣ очамъ его предстала,
Блистательна божественной красой,
Но и въ красѣ небесной сохранила
Знакомый видъ любви его земной.
„О милый другъ! Взгляни, какъ я прекрасна,
Какъ весела: печаль твоя напрасна!

Ты далъ мнѣ все: негнѣнчимъ ты вѣнцемъ
Меня вѣнчалъ, а мечъ обмануть мглою.
Что бранный мѣръ! Ужъ я передъ Творцемъ;
Я въ хорѣ дѣвъ, безсмертною, святою,

**

Живу, люблю, молюся объ одномъ
И жду тебя, и вѣчный предъ тобою
Возблещеть свѣтъ, и взоръ плѣнится твой
Красой небесъ, и въ нихъ моей красой.

Стремяся къ намъ душою неизмѣнной!
Волненьямъ чувствъ упорствуй и живи!
Люблю тебя, другъ сердца незабвенной,
И не таясь теперь моей любви".
Рекла, въ очахъ блеснулъ огонь священной,
Невиданный у смертныхъ на земли,
И вдругъ, въ своемъ сіяньи утопая,
На синевѣ исчезла дѣва рая.

Иванъ Козловъ.

С. М. С—ОЙ.

(Сонетъ).

Была пора: ты въ безмятежной сѣни
Какъ лилія душистая цвѣла,
И твоего веселаго чела
Не омрачалъ задумчивости геній.
Пора надеждъ и новыхъ наслажденій
Невидимо подъ сѣнь твою пришла,
И въ новый край неволью увлекла
Тебя отъ игръ и сновъ невинной лѣни.

Но ясный взоръ и голосъ твой и видъ
Все первыхъ лѣтъ хранить очарованье,
Какъ свѣтлое о прошломъ—вспоминанье,
Когда съ душой оно заговорить
И въ насъ опять внезапно пробудить
Минувшихъ благъ уснувшее желанье.

Плетневъ.

РАЗВАЛИНЫ.

Восточный, легкій вѣтерокъ
Прохладой утреннею дышетъ
И воды озера колышетъ;
Утесистъ берегъ и высокъ;
Между лѣсистыхъ горъ равнина,
Какъ голубой коверъ лежитъ;
Въ туманѣ край ея сокрытъ.

Высокаго холма вершина
Возноситъ къ мрачнымъ небесамъ
Разрушенный вѣками храмъ.
Вы треснули, крутые своды!
Вы пали, гордые столпы!
И тамъ, гдѣ нѣкогда толпы
Стекались пѣть Творца природы,
Тамъ нынѣ ласточка одна
Гнѣздо свиваетъ у окна
И будитъ мертвое молчанье.

Гдѣ предки наши? Лишь преданье
О нихъ осталось! Мы живемъ;
Но быстро предкамъ въ слѣдъ пройдемъ.
Ихъ нѣтъ: о насъ потомство скажетъ,
И съ нами въ ту же землю ляжетъ.

Потокъ несется въ бездну съ горь,
Не удержать его стремленья!
Едва за нимъ успѣтъ взоръ!..
Рѣка время, рѣка забвенья
Быстрѣе: все умчить она,
Безвѣстность, славу, немощь, силу
Въ бездонную вѣжовъ могилу,
Гдѣ грозный мракъ и тишина.

Масальскій.

СЛАВА БОГУ.

О, слава Богу, слава Богу!
Я не влюбленъ, свободенъ я;
Я выбралъ лучшую дорогу
На скучной стени бытія:
Не занять свѣтомъ и молвою,
Я знаю тихія мечты,
И не поклонникъ красоты,
И не обмануть красотою!

Н. Языковъ.

ПОЩАДА ПѢВЦА.

Зевсъ, нахмурясь, глядѣлъ на древнюю грѣш-
ницу землю;
Вдругъ онъ изъ орлихъ когтей взялъ окры-
ленный перунъ,
Черныя тучи созвалъ и небо завѣсилъ гро-
зою,
Руку подъялъ и хотѣлъ казнями мѣръ по-
сѣтить.
Въ оное время поклонникъ боговъ и страст-
ный любовникъ
Къ милой, въ темную даль, шель безза-
ботный пѣвецъ.
Пыльное сердце билось; шаги, удвоаясь, ле-
тѣли.
Кары не зря надъ собой, онъ уже лѣсъ
миновалъ;
Садъ открылся ему, облѣющій сладостнымъ
снѣгомъ
Флоры, въ который она любитъ Помону
рядить.
Тамъ, между яблонь и грушь, липъ и березъ
благовонныхъ

Выситя радостный домъ, храмъ чудотвор-
ный туда
Къ теплымъ молитвамъ зоветъ толпу земле-
дѣльцевъ смиренныхъ.
Юнша бодрый туда, къ мѣсту другому,
спѣшилъ.
Вдругъ огонь разорвалъ темноту, и грянули
громы;
Вихорь, кружась, поднялся; по полю чер-
нымъ столпомъ
Прахъ передъ нимъ побѣжалъ; затмилась,
смѣшалась окрестность:
Зевсъ раздраженный приникъ грозный на
трепетный мѣръ!
Фебъ изъ-за облака зрѣлъ, какъ яростный
царь Уранидовъ
Страшнаго града схватилъ, пагубный, пол-
ную горсть,
Какъ онъ молніи шуйцей металъ и десною
занесся,
Да ударомъ однимъ юный посѣвъ истребить,
Ниву, заботу безсонныхъ ночей, надежду се-
леней.
Гибель предвидѣлъ Латой, жалостный богъ,
и печаль
Вкралася въ душу его; предъ отцемъ, пре-
клоня колѣна:

„О Крононъ! (возопилъ), все сокрушаетъ
твой гнѣвъ:
Дхнешь, и вселенна дрожить; речешь, и смущаются бездны!
Гордыхъ Титановъ карай: горе и горе полкамъ
Злостнымъ, дерзнувшимъ возстать на тебя,
на царя-громовержца!
Но чловѣковъ щади, жаждущихъ, быстрыхъ гостей,
Званныхъ на мигъ ко столу скупой, улетающей жизни!
Въ племени семъ еще есть читатели вѣчныхъ боговъ!
Съ трона склонись и взгляни; се мой и Киприды любимецъ!
Юпитеръ, если когда гласомъ Камень я возмогъ
Скуку съ безсмертнаго свѣять чела, и если Даная,
Мая и Леда тебѣ въ отдыхъ отъ царственныхъ дѣлъ
Чашу отрады подносили когда: не презри мольбы,
Голосу сына внимли, будь милосердъ и щадн!“

Фэбъ-Аполлонъ замолчалъ. Всемощный отецъ
улыбнулся.
Градъ дождемъ возшумѣлъ, въ жаркой
растаявъ рукѣ.
Ожили роци подъ нимъ, освѣжились холмы
и долины;
Но лобызаль до дожда милую страстный
пѣвецъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Недаромъ, мимо всѣхъ живыхъ и мертве-
цовъ,
Онъ Русскимъ гениемъ пожалованъ въ Па-
рижъ:
Отдѣлкой языка, сказать и я готовъ.
Онъ къ Сумарокову изъ всѣхъ новѣйшихъ
ближе,
А творчествомъ, огнемъ и полнотой стиховъ
Онъ развѣ малымъ чѣмъ Хераскова поуже.

Князь Вяземскій.

Л. С. П—НУ.

Повѣрь, мой милый, твой поэтъ
Тебѣ соперникъ не опасной:
Онъ на закатѣ юныхъ лѣтъ,
На пламенной зарѣ ты юности прекрасной!
Живаго чувства полный взглядъ,
Уста цвѣтушія, румяныя ланиты
Влюбленныхъ пѣсенокъ сильнѣе говорятъ
Съ душой догадливой Хариты.
Когда съ тобой наединѣ
Порой красавица стихи мои похвалитъ;
Тебя напрасно опечалитъ
Ея вниманіе ко мнѣ:
Ей видѣть хочется начальное волненье
Души неопытной твоей,
И счастлива она, когда замѣтишь въ ней,
Свидѣтельство любви, ревнивое мученье.
Тебѣ ль завидовать смѣшной моей судьбѣ?
Что, что я приобрѣлъ, красавицъ вослѣвая?
Одно: моимъ стихомъ Харита молодая,
Быть можетъ, выразитъ любовь свою къ тебѣ!
Счастливыи баловень Киприды,
Знай сердце женское, о, знай его вѣрнѣе,
И за притворныя обиды
Лишь платы требовать умѣй!

А мнѣ, мнѣ предоставь тамъ огонь бесплодной,
Рожденный иногда возрѣньемъ красоты,
Умомъ оспоривать сердечныя мечты
И чувство прикрывать улыбкою холодной.

Е. Баратынскій.

И Д Е А Л Ъ.

Благословлю сѣнь дубровъ,
Мою деревню, садъ и поле!
Не бѣденъ я, живу на волѣ,
Не знаю тягостныхъ трудовъ;
Есть полка книгъ, града цвѣтовъ,
Пишу стихи: чего жъ мнѣ болѣ!

Плетневъ.

ПЕРСИДСКИЙ РОМАНСЪ.

(Изъ повѣсти: Орсанъ и Лейли).

Я жду тебя и не дождуся:
Нейдешь, нейдешь подь склонъ оливъ;
Ты мраченъ, грустенъ, молчаливъ:
Я въ ожиданіи томлюся.

* *

Приди подь шелковый наметъ,
Усни на мѣхѣ неизмятомъ (*)!
Здѣсь скорпіоновъ вредныхъ нѣтъ,
Здѣсь розы дышать ароматомъ,
И въ чашѣ искрится шербетъ.
Взойди на свѣтлый холмъ со мною,
Окинь глазами пышный садъ!
Въ немъ роскошь съ милой простотою
Твой прояснятъ суровый взглядъ.
Коль скучно средь зеркалъ гарема,

*) Для безопасности отъ скорпіоновъ Персы и вообще все восточные народы спятъ на мѣхахъ.

Возлягъ при зеркалѣ ручья!
Послушай пѣсни соловья:
Онъ Сади сладостный Эдема,
Его живителенъ напѣвъ,
И звуковъ томныхъ переливы
Отраднѣй для души тоскливой,
Чѣмъ пѣнь плѣнительная дѣвъ.

* * *

Я жду тебя и не дождуся:
Нейдешь, нейдешь подъ склонъ оливокъ:
Ты мраченъ, грустенъ, молчаливъ;
Я въ ожиданіи томлюся.

Пл. Ободовскій.

СТРОЕНИЕ СКАДРА.

*(Из Сербских народных тьсенъ, кн. II-я,
№ 5).*

Городъ строили три брата родные,
По отечеству Мрлявчевичи братья;
Одинъ былъ братъ Вукашинъ краль,
Другой Угльша воевода,
А третій Мрлявчевичъ Гойко;
Городъ строили Скадаръ на Боянѣ 1).
Строить три года, мастеровъ триста,
И не могутъ скласть основанья,
А того меньше города построить.
Что въ день они выведутъ строенья,
То все Вила 2) за ночь разрушить.
Ужь когда наступилъ годъ четвертый,
Тогда съ горъ провѣщилась Вила:
— Ты не мучь себя, Вукашинъ краль,
И не трать казны понапрасну;
Не скласть тебѣ крало основанья,
А того меньше города построить,
Пока не найдешь ты приличныхъ
Два имени: Стою и Стояна.

Чтобъ были то братъ и сестрица.
Когда ихъ заложить въ основанье
Подъ башню, тогда будетъ твердо,
И тогда ты выстроишь городъ“.

Какъ услышалъ то Вукашинъ краль,
Призываетъ онъ слугу Десимира:
Десимиръ, мое чадо дорогое!
Ты былъ мнѣ вѣрнымъ слугою,
Отнынѣ зову тебя сыномъ:
Бери, сынъ мой, коней и колымагу,
Бери съ собой сокровищъ шесть вьюковъ,
Поѣжай по бѣлому свѣту
Искать два имени приличныхъ,
Отыскивать Стою и Стояна,
Чтобъ были братъ и сестрица.
И похитишь ли ихъ гдѣ, или купишь.
Привези ихъ къ Скадру на Бояну
Заложить подъ башню въ основанье:
Авось либо будетъ оно твердо,
Авось либо выстроимъ мы городъ!

То услышавъ, Десимиръ поспѣшаетъ,
Беретъ коней и колымагу,
Беретъ съ собой сокровищъ шесть вьюковъ,
И ѣдетъ по бѣлому свѣту
Искать два имени приличныхъ,
Отыскивать Стою и Стояна,

Онъ цѣлые три года ищетъ;
Не нашель приличныхъ именъ двухъ,
Не нашель онъ Стои и Стояна.
И вернулся къ Скадру на Бояну,
Отдаетъ кралю коней и колымагу,
Отдаетъ ему сокровищъ шесть вьюковъ:
Вотъ, краль, твои сокровища обратно;
Не нашель я приличныхъ именъ двухъ,
Не нашель я Стои и Стояна.
Какъ услышалъ то Вукашинъ краль,
Онъ позвалъ опять зодчаго Рада,
Тотъ работниковъ своихъ трехъ сотъ
И опять строить Скадаръ на Боянѣ.
Что построить, то Вила разрушить.
Не дастъ положить основанья,
А того меньше города построить.
Тутъ опять съ горъ провѣщалась Вила:
— „Эй, не мучь себя, Вукашинъ краль!
Не трать казны понапрасну:
Тебѣ не скласть основанья.
А того меньше города постронть;
Но васъ трое братьевъ, и каждый
Имѣетъ свою вѣрную любу:
Чья выйдетъ утромъ на Бояну
И вынесетъ работникамъ завтракъ,
Ту подъ башню въ основанье закладите:

И будетъ твердо основанье,
И вы состроите городъ“.

Какъ услышалъ то Вукашинъ краль,
Призвалъ онъ братьевъ родимыхъ:
Вы слышали ль, братья дорогіе,
Что Вила съ горъ провѣщаетъ?
Мы тратимъ кавну понапрасну,
Не дастъ Вила скласть основанья,
А того меньше города построить;
И что она еще объявляетъ:
Нась трое братьевъ, и каждый
Имѣть свою вѣрную лубу;
Чья выйдетъ утромъ на Бояну
И вынесетъ работникамъ завтракъ,
Ту подъ башню намъ закласть въ основанье“,
И будетъ основаніе твердо,
И мы тогда городъ состроимъ.

Дадимъ же слово вѣрное другъ другу,
Не сказывать о томъ нашимъ лубамъ,
А лучше оставимъ на удачу.
Чьей женѣ роковой будетъ выходъ!

И дали въ томъ слово другъ другу.
Домой пришли вечеромъ поздно,
И послѣ господской трапезы
Зсякъ съ женой опочить удалился.
Но послушайте великаго чуда!
Вукашинъ краль слово нарушилъ;

Онъ первый открылъ своей любѣ:
„Берегись, моя вѣрная любя
Выходить завтра утромъ на Бояну
Выносить работникамъ завтракъ!
Пойдешь, свою голову погубишь:
Закладутъ тебя подѣ башню въ основанье“.
И Угльша слово нарушилъ,
И онъ объявилъ своей любѣ:
„Смотри, въ обманъ не вдавайся;
Не ходи завтра утромъ на Бояну
Выносить работникамъ завтракъ:
Пойдешь, моя милая, погибнешь,
Закладутъ тебя подѣ башню въ основанье“.
Младъ Гойко слова не нарушилъ,
Ничего онъ не сказалъ своей милой.

На утро, ранымъ раненько,
Встаютъ братья, выходятъ на Бояну,
Туда, гдѣ строится городъ.
Вотъ пора уже нести завтракъ.
Госпожи была очередь кралицы,
А она говоритъ своей невѣсткѣ,
Невѣсткѣ, Угльшиной любѣ:
„Невѣстушка, мнѣ неможется что-то,
Голова болить, мди я не въ силахъ;
Снеси-ка ты работникамъ завтракъ!“
Жена Угльшина ей отвѣчаетъ:
„Ахъ, невѣстушка, госпожа кралица,

У меня рука болить, не въ мочь мнѣ;
Попроси младшую невѣстку".
Она просит младшую невѣстку:
„Невѣстушка, Гойковица свѣтъ мой!
Голова болить, иди я не въ силахъ.
Снеси-ка ты работникамъ завтракъ".
Но Гойкова жена молодая
Представляетъ ей свои недосуги:
„Матушка, госпожа кралица,
Я охотно бѣ тебѣ услужила:
Дитя глуное у меня не обмыто,
Да и бѣлое не выстирано платье".
„Ничего!" говорила кралица,
Ты снеси только работникамъ завтракъ,
А я твое выстираю платье,
Невѣстка дитя твое обмоетъ".
Нечѣмъ Гойковой женѣ отговориться.
Понесла она работникамъ завтракъ.
Какъ пришла на рѣку, на Бояну,
Увидалъ ее Мрлявчевичъ Гойко.
Разгорѣлось въ немъ ретивое сердце;
Жаль ему вѣрныя любви,
Жаль ему дитяти въ колыбели:
Дитяти мѣсяцъ только миновалъ!
У молодца выступили слезы.
Примѣтивъ то, жена молодая
Къ нему кроткой поступью подходитъ

И тихою рѣчью вѣщаетъ:
Что́ сталося тебѣ, милому другу?
О чемъ ты слезы роняешь?“
Отвѣчаетъ ей Мрлявчевичъ Гойко:
„О горе мнѣ, моя вѣрная любя!
У меня было яблоко золотое;
Оно пало сегодня въ Бояну.
О томъ плачу я, о томъ не утѣшусь!“
— Не кручинься, говоритъ она мужу;
Тебѣ бы только Богъ далъ здоровье,
Сольешь себѣ яблоко и получше.
Тогда жалость имъ пуще овладѣла,
И онъ въ сторону самъ отвернулся,
Чтобъ больше не видать своей милой.
А другіе два брата подскочили,
Два деверя Гойковой молодицы;
Ее взяли за бѣлыя руки.
Повели на закладку основанья.
Они кликнули зодчаго Рада,
Тотъ своихъ работниковъ свываетъ.
Но смѣется тому молодица;
Она думаетъ, шутку съ нею шутятъ.
Поставили ее на закладку,
И всѣ триста работниковъ разомъ
Прикитили каменьевъ и бревенъ,
Обложили ее до колѣна.
Еще-таки смѣется молодица,

Еще думать, что все съ нею шутягъ.
Но тѣ свое дѣло продолжаютъ:
Нанесли каменьевъ и бревенъ,
И до пояса ее обложили.
Гнетуть ее камня и бревна.
Тогда видить, что ей бѣдной готовягъ,
И завопила жалобнымъ воплемъ.
Умоляетъ она деверьевъ милыхъ:
„Не давайте, если Бога боитесь,
Закладывать камнемъ молодую!“
Умоляетъ, но все бесполезно;
Деверья на нее и не смотреть.
Уже ей не до стыда и зазора.
Обращается къ мужу и просить:
„Не давай меня ты милый другъ мой,
Закладывать камнемъ молодую!
Пошли къ моей матушкѣ старой,
У матушки довольно богатства:
Пусть купитъ тебѣ раба иль рабыню,
Чтобъ подъ башню заложить въ основанье.
Умоляетъ, но все безуспѣшно.
Какъ увидѣла злосчастна молодица,
Что всѣ ея просьбы напрасны,
Обращается она къ зодчему Раду:
„Будь мнѣ братомъ по Богу, о зодчій!
Оставь для грудей моихъ оконце,
И высунь мои бѣлыя груди:

Принесутъ какъ если младенца,
Моего несчастнаго Іову,
Пососаль бы дитя моей груди“.
Исполнилъ то желаніе зодчій,
Оставилъ для грудей ея оконце,
И высунулъ ея бѣлыя груди,
Принесутъ когда бѣднаго Іову,
Пососаль бы дитя ея груди.
Опять зодчаго бѣдная просить:
„Будь мнѣ братомъ по Богу, о зодчій,
Оставь еще для глазъ моихъ оконце,
Чтобъ глядѣть, какъ изъ дому будутъ
Приносить ко мнѣ Іову младенца,
И прочь относить когда будутъ“.
И то зодчій желанье исполнилъ;
Оставилъ для глазъ ея оконце,
Чтобъ глядѣла, какъ изъ дому будутъ
Приносить къ ней Іову младенца.
И прочь относить когда будутъ.
И такъ ее въ стѣну заградили.
Приносятъ дитя изъ колыбели,
Она грудью его кормить съ недѣлю,
Черезъ недѣлю голосъ потеряла.
Но младенца еще грудь ея питала;
Цѣлой годъ его той грудью кормили.
Какъ тогда было, такъ и осталось:
Молоко оттоль течеть и понинѣ

Для чуда и для исцѣленья.
У которой жены молока нѣтъ 3).

А. Вестоновъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. *Скадарь* Сербское названіе города Скодры или Скутари въ Албаніи. *Бояна* имя рѣки.

2. *Вила*. Такъ называютъ Сербы баснословное существо, подобное нашей Русалкѣ. Вилы живутъ на высокихъ горахъ и на прибрежныхъ скалахъ. Ихъ воображаютъ молодыми, прекрасными, одѣтыми въ тонкое, бѣлое платье. Долгіе ихъ волосы распущены по плечамъ и по груди. Онѣ не дѣлаютъ зла никому; развѣ только кто ихъ оскорбитъ (наткнувшись на ихъ хороводъ, и т. под.), того онѣ убиваютъ стрѣлами.

3. Издатель Сербскихъ пѣсенъ, Вукъ Стефановичъ, замѣчаетъ, что между земляками его носится молва, будто бы и понынѣ изъ того окошка, гдѣ продѣты были сосцы течетъ какая-то жидкость, сгущающаяся по стѣнѣ въ видѣ известки. Ее носятъ при себѣ и разведенную водою пьютъ женщины. у коихъ нѣтъ молока, или у коихъ болятъ сосцы.

А Л Ь Б О М Ъ .

Альбомъ, какъ жизнь, противорѣчій смѣсь,
Смѣсь добраго, худаго, пустословья:
Здѣсь дружбы дань, тутъ свѣтскаго условия,
Тутъ жаръ любви, тамъ уничанья спѣсь.
Изящное въ немъ наряду съ ничтожнымъ,
Умъ съ глупостью, или истинное съ ложнымъ:
Идей и чувствъ пестрѣтъ маскарадъ;
Все счѣтомъ, все въ обрѣвъ и по наряду;
Частехонько ни складу нѣтъ, ни ладу.
Здѣсь рифмъ наборъ, а тамъ пустой обрядъ.
Какъ въ жизни, такъ неточноль и въ альбомѣ?
Плоды души сжмаетъ свѣтскій ледъ,
Подъ свой аршинъ приличье всѣхъ гнететъ,
И на цѣпи, какъ узникъ въ желтомъ домѣ,
Котораго намъ видѣтъ смѣхъ и жаль,
Иль тотъ звѣрокъ, что къ колесу привязанъ,
Въ одномъ кругу вертѣтся умъ обязанъ
И двигааясь не подвигается въ даль?
Пусть стоимътигъ мнѣ пчелъ альбомныхъ жало,
Но я еще сравненъ имъ припасъ:
Позвн и меда въ жизни мало,
А въ сихъ стихахъ и менѣе подъ часъ.

Къ цвѣтнымъ листкамъ альбомовъ стихъ болт-
ливый

Радъ примѣнить пестрѣющіе дни:
Есть свѣтлые, какъ радуги отливы,
Есть темные, померкшіе въ тѣни!
Какъ на вѣку день на день не придется
И будни велѣдъ за праздникомъ; равно
Въ альбомѣ тоже: здѣсь сердце улыбнется,
А тамъ зѣвнетъ съ разсудкомъ заодно.
Иной листокъ для памяти сердечной
Дороже намъ поэмы долговѣчной,
И день иной намъ памятный, чѣмъ рядъ
Бесплодныхъ лѣтъ, что выдохлись, какъ чадъ.
Счастливъ, кому, по милости Фортуны,
Отсчитанъ день для сердца вѣчно-юный!
Счастливъ и тотъ, чей стихъ, любовь друзей,
Какъ сердца звукъ на сердцѣ отзовется:
Тотъ безъ молвы стотрубной обойдется
И безъ прислугъ журнальныхъ трубачей!
Боясь въ дверяхъ безсмертья душиной давки,
Стремглавъ не рвуся къ ступенямъ книжной

лавки

И счастья жду въ смиренномъ уголкѣ:
Пусть гордый свѣтъ меня купаешь въ Летѣ,
Лишь былъ бы я у дружбы на примѣтѣ
И живъ у васъ на памятномъ листкѣ.

Князь Вяземскій.

Н. И. ГНѢДИЧУ.

Муза вчера мнѣ, пѣвецъ, принесла закоцит-
ную новость:
Въ темный недавно Айдесъ тѣнь Славянина
пришла;
Тамъ, окруженная сонмомъ тѣней любопыт-
ныхъ, пропѣла
(Слушала и древній Омеръ) пѣснь Иліады
твоей.
Старецъ нашъ, къ персямъ вожатаго-юноши
сладко приникнувъ,
Вскрикнулъ: вотъ слава моя, вотъ чего
вѣки я ждалъ!

— Д. —

ОТРЫВКИ

*из второй тиски Евгения Онегина, поэмы
А. Пушкина.*

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна...
Впервые именовъ такимъ
Страницы ибжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И чтожь? Оно пріятно, звучно!
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль дѣвичьей! Мы всё должны
Признаться: вкусу очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ):
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство, больше ничего.

XXV.

И такъ, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной
Не привлекла бъ она очей.

Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Течение сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта,
Съ послушной куклою дитя
Приготавливается шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы даже въ эти годы
Татьяна въ руки не брала,
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою въ темнотѣ ночей
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкій лугъ
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла;
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полюсомъ долѣ обладаетъ

И долѣ въ празднои тишинѣ
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все:
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый;
Но въ книгахъ не видалъ вреда:
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустою игрушкой
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
Владимиръ Ленскій посвятилъ
Сосѣда памятникъ смиренный
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ:

И долго сердцу грустно было.
Роог Уогіск! молвигъ онъ уныло,
Онъ на рукахъ меня держалъ!
Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
Его Очаковской медалью!
Онъ Ольгу прочилъ за меня.
Онъ говорилъ: дождусь ли дня!
И полонъ искренней печалью
Владиміръ тутъ же начерталъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тѣмъ же надписью печальной
Отца и матери въ слезахъ
Почтилъ онъ прахъ патріархальной.
Увы, на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой поколѣнья
По тайной волѣ провидѣнья
Восходятъ, зрѣютъ и падаютъ!
Другія имъ во слѣдъ идутъ.
Такъ наше вѣтреное племя
Ростетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадедовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время:
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ!

XXXIX.

Покаместъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнию, друзья!
Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я.
Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ неприятнаго слѣда
Мнѣ было бь грустно миръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ,
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ,
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Леть не потонетъ
Стрела, слагаемая мной;
Быть можетъ (лестная надежда!)
Уважатъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ
И молвить: то-то былъ поэтъ!

Прими жь мои благодаренья,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранить
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика.

Н А Д П И С Ъ

къ Портрету Лирика.

Потомство! вотъ Петровъ.
Счастливѣйшій поэтъ времянъ Екатерины:
Его герой-исполины,
И самъ онъ по уму и духу былъ таковъ.

ПОДРАЖАНІЕ АРІОСТУ.

(La Virginella è simile alla rosa.)

Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной,
Валелѣиной весной подѣ сѣнію надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастуховъ
Не знаютъ тайнаго сокровища луговъ;
Но вѣтеръ сладостный, но роица благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

Н. Батюшковъ.

НАРВСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Несись съ неукротимымъ гнѣвомъ,
Мятежной влаги властелинъ!
Надъ тишиной окрестной ревомъ
Господствуй, бурный исполинъ!

Жемчужною, кипящей лавой
За валомъ низвергая валъ,
Сердитой, дикой, величавой
Перебегай ступени скаль!

Дождь брызжетъ отъ упорной сшибки
Волны, сразившейся съ волной,
И влажный дымъ, какъ облакъ зыбкій,
Вдали ихъ представляетъ бой.

Все разъяреннѣй, все угрюмѣй
Летишь, какъ геній непогодъ:
Я мыслью погружаюсь въ шумъ
Междоусобно-бурныхъ водъ.

Но какъ вокругъ все безмятежно,
И, утомленная тобой,
Какъ чувства отдыхаютъ нѣжно,
Любуясь сельской тишиной!

Твой ясный берегъ чуждъ смятению,
На немъ цвѣтеть весны краса,
И виѣсть миру и волнению
Свѣтлѣютъ тѣ же небеса

Но ты, созданье тайной бури,
Игралище глухой войны,
Ты не зеркало ихъ лазури,
Вотще блестящей съ вышины.

Противорѣчіе природы,
Подъ грознымъ знаменемъ тревогъ

Въ залогѣ вѣчной непогоды
Ты бытія пріялъ залогъ.

Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный
Одинъ свирѣпствуешь въ глуши,
Какъ вдоль пустыни вихорь знойный,
Какъ страсть въ святилищѣ души.

Какъ ты, внезапно разразится,
Какъ ты, растетъ она въ борьбѣ,
Терзаетъ лоно, гдѣ родится,
И поглощается въ себѣ.

Инязь Вяземскій.

МЫ.

Бѣдные мы! Что нашъ умъ? Сквозь туманъ
озаряющій сакель,
Бурей гонимый нашъ чолнъ по морю бѣд-
ствій и слезъ;
Счастіе наше въ невѣднѣнѣ жалкомъ, въ меч-
тахъ и безумствѣ:
Свѣчку хватаетъ дитя, юноша ищетъ любви.

Баронъ Дельвигъ.

ЭПИТАФІЯ.

Жизнью земною играла она, какъ младенецъ
игрушкой.
Скоро разбила ее: вѣрно утѣшилась тамъ.

Баронъ Дельвигъ.

НА Д П И С Ь.

Взгляни на ликъ холодный сей!
Взгляни, въ немъ жизни нѣтъ!
Но какъ на немъ былихъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!
Такъ ярый гокъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною висить,
Утративъ прежній, грозный ревъ.
Храня движеня видъ.

Е. Баратынскій.

ПОЯСЪ КИПРИДЫ.

Отрывокъ изъ XIV пѣсти Иліады.

Зевсъ, воспретивъ богамъ вспомоцествовать и Ахеямъ и Троянамъ (Шьс. VIII), самъ удалился отъ Олимпа, съѣлъ на Идѣ и отъвернулъ очи отъ Трои (Шьс. XII). Трояне начали одолювать Ахеянъ, отразили отъ города, прогнали къ стѣнѣ, защищающей корабли, пробили стѣну и приступаютъ къ кораблямъ. Посейдонъ, покровитель Ахеянъ, является (Шьс. XIV), вопреки Зевсу, на помѣ битвы и ободряетъ ихъ. Гера, также Ахеямъ благосклонная, увидѣла Посейдона съ Олимпа и чтобы не дать его увидѣть Зевсу и болѣе доставить времени для ободренія Ахеянъ, предпринимаетъ обольстить супруга своимъ и любовію, и для этого спрашиваетъ поясъ у Киприды.

Ст. 153. Гера, царица боговъ златогр
ная, ставъ на Олимпѣ,
Взоръ съ высоты устремила, и быстро боги
ня узнала

Въ брани уже поборавшаго, бой воздвизавшаго славный
Брата и деверя мощнаго: радость проникла ей душу.
Зевса жъ, на высяхъ сѣдящаго Иды, потоками шумной,
Гера узрѣла, и былъ ненавистенъ онъ сердцу богини.
Начала думы вращать волоокая Зевса супруга
Какъ обольстить ей божественный разумъ царя Эгіоха?
Лучшею сердцу богини сія показалася дума:
Зевсу на Идѣ явиться, прелестно себя изукрасивъ.
Можетъ быть, грозный Кронидъ возжелаетъ любви насладиться,
Видя ея красоту; а она и глубокой и сладкой,
Можетъ быть, сонъ проліетъ на зѣницы его и на разумъ.
Гера вошла въ почивальню, которую сынъ ей любезный
Создалъ Гефестъ и плотную дверь укрѣпилъ верями
Съ тайнымъ замкомъ, ни однимъ отъ безсмертныхъ еще не отверстымъ;
Въ оную Гера вступивъ, затворила блестящія двери.

Тамъ амврозической влагой она до малѣй-
шаго праха
Съ тѣла предестнаго смывъ, умастилася ма-
слою чистѣйшимъ,
Сладкимъ, небеснымъ, изящнѣйшимъ всёхъ у
нея ароматоу:
Чуть сотрясали его въ мѣдностѣнномъ Зев-
совомъ домѣ,
Вдругъ до земли и небесъ разливался боже-
ственный запахъ.
Имъ умастившися Гера, густые волосы рас-
чесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистатель-
ныхъ кудрей,
Пышныхъ, небесно-душистыхъ съ безсмерт-
ной главы испустила.
Станъ облекла благовонною ризой, какую
Афина
Ей соткавъ, изукрасила множествомъ дивныхъ
узоровъ.
Ризу золотыми застежками выше грудей за-
стегнула;
Станъ опоясала поясомъ, тьмою бахрому опу-
шеннымъ.
Въ уши прекрасныя серьги, съ тройными под-
вѣсами, вдѣла,

Ярко игравшія: предестъ во всемъ на богинѣ
блистала.

Легкимъ покровомъ главу осѣнила державная
Гера

Пышнымъ, новымъ, которой какъ солнце сі-
ялъ бѣлизною.

Къ свѣтлымъ ногамъ привязала красы веле-
дѣпной плесницы.

Такъ, для очей восхитительнымъ, тѣло укра-
сивъ убранствомъ,

Вышла изъ ложницы Гера и Зевсову дочь
Афродиту

Вдаль отъ собора боговъ отозвала и такъ
говорила:

„Что я скажу, пожелаешь ли, милая дочь,
мнѣ исполнить?

„Или отвергнешь, Киприда, въ душѣ на меня
сокрывая

„Гнѣвъ, что я за Данаевъ, а ты благосклон-
на Троянамъ?

Ей отвѣчала немедленно Зевсова дочь Аф-
родита:

„Гера, богиня верховная, отрасль великаго
Крона!

„Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце
велитъ мнѣ,

„Если исполнить могу я, и если оно исполнимо.

Ей, коварствуя сердцемъ, вѣщала держав-
ная Гера:
„Дай мнѣ любви, Афродита, дай мнѣ тѣхъ
сладкихъ желаній,
„Коими ты покоряешь сердца и безсмертныхъ
и смертныхъ.
„Я отхожу далеко, на предѣлы земли много-
дарной,
„Видѣть безсмертныхъ отца Океана и мать
Тееису.
„Боги питали меня и лелеяли въ собствен-
номъ домѣ,
„Юную взявши отъ Реи, какъ Зевсъ непре-
дѣльно гремѣщій
„Крона подѣ землю низвергъ и подѣ волны
безплоднаго моря.
„Ихъ я иду посѣтить, чтобъ раздоры жесто-
кіе кончить.
„Долго, бездѣнные сердцу, объятій и брачна-
го ложа
„Долго чуждаются боги: вражда имъ всели-
лася въ души.
„Если родителей я примирю моими словами,
„Если на одрѣ возведу, чтобы вновь сочета-
лись любовью,
„Вѣчно остануся я и любезной для нихъ и
почтенной.

Ей, улыбаясь плѣнительно, вновь отвѣчала
Киприда:
„Миѣ не возможно, не должно твоихъ отвер-
гать убѣжденій:
„Ты почиваешь въ объятіяхъ бога всемоц-
наго, Зевса“.
Такъ говоря, развѣшила на персяхъ, иглой
изпещренный,
Поясъ узорчатый; всё обаянія въ немъ за-
ключались:
Въ немъ и любовь и желанія, шопоть любви,
обольщеній
Сладкія рѣчи, не разъ уловлявшія умъ и
разумныхъ;
Герѣ его подала и такія слова говорила:
„Вотъ мой поясъ узорный; на лонѣ сокрой
его, Гера!
„Въ немъ заключается все; и въ чертоги
Олимпа, богиня,
„Ты не придешь, не исполнивши пламенныхъ
сердца желаній“.
Такъ изрекла; улыбнулась лилейно-рамен-
ная Гера,
И съ улыбкой сокрыла блистательный поясъ
на лонѣ.
Къ сонму боговъ возвратилася Зевсова дочь
Афродита

Гера же, вдругъ устремившись, оставила вы-
си Олимпа,
Вдругъ пролетѣла Пиріи холмы, Эмаѳіи доли,
Быстро промчалась надъ снѣжными конныхъ
Фракіянъ горами,
Выше утесовъ паря и стопами земли не ка-
саясь;
Съ гордой Аѳоса вершины сошла на волни-
стое море;
Тамъ испустилася въ Лемнѣ, Фоасовомъ гра-
дѣ священномъ;
Тамъ со Сномъ повстрѣчалася, братомъ воз-
любленнымъ Смерти;
За руку бога взяла, называла и такъ гово-
рила:
„Сонъ, повелитель всѣхъ небожителей,
всѣхъ земнородныхъ!
„Если когда либо слово мое исполнялъ ты
охотно,
„Нынѣ исполни еще: благодарности моя без-
предѣльна.
„Сонъ, усыпи для меня Громодержцевы ясныя
очи
„Въ самый тотъ мигъ, какъ на ложѣ прину-
я въ объятія бога.
Въ даръ отъ меня ты получишь троиъ ве-
лѣпный, неглѣпный,

„Златомъ сіяющій: сынъ мой, художникъ, Ге-
фестъ хромоногій,

„Самъ для тебя сотворить и подножіемъ ныш-
нымъ украсить,

„Нѣжныя ноги тебѣ на пиршествахъ слад-
кихъ покоить“.

Геръ державной не медля отвѣтствовалъ
Сонъ усладитель:

„Гера, богиня верховная, отрасль великаго
Крона!

„Каждого я изъ боговъ, населяющихъ небо и
землю,

„Сномъ одолѣю легко; усмлю я и самыя
волны

„Древней рѣки Океана, отъ коего все про-
исходитъ.

„Къ Кронову жъ сыну царю и приблизиться
я не посмѣю,

„Въ сонъ не введу Громодержца, поколѣ не
самъ повелитъ онъ.

„Помню, меня онъ и древла своей образумилъ
грозою.

„Въ день, какъ возвышенный духомъ Ге-
раклъ, порожденный Зевесомъ,

„Плылъ отъ береговъ Иліона, Троянскаго гра-
да рушитель:

„Въ оный я день обаялъ Эгіоха всеильнаго
рауумъ,

„Сладко разлившися; ты жь устроила напа-
сти Гераклу;

Ты неистовыхъ вѣтровъ воздвигнула бурю
на море;

„Сына его далеко отъ друзей, далеко отъ от-
чины;

„Бросила къ берегу Кооса. Восприянуль Кро-
нидъ, и грозою

„Всѣхъ Олимпійскихъ рассыпалъ по небу;
меня наипаче

„Гнѣвный искалъ, и на гибель съ эфира за-
бросилъ бы въ море.

„Еслибы Ночь не спасла, и безсмертныхъ и
смертныхъ царица.

„Къ ней я, спасаясь, прибѣгъ. Укротился
какъ ни былъ разгнѣванъ.

„Зевсъ молнелюбець: священную Ночь оскор-
бить онъ страшился.

„Ты же велишь мнѣ опять посягнуть на опас-
ное дѣло“.

Вновь говорила ему волоокая Гера богиня:
„Сонъ усладитель, почто безпокойныя мысли
питаешь?

„Или ты думаешь, будетъ Трояпъ защищать
Громовержець

„Такъ же, какъ въ гнѣвѣ своемъ защищалъ
онъ любезнаго сына?

„Шествуй, тебѣ въ благодарность юнѣйшую
дамъ я Хариту;

„Ты обоймешь наконецъ, назовешь ты своею
супругой

„Ту Пазиею, по коей давно ты всѣ дни воз-
дыхаешь“.

Такъ изрекла, и отвѣтствовалъ Сонъ, вос-
хищенный обѣтомъ:

„Гера, кланись ненарушимой клятвою, Стик-
са водою;

„Руки простири и коснися, одною земли мно-
годарной,

„Свѣтлаго моря другою, да будутъ свидѣтели
клятвы

„Всѣ преисподніе боги, присущіе древнему
Крону:

„Ими кланися, что мнѣ ты супругой младую
Хариту

„Дашь Пазиею, по коей давно я всѣ дни воз-
дыхаю“.

Рекъ, и ему покорилась лилейно-раменная
Гера;

Руки простерши, клялась, и какъ онъ повелѣлъ
призывала

Всѣхъ преисподнихъ боговъ, Титанами въ
миръ зовомыхъ.
Ими клядася, и страшную клятву едва совер-
шила,
Оба взвились и оставили Ибра и Лемна
предѣлы;
Оба, одѣтые облакомъ, быстро по воздуху
мчались.
Скоро увидѣли Иду, звѣрей многоводную ма-
терь;
Около Лекта, оставивши понть, божества надъ
землею
Быстро текли, и отъ стопъ ихъ дубравъ по-
трясались вершины.
Тамъ разлучилися. Сонъ, отъ Кронидовыхъ
взоровъ таяся,
Сѣлъ на огромнѣйшей ели, какая въ то вре-
мя на Идѣ
Высшая, гордой главою сквозь воздухъ въ
зеиръ уходила.
Тамъ онъ сидѣлъ, укрываясь подъ мрачными
вѣтвями ели,
Птицѣ подобая звонкоголосой, виталицѣ гор-
ной,
Въ сонмѣ безсмертныхъ слывущей Халкидой,
у смертныхъ Киминдой.

Гера владычица быстро входила на Гар-
гаръ высокій,
Иды горы на вершину. Богию узрѣлъ Туче-
чеводецъ.
Только узрѣлъ, и мудрую душу загло вож-
дѣленье,
Тѣмъ же огнемъ, съ какимъ наслаждался онъ
первой любовью,
Первымъ супружескимъ ложемъ. отъ милыхъ
родителей тайнымъ.
Встрѣчу супругѣ возсталъ Тучеводецъ и бы-
стро воскликнулъ:
„Гера супруга! Почто же ты шествуешь такъ
отъ Олимпа?
„Я ни коней при тебѣ, ни златой колесницы
не вижу.
Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала держав-
ная Гера:
„Я отхожу, о супругъ мой, къ предѣламъ
земли даровитой,
„Видѣть безсмертныхъ отца Океана и матеръ
Теѳису.
.
„Кони при мнѣ, у подошвы обильной пого-
ками Иды,
„Ждутъ, и оттолѣ меня и по сушѣ помчатъ
я по влагѣ.

„Но сюда я, Кронидъ, прихожу для тебя отъ
Олимпа:

„Ты бѣ на меня, о супругъ, не разгнѣвался,
если безмолвно
„Въ домъ отойду Океана, глубокія льющаго
воды“.

Быстро, ее прерывая, отвѣтствовала тучъ
воздыматель:

„Гера супруга, идти къ Океану и послѣ ты
можешь;

„Нынѣ почиемъ съ тобой и взаимной любви
насладимся.

„Гера, такая любовь никогда ни къ богинѣ,
ни къ смертной

„Въ грудь не вливалась мнѣ и душою моею
не владѣла.

.....
„Полный къ тебѣ я любви, вождѣленіемъ слад-
кимъ пылаю“.

Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала дер-
жавная Гера:

„Страшный Кроніонъ! Какія ты рѣчи, суро-
вый, вѣщаешь?

„Здѣсь ты желаешь почить и объятій любви
насладиться,

„Здѣсь, на вершинѣ Идейской, гдѣ все для
езоровъ открыто?

„Что жъ? И случится то можетъ, если ка-
кой изъ безсмертныхъ
„Насъ почившихъ примѣтитъ и всѣмъ, на-
селяющимъ небо
„Злобный укажетъ! Никакъ не дерзну я. воз-
ставшая съ ложа,
„Въ домѣ твоёмъ Олимпійскомъ явится: по-
зорно мнѣ будетъ.
„Если желаешь и если твоей душѣ то пріятно,
„Есть у тебя почивальня, которую пышно
устроилъ
„Сынъ твой любезной и плотную дверь укрѣ-
пилъ верями.
„Въ одной почить удалимся, когда ты желаешь
покоя“.
Герфъ быстро отвѣтствовалъ тучъ воздыма-
тель Кроніонъ:
„Гера супруга! Ни богъ, на меня положися.
ни смертный
„Насъ не увидитъ: такой надъ тобою кру-
гомъ я раскину
„Облакъ златой; сквозь него не проглянетъ
ни самое солнце,
„Чье лучезарное око все проникаетъ и видитъ“.
Рекъ и въ объятія сильныя Зевсъ заклю-
чаетъ супругу.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Я мраченъ, дикъ, людей бѣгу.
Хотѣлъ бы иногда ихъ видѣть;
Но я не долженъ, не могу:
Боюсь друзей возненавидѣть.

Не смѣю никого обнять,
На чьей нибудь забыться груди:
Мнѣ тяжело вспоминать,
Мнѣ страшно думать: это люди!

Плетневъ.

СТАНСЫ

КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГНѢДИЧУ.

(На Кавказъ и Крымъ).

Мечтатель пламенный, любимецъ вдохно-
венья,
Звучить ли на горахъ волшебный лиры гласъ?
Хіоскаго слѣпца внималъ ли пѣснопѣнья
Восторженный Кавказъ?

Ты зрѣлъ. съ какой красой власть чудныя
природы
Громады дикихъ скалъ вѣнчаетъ яркимъ
льдомъ,
Какъ благодатныя въ долинахъ хлещутъ
воды
Кипучимъ серебромъ!

Тамъ въ синихъ небесахъ снѣги вершинъ
сіяютъ.
Надъ безднами виситъ пурпурный виноградъ,
И тучи подъ тобой клубяся застилаютъ.
Ревущій водопадъ.

Ты видишь, между скалъ какъ дыше:ль
горный житель,
Черкесь, отважный другъ свободы и коня,
Тамъ, гдѣ прикованъ былъ къ утесу похи-
титель

Небеснаго огня!

Но долъ роковой Титанъ не покорился,
Лишь Громовержца онъ надменно укорялъ;
Страдальцу гордому разгнѣванный дивился,
И громъ въ рукѣ дрожалъ.

Иль, другъ, уже теперь въ объятяхъ ти-
хой лѣни
Вечернею зарей ты смотришь на Салгиръ.
На сладострастныхъ Таврическихъ сѣни,
На радужный зѣиръ.

Тамъ сѣверный пѣвецъ въ садахъ Бахчи-
сарая
Задумчиво бродилъ, мечтами окруженъ;
Тамъ въ сумракѣ предъ нимъ мелькнула тѣнь
младая,
И струнъ раздался звонъ.

Ты слышалъ, какъ фонтанъ шумить во
тмѣ полночной,
Какъ пламенно поетъ надъ розой соловей!

Но сладостный фонтанъ и соловей восточной
Не слаще, не звучнѣй.

Быть можетъ, давнихъ дней воспоминанья
полный,
И видя, какъ суда несутся по зыбямъ,
Ты душой тайною стремишься черезъ волны
Къ далекимъ берегамъ,

Чьи башни гордыя съ двурогими лунами
Къ лазурнымъ небесамъ такъ дерзко вознес-
лись,
Гдѣ плещетъ Геллеспонтъ, гдѣ дремяють надъ
струями
И миртъ и кипарисъ?

Въ ихъ темной зелени на лонѣ водъ бѣ-
лѣетъ
Гаремъ съ рѣшетками и кровлей золотой,
И нѣжный ароматъ отъ розъ огнистыхъ вѣетъ
Съ прохладою ночной.

Ахъ, ясный неба сводъ и шумъ валовъ сре-
бристыхъ,
И розы пышныя, и мирные лѣса,
И нѣга томная ночей твоихъ душистыхъ,
И дѣвъ твоихъ краса,

Ничто, прелестный край, ничто народъ су-
ровый
Не въ силахъ укротить; онъ съ каждымъ
днемъ грознѣй:
И мчатъ твоимъ сынамъ и гибель и оковы
Армады кораблей.

Но мечъ, свободы мечъ, блеснулъ ужаснымъ
блескомъ;
Съ нимъ Богъ, ужъ онъ разить враговъ род-
ной земли,
И, огненнымъ столбомъ взлетая къ небу, съ
трескомъ
Пылаютъ корабли.

Ихъ пламень освѣтилъ пучину роковую,
И рдѣтъ зарево во мракѣ черныхъ тучъ,
И вѣщаго пѣвца на урну гробовую
Упалъ багровый лучъ.

Иванъ Козловъ.

О Т Р Ы В К И

Изъ Персидской повѣсти: Орсанъ и Леила.

Преданье было въ Испаганѣ,
Что души праведныхъ царей
И всѣхъ умершихъ въ царскомъ санѣ,
Въ часъ обновленія луны,
Исходятъ изъ гробницы мирной
Въ врата съ восточныя страны,
Одѣты ризою ээирной,
Съ луной по небесамъ плывутъ
Въ предѣль безоблачнаго края:
И Персы тѣ врата зовутъ
Вратами радостнаго рая.

Быство Орсана и Леилы.

.....
..... Воцарилась
Въ мѣстахъ пустынныхъ тишина,
И златорогая луна
На краѣ неба появилась;

Плыветь, и вотъ она горить
Средь проясненнаго полсвода;
Предъ ней въ сѣяніи лежитъ
Уже уснувшая природа.
И, къ страху Мавровъ, надъ дворцомъ
Вотъ мѣсяць, блѣдный и печальной,
Повисъ, какъ въ сумракѣ ночномъ
Надъ гробомъ свѣточъ погребальной.
Разверзлись райскія врата,
Двѣ тѣни въ дымѣ вылетаютъ.
Видѣній младость, красота
Арабовъ очи ослѣпляютъ.
Отъ ихъ воздушныхъ, свѣтлыхъ ризъ
Яминовъ сладкій запахъ вѣетъ;
Ихъ чела юный кипарисъ
Листами свѣжими лелѣетъ;
Промчались... скрылись... аромѣтъ
Остался слѣдомъ ихъ явленья:
Полмертвы, блѣдны, безъ движенія,
Во прахѣ войны лежатъ.

Пл. Ободовскій.

ВЕЧЕРЬ.

(Из Шиллера).

Скройся, богъ свѣта! Нивы желаютъ
Влаги прохладной; смертный унылъ;
Медленно идутъ томные коня:
Скройся, богъ свѣта, въ струяхъ!

Зри, кто изъ моря въ волны кристалны
Съ милой улыбкой друга манить!
Быстро помчались грозные кони
Въ царство богини морей!

Къ персямъ прекрасной Фебъ наклонился;
Править браздами юный Амуръ;
Богу послушны гордые кони,
Плещутся рѣзво въ струяхъ.

Съ звѣзднаго неба легкой стопою
Ночь придетъла, съ нею любовь.
Фебъ почиваетъ въ нѣгѣ роскошной:
Спите въ объятяхъ любви!

С. Шевыревъ.

*

КЪ УВЯДАЮЩЕЙ КРАСАВИЦЪ.

Взгляните на нее! Смиренье
И кротость на ея челъ:
Она и Бога и творенье
Могла прославить на землѣ.
Взгляните на нее! Какъ нѣжно
Въ сихъ угасающихъ очахъ,
Въ ея улыбкѣ безнадежной
Видна утрата лучшихъ благъ
И скорбь души безъ упованья!
Такъ въ зимній хладный день одна
На блѣдномъ сводѣ безъ сіянья
Стоитъ безцвѣтная луна.

Ө. Туманской.

МОЛИТВА.

Благослови, всеильный Боже,
Ея полунощный покой!
Алтарь невинности святой
Есть непорочной дѣвы ложе.
Къ нему до утра призови
Съ толпой счастливыхъ сновидѣній
Мечту небесную любви,
Восторги чистыхъ наслажденій!
Да безмятежно въ сладкомъ снѣ
Играеть съ ней веселость таже,
И у возглавья въ тишинѣ
Поставь къ ней Ангела на стражѣ!

Ө. Туманской.

ТРИ СЛѢПЦА.

Судьбой на всѣ страны земныя
Постановленъ одинъ законъ;
Вселенной правятъ три слѣпца:
Фортуна, Смерть и Купидонъ.
Жизнь наша пирь: съ привѣтной лаской
Фортуна отворяетъ заль,
Амуръ распоряжаетъ пляской,
Приходить Смерть, и конченъ балъ.

А. Иличевскій.

НАДПИСЬ КЪ ИСТОЧНИКУ.

Прозрачнаго сего ручья
Всегда спокойны. тихи воды.
Не такъ ли льется жизнь твоя,
Другъ мудрости и другъ природы!

А. Иличевскій.

Н. Н., ПОДНОСЯ ЕЙ ЯБЛОКО.

Я выбранъ, какъ Паридъ, судьей;
Ты торжествуешь, какъ Киприда.
Рѣшилъ не хуже я Парида,
Заплатишь ли подобно ей?

А. Иличевскій.

КНЯЖНЪ С. Р — ЛЬ.

Твоя безоблачная младость
Цвѣтетъ плѣнительной красой;
Ты улыбаешься какъ радость,
Ясна и взоромъ и душой,

Рукой ли бѣлой и послушной
По звонкимъ струнамъ пробѣжишь,
Иль стройно въ рѣзвости воздушной
Кружишься, вьешься и летишь:

Ты радугой горишь предъ нами;
Она такъ блещетъ лѣтнимъ днемъ
И разноцвѣтными огнями
Играетъ въ небѣ голубомъ.

Но въ тѣ часы, какъ ты снимаешь
Вѣнокъ изъ розовыхъ цвѣтовъ
И съ милой томностью внимаешь
Мечтамъ задумчивыхъ пѣвцовъ;

Какъ ты, младенческой душою.
Участница въ чужихъ бѣдахъ,
Грустишь невинною тоскою,
И слезы ангела въ очахъ:

О, такъ въ саду рососою чистой
Лилея нѣжная блеститъ,
Когда луна цвѣтокъ душистой
Сіянемъ томнымъ серебритъ!

И. Козловъ.

Р. С. Такъ въ привидѣнны идеала
Ему представилася ты:
И кисть поэта срисовала
Твои воздушныя черты.

Его потухнувшія очи
Печальною покрыты мглой;
Но и во мракѣ тяжелой ночи
Онъ видѣлъ ясно образъ твой.

Еще онъ видитъ, что прекрасно.
Какъ мы на темныхъ небесахъ
Осенней ночью мѣсяцъ ясной
Видаемъ въ тонкихъ облакахъ.

Плетневъ.

**СТЕПНАЯ ЖИЗНЬ. ВОСПОМИНАНІЯ. ПО-
ХОДЪ.**

Пространны здѣсь сухія степи;
Онѣ синѣютъ въ далекѣ;
Кургановъ закругленныхъ цѣпи
Мѣстами тянутся къ рѣкѣ...
Здѣсь широки разливы Буга.
Сюда далекая подруга,
Рѣка степей, къ нему спѣшитъ
И, съ нимъ обнявшись, кипитъ
Въ однихъ брегахъ его пологихъ...
Сюда сбѣжались три дороги;
Здѣсь трехъ границъ была черта:
Здѣсь Турки свой табакъ курили,
И противъ гордой Польской мили
Торчала Русская верста.
Теперь все тишь и пустота,
И нѣтъ уже границъ здѣсь больше.
Какъ мнѣ не помнить милой Польши?
Давно ль, полуродимый край,
Мы у тебя, какъ дома, жили,
Младыхъ дѣвицъ твоихъ хвалили
И пили старый твой токай!...
Любовь играла съ нами въ жмурки;

Мнѣ памятны твои мазурки,
И пляска Краковятскихъ торъ,
И дѣвъ твоихъ Сарматскихъ очи,
Ихъ легкой станъ, ихъ свѣтлой взоръ...
Меня и сновидѣнья ночи
Манять твоею красотой:
Я долго ею утѣшаюсь
И неохотно пробуждаюсь,
Гонясь за сладкою мечтой.
О время, время дорогое!...
Но тутъ въ глазахъ совсѣмъ другое!...
Плыветъ пустынная рѣка.....
На знойной выси поднебесной
И на долинѣ бездревесной
Все тихо... только свистъ сурка,
Тоскливый откликъ кулика,
Иль крикъ намазаной телѣги
Тревожатъ мой заснувшій слухъ,
Привыкшій къ звукамъ сладкой нѣги...
Но онъ красивъ, широкій Бугъ,
Когда играетъ въ немъ денница,
Или огнистая зарница
Бѣжитъ по дремлющимъ волнамъ....
Тутъ миловидно по ночамъ
Огни у пастырей пылають,
И вдругъ, на крикъ сторожевой,
Станицы псовъ степныхъ залають....

Чу... слышенъ отзывъ боевой,
И прочь тоска и сердца раны...
Гремятъ знакомымъ барабаны,
Свѣтлѣють въ линіи штыки...
То наши Русскіе полки
Идутъ путемъ на Дубосары.
Походъ... Несутъ грозу и кары
На Турка задунайскихъ странъ,
Чтобъ запалить тамъ битвы пламя
И Русское святое знамя
Поставить смѣло на Балканъ.

В. Глинна.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

Ц Ы Г А Н Ы.

Старикъ.

Ты любишь насъ, хотъ и рождень
Среди богатаго народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ пріучень.
Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье;
Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье.
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
И голось, шуму водъ подобной.
И полюбили всѣ его.
И жилъ онъ на берегахъ Дуная,
Не оскорбляя никого,
Людей рассказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти:
Чужіе люди за него

Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти.
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Они святаго старика
Пушистой кожей покрывали;
Но онъ къ печалямъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдной,
И говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье.
Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье.
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
И горьки слезы проливалъ,
Свой дальный градъ вспоминая;
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на Югъ перенесли
Его тоскующія кости
И смертью чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.

Ласко.

Такъ, вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о дивная держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава:

Минутный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или, подь сѣнью дымной кущи,
Цыгана дикаго разсказъ.

Александръ Пушкинъ.

СЕМЬ ПЯТНИЦЪ НА НЕДѢЛѢ.

Дея черныи *пятница*: кричить
Намъ суевѣръ, покорный страху,
И повѣряетъ жизни быть
По Брюсовскому альманаху.
Счастливицу каждый день хорошъ!
Но кто у счастья въ черномъ тѣлѣ,
По неудачамъ тотъ и сплошь
Сочтеть семь пятницъ на недѣлѣ.

„Ужъ былъ я въ пятницу дуракъ!“
Какъ будто въ пятницу? „Какъ въ ящикъ,
Меня упрятали въ просакъ
Жена, пріятель и прикащикъ!“
Мой другъ, нейдетъ попытка въ счётъ:
Баръ многихъ вижу я отселѣ;
У копъ дома круглый годъ
Твоихъ семь пятницъ на недѣлѣ.

„Женюсь! Нѣтъ, путь женатыхъ скользкъ.
Подамъ въ отставку! Нѣтъ, ни слова!
Въ Парижъ поѣду! Нѣтъ, въ Тобольскъ!
Прочту Сенеку! Нѣтъ, Графова!“
Такъ завсегда по колесу
Вертятся мысли въ пустомелѣ;
Вотъ, что зовется: на часу
Имѣть семь пятницъ на недѣлѣ.

Устроивъ флюгеръ изъ пера,
Иной такъ пишетъ, какъ подуетъ:
У тѣхъ, на коихъ вралъ вчера,
Сегодня ножки онъ цѣлуеъ.
Флюгаринъ, иль Фигляринъ, тотъ
Набилъ ужъ руку въ этомъ дѣлѣ:
Онъ и семь совѣстей сочтетъ,
Да и семь пятницъ на недѣлѣ.

У должниковъ и знатныхъ баръ
Дню *нынѣ завтра* не намѣстникъ:
День *завтра* часто очень старъ,
И не упомнишь, чей ровесникъ;
Онъ день отмѣнный, и сравню
Его я съ первымъ днемъ въ апрѣлѣ:
Кто вѣрить завтрашнему дню,
Тотъ знай семь пятницъ на недѣлѣ.

„Эрнестъ въ бреду: вдругъ слезы леть,
Вдругъ пляшетъ; то клянеть, то молить,
То волоса съ себя дереть,
То онъ ихъ въ кудри вьетъ и холить!“
Сей бредъ по имени зови,
Когда слыхалъ о хитромъ Лелѣ;
Эрнестъ влюбленъ, а у любви
Всегда семь пятницъ на недѣлѣ.

Семь пирамидъ, семь мудрецовъ
И семь чудесъ намъ древность славить,
Владыкѣ снилось семь коровъ,
Римъ семь холмовъ подошвой давить,
Семь городовъ входили въ споръ
О славной Грекамъ колыбелѣ,
Да и вездѣ, какъ на подборъ
Семь пятницъ на одной недѣлѣ.

Иригнали въ пятницу меня
Къ брегамъ попутныя желанья:
Друзья, изъ буднишняго дня
Будь праздникъ свѣтлаго свиданья!
Играй вино на чистомъ днѣ,
Какъ кровь играетъ въ юномъ тѣлѣ!
О небо, вѣкъ даруй ты мнѣ
Такихъ семь пятницъ на недѣлѣ.

Няязъ Вяземскій.

Л У Н А.

Я вечеромъ съ трубкой сидѣлъ у окна;
Печально глядѣла въ окошко луна;
Я слышалъ: потоки шумѣли вдали;
Я видѣлъ: на холмы туманы легли.
Въ душѣ замутилось, я дико вздрогнулъ,
Я прошлое живо душой вспомнулъ!
Въ серебряномъ блескѣ вечернихъ лучей
Явилась мнѣ Лила, веселье очей.
Какъ прежде, шепнула коварная мнѣ:
Быть вѣчно твоею клянуся лунѣ.
Какъ прежде, за тучи луна уплыла,
И насъ разлучила невѣрная мгла.
Изъ трубки я выдулъ сгорѣвшій табакъ,
Вдохнулъ и на брови надвинулъ колпакъ.

— Д —

КЪ ЛИДЪ.

Подражаніе К. Галлу.

Лида, веселье очей распаленныхъ,
Зависть и чудо красотъ несравненныхъ,
Лида, ты лидій восточныхъ бѣлѣй,
Розы румянѣй, ясмина нѣжнѣй;
Мнѣтъ предъ тобою двухъ жизней мнѣ мало...
Дѣва восторговъ, сними покрывало;
Дай насмотрѣться на злато кудрей,
Дай мнѣ насытить несытость очей
Шей и плечъ снѣговой бѣлизною;
Дай надивиться бровей красотою,
Дай полелѣяться взорамъ моимъ
Отцвѣтомъ розъ на ланитахъ живымъ.
Нѣжся взоромъ на взорѣ прелестномъ,
Я утонулъ бы въ восторгѣ небесномъ,
Съ длинныхъ рѣсницъ не спустилъ бы очей:
Лида, сними покрывало скорѣй:
Скромный хранитель красотъ, покрывало,
Не хотя кудри оставя, упало;
Млѣю, пылаю, дивлюсь красотамъ...
Лида, скорѣе устами къ устами!
Жалокъ и мигъ пролетѣвшій напрасно,
Дай поцѣлуй голубицы мнѣ страстной...

Сладокъ мнѣ твой поцѣлуй огневой:
Лида, онъ слился съ моею душой...
 Полно же, полно, о дѣва любви!
Дай усмириться волненію крови;
Твой поцѣлуй, какъ дыханье боговъ,
Въ сердце вливаетъ чистѣйшую кровь...
Дымка слетѣла, и груди перловы
Вскрылись, и вскрыли элизій мнѣ новый.
Сладко... дыханіе нарда и розъ
Въ воздухѣ тонкомъ отъ нихъ разлилось.
Тихій ихъ трепеть, роскошныя волны
Жизнью несмертной, небесною полны.
Лида, о Лида, набрось поскорѣй
Дымку на перлы живые грудей;
Въ нихъ неземное бѣненъ, движенъе,
Съ нихъ утомленный я пью истощенъе.
Лида, накинь покрывало на грудь,
Дай мнѣ отъ роскоши нѣгъ отдохнуть!

Ранчъ.

КЪ МНИМОЙ СЧАСТЛИВИЦЪ.

Мнѣ грустно, на тебя смотря;
Твоя не вѣрится мнѣ радость,
И розами твоя увѣчанная младость
Есть дня холоднаго блестящая заря.

Нѣтъ прозаическаго счастья
Для поэтической души:
Поэзіей любви дни наши хороши,
А ты чужда ея святаго сладострастья.

Нѣтъ, нѣтъ: онъ не любимъ тобой;
Нѣтъ, нѣтъ: любить его не можешь,
Въ стихіи спорныя одно движенье вложишь,
Съ фальшивымъ вѣрнымъ звукомъ сольешь въ
согласный строй.

Насильствомъ хитраго искусства
Стѣсненная творить природа чудеса,
Но не позволять небеса,
Чтобъ предрасудковъ власть уравнивала
чувства.

Сердцамъ избраннымъ данъ языкъ.
Непосвященному невнятной:

Кто въ таинства его съ рожденья не проникъ,
Тотъ не постигнетъ ихъ награды благодатной.

Гдѣ въ двухъ сердцахъ нѣтъ тайнаго сред-
ства,
Повѣрья общаго, сочувствія, понятя:
Тамъ холодны любви права,
Тамъ холодны любви объятя!

Товарищи въ земномъ плѣну житейскихъ
узъ,
Другъ другу чужды вы вѣ роковаго круга:
Не промышля вась берегъ и прочиль другъ
для друга,
Но свѣта произволь вамъ наложилъ союзъ.

Я знаю, ты не лицеѣришь;
Какъ свѣжая роса, душа твоя свѣтла;
Но суевѣрная разумку слѣпо вѣришь
И сердце на его поруку отдала.

Ты вѣришь, что, какъ честь, насильствен-
нымъ обѣтомъ
И сердце вольное нетрудно обложить
И что ему подъ добровольнымъ гнетомъ
Долгъ можетъ счастье замѣнить!

О женщины, какой мудрецъ васъ разга-
даетъ?
Въ васъ двѣ природы, въ васъ два спорить
существа.

Въ васъ часто любить голова,
И часто сердце разсуждаетъ.

Но силой ли души, иль слѣпотою почестъ,
Когда вы жизни сей, дарами столь убогой,
Надежды лучшія дерзаете принести
На жертвенникъ обязанности строгой?

Что къ отреченью васъ влечетъ? Какая
власть
Васъ счастья призракомъ дарить на плахѣ
счастья?

Смиренья ль чистаго возвышенная страсть,
Иль безмятежный сонъ холоднаго безстрастья?

Вы совершеннѣй ли, иль хладнокровнѣй
васъ?

Вы жизни выше ли, иль какъ въ избранный
камень

Отъ Пигмальноновой любви, равно и въ васъ
Ударить долженъ чистый пламень?

Иль, въ тяжбѣ съ обществомъ и съ силою
въ борьбѣ,
Страшась испытывать игру превратныхъ
долей.

Заранѣ ищите убѣжища себѣ
Въ благоразумьи и неволѣ?

Умѣренность расчесть: когда начнутъ отъ
лѣтъ
Умъ болѣ повѣрять, а сердце менѣй вѣрять;
Необходимостью свои желанья мѣрять
Намъ и природы гласъ и опыта совѣтъ.

Но въ возрастъ тотъ, когда печальныхъ
истинъ свитокъ
Въ мерцаньи радужномъ еще сокрытъ отъ
насъ,
Для сердца жаднаго и самый благъ избытокъ
Есть недостаточный запасъ.

А ты, разбивъ сосудъ волшебной
И съ жизни оборвавъ поэзіи цвѣты,
Чѣмъ сердце обольстишь, когда рукой враж-
дебной
Сердечный міръ разворожила ты?

Есть къ счастью выдержка въ долинѣ золь
и плача,
Но въ свѣтъ заброшенный небесный сей за-
логъ,
Не положительный извѣстныхъ благъ итогъ
Не алгеброй ума рѣшенная задача.

Нѣтъ, вдохновеніемъ дается счастье намъ
Какъ искра творчества живой душѣ поэта,
Какъ розѣ свѣжій еиіамъ,
Какъ нѣга звучная пѣвцу любви и лѣта.

И горе смертному, который въ слѣпотѣ
Взысканьямъ общества сей вышній даръ
уступить,
Иль, робко жертвуя приличью и тщетѣ,
Земныя выгоды его цѣною купить.

Мнѣ грустно, на тебя смотря;
Твоя не вѣрится мнѣ радость,
И розами твоя увѣнчанная младость
Есть дня холоднаго блестящая заря.

Съ полудня свѣтлаго переселенецъ милой,
Цвѣтокъ, предчувствіе о лучшей сторонѣ,
Къ растенью Сѣвера привитый гнѣвной силой
Цвѣтеть не радостно, тоскуя по веснѣ.

Иль, жертва долгая минуты ослѣпленья,
Младая Пери, дочь воздушныя семьи,
Изъ чаши благъ земныхъ не почерпнетъ заб-
венья
Обѣтованныхъ ей восторговъ и любви.

Любуйся тишиной подь небомъ безмятеж-
нымъ,
Но хладъ разсудка, хладъ до сердца не про-
никъ;
Въ немъ пламень не потухъ: такъ подь убо-
ромъ снѣжнымъ
Кипитъ невидимо земныхъ огней тайникъ.

Въ сердечномъ забытьи, а не во снѣ спо-
койномъ,
Еще таишь въ себѣ мятежныхъ думъ слѣды,
Еще тоскуешь ты о буряхъ, небѣ знойномъ:
Подь коимъ зрѣютъ въ насъ душевные плоды.

Завидуя мученьямъ милымъ
И бурнымъ радостямъ, невѣдомымъ тебѣ,
Хотѣла бѣ жертвовать ты счастьемъ посты-
лымъ

Страстей волненью и борьбѣ.

Князь Вяземскій.

СТРѢЛКИ.

Басня.

„Что у тебя, братъ, глазъ завязанъ?“
За шалость я свою наказанъ.
„Какъ?“ Отличиться захотѣлъ
И окривѣлъ.
„Какимъ же образомъ?“ Стрѣлялся,
Да вотъ безъ глаза и остался.
„Съ гѣмъ?“ Съ Джономъ Портеромъ. „О
знаю молодца:
Не тратить попусту свинца.“
Да такъ ли я, какъ онъ, стрѣляю?
Я въ десяти шагахъ въ тузъ пулей попадаю.
Прицѣлился ему примеховько я въ лобъ...
Хлопъ!
„Убилъ его? Онъ повалился?..“
Нѣтъ, милый, нѣтъ:
Вдругъ разорвало пистолетъ.
Вотъ, грѣхъ какой случился!
А онъ и радъ тому, спустилъ курокъ тотчасъ
И пулю посадилъ мнѣ въ глазъ.
Ужъ есть чѣмъ хвастаться! Въ три четверти
аршина
Былъ пистолетъ его! Вѣдь экая машина!

И пистолеть при томъ какой?
Прекрасный! Въ Англии сто фунтовъ стоитъ
пара.

А у меня дрянной такой,
И тотъ взялъ, знаешь ли, у козака Макара,
Который изъ него лѣтъ восемь не стрѣлялъ.
Не чистилъ, въ сырости держалъ,
А вычистить его я самъ не догадался.
Теперь мнѣ пистолеть чудеснѣйшій попался,
Звалъ Джона я опять: но нѣтъ, плутъ отка-
зался.

Не знаю, какъ отмстить; скажи, братъ, научи,
Что дѣлать мнѣ теперь? „Что дѣлать? Глазь
лѣчи

Да и молчи!“

А. Измайловъ.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Изъ Байрона.

Безсоннаго солнце, въ туманѣ луна!
Горишь ты далеко, грустна и блѣдна,
При тускломъ мерцаньи иракъ ночи страш-
нѣй:
Такъ въ памяти радость утраченныхъ дней!
Минувшее блещетъ межъ горестныхъ тучъ,
Но сердца не грѣетъ томительный лучъ,
И радость былая, какъ ночью луна,
Видна, но далеко, ярка, но холодна.

Иванъ Козловъ.

КЪ ПОДАРЕННОМУ ЛОКОНУ.

И такъ теперь ты, пѣвникъ мой,
О милый локоновъ изгнанникъ!
Судьбины злой невольный данникъ,
Жестокой отдѣленъ рукой
Отъ милаго тебѣ убора;
Теперь уже не будешь ты
Служить отрадою для взора,
Служа убранствомъ красоты,
Уже не будешь, развѣвая,
Наину милую ласкать,
И какъ бы страстью къ ней пылая,
Въ невольной ревности мѣшать
Зефиру рѣзвому, играя,
Красы ланить ея лобзать.
Какъ часто, взоръ мой устремляя
Съ невольной завистью къ тебѣ,
Я упрекалъ моей судьбѣ,
Твоя движенья наблюдая;
Какъ часто быть тобой желалъ!
Но все переходчиво: ты палъ,
Враждебной пораженный сталью,
И какъ бы преданный тоскѣ
Привикъ съ невольною печалью

Къ тебя ласкающей рукѣ.
Но будь утѣшенъ: ты со мною,
Съ Навной ты не разлученъ;
Предавшись ей моею душою,
Мой каждый часъ ей посвященъ;
О ней всѣ тайны желанья,
Всѣ чувства тайныя о ней,
И каждый звукъ моихъ рѣчей
Твердить мнѣ милое названье.
Какъ даръ любезной красоты,
Какъ жизнь отраднѣйшихъ мечтаній,
И украшеньемъ будешь ты
Моихъ любимыхъ воспоминаній!

И. Великопольскій.

ЛИЛІЯ И РОЗА.

(Въ Альбомъ Т. Е. Е—ой.)

Средь пышныхъ Флоринныхъ садовъ,
Гдѣ радость, миръ и нѣга вѣютъ,
Сестры: Невинность и Любовь
Два цвѣта милые делятъ.
Цвѣтъ первый, кроткой бѣлизной
Сіяя весело, какъ радость,
Плѣняетъ прелестью живой
И очаровываетъ младость;
Понижи скромною главой
На свѣтлый токъ рѣки струистой,
Любуется во влагѣ чистой
Своею чистою красой:
То цвѣтъ невинности Лилея.
Второй, роскошно пламенѣя
Пурпуровымъ зари огнемъ,
Какъ утро майское блистаетъ,
И надъ пылающимъ цвѣткомъ,
Воздушнымъ плавая крыломъ,
Зефиръ прохладу навѣваетъ:
То Роза, то любви цвѣтъ.
Какой же изъ цвѣтовъ милѣс?
Иль кроткая въ тиши Лилея.

Иль Роза пламенная? Нѣтъ:
Не все ль въ цвѣтахъ равно прекрасно!
Но вдвое намъ милѣй они,
Когда цвѣтутъ красой согласной,
И Роза, пышный цвѣтъ любви,
Сплетясь съ Лилеей нѣжной, томной,
Чело вѣнчаетъ дѣвы скромной.
Но гдѣ, у Флоры ли въ садахъ,
Въ какой странѣ очарованья,
Въ роскошныхъ блещетъ красотахъ
Чудесное цвѣтовъ сліянье?
Не тамъ, не тамъ! У дѣвъ молодыхъ
Невинность и любовь согласно
Въ цвѣтахъ возлюбленныхъ своихъ
Всю чистоту сердець живыхъ,
Всю душу выразили ясно.
Во цвѣтѣ дѣвственныхъ ланить
Горящій пурпуръ Ровы слить
Со снѣжной Лиліей бѣлизною,
И дивный цвѣтъ равно блеститъ
И кротостью, и красотюю.
Тамъ свѣтлая любовь нѣжной
Стыдливимъ пламенемъ играетъ.
И кроткой Лиліей милѣй
Невинность пламень отгѣняетъ.

С. Шевыревъ.

**НА ПОГРЕБЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО ГЕНЕРА-
ЛА СИРА ДЖОНА МУРА.**

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили.
И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ
огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили.

И бѣдная почестъ еѣ ночи отдана;
Штыками могилу копали,
Намъ тускло свѣтила въ туманѣ луна,
И факелы дымно сверкали.

На немъ не усопшихъ покровъ гробовой,
Лежитъ не въ досчатой неволѣ:
Обернуть въ широкій свой плащъ боевой,
Уснулъ онъ, какъ ратники въ полѣ.

Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрѣла въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя.

Быть может, на утро внезапно явись,
Врагъ дерзкой, надменности полный,
Тебя не уважить, товарищъ, а насъ
Умчатъ невозвратныя волны.

О нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
До храбраго дума печали;
Твой одръ одинокій въ чужой сторонѣ
Родимыя руки постлали.

Еще не свершенъ былъ обрядъ роковой,
И часъ наступилъ разлученья,
И съ валу ударилъ перунъ вѣстовой,
И намъ онъ не вѣстникъ сраженья.

Прости же, товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой.

И. Козловъ.

ЭПИТАФІЯ.

Оставя кредиторъ полкъ,
Дамонъ скончался въ прошломъ годѣ:
Одинъ онъ только отдалъ долгъ,
То есть, послѣдній долгъ природѣ.

А. Иличевскій.

МОЯ ЭПИТАФІЯ.

(Подражаніе Скаррону).

Здѣсь прахъ лежитъ страдальца одного;
Игралищемъ себѣ судьба взяла его:
Все здѣсь вело его къ терзавнью,
И зналъ покой онъ по названью.
Прохожій, удались! Скорѣ прочь,
Чтобъ шумомъ ногъ его не разбудить невольно:
Вотъ первая ему случилась ночь,
Которую онъ спитъ покойно.

А. Ог — въ.

Э Л Е Г И Я.

Невидимо толпятся годы;
Въ ихъ безднѣ исчезаютъ дни,
Какъ въ море льющіяся воды,
Какъ мигъ блестящіе огни.
За тайной мглою кроетъ время
День, улетающій за днемъ.
И тяготѣетъ жизни бремя,
А годы кажутся намъ сномъ.
Инаго память утомилась,
Считая рядъ прожитыхъ лѣтъ;
Ей жизнь какъ будто бы приснилась,
Минувшее какъ дымный сѣдъ.
Но тамъ, въ толпѣ полупрозрачной,
Мелькаютъ памятные дни.
Какъ съвозъ туманъ долины мрачной
Блестятъ привѣтные огни;
На нихъ ли радости сіянье,
Иль скорби черная печать,
Они живутъ въ воспоминаньѣ,
Ихъ любить сердце отличать;
Ихъ время отъ него не спрячетъ,
И старецъ, покидая свѣтъ,
И улыбнется, и заплачетъ,
Ваглянувъ на жизнь минувшихъ лѣтъ.
О. Туманской.

М А Д Р И Г А Л Ъ.

Прощаясь, просите вы памяти отъ насъ,
Какъ будто позабыли сами,
Что кто минуто пребылъ съ вами,
Уже безъ памяти отъ васъ.

А. Иллчевскій.

Д В Ъ К А Р Т И Н Ы.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня,
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ;
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ пучина водяная
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя вѣтъ,
Едва колышутся лѣса,

Какъ блести водота, свѣтаѣтъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося брега
Стоять готовые для бѣга
И тихо плещутъ наруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ,
И пѣсня русская живая
Разносится по лону водъ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столбомъ
Свѣтило искрится ночное
Въ его кристалѣ голубомъ;
Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
Вдоль искривленныхъ береговъ,
Чернѣютъ образы лѣсовъ
И кое-гдѣ огонь пловучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ.
Безмолвна синяя пучина;
Въ дубровахъ ночь и тишина;
Небесъ далекая равнина
Синья мирнаго полна;
Лишь изрѣдка съ богатымъ ловомъ
Подъемя сѣти изъ воды,
Рыбакъ живитъ веселымъ словомъ
Своихъ товарищей труды:
Или путемъ дугообразнымъ

Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
Огнемъ рассыплется алмазнымъ
И въ отдаленнѣ пропадетъ.

И. Языновъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Гдѣ всю ночьку пропоешь?
Кто-то бѣдная, какъ я,
Ночь прослушаетъ тебя,
Не смыкаячи очей,
Утопячи въ слезахъ?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синія моря,
На чужія берега;
Побывай во всѣхъ странахъ,
Въ деревняхъ и въ городахъ:

Не найти тебѣ нигдѣ
Горемышнѣ меня.
У меня ли у молодой
Дорогъ жемчугъ на груди,
У меня ли у молодой
Жаръ-колечко на рукѣ,
У меня ли у молодой
Въ сердцѣ миленькій дружокъ:
Въ день осенній на груди
Крупный жемчугъ потускнѣлъ,
Въ зимню ночь на рукѣ
Разпаялося кольцо,
А какъ нынѣшней весной
Разлюбилъ меня мной.

Баронъ Дельвигъ.

Э Л Е Г И Я.

Желанье сердца не свершилось,
Сокрылися мечты мои:
Притворство гнусное тайлось
Подъ маской пламенной любви.

Въ обманъ отдавшия душою,
Покой навѣкъ я схоронилъ,
Простился съ дружбою святою,
И благо жизни погубилъ.

Румянецъ нѣги, взоромъ томность,
Ея пылающая кровь,
Ея минутная нескромность,
Все мнѣ ручалось за любовь.

Но тщетно, тщетно ждалъ участья,
Коварной давъ надъ сердцемъ власть,
Я вижу въ ней или безстрастье,
Или расчетистую страсть.

М. Яковлевъ.

ДВѢ ЗВѢЗДОЧКИ.

Со мною мать прощалася
(Съ полкомъ я шель въ далекій край):
Весь день лила родина
Потоки слезъ горючіе,
А вечеромъ свела меня
Бъ сестрѣ своей кудесницѣ;
Въ дверь стукнула, нѣтъ отклика,
А за дверью шелохнулось;
Еще стучить, огонь сбкутъ;
Въ окно глядимъ, тамъ свѣтится.
Вотъ въ третій разъ стучить, кричить:
— Ты скажешься ль, откликнешься ль,
Отпрешься ль? — Нѣтъ отъзва!
Мы часъ стоимъ, другой стоимъ:
А за дверью огонь горить,
Дрова трещать, котлы кипятъ,
Ворчатъ, поютъ нерусское.
Но полночь бьетъ, все смолкнуло,
Все смолкнуло, погаснуло!
Мы ждать, пождать, дверь скринула.
Идетъ, поетъ кудесница:
„Туманъ, туманъ! Въ туманѣ свѣтъ!
То, дитатко, звѣзда твоя!

Туманъ тебѣ: немилый край;
Туманный свѣтъ: туманно жить.
Молись, молись! Туманъ пройдетъ,
Туманъ пройдетъ, звѣзда блеснетъ,
Звѣзда блеснетъ привѣтнѣ,
Привѣтнѣ, прилучнѣ!“

Ахъ, съ той поры въ краю чужомъ
Давнымъ давно я вѣдаю
Тоску-печаль, злодѣйку-грусть;
Злодѣйка-грусть въ душѣ живетъ.
Такъ, старая кудесница,
Туманъ, туманъ, немилый край!
Въ немъ тошно жить мнѣ молодцу!
Но та звѣзда, та ль звѣздочка
Свѣта иль нѣтъ, мнѣ дѣла нѣтъ!
Въ краю чужомъ у молодца
Другія есть двѣ звѣздочки
Привѣтныя, прилучныя:
Глава ль моей красавицы!

Баронъ Дельвингъ.

КОНЕЦЪ.

ЦѢНА 1 РУВЛЬ.